

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 18. № 4
2023

Vol. 18. No. 4
2023

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.3. Археология (исторические науки);
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (философские науки)

Направление номера журнала

Тематический номер

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Тематический номер посвящён проблеме интерпретации войны в её взаимозависимости с культурой. Аксиоматика исследований ориентирована на полноту повседневно-экзистенциального сознания человека в определённом социуме, во взаимосвязи бинарной позиции «войны и мира», в пространстве которой рождаются смыслопорождающие вопросы развития цивилизации. Война как культурно-обусловленное, сложное, структурно-смысловое и вербализованное образование рассмотрена в контексте истории, философии, филологии, массмедиа.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в сложный период существования современного мира, вступившего в стадию нестабильности и глобальных кризисов.

© Забайкальский государственный университет, 2023

Редактор К. Р. Потапова, редактор перевода В. М. Ерёмина, технический редактор Г. А. Зенкова.

Подписано в печать 25.12.2023. Дата выхода в свет 27.12.2023.

Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 23110.

Усл. печ. л. 21,7. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 5.6.1. National history (historical sciences);
- 5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 5.6.3. Archeology (historical sciences);
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences);
- 5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and journalism (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and Journalism (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Thematic issue

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The thematic issue is devoted to the problem of interpreting war in its interdependence with culture. Axiomatics of research focuses on the fullness of person's daily existential consciousness in a certain society, in the interrelation of the binary position of "war and peace", in the space of which meaning-generating issues of civilization development appear.

War as a culturally conditioned, complex, structural, semantic and verbalized formation is considered in the context of history, philosophy, philology and mass media.

The materials of the journal will be of interest to a wide scientific community, teachers and students, figures of culture and education, all those who are concerned about humanism in a difficult period of existence of the modern world, which has entered the stage of instability and global crises.

© Transbaikal State University, 2023

Editor K. R. Potapova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Technical editor G. A. Zenkova.

Signed to print 25.12.2023. Date of publication 27.12.2023.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 23110.

Conv. quires 21,7. Ed.-print quires 18,8. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price.

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (г. Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (г. Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (г. Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (г. Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (г. Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (г. Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (г. Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (г. Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (г. Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (г. Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (г. Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (г. Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (г. Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (г. Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (г. Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (г. Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (г. Ариэль, Израиль);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (г. Баодин, КНР);
- Цэгмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (г. Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (г. Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (г. Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnikov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: ЛИК ВОЙНЫ

<i>Розов Н. С.</i> Причины массового обоюдного насилия: структурирование концепций и субъективные факторы преднамеренных войн	9
<i>Париллов О. В., Собко Р. В.</i> Метафизическое обоснование войны и европейско-американский расизм, неоколониализм	20
<i>Ковалев А. А.</i> Роль философии в разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности в условиях «гибридных войн» современности	31

ВОЙНА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

<i>Блинов А. В.</i> Общеобразовательная школа города Кемерово в годы Великой Отечественной войны	42
<i>Жадан А. В.</i> Продовольственная безопасность трудовых коллективов НКВД в годы Великой Отечественной войны: быт советского общества в тылу	52
<i>Овчаренко Е. Ф.</i> Информационные парадоксы Первой Американской войны (1775–1783)	63
<i>Петров А. Ю.</i> Открытие Японии со стороны России и Крымская война	74
<i>Цыбенков Б. Д.</i> Антияпонская борьба даурского народа (1932–1945)	84

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ОБРАЗЫ ВОЙНЫ

<i>Бодриков А. Б.</i> Базовые признаки заимствованного концепта солдат в русской лингвокультуре (по данным лексикографических источников)	94
<i>Загидулина Т. А.</i> Функционирование образа военной летчицы в рамках традиционных сюжетных схем соцреализма (на материале очерков М. Чечневой)	105
<i>Ищенко Н. С.</i> Культурный ландшафт России в книге донбасской военной поэзии «Великий Блокпост» (2023)	115
<i>Пименова М. В.</i> Родовые метафоры среди иных типов метафор как способов описания войны в современных СМИ	124

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

<i>Гришанина А. Н., Щебенкова С. В.</i> Социокультурная динамика медиапортретирования в журналистике о военных действиях	132
<i>Дегтярева О. В.</i> Война нарративов в украинских медийных практиках (на примере соблюдения календаря праздничных дат)	144
<i>Ильченко С. Н.</i> Визуализация «военного» контента: принцип эстетической приближенности ...	155
<i>Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.</i> Постправда и концепт «война» в провокативном медиадискурсе	164
<i>Шагдарова Б. Б.</i> Радиовещание Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	173

CONTENTS

CULTURE AND SOCIETY: THE FACE OF WAR

Rozov N. S. Causes of Mass Mutual Violence: Structuring Concepts and Subjective Factors of Deliberate Wars	9
Parilov O. V., Sobko R. V. Metaphysical Rationale for War and European-American Racism, Neo-Colonialism	20
Kovalev A. A. The Role of Philosophy in the Development of Strategies for Ensuring Mental Security in the Conditions of “Hybrid Wars” of Our Time	31

WAR IN THE HISTORY OF MANKIND: EVENTS AND DESTINIES

Blinov A. V. Comprehensive Secondary School of Kemerovo During the Great Patriotic War	42
Zhadan A. V. Food Security of NKVD Labor Collectives During the Great Patriotic War: The Life of Soviet Society in the Rear	52
Ovcharenko E. F. Information Paradoxes of the First American War (1775–1783)	63
Petrov A. Yu. , Discovery of Japan by Russia and the Crimean War	74
Tsybenov B. D. Anti-Japanese Struggle of the Daur People (1932–1945)	84

CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD AND IMAGES OF WAR

Bodrikov A. B. Basic Signs of the Borrowed Concept of Soldier in Russian Linguoculture (According to Lexicographical Sources)	94
Zagidulina T. A. The Functioning of the Image of a Military Pilot in the Framework of Traditional Plot Schemes of Socialist Realism (Based on the Essays by M. Chechneva)	105
Ishchenko N. S. Russian Cultural Landscape in the Book of Donbass Military Poetry “The Great Checkpoint” (2023)	115
Pimenova M. V. Generic Metaphors Among Other Types of Metaphors as Ways of Describing War in Modern Media	124

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Grishanina A. N., Shchebenkova S. V. Socio-Cultural Dynamics of Media Portraiture in Journalism on Military Operations	132
Degtyareva O. V. The War of Narratives in Ukrainian Media Practices (the Case of Observing the Calendar of Holidays)	144
Ilchenko S. N. Visualization of Military Content: The Principle of Aesthetic Approximation	155
Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Post-truth and the Concept of “War” in Provocative Media Discourse	164
Shagdarova B. B. Radio Broadcasting in Buryatia During the Great Patriotic War (1941–1945)	173

Дорогие наши читатели!

В современном мире трудно найти более актуальную и одновременно менее противоречивую тему, обозначенную в тематическом номере – «Война как социокультурный феномен».

Ужасающий натурализм войны есть следствие неудавшегося мира, его сломанного повседневного-экзистенциального сознания человека, уже неспособного к созиданию и гармонии с Другим ввиду патологии души и хаоса ценностных представлений.

Война – сложное структурно-смысловое пространство, в котором ярко проявляются культурно-обусловленные идеи и паттерны, обнажаются до кричащей откровенности греховное и святое, верхнее и долнее. Война замыкает гармоничное движение человека, сталкивает его всегда счастливые ожидания и жестокую реальность в атмосфере страдания.

Война как «перекрёсток духа и плоти» обрекает человека на неизменный Выбор, открывает удивительные глубины его души, делает его живым и честным перед лицом смерти.

В статьях этого номера журнала подобное осмысление войны происходит в историческом, семиотическом и медийном аспектах. Предлагается анализ причин и факторов «массового обоедного насилия», его классическая и современная интерпретация. Единый концептуальный взгляд на войну демонстрирует её ментальное и психологическое содержание, архетипические конструкции, вызовы и ритуалы. Авторы выявляют причинно-следственные связи исторических событий и фактов военных действий (Россия, Америка, Япония), акцентируют наше внимание на закономерностях исторического процесса и его значимости для социума.

В материалах ряда статей объективируется языковая картина Войны, отражающая духовный инвентарь русской культуры, а также востребованные образы исторической памяти. Массмедийное повествование о войне рассматривается как система знаков, отсылающих к смыслам культуры, как генетическая связь материалов прошлого и тенденций мировой визуальной коммуникации.

Несмотря на негативные коннотации объекта исследований, учёные предлагают пути выхода и варианты решений перманентно повторяющейся трагедии через осмысление рисков и вызовов-угроз, возможностей для обеспечения ментальной безопасности человека.

Главный редактор Ирина Ерофеева

<https://triptonkosti.ru/1-foto/kartina-samogo-sebya-96-foto.html>

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: ЛИК ВОЙНЫ

CULTURE AND SOCIETY: THE FACE OF WAR

Научная статья

УДК 355.013

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19

Причины массового обоюдного насилия: структурирование концепций и субъективные факторы преднамеренных войн

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный
технический университет, г. Новосибирск, Россия
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>*

Критически рассмотрены два определения войны из многих десятков: одно классическое и одно современное. Показано, что выделенные в них признаки не являются необходимыми и достаточными. Эти недостатки проработаны в предложенном ранее определении войны как продолжающегося массового обоюдного вооружённого организованного насилия. Широкий круг исследований природы и причин войн характеризуется разнородностью подходов, понятий, теорий и уровней анализа. Рассмотрены способы структурирования концепций в обзорах последних лет и предложена следующая упрощенная структура: уровень актора (субъектность в ментальных порядках) с процессами принятия решений, приводящих к войнам, уровень взаимодействий между акторами (социальная динамика) с диадными или многоакторными отношениями, уровень динамики и коэволюции порядков как охватывающий контекст роли войн в мировой истории. В данной статье внимание уделено только первому уровню анализа. Сделана попытка представить вопросы, поставленные современными учёными, разнородные идеи, гипотезы, модели в едином концептуальном аппарате, включающем такие понятия, как заботы, вызовы-угрозы и вызовы-возможности, установки и интерактивные ритуалы. Исследователи усматривают причины войны в ложном оптимизме, несдерживаемых интересах (unchecked interests), неосязаемых стимулах (intangible incentives), неопределённости, проблемах с обязательствами, заблуждениях. Большое внимание уделяется роли идеологий в плане готовности начать войну и мобилизовать силы для её ведения. Используется различие быстрого и медленного мышления акторов. Анализируются искажения в принятии решений, связанных с рисками. К субъективным факторам, значимым для формирования решимости воевать, относятся такие разнородные, но связанные между собой слои реальности, как гормональный фон организма, структуры бессознательного и ритуальные практики социальной организации.

Ключевые слова: определение войны, природа войн, причины войн, решимость воевать, преднамеренные войны, быстрое и медленное мышление, безопасность

Original article

Causes of Mass Mutual Violence: Structuring Concepts and Subjective Factors of Deliberate Wars

Nikolai S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>*

Two definitions of war are critically examined: one classical and one modern. We show that the features emphasized in them are not necessary and sufficient. These shortcomings have been overcome in the previously proposed definition of war as ongoing mass mutual armed organized violence. A wide range of studies of the nature and causes of wars is characterized by heterogeneity of approaches, concepts, theories and levels of analysis. The ways of structuring concepts in reviews of recent years have been considered and the following simplified structure has been proposed: the actor level (subjectivity in mental orders) with decision-making processes leading to wars, the level of interactions between actors (social dynamics) with dyadic or multi-actor relations, the level of dynamics and co-evolution of orders as the encompassing context of the role of wars in world history. This article focuses only on the first level of analysis. The questions posed by contemporary scholars, relevant ideas, hypotheses, and concepts are discussed. In particular, researchers see the causes of war in false optimism in unchecked interests, in intangible incentives, in uncertainty, in commitment problems, in delusions. Much attention is paid to the role of ideologies in the readiness to go to war and mobilize forces to wage war. The distinction between fast and slow thinking of actors is used. Distortions in risk-related decision making are analyzed. Subjective factors relevant to the formation of the determination to go to war include such heterogeneous but interrelated layers of reality as hormonal background, structures of the unconscious, and ritual practices of social organization. An attempt is made to present all these very heterogeneous ideas and models in a single conceptual apparatus, including such concepts as concerns, challenges-threats and challenges-opportunities, attitudes and interactive rituals.

Keywords: definition of war, nature of wars, causes of wars, determination to fight, deliberate wars, fast and slow thinking, security

Введение. *Определение войны: необходимые и достаточные признаки.* Существует несколько десятков наиболее осмысленных и довольно близких друг к другу определений. Для сравнения рассмотрим среди них только два. Первое принадлежит классику мировой антропологии Брониславу Малиновскому. «Война может быть определена только как вооруженное противостояние между двумя независимыми политическими единицами, осуществляемое с помощью организованной военной силы в целях проведения племенной или национальной политики. Это определение проводит четкое различие между настоящей войной – политической, организованной – и другими видами боевых действий, не имеющих отношения к политике или истории» [1, р. 277]. В книге о природе и причинах войны Джек Леви и Уильям Томпсон критикуют данную дефиницию Малиновского. Они указывают, что войну следует определять по признакам поведения двух противоборствующих организаций вне зависимости от мотивации, которая привела к насилию. Они пишут о существовании войн, которые не обусловлены четким пониманием политических интере-

сов организации, а вместо этого обусловлены личными или внутривнутриполитическими интересами, мятежом какого-то военачальника [2, р. 10].

Более широкое определение войны дают Леви и Томпсон «устойчивое, скоординированное насилие между политическими организациями (sustained, coordinated violence between political organizations) [Там же, р. 5]. Упор на организации можно только приветствовать. Также авторы поясняют, что предлог «между» означает у них «обоюдность» [Там же, р. 6]. И всё же предложенных признаков недостаточно. Кроме того, не все они необходимы.

По Леви и Томпсону «войной» можно называть продолжающиеся схватки между мафиозными кланами, между отрядами полевых командиров, даже между дворовыми бандами, поскольку в каждом случае присутствуют отношения власти и борьбы за власть, а значит политика, тогда как остальные признаки – насилие, повторяемость (не разовые схватки, а серии), координация, наличие организаций (с позициями и обязанностями) – присутствуют во всех случаях. Войны обычно так и понимаются: в них

всегда присутствуют массовость участия, вооружённость, множественные убийства и тяжёлые травмы, существенные разрушения. Кроме того, крупные коалиции государств, такие как в Тридцатилетней войне, Семилетней войне, в двух мировых войнах, вряд ли правильно называть «политическими организациями». Таким образом, данное уточнение излишнее.

Предложенное автором определение войны как явления представляется вполне адекватным: *продолжающееся массовое обоюдное вооруженное организованное насилие (ряд боев) с убийствами и/или разрушениями жизненно важных объектов* [3]. В этом определении «обоюдность» массового организованного насилия подразумевает две или более стороны противостояния, и этого вполне достаточно.

Разнородность теорий и уровни анализа. Вряд ли вообще возможен полный обзор множасьих идей и моделей причинных факторов и механизмов развязывания войн. Есть толковые пересказы основных концепций в различных работах [4–8]. Вдумчивый анализ лучших современных теорий причин войн содержится в книге Леви и Томпсона, поскольку сами они ведут собственные оригинальные исследования [2]. Авторы указывают на большие трудности проблематики, на причины изобилия и пестроты концепций, обуславливающих неспособность учёных достичь согласия и установить общепринятые истины. «Отсутствие консенсуса учёных относительно причин войны и относительной важности различных уровней анализа является результатом нескольких факторов. К ним относятся огромная сложность явления, которое мы пытаемся проанализировать, различные теоретические вопросы, которые задают учёные, различные типы войн, которые они хотят объяснить, различные теоретические предубеждения и методологические предпочтения, которые определяют их исследования, и часто скрытые предположения в их подходах к изучению войны» [Там же, р. 208].

При этом Леви и Томпсон формулируют свою задачу синтеза таким образом: «...Как именно переменные из разных уровней анализа (или с одного и того же уровня, если на то пошло) сочетаются для увеличения вероятности войны или содействия миру» [Там же, р. 212]. Более полный обзор современных концепций войны представлен в

книге Грега Кэшмана «*Что приводит к войне? Введение в теории международного конфликта*», насыщенной историческими примерами [9]. Он также указывает на отсутствие консенсуса, попытки интеграции, при безнадёжности поиска какого-то единого фактора, приводящего к войнам: «Важные причинные факторы обнаруживаются на разных уровнях анализа. Происходит не только процесс отсеивания, но и процесс межуровневой интеграции, когда исследователи находят важные связи между уровнями анализа [...] «Единой «главной теории», способной объяснить межгосударственную войну, на данный момент не существует. Усилия учёных показали, что не существует единого причинного фактора, который бы в подавляющем большинстве случаев отвечал за межгосударственную войну» [Там же, р. 478].

Методология исследования. *Задача данной статьи* состоит не в пересказе десятков разнородных моделей, а в том, чтобы увязать наиболее конструктивные и обоснованные идеи в единую понятийную конструкцию, используя разработанную онтологию и соответствующий понятийный аппарат. Вместе с тем, выбранные идеи и концепции следует каким-то образом структурировать. Есть множество традиционных и формальных оснований для типологизации. Авторы двух указанных книг структурируют концепции природы и причин войн, разделяя их по социальным масштабам:

- *система международных отношений*;
- *диадные концепции* (применение теории игр, теория переговоров, теория сдерживания, теория шагов к войне, теория спиральной эскалации и др.);
- *концепции на уровне государств* (национализм, революции, демократичность, поиск «козла отпущения»);
- *социетальные модели* (роль правящих групп, бюрократий, военных, промышленных и иных элит, организационный процесс, групповое мышление);
- *индивидуальный уровень анализа* (психологические концепции эмоции, личности, убеждений, когнитивные теории выбора, расчёта рисков, принятия решений, роль заблуждений и предвзятости и пр.).

Отдельно рассматриваются эмпирические исследования, обычно охватывающие несколько уровней и концепции конструктивистского типа.

Упростим состав основных рубрик таким образом.

1. *Уровень актора* (субъектность в ментальных порядках); здесь составляют контекст психология и когнитивность индивидов, групповые и организационные механизмы, институциональные правила и ограничения; на этом уровне будем учитывать процессы принятия решений, приводящих к войнам.

2. *Уровень взаимодействий между акторами* (социальная динамика): контекст составляют система международных отношений, потенциальные союзники каждой стороны, изменения во внешних факторах, вызванные с действиями сторон; на этом уровне значимы следующие аспекты:

- диадные отношения и процессы как обмена вызовами и ответами;
- многоакторные отношения и процессы, способы моделирования;
- трактовка конфликтов, противоречий интересов, соперничества, вражды и агрессии.

3. *Аспекты динамики и коэволюции порядков* как охватывающий контекст, *роль войн в мировой истории*.

Предложив такой подход к структурированию концепций, следует обосновать выпадение важнейших масштабов, учтённых в обзорах Леви, Томпсона и Кэшмана. Сама по себе система международных отношений не способна начать войну, она лишь устанавливает условия, рамки, возможности, форматирует стимулы и угрозы для акторов, принимающих решения о войне.

На другом полюсе, решение индивида, например, полновесного диктатора, действительно бывает значимым фактором начала войны, но это решение будет выполняться только при подчинении ему глав силовых ведомств.

Промежуточные уровни – государственный и социетальный – являются другими вариациями *терминального актора*, принимающего решения о войне, которое никто не способен оспорить. Объективные и субъективные характеристики государств, элит, институтов, населения составляют обстоятельства, контекст этих решений.

Наконец, конструктивистские и подобные идеи трактуются как усложняющие особенности субъективного характера и когнитивного аспекта поведения терминальных акторов.

Результаты исследования и их обсуждение. *Преднамеренные войны.* Такие войны обычно являются *ответами* на *вызовы-возможности*: перспективы приобретения территорий, особенно с ценным сырьем или с перспективными рынками, геопозиционных преимуществ, утверждения могущества и престижа. Войны этого типа происходят при отсутствии сдерживающих факторов, таких как внутренняя оппозиция, вероятный отпор со стороны жертвы нападения, создание сильной враждебной коалиции.

Стефан Ван Евера в книге «*Причины войны: могущество и корни конфликта*» формулирует и подтверждает примерами две сходные гипотезы: «Война становится более вероятной, когда государства поддаются ложному оптимизму в отношении её исхода»; «Война более вероятна, когда завоевание легко» [10, р. 4].

Фактически, в первой гипотезе имеется в виду субъективная (и здесь ложная) «лёгкость» успеха начатой войны. «Войн было бы меньше, если бы проигравшие могли предвидеть свое поражение, и если бы обе стороны могли предвидеть затраты на ведение боевых действий. Если бы у правительств были хрустальные шары, предсказывающие будущее, то они вели бы только те войны, которые улучшали бы их положение. Поскольку лишь немногие войны улучшают положение обеих сторон, войн было бы мало. Будущие проигравшие соглашались бы на условия будущего победителя, и все [мирно] улаживали бы свои дела, чтобы избежать дорогостоящих войн. Таким образом, первопричина войны связана с непрозрачностью будущего и оптимистическими иллюзиями, которые эта непрозрачность допускает. Эти иллюзии заставляют государства воевать в ложной надежде на победу или ради пирровых побед» [Там же, р. 14].

Требуется обсуждения следующий слой причин: почему завоевание оказывается лёгким (когда такое случается в реальности) и почему возникает ложный оптимизм? Для ответа на первый вопрос следует учитывать соотношение могущества, ресурсов, преимущества первого удара, окна возможностей – эти факторы Ван Евера также обсуждает в своей книге. Для ответа на второй вопрос следует выяснить причины заблуждений, неверного восприятия соотношения сил и возможных рисков.

Джон Орм в книге «*Человеческая природа и причины войны*» на основе детального анализа 23-х крупных наступательных войн XVII–XX вв. опровергает положения неореализма о том, что главной мотивацией правителей и держав является их собственная безопасность. Он показывает, что даже в наиболее близких к этим представлениям войнах стимулы вступления в полномасштабные противостояния были совсем иными.

«Война Аугсбургской лиги и вступление Китая в Корейскую войну – это два действия, которые наиболее близко соответствуют ожиданиям неореализма. Но даже в этих случаях объяснение на основе спиральной модели не совсем подходит. Мао Цзэдун поддержал нападение своего союзника на Южную Корею, несмотря на риск распространения войны на Китай, а затем настоял на интервенции в Корею, когда в результате его предыдущего решения войска США приблизились к границе Китая. Людовик XIV разозлил своих союзников вторжением в Нидерланды, а затем опустошил Рейнскую область, чтобы защитить Францию от гипотетической австрийской угрозы. Если безопасность была их главной целью, то почему Людовик и Мао начали войну и, вызвав враждебность других, отвергли менее затратные варианты сдерживания, обороны или уступок? Очевидный ответ заключается в том, что в любой момент времени они выбирали ту политику, которая в наибольшей степени удовлетворяла их стремлению к власти и славе. Мао надеялся укрепить свою власть, продвинуть свое дело и завоевать признание. Людовик XIV всегда склонялся к действию [...] Государственные деятели затевали войну не только для укрепления своей безопасности, но и для достижения славы, сохранения чести, удержания, утверждения или увеличения своей власти. Международное положение позволяло им это делать, но в большинстве случаев не принуждало. Основной причиной войны является не анархия, а человек» [11, p. 281].

Кристофер Блаттман в недавней книге «*Почему мы воюем: корни войны и пути к миру*» [12] пишет о пяти группах причин, приводящих к войнам вместо «мирного деления пирога»:

1) несдерживаемые интересы (*unchecked interests*);

2) неосязаемые стимулы (*intangible incentives*);

3) неопределенность (*uncertainty*);

4) проблема с обязательствами (*commitment problem*);

5) заблуждения, неверные представления (*misperceptions*)¹.

Когда К. Блаттман пишет о несдерживаемых интересах правителей и элит как о первом типе причин войн среди пяти основных, то речь идет как раз о преднамеренных войнах. Отметим, что привычный, хотя и довольно смутный термин «сдержки и противовесы» гораздо яснее эксплицируется понятием «уровень коллегиального разделения власти», которое Р. Коллинз считает главным критерием демократичности политической системы [13, с. 201–206].

В этом плане «теория демократического мира» с тезисом «демократии не воюют друг с другом» (по крайней мере, гораздо реже, чем авторитарные режимы) получает естественное теоретическое объяснение. Множественность центров силы и политического влияния при высоком уровне коллегиального разделения власти (читай: высокой демократичности) ограничивает интересы правителей и элит, побуждающие их начать войну, особенно против сходного по своему устройству государства.

В преднамеренных войнах, когда одна сторона верно или ошибочно считает себя намного сильнее и не видит каких-либо политических, правовых, моральных препятствий для нападения, достаточно учитывать только решения терминального актора этой стороны. Они обычно принимаются в результате более или менее «медленного

¹ «Каждая из этих пяти причин по-своему прерывает мирное деление пирога. Они ослабляют некоторые упрощающие предположения и реалистские принципы и показывают, какие из них наиболее важны для мира. Несдерживаемые интересы, например, указывают на значимость внутренней политики группы, особенно частого стремления правителей к богатству и славе вопреки интересам своего общества. Неосязаемые стимулы (или символические интересы – Н. Р.) допускают возможность того, что общество обладает другими ценностями и идеалами, не относящимися к материальному пирогу, и что достижение их может компенсировать издержки войны. Неопределенность устраняет предположение о том, что обе стороны видят одну и ту же информацию и понимают возможности соперника по переговорам. Проблемы с обязательствами приводят к изменениям во власти с течением времени, а также к ограничениям на то, сколько одна сторона может достоверно отдать другой для сохранения мира. Наконец, с помощью заблуждений мы осознаем, что те, кто делит пирог, не являются хладнокровными компьютерами. Мы неправильно оцениваем себя и своих противников, и это приводит нас к предсказуемым ошибкам» [12, ch. 1].

мышления» по Канеману (см. ниже), с расчётами, хоть и необязательно правильными.

Преднамеренные войны были рутинной геополитическими взаимодействиями, когда наступательные военные доктрины и технологии преобладали над оборонительными [10]. Войны шли преимущественно за земли, поскольку территория – это ресурс, дающий доступ ко множеству других ресурсов.

«Война более вероятна, когда ресурсы имеют кумулятивный характер, т. е. когда контроль над ресурсами позволяет государству защитить или приобрести другие ресурсы» [Там же, р. 4].

Стивен Лебланк в статье «Почему война? Уроки из прошлого», проведя обширные исследования войн далеко за пределами привычных последних веков Европы и Северной Америки, утверждает, что в большинстве случаев войны имели вполне рациональные ресурсные причины, были тесно связаны с климатическими изменениями, периодами перенаселения [14]. При этом повсеместно войны институционализировались: победы и победители прославлялись, местные истории были фокусированы на войнах, элиты и массы имели привычных, ожидаемых врагов и образцы доблестного поведения. Таким образом, сама институционализация долгое время оставалась базовым фактором (пусть не единственным и не достаточным) для возобновления войн.

Таким образом, и здесь важными причинами войн оказываются *заботы, связанные с восполнением недостающих ресурсов*, получения доступа к особо ценным, ставшим дефицитными ресурсам, а также *заботы обретения, поддержания славы, чести, авторитета, репутации* как главных факторов легитимности власти.

Быстрое и медленное мышление акторов, принимающих решения. Работа мышления актора, в том числе по выработке и принятию решений, всегда подвержена действию его установок [15]. Достижения когнитивных наук последних десятилетий, удачно обобщенные Кэшманом, указывают именно на подчинённость нашего мышления *установкам*, причем далеко не всегда осознанным: «Мы склонны к когнитивным согласованности и постоянству; мы сопротивляемся несовместимым представлениями и стараемся сохранить наши текущие убеждения и представления, препятствуя их существенным изменениям [...] Образы и убеждения,

которые мы храним в своем сознании, как правило, организованы и внутренне структурированы вокруг определенных сильных центральных убеждений. Образы и убеждения не обязательно соответствуют реальности; наше восприятие мира подвержено предвзятости. Вопрос заключается лишь в том, насколько точно наши представления отражают реальный мир» [9, р. 66].

Следует учитывать разделение процессов принятия решений на две системы мышления по Даниэлю Канеману [16]. При стрессе и больших угрозах преимущество получает *1-й тип – «быстрое мышление»*: импульсивное, реактивное, не знающее сомнений, лишённое произвольного контроля, включенное в непосредственное восприятие с сильными эмоциями, склонностями, подверженное эффекту ореола (*halo effect*), автоматически создающее образ по ассоциативной памяти, по аналогии, пренебрегающее количественными и качественными данными, любой скрытой информацией («что ты видишь, то и существует»).

Рациональному поведению соответствует *2-й тип – «медленное мышление»*: осознанное, требующее больших усилий, сомневающееся, способное решать сложные задачи, проводить анализ, сравнения, вычисления, использующее долговременную память, записи, разнообразные данные, скрытые, труднодоступные сведения [Там же, р. 67].

Установки действуют в обоих режимах, но существенно разные. При стрессе, дефиците времени для принятия решения и включении «быстрого мышления» действуют преимущественно простейшие схемы реакций, ранее оправдавшие себя стереотипы, а также фреймы, образцы поведения, более всего связанные с эмоциями страха и гнева.

Сложные усилия по поиску и сопоставлению информации, взвешиванию вариантов, оцениванию вероятностей и т. п., характерные для «медленного мышления» предпринимаются в спокойной обстановке, когда есть возможности осуществлять соответствующие обсуждения, процедуры и регламенты вспомогательных действий.

Учтём также другое разделение типов ситуаций, когда принимаются решения в сфере войны и мира. Наряду с простыми обстоятельствами, когда определённый *ответ на вызов* однозначен, поскольку все

установки «работают» в одном направлении, есть ситуации предельно неоднозначные с крайне трудным выбором между двумя или более вариантами действий. В случаях второго типа *мотивационные и когнитивные установки*, образцы «правильных» решений вступают в конфликт друг с другом.

В отличие от идеализированной упрощённой модели рационального выбора, в реальных ситуациях обычно невозможно предсказать, какой комплекс установок окажется сильнее, в том числе потому, что в таких ситуациях неустойчивого равновесия самые малые привходящие факторы или возмущения способны сыграть роковую роль, после пересечения этого «Рубикона» [9, р. 97–98] дальнейшие действия и решения уже устремляются в выбранном направлении – в «колее» или «воронке».

Роль идеологий. Если в классических теориях причин и факторов войн, преимущественно реалистского толка, аспектом идеологий зачастую пренебрегали, фокусируя внимание на соотношении могущества, интересах господства и безопасности, то в последние годы исследователи больше учитывают связь идеологий с готовностью начать войну и мобилизовать силы для её ведения. Такие авторы, как Джонатан Лидер-Майнард, используют результаты современных социально-психологических исследований о связи между идеями и поведением.

«Идеологические обязательства не обязательно должны быть первичными мотивами конфликтного поведения – они могут, например, включать в себя убеждения по поводу фактов или легитимирующие рамки для определённых действий, которые все равно определяют процесс принятия решений [...] Однако искренние идеологические установки получают внутренний резонанс у индивидов и, следовательно, оказывают непосредственное влияние на процессы восприятия и принятия решений» [17, р. 640].

Также вполне правомерно указание на «структурную» роль идеологий, под которой понимается пронизанность институтов, организаций, правил поведения в них идеологически обусловленными ценностями и принципами. «На выбор индивида влияют не только его собственные искренние идеологические убеждения, но и его представления об идеологическом характере социального окружения. Доминирующие в группах, организациях и обществах идеологии,

проявляющиеся в политических нормах, политических парадигмах и институтах, оказывают социальное влияние на индивидов, создавая структурные возможности, ограничения и стимулы, побуждающие их следовать идеологии независимо от их собственных взглядов» [Там же, р. 641].

Таким образом, идеологии представлены и в психике индивидов в качестве когнитивных установок, (фреймов), символических установок (святынь, ценностей, принципов), и в социальных порядках, которые ограничивают и направляют поведение своих участников. Если идеологии, особенно религиозные, имперские, националистические и социально-политические, терминального актора, подчиненных ему организаций, потенциально мобилизуемых масс включают представления о необходимости силой утверждать соответствующие святыни, то вкупе с другими факторами они становятся полноценными причинами войн.

Искажения в принятии решений, связанных с рисками. Когнитивные искажения в мышлении акторов, принимающих решения, как факторы возникновения войн, изучались ещё в последней четверти прошлого века. Наиболее известна книга Роберта Джервиса «*Восприятие и неверное восприятие в международной политике*» о военных конфликтах как следствиях неправильной интерпретации акторами намерений их предполагаемых противников [18]. Согласно Джервису, «Мы склонны преувеличивать вероятность того, что действия других людей обусловлены нашими собственными предыдущими действиями и поведением. И мы также склонны переоценивать степень, в которой мы являемся объектом действий других людей» [9, р. 68].

В когнитивных науках и поведенческой экономике выявлены закономерности, склонности выбора в ситуациях угроз и рисков, которые оказываются значимыми и в решениях относительно войны и мира: «...люди так стремятся избежать определенных потерь, или «мертвых потерь», что идут на огромный риск, который часто приводит к еще большим потерям, даже если ожидаемая ценность азартной игры может считаться хуже, чем ценность определенных потерь» [2, р. 150]. «Наше отношение к риску не обязательно является сбалансированным или нейтральным; оно смещено в сторону неприятия риска» [9, р. 66].

Иными словами, при серьезном *вызо-ве-угрозе* акторы склонны идти на многое, даже на большие новые риски, лишь бы избежать опасно надвигающегося ущерба. Такова суть *теории перспектив*. «Как отмечает Джервис, центральным следствием теории перспектив является большая вероятность войны, когда лица, принимающие решения с каждой стороны, считают, что они защищают *status quo*, и поэтому верят, что понесут значительные потери, если не будут бороться за его защиту. Предполагается, что войны чаще всего мотивируются желанием предотвратить предполагаемые потери, чем достичь будущих выгод. Страх, а не стремление к экспансии, является наиболее значимым мотиватором» [9, p. 79].

Вполне разумно выглядит соответствующее психологическое объяснение начала некоторых войн: «Как и следовало ожидать, люди быстрее приспосабливаются к выигрышам, чем к потерям – это называется эффектом мгновенной отдачи. С другой стороны, лица, принимающие решения, вряд ли смиряются с потерями и, скорее всего, пойдут на риск, чтобы их возместить. Вместо того чтобы «сокращать потери», лидеры постоянно испытывают искушение восстановить понесенные затраты. В качестве примера можно привести французскую и американскую авантюры во Вьетнаме, советскую и американскую авантюры в Афганистане» [Там же, p. 78–79].

Та же мысль выражена на языке *забот и вызовов*. «Сокращать потери» – это забота избежать опасных рисков, сохранить приемлемое *status quo*. «Искушение восстановить понесенные затраты» включает следующие составляющие:

1) болезненные переживания уже понесенных потерь (во влиянии, могуществе, геополитическом престиже, территориях), тем более, когда с ними связаны чувствительные затраты (финансовые, военные жертвы);

2) *вызов-возможность* как открывшаяся перспектива вернуть прошлое привлекательное состояние; именно ради этого идут на новые риски, чреватые новыми затратами и потерями – ввязываются в новую войну.

Всегда ли так происходит? Конечно же, нет, иначе войны происходили бы гораздо чаще. Значит, требуются дополнительные условия, чтобы сила возбуждающих факторов 1+2 превзошла силу консервативного

фактора «сокращать потери, избегать рисков». На поверхности таковыми условиями являются субъективное преимущество в военной силе, сверхценность «величия» как гипертрофированная боязнь утратить геополитический престиж, полная уверенность, что противника не поддержат сильные державы.

Судя по всему, войны, направленные на «восстановление затрат», начатые за последние 100 лет, прежде всего, Германией, СССР-Россией, Францией, США, Великобританией, удовлетворяют этим признакам. По этой причине в исследовании поставлена одна из задач: рассмотреть контрпримеры.

Среди подобных войн отмечены:

а) немало кратких успешных (особенно для США, Израиля, Великобритании, СССР-России);

б) затяжные, кровопролитные, провальные для инициаторов (Вторая мировая, Вьетнамская, войны в Афганистане);

в) с патовым итогом (Советско-Финская, Корейская, Ирано-Иракская, Турция в Кипрском конфликте);

г) провальные кампании с полным отказом от претензий (США-Куба, Франция-Алжир).

Гормоны, бессознательное и социальная организация. Терминальные решения правителей, лидеров (реже коллегиальных органов, неформальных авторитетных групп) о вооруженном нападении или вооруженной обороне необходимы, чтобы война началась, но не достаточны. Воевать будут все военные, но пойдут в бой и понесут наибольшие потери не генералы, высшие офицеры и сотрудники штабов, а рядовые, сержанты и младшие офицеры.

В работе [3] аргументирована значимость *решимости воевать*, а значит, убивать, идти на риск быть убитым или искалеченным. Именно эта решимость как психическое состояние напрямую связана, не только с нейронными, мозговыми процессами, но и с гормональными состояниями. Эти психофизиологические изменения должны быть вызваны, прежде всего, у солдат и их непосредственных начальников, чья решимость призвана преодолеть барьер страха и барьер убийства себе подобных.

О гормонах, бессознательном и их связи с социальной организацией пишет Майк Мартин в книге «*Почему мы воюем*» [19]. Он служил в Британской армии в Афганистане,

затем работал в качестве эксперта на войне в Сирии и в других «горячих точках». Мартин убедительно показывает, что главенствующую роль в решимости воевать играют бессознательные процессы, причём для солдат важнее всего включенность в сообщество, социальное принятие, а для начальников, лидеров – статус и престиж. За первое отвечает окситоцин, снижающий тревогу и страх, повышающий доверие к своим, чувство спокойствия рядом с ними. Настрой на достижение статуса и престижа ожидаемо связан с тестостероном.

Мартин отвергает рационалистические объяснения войны и поведения на войне, считая идеологические, религиозные, националистические и подобные резоны поверхностными рационализациями, тогда как главные процессы происходят на уровне бессознательного.

Военная организация с тем или иным успехом обеспечивает требуемые чувства и гормональные изменения у солдат и офицеров. Строевая подготовка, жизнь в казармах, учения, командные задания, внушение значимости «боевого братства», лозунгов «своих не бросаем», презрения к дезертирам – все эти и другие практики имеют характер *интерактивных ритуалов* и направлены на формирование *установок солидарности* [20; 21]. Если они сформировались, то «струсить» и «подвести товарищей» становится гораздо более страшным и неприемлемым, чем рисковать своей жизнью. Возможность отдавать приказы, контролировать поведение подчинённых наказывать, а система наград и поощрений, а также карьерные перспективы – все это формирует установки, заботы, мотивацию офицеров на достижение статуса через свою эффективность, как они её понимают в соответствии с требованиями начальства.

Каждый боевой приказ на фронте явно или неявно отягощён рисками для жизни, а значит, является *вызовом-угрозой*. Задача социальной организации состоит в такой настройке психики военных, чтобы никаких других *ответов на такую угрозу* не было, кроме как готовность подчиниться приказу и выполнить задание, несмотря ни на какие страхи и тревоги.

Неизбежные негативные чувства следуют уравновесить не менее, а лучше – более

сильными чувствами надежды, связанных с долгом, религиозной или гражданской идентичностью, верностью товарищам. Иными словами, решимость идти в бой со смертельным риском должна быть *позитивно подкреплена* [22]. Боевое задание должно иметь смысл не только вызова-угрозы, но и *вызова-возможности*. Как это достигается?

Символы героизма, святости подвигов, прославление выполнивших воинский долг и погибших также формируют, прежде всего, бессознательные структуры, которые при надобности вызывают нужные гормональные всплески и тем самым – решимость и приток *эмоциональной энергии* [20]. Во всех армиях разными, но во многом сходными способами поддерживается готовность военнослужащих вступать в вооружённые столкновения, а значит, и в войны, когда поступит такой приказ.

Заключение. Сам институт воинской службы, ритуальные практики, формируемые *бессознательные установки и заботы*, нейронное и гормональное обеспечение не являются причинами войн, поскольку армии в течение многих лет, даже десятилетий могут не воевать (хотя при отсутствии учений закономерно деградируют). Все указанные структуры и процессы, будучи главными факторами «боевого духа», влияют на успешность военных действий, если война всё-таки разразилась [23–25].

Уровень этого «боевого духа», а также потенциал для доведения решимости воевать до нужной кондиции, – таковы факторы, которые с необходимостью должен учитывать терминальный актор в своём решении начинать войну, обороняться ли, либо идти на переговоры и уступки. Поэтому в качестве обязательного компонента в принятии решений о войне здесь представлены внутренние психофизиологические и внешние социально-организационные механизмы. В концептуальном плане отметим, что этот специфический пласт процессов вполне органично описывается и объясняется посредством единого понятийного аппарата: установки, интерактивные ритуалы, заботы, обеспечивающие структуры, вызовы-угрозы и вызовы-возможности, социальные отношения, практики и порядки.

Список литературы

1. Malinowski B. Freedom and Civilization. London: Routledge, 1947. 338 p.
2. Levy J.S., W. Thompson. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press. 2010. 281 p.
3. Розов Н. С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 29–39.
4. Handbook of war studies / ed. M. I. Midlarski. Boston: Unwin Hyman, 1989. 372 p.
5. Boot M. War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History, 1500 to Today. New York: Gotham, 2006. 340 p.
6. Bourke J. Deep Violence: Military Violence, War Play, and the Social Life of Weapons, Berkley: Counterpoint, 2015. 356 p.
7. Конышев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб.: Наука, 2004. 372 с.
8. Куманьков А. Д. Война в XXI веке. М.: Высшая школа экономики, 2020. 296 с.
9. Cashman G. What causes war? An introduction to theories of international conflict. Maryland: Rowman & Littlefield, 2014. 607 p.
10. Van Evera S. Causes of war: Power and the roots of conflict. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 268 p.
11. Orme J. D. Human Nature and the Causes of War. London: Palgrave Macmillan Cham, 2018. 293 p.
12. Blattman C. Why we fight: the roots of war and the paths to peace. New York: Penguin, 2022. 400 p.
13. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
14. LeBlanc S. A. Why Warfare? Lessons from the Past. Daedalus. 2007. No 136. P. 13–21.
15. Розов Н. С. Модель ритуально-символической детерминации установок, способностей и забот // Учёные записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2, № 1. С. 89–100. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_01_08.
16. Kahneman D. Thinking. Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
17. Leader M. J. Ideology and Armed Conflict // Journal of Peace Research. 2019. No. 56. P. 635–649.
18. Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 696 с.
19. Martin M. Why We Fight. London: Hurst, 2018. 328 p.
20. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. 464 p.
21. Розов Н. С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5. С. 50–67.
22. Скиннер Б. Радикальный бихевиоризм. М.: Еврознак, 2007. 120 с.
23. War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views / ed. D. Fry. Oxford: Oxford University Press, 2013. 584 p.
24. Fiske A., Rai T. Virtuous Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 357 p.
25. Lippard C., Osinsky P., Strauss L. War: Contemporary Perspectives on Armed Conflicts around the World. London: Routledge, 2018. 354 p.

Информация об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор; Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный технический университет; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; prozov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

Для цитирования

Розов Н. С. Причины массового обоюдного насилия: структурирование концепций и субъективные факторы преднамеренных войн // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 9–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 29.10.2023.

References

1. Malinowski, B. Freedom and Civilization. London: Routledge, 1947. (In Engl.)
2. Levy, J. S., Thompson, W. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press. 2010. (In Engl.)
3. Rozov, N. S. The nature of war: macrosociological analysis of the essence and causes of mass organized violence. Humanitarian Vector, no. 1, pp. 29–39, 2009. (In Rus.)
4. Midlarski, M. I. (ed.) Handbook of war studies. Boston: Unwin Hyman, 1989. (In Engl.)
5. Boot, M. War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History, 1500 to Today. New York: Gotham, 2006. (In Engl.)

6. Bourke, J. *Deep Violence: Military Violence, War Play, and the Social Life of Weapons*, Berkley: Counterpoint, 2015. (In Engl.)
7. Konyshov, V. N. *American Neorealism on the Nature of War: Evolution of Political Theory*. Saint Petersburg: Nauka, 2004. (In Rus.)
8. Kuman'kov, A. D. *War in the 21-st century*. Moscow: Higher School of Economics, 2020. (In Rus.)
9. Cashman, G. *What causes war? An introduction to theories of international conflict*. Rowman & Littlefield, 2014. (In Engl.)
10. Van Evera, S. *Causes of war: Power and the roots of conflict*. Ithaca: Cornell University Press, 1999. (In Engl.)
11. Orme, J. D. *Human Nature and the Causes of War*. Springer Nature, Palgrave Macmillan, 2018. (In Engl.)
12. Blattman, Chr. *Why we fight: the roots of war and the paths to peace*. Penguin, 2022. (In Engl.)
13. Collins, R. *Macrohistory. Essays in the Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS, 2015. (In Rus.)
14. LeBlanc, S. A. *Why Warfare? Lessons from the Past*. *Daedalus*, no. 136, pp. 13–21, 2007. (In Engl.)
15. Rozov, N. S. *Model of ritual-symbolic determination of attitudes, abilities, and concerns*. *Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 89–100, 2022. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_01_08 (In Rus.)
16. Kahneman, D. *Thinking. Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. (In Engl.)
17. Leader Maynard J. *Ideology and Armed Conflict*. *Journal of Peace Research*, no. 56, pp. 635–649, 2019. (In Engl.)
18. Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. Moscow: Center for Strategy and Technology Analysis, 2022. (In Rus.)
19. Martin, M. *Why We Fight*. London: Hurst. 2018. (In Engl.)
20. Collins, R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. (In Engl.)
21. Rozov, N. S. *Rituals, institutions, and resources: social bases of mentality transformation*. *Values and meanings*, no. 5, pp. 50–67, 2010. (In Rus.)
22. Skinner, B. *Radical behaviorism*. Moscow: Euroznak, 2007. (In Rus.)
23. Fry, D. (ed.), *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013. (In Engl.)
24. Fiske, A., Rai, T. *Virtuous Violence*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. (In Engl.)
25. Lippard, C., Osinsky, P., Strauss, L. *War: Contemporary Perspectives on Armed Conflicts around the World*. London: Routledge. 2018. (In Engl.)

Information about the author

Rozov Nikolay S., Doctor of Philosophy, Professor; Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Technical University; 8 Nikolayeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; nrozov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

For citation

Rozov N. S. *Causes of Mass Mutual Violence: Structuring Concepts and Subjective Factors of Deliberate Wars* // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 9–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19.

Received September 28, 2023; approved after reviewing October 28, 2023; accepted for publication October 29, 2023.

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-20-30

**Метафизическое обоснование войны
и европейско-американский расизм, неокOLONиализм**

Олег Викторович Париков¹, Руслан Васильевич Собко²

¹Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Нижний Новгород, Россия; Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Россия;

²Приволжский филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Нижний Новгород, Россия

¹olegparilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9288-3194>,

²r.sobco@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4275-3959>

Статья посвящена выявлению факторов, обусловивших становление западного расизма, неокOLONиализма, воплотившихся в глобальные цивилизационные войны. Целью статьи является исследование укоренённых в авраамическом дискурсе архетипических конструкций, обусловивших становление концепта «справедливая война» и их связь с европейско-американским расизмом, неокOLONиализмом. Актуальность данного исследования продиктована состоянием перманентной прокси-войны, что ведёт западную цивилизацию против остального человечества за мировое доминирование; в эпицентре этой войны оказалась Россия. В противостоянии Западу наша страна претендует на глобальную миссию утверждения справедливого многополярного миропорядка. Методологический базис исследования – цивилизационный подход; использованы компаративный, герменевтический, экзегетический, генетический, феноменологический, логические методы. Исследование библейских сюжетов привело к выводу, что уже в ветхозаветную эпоху Божье благословение оформляется как метафизическое обоснование войны и убийства, закладываются основы сегрегации народов по духовному признаку, формируются зачатки расовых теорий, идея богоизбранного народа, обладающего эксклюзивным правом на «священную» войну. Христианство первых веков снижает милитаристский накал, однако в Римохристианской и позже – в Византийской империи вновь возрождается концепт справедливой (благословенной Богом) войны в связи с необходимостью защиты христианской империи от инфернальной антиимперии; критериями легитимации этой войны являются её справедливость, следование духовной идее, личное благочестие. Религиозное обоснование европейский расизм получает в среде англосаксов в период колонизации Американского континента. На базе протестантских установок (цивилизационные, военные успехи как критерий Божьего благословения), договорной теологии формируется статус США как «нового Израиля», узурпирующего право на «священную» войну. Авторы приходят к выводу, что развёрнутость Запада детерминирует его метафизически обусловленную обречённость, несмотря на внешние цивилизационные успехи. Выводы исследования открывают перспективы для дальнейшего рассмотрения духовных оснований священной (справедливой) войны.

Ключевые слова: Справедливая война, западная цивилизация, расизм, неокOLONиализм, прокси-война

Original article

Metaphysical Rationale for War and European-American Racism, Neo-Colonialism

Oleg V. Parilov¹, Ruslan V. Sobko²

¹Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia, Minin Nizhny
Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod,
Russia, ²Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia

¹olegparilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9288-3194>,

²r.sobco@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4275-3959>

The article is devoted to identifying the factors that led to the formation of Western racism, neo-colonialism, embodied in global civilizational wars. The purpose of the article is to study the archetypal constructions rooted in the Abrahamic discourse, which determined the formation of the concept of “just war” and their connection with European-American racism, neo-colonialism. The relevance of this study is dictated by the state of permanent

© Париков О. В., Собко Р. В., 2023

proxy war that Western civilization is waging against the rest of humanity for world domination; Russia has been at the epicenter of this war. In opposition to the West, our country lays claim to the global mission of establishing a just multipolar world order. The methodological basis of the study is a civilizational approach. Comparative, hermeneutic, exegetical, genetic, phenomenological, and logical methods were used. The study of biblical stories led to the conclusion that it was in the Old Testament era that God's blessing took shape as a metaphysical justification for war and murder, the foundations were laid for the segregation of peoples along spiritual lines, the beginnings of racial theories and the idea of God's chosen people with the exclusive right to a "holy" war were formed. Christianity of the first centuries reduces the militaristic intensity, however, in the Roman-Christian and later in the Byzantine Empire, the concept of a just (God-blessed) war is revived again due to the need to protect the Christian empire from the infernal anti-empire; the criteria for legitimizing this war are its justice, adherence to the spiritual idea, personal piety. European racism receives a religious justification among the Anglo-Saxons during the period of colonization of the American continent. On the basis of Protestant attitudes (civilizational, military successes as a criterion of God's blessing), contractual theology, the status of the United States as "new Israel" is formed, usurping the right to a "holy" war. The authors come to the conclusion that the depravity of the West determines its metaphysically determined doom, despite external civilizational successes. The findings of the study open up prospects for further consideration of the spiritual foundations of the holy (just) war.

Keywords: Just War, Western civilization, racism, neo-colonialism, proxy war

Введение. Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2021 г. в рамках Прямой линии делает несколько философских высказываний о единстве народов России и Украины, которые затем оформляет в виде статьи¹, вызвавшей полемику, как в российской, так и в зарубежной прессе, особенно обострившейся с началом специальной военной операции. По нашему мнению, статья В. В. Путина написана в русле христианского мессианизма, причём отчасти общего для всей христианской цивилизации, но тем не менее имеющего византийскую и русскую специфику. По убеждению В. В. Путина, проект Украины, как «анти-России», имеет искусственный характер, и он сформирован и развивается под протекторатом, контролем западных держав. Данный проект, а также прокси-война, объявленная Западом России (её средоточием стала территория Украины), есть актуализация глобальной цивилизационной войны, которую англосаксонская, романо-германская цивилизация ведёт, по сути, против всего остального мира за сохранение собственного статуса «избранного народа», особой господствующей расы. В этой глобальной войне Россия берёт на себя историческую миссию: противодействуя гегемонистским претензиям Запада, «выстраивает многополярную международную систему на принципах справедливости»², что нашло отражение в утверждённой в 2023 г. Концепции внешней политики Рос-

сийской Федерации. В этой войне Россия противостоит евроатлантическому расизму.

Однако свой особый статус «белого господина» Запад базирует на религиозной – авраамической – почве; следовательно, религиозное оправдание получают колониальные и неоколониальные войны, которые вела и ведёт англосаксонская цивилизация против остального незападного мира. Таким образом, чрезвычайно актуально обратиться к истокам – Священному Писанию, текстам раннехристианских авторов, чтобы разобраться в сущности метафизического обоснования расизма, колониальных войн. **Цель статьи и её новизна** – рассмотрение культурообразующих архетипических конструкций, адаптированных из авраамического дискурса и связанных с понятием справедливой войны и божественной защиты во время военных действий; соотнесение их с современным европейско-американским расизмом, неоколониализмом.

Обзор литературы. Отечественные и зарубежные исследователи, например, Р. Бенедиктер [1], Г. Л. Фриз [2], К. Дж. Гломбик [3], задаются вопросами о роли и месте религии в рамках российско-украинского кризиса. Вышедшие в этом году статьи К. Н. Брауна [4] и П. Шаленберга [5] содержат критику самой идеи «справедливой войны» и «справедливого мира» как терминов. М. Хоткинс в статье исследует мифологему «антихрист» в современной военной культуре и СМИ Украины [6]. Б. Кнорре с позиций, близких к нашему исследованию, приходит к выводу о формировании новой «теологии войны» на основании традиционных православных богословских идей [7]. О. Коннор [8] и Дж. Волс [9] в своих исследо-

¹ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 25.07.2023). – Текст: электронный.

² Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: [б. и.], 2023. – С. 98.

ваниях приходят к выводу о священном характере холодной войны, инициатором которой является Пречистая Дева. С. Л. Перри описывает изменение правоконсервативных взглядов американского истеблишмента в связи с развитием украинского кризиса [10]. Религиозные корни национального самосознания и культуры американской нации исследовал К. С. Гаджиев [11]. Философским предпосылкам неокOLONиальных гибридных войн посвящены работы В. И. Шамшурина, А. А. Шульги [12]. Тему колониальной войны как последствия экспорта «демократии» рассматривал Г. Л. Касторский [13]. Генезис проблемы расизма в США – тема исследования Д. М. Бондаренко [14]. Войну Запада против России и мира А. А. Горелов трактует как глобальный неокOLONиализм в действии [15].

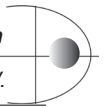
Методология и методы исследования. Методологический фундамент исследования – цивилизационный подход к истории. Используются методы: компаративного анализа (сопоставление подходов к феномену войны в ветхозаветную, новозаветную эпохи и их интерпретация в современности), историко-культурной реконструкции, герменевтический (авторский перевод и интерпретация древних и средневековых греческих текстов, современных германо-, англоязычных научных исследований с целью адекватной передачи смысла идей), экзегетический (истолкование библейских текстов), семантический анализ древней и средневековой терминологии; генетический, позволяющий выявить динамику концепта «справедливая война», религиозные истоки расизма, неокOLONиализма; метод систематизации; единства исторического и логического (логическое «спрямление» исторических зигзагов); феноменологический, выявляющий цели и смыслы, мотивы поведения в результате взаимодействия, духовного общения между людьми, народами. Кроме того, применены логические методы анализа, синтеза и обобщения.

Результаты исследования и их обсуждение. Для начала обратимся к первоисточнику христианской и иудейской религии Священному Писанию. Ветхий Завет или по-еврейски Танах описывает в религиозно-мифологической форме формирование и развитие национального самосознания и государственности еврейского народа. Разные части Танаха создавались в различные

исторические периоды с хронологическими разрывами в несколько столетий, а иногда и тысячелетий, что позволяет проследить отношение к военным действиям в рамках исследуемой нами концепции начиная с эпохи родоплеменного строя и заканчивая эпохой римской имперской государственности и Большой иудейской войной – Маккавейским восстанием.

На самых первых страницах Библии мы находим общее для авраамических религий представление о первоначальной семейной общине, из которой затем происходит всё человечество (Быт. 1). Впрочем, уже на этом уровне случается первый вооруженный конфликт внутрисемейного свойства – убийство Каином Авеля. Данный знаковый сюжет имеет многоаспектное звучание: экзистенциальное, политическое. Для нас важны оба. Антропологический аспект первого в истории братоубийства глубоко осмыслен и интерпретирован в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевским. Мы убеждены (о чём писали ранее [16]), что мотивы поступков, экзистенциальные трансформации главного героя романа адекватно интерпретируются лишь в случае трактовки Р. Раскольникова как alter ego Каина. Для обоих убийц первоначальные мотивы – гордость и огорчение. Оба, огорчившись, восстают на Бога – узурпируют божественную прерогативу решать вопрос жизни и смерти; идентично переживают поражение ума и воли, отчуждение. Однако эта антропологическая интерпретация первого на земле братоубийства, предпринятая русским писателем в «Преступлении и наказании», значима, поскольку выводит на идею сегрегации, разделения людей на «два разряда» – избранных, кто право имеет, и всех остальных. Таким образом, в библейском сюжете Ф. М. Достоевский пророчески усмотрел зачатки расовой теории и расовых (колониальных) войн.

Политическая трактовка библейского сюжета значима, поскольку братоубийство можно считать первой клановой войной за ресурсы или «политическое» влияние. Два брата – Каин и Авель – приносят Богу жертвы, ожидая получить от Него благословение. Несмотря на кажущуюся простоту картины, перед нами не просто два индивидуума, но два патриарха, два вождя своих родовых общин, а благословение Божие, согласно тексту Писания, выражается в том числе и в обильности стада или многочисленности до-

бычи. Убивая, Каин, как патриарх рода, движим ответственностью не только за себя, но и за своё многочисленное потомство, которое очень подробно описано на страницах книги Бытия [5]. Каин на момент убийства Авеля одержим завистью: Бог, приняв жертву Авеля, тем самым благословил его, Каин оказался лишенным Божьего благословения. *Таким образом, на заре человеческой истории ожидаемое от Бога благословение выступает метафизическим средоточием приведшего к убийству конфликта.*

После смерти Авеля продолжателем его традиции становится третий сын Адама и Евы – Сиф (Шет), а род каинитов успешно продолжается, причем Писание представляет нам их как первых строителей цивилизации. Так, ими были построены первые города, создано оружие, орудия, музыкальные инструменты и многое другое. Потомки Сифа, видимо, остаются вне цивилизации и отличаются долгожительством и совершением богослужений, а один из них, Енох, согласно преданию, даже был взят живым на небо. Потомки Сифа по одной из экзегетических моделей называются «сынами Божиими» и противопоставляются неким «нефилимам» – падшим, которые описываются, как великаны, храбрые воины, издревле славные люди [17], знаменитые своими делами вожди и правители [18]. Возможно, таковыми протоеврейским племенам представлялись жители Месопотамии, Египта и других регионов. Но в конце концов все эти славные должны будут погибнуть, что резюмировано в прокимене Великого поста, заимствованном из книги Исаяи (Септуагинта, церковнославянская Библия): «Приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли» (Ис. 26:15).

Средневековый толкователь еврейского Пятикнижия Раши указывает на нефилимов как на людей настолько большого роста, что они могли «достать головой до солнца» [18]. В том же месте Раши указывает, что эти нефилимы брали себе в жёны тех, «кто им нравился», что, по его мнению, означало и мужчин, и женщин, и даже животных. Нефилимы – потомки Каина – подчёркивает Раши, противопоставлены «бней злохим» – потомкам Сифа (Шета). В позднейшую эпоху мы видим остатки великанов в числе жителей ещё не покорённой Земли обетованной. Самые известные из них – Ог, царь Башана [18] и Голиаф – противник царя Давида. *Сыны*

божии и сыны человеческие – сверхсущества и падшие существа – эта антитеза закладывается еврейской книжностью при создании корпуса текстов по толкованию Торы.

Позднее «нефилимы» (падшие) получают ещё одно наименование – «рефаимы» (этимология спорная, вероятно, высокие, здоровые), которое достаточно быстро приобретёт переносное значение: «мертвецы, духи умерших». Однако, рефаимы – это название народа (Быт. 15:20), у них есть своя земля (Втор. 2:20) и в конце концов они исчезают и успокаиваются в «долине великанов» (Нав. 15:18). Именно так интерпретировали семиты-кочевники многочисленные разрушенные в результате катастрофы бронзового века города и селения, которые населяли полубоги, великаны, чьи величественные строения – города, храмы, дворцы – за их развращённость и непокорность разрушил Бог. В рамках этой концепции нефилимы-рефаимы получают ещё два названия: авимы [19] (губители) и заммузимы¹ (успешные в войне). Эти умершие гиганты не возрождаются и не наследуют воскресения: «Мёртвые не оживут; рефаимы не встанут, потому что Ты посетил и истребил их, и уничтожил всякую память о них» (Ис. 26:14). По отношению к гигантам и месту их обитания Раши использует ещё один термин «гойим» (народы) – «потому что там жило множество народов» [18]. Гойим – языки, народы – затем становится политическим антонимом для бней Исраэль – потомков Иакова. *Проанализированные ветхозаветные сюжеты несут глубокий смысл: народы развращённые, хотя и великие воины, успешные в политическом управлении и цивилизационном строительстве, тем не менее, в войне с народом духовным, знающим истинного Бога, обречены Богом на поражение и гибель.*

Другим известным отрывком из книги Бытия, получившим политическое толкование, является история трёх братьев Сима, Хама, Иафета (Быт. 9:18). Сыновья Ноя, упомянутые в этом отрывке, положили начало одной из первых расовых теорий, с помощью которой можно было оправдать любое насилие, любую агрессивную войну. Так, европейцы (белая раса) объявлялись потомками Иафета, арабы, евреи – потомками

¹ От семитского слова «замысел». Под этим названием они известны в Коране и арабской культуре.

Сима, а негроидная раса (или позже те, кто не принадлежал к первым двум) – потомками Хама [20]. Такая теория была настолько удобна, что даже применялась в дискуссиях о «долге белого человека» вплоть до XX в.

Однако Хам не был проклят, а напротив получил благословение от Ноя, проклят же был его сын Ханаан: «Раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9:25). То есть, согласно тексту Писания, не Хам будет в рабстве у Сима или Иафета, а Ханаан будет рабом своих братьев, чьи имена – Мицраим (Египет), Хуш (Эфиопия) и Фут (неизвестный топоним), что можно считать пророчеством о завоевании Палестины Египтом и последующим присоединении её к Иудейскому государству [21].

Семиты, потомки Сима, согласно Библии, в основном населяют Аравийский полуостров и частично междуречье, иафетиды – средиземноморье и регионы, близкие к Индии. В целом, библейское повествование географически остаётся в рамках Малой Азии, немного захватывая Северную Африку и островные и прибрежные колонии государств малоазиатских народов. Указанные выше географические маркеры позволили позднее интерпретировать эту территорию в качестве территории позднейшей Римской империи и перенести религиозно-националистический миф в позднеантичный политический и военный контекст.

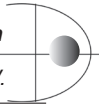
В военно-политическом контексте возникает и начинает употребляться одно из имен Божиих «Саваоф» («Цебаот»), т. е. «Господин (небесных) воинств». Изначально термин «небесные войска» или «воинства» связан скорее с астрологией или религией, чем с военными действиями. Под небесными войсками понимались небесные тела: солнце, луна, планеты, отождествляемые с языческими божествами и до сих пор носящие их имена, а Бог Израиля объявлялся высшим над этими небесными божествами. Как могут звёзды и планеты управлять чьей-то судьбой, если сами они не свободны и не могут отвернуть от проложенного им на небе пути, – размышляет в своей книге пророк Исайя (Ис. 40:6) [22]. Однако во времена завоевания Земли Обетованной этот термин понимается в буквальном смысле – Ха Шем Элохэй Цивот Исраэль – Бог воинств Израиля. В этом же смысле – армия Святой земли – термин употребляется у пророка Даниила: «...и вознёсся до воинства небесного,

и низринул на землю часть сего воинства и звёзд и поправил их» (Дан. 8:10).

У Бога периода завоевания Святой Земли есть имя – иш мелхама – «Господь муж брани, Иегова имя Ему» (Исх. 15:3). Иш (муж, воин), по мнению Раши, здесь означает то же, что и ваал, а всё вместе можно перевести как «господин битвы». У Бога есть специальный свиток с планами сражений: «И сказано в книге браней Господних» (Чис. 21:14). Один из первых царей Давид объявляет свою войну священной: «...ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши» (1Царств 17:45). Он же употребляет термин «маркот злохе» – бог военной дружины [23].

В Писании можно найти и другие примеры соучастия Бога в военных действиях: «научает руки мои брани (Пс. 17:35), ибо Ты препоясал меня силою для войны» (Пс. 17:40). «Если кто не обращается. Он изощрает Свой меч, напрягает лук Свой и направляет его» (Пс. 7:13). Бог собственноручно поражает враждебных царей: «Сигона, царя Аморрейского, и Ога, царя Васанского, и все царства Ханаанские» (Пс. 134:11), что наряду с разделением мира на сыновей Иакова и «гойим» позволяет использовать библейскую риторику в виде «С нами Бог, разумеете языцы, и покоряйтесь: Яко с нами Бог» (Ис. 8:9) вплоть до времени Второй мировой войны XX в. В ветхозаветных сюжетах о завоевании евреями Земли обетованной утверждается идея богоизбранного народа, ведущего «священную» войну с народами «низшими». В этой войне Бог не только благословляет избранный народ, но и наставляет, дает силы и непосредственно участвует в битвах.

Новый Завет снизил градус милитаристской риторики: «Царство Моё не от мира сего» (Ин. 18:36). «Если бы царство Моё было от мира сего, то служители мои подвижались бы за меня» (Ин. 18:36), – говорит о себе Иисус в Евангелиях. В данном контексте христианские мыслители первых веков отразили радикальный отказ от войны. Тертуллиан пишет: «Допустимо ли вести жизнь меченосца, в то время как Бог возвещает, что тот, кто воспользуется мечом, от меча и погибнет? И может ли сын мира участвовать в битве, если ему не положено [даже] ссориться? ... Всю последующую воинскую службу Господь упразднил, разоружив Петра» [24]. Иустин Философ в споре с Трифоном иудеем приводит довод, что Царство Мессии – царство мира, а не войны: «Каждый из нас, будучи прежде исполнен вой-

ною, взаимным убийством ... по всей земле переменял воинские орудия – наши мечи на орала и копья на земледельческие орудия – и мы возделываем благочестие, праведность, человеколюбие» [25].

Однако уже ап. Павел говорит о возможных военных действиях и представляет Иисуса как Господа, т. е. царя или правителя (Евр. 13:14), который затем будет вынужден сражаться с неким «сыном погибели», т. е. антихристом. Отсюда рождается образ двух царств (Христа и Антихриста) – империи и антиимперии, где антихрист – правитель антиимперии, например, Нерон для христиан первых веков. Раз антихрист – начальник нечестивой империи и повелитель сил зла, его метафизический оппонент Христос «вынужден» также становиться военачальником, постепенно соединяясь с ветхозаветным указанным выше образом бога войны.

Политизация христианства под влиянием эллинизма, идея божественного благословения «справедливой войны» (понятие заимствовано в античности) оформляется с IV в. – с утверждения Миланским эдиктом христианства как официальной религии Римской империи и необходимости военной защиты Империи от внешних агрессий. Так, Христос дарует императору Константину свою монограмму «XP», которую размещают на византийских хоругвях на месте бывшего римского орла, фактически объявляя, что теперь война ведётся от имени «империи» Христа. Лев VI пишет в своей «Тактике»: «Я считаю, что начало войны должно быть справедливым... Человек, защищающийся от других, которые действуют несправедливо, имеет право на божественную справедливость... Ибо тогда Бог будет благосклонен к нам и станет сражаться вместе с нашими войсками... Итак, если вы будете действовать благоговейно и угодным Богу образом, у вас будет лучшее оружие против неправедных врагов... Бог благословит вас победой, ведь Он справедливый судия» [26, р. 556] (перевод авторов).

Чтобы «заставить» Бога сражаться на своей стороне императоры-полководцы в своих наставлениях требуют от солдат ритуального и молитвенного очищения перед сражением: «Господь наш Иисус Христос, подай нам крепость, чтобы сражаться за нашу веру», – пишет в «Военных наставлениях» император-полководец Фока II, – «Необходимо наблюдать, чтобы командующий

войсками проверял бы, чтобы командиры и вся армия во время утреннего и вечернего богослужения повторяла сто раз *Kyrie eleison* со слезами и усердием перед Богом... Пусть никто не смеет в час молитвы заниматься чем-то другим» [27, р. 45].

Святые отцы эпохи патристики также выступают апологетами благословенной Богом войны: «Истинная религия полагает мирными те войны, которые ведутся не ради превозношения или жестокости, но ради укрепления мира, наказания злодеев и утверждения добра ... Мы не ищем мира ради войны, но идём на войну ради мира» [28], – так транслирует отношение Блаженного Августина к «священной» войне Фома Аквинский.

Стоит отметить, что на войсковых крестах со временем стали появляться изображения архангела Михаила или Богородицы, а позже к ним добавился Георгий Победоносец и некоторые другие воинские святые. Мужские военные божества, в целом, архетипически понятны для исследователя, однако воинский статус приобретает и Пресвятая Дева. В известном христианском гимне (VII в.) Она названа «Взбранной Воеводе» или по-гречески "Τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῶ", т. е. той, что находится над схваткой, командующей армией или в некоторых современных переводах «Высшая Военначальница», «Вождь-Поборница победы» [29]. Главный город Византийской империи Константинополь посвящён Пресвятой Деве и находится под Её защитой. Именно с этим посвящением связан христианский праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в агиографическом сюжете которого Богородица защищает свой город от нашествия славянских племён [30]. Итак, в Великом Акафисте «Взбранной воеводе» перед нами уже Императрица и Верховная Военначальница, направляющая свои войска к победе.

Таким образом, в христианской Римской империи IV в. и позже в Византии мы видим актуализацию освящённой Богом войны, критериями легитимации которой выступают: а) её справедливость; б) следование духовной идее; в) личное благочестие сражающихся. Но нам важно проследить корреляцию метафизического обоснования «справедливой войны» ветхозаветного и новозаветного периодов с религиозным обоснованием евроатлантистского расизма и колониальных и неоколониальных войн, что вела и ведёт западная цивилизация.

Сопряжённый с экспансивной агрессией европейский расизм, восходящий к Ветхому Завету и античности, теоретическое обоснование получает в XVIII–XIX вв., становится основой колониализма, приобретшего характер цивилизационных войн. В этой связи показательна концепция француза Ж. А. де Гобино («Опыт о неравенстве человеческих рас»), германские расовые теории. Идея сверхчеловека Ф. Ницше трансформируется в концепцию сверхрасы хозяев земли и апологию «блага войны», что «освящает всякую цель»¹. Гитлеровская теория напрямую связана с политикой колониализма: в ходе раздела мира Германия оказалась обделённой. Как следствие, «избранная» арийская раса узурпирует право на распространение собственной империи по всей земной ойкумене посредством войны.

Современный европейский расизм столь же агрессивен. Показательны в этом плане откровения Ж. Борреля о Европе – «саде» и окружающих этот сад «джунглях». В словах Верховного представителя ЕС по политике безопасности, что джунгли могут вторгнуться в сад, а садовники должны заботиться о нём – латентно присутствует легитимация «священной» войны сада с джунглями – остальным миром.

Однако религиозное обоснование европейский расизм получает на североамериканском континенте в период колонизации материка протестантами-англосаксами. Чувство превосходства колонизаторов над коренными народами коррелирует с протестантской (прежде всего, кальвинистской) мировоззренческой установкой: благословение Божие принадлежит успешным. Таким образом, экспансия англосаксов получает метафизическую санкцию. Маркеры Божьего благословения на «священную» войну с туземцами – принципиально иные, нежели маркеры воинов-христиан Византийской империи: а) цивилизационный успех (более высокая степень развитости, материально-техническое превосходство); б) военный успех: если завоевание проходит благополучно, значит Сам Бог направляет нашу руку. Божественная санкция исключала сомнения протестантов-англосаксов в легитимности геноцида индейцев, массового порабоще-

ния иной, якобы, низшей расы негроидов². Обращает на себя внимание идентичность этических кодексов североамериканских колонизаторов и древних евреев – завоевателей Ханаана: для тех и других допустимо убивать инородцев и недопустимо с ними смешиваться, контактировать.

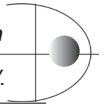
Также в качестве значимого фактора становления американского религиозного мессианизма К. С. Гаджиев отмечает протестантскую договорную теологию: американцы трактуют себя как «современный избранный народ», завершители цепи поколений, восходящих к Аврааму [11, с. 105], заключившему завет (договор) с Богом. Подобные представления укореняются в сознании масс и элит, кристаллизуясь в идеологемы «нового Израиля», «сияющего града на холме» (Р. Рэйган).

Следует учесть и отмеченный В. И. Шамшуриным, А. А. Шульгой колоссальный экспансивный потенциал колонизаторов Северной Америки, без которого было бы невозможно освоение огромных пространств с преодолением сопротивления коренных народов [12]. Так, рождается милитаристский религиозно обоснованный мессианизм Нового Света, который Т. Бейли определяет как «комплекс превосходства»: «Убеждение в том, что мы являемся избранным богом народом и обладаем божественным мандатом распространить наши благородные демократические институты по всему остальному погружённому во мрак миру, поощряло нас нести на себе бремя белого человека» [31, р. 4]. Показателен в этом плане «Боевой гимн Республики», неофициальный военный гимн США, сопровождающий по сию пору инаугурации Президентов Соединённых Штатов: «Я увидел, как во славе сам Господь явился нам, / Как Он мощною стопой грозды гнева разметал /... Он правды держит шаг... Я Его в огнях увидел вокруг армейских лагерей, / Они стали алтарями среди сырости полей, / Я читаю Его Слово в тусклом свете фонарей, День Господа настал... В красоте рассветных лилий, за морем Христос рожден... / Освятив нас, Он умер – за Свободу мы умрём...»³.

² В католицизме отсутствуют описанные выше протестантские этические установки, поэтому колонизация Южной Америки романскими народами (испанцами, португальцами) не сопровождалось тотальным геноцидом коренных народов и массовым порабощением других.

³ The Battle Hymn Of The Republic – Trump's Pre-Inauguration Jan 19th 2017. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ai3_pTg560U (дата обращения: 15.08.2023). – Текст: электронный.

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Nietzsche_Tak_govoril_Zaratustra.pdf?ysclid=llavn42obn734535384 (дата обращения: 15.08.2023). – Текст: электронный.

Таким образом, *сформированный американский расизм, флагман англосаксонского, романо-германского расизма, обеспечивающий метафизическую легитимацию колониальных войн и современного неокolonизма, конгениален еврейскому расизму, ставшему базисом для легитимации завоевания Ханаана.*

Заклучение. В исследовании затронуты некоторые из архетипических конструкций, берущих своё начало в библейском и церковном дискурсе. Такова, например, идея братских народов и гражданской войны, идея технического превосходства и одновременно развращённости более успешной цивилизации, античная идея «справедливой войны», творчески переосмысленная христианами императорами, идея о божественном характере войны и её мессианских или историософских последствиях, идея о божием народе и божественном правителе и, напротив, идея о нечистых народах и несправедливых правителях, которая отчасти была использована в рамках расовой теории, но отчасти так и продолжает существовать как политическая идеологема. Война, в которую втянута

Россия с объединённым Западом, священна, поскольку в ней реализуются те критерии благословения Божия, которые были сформулированы в римохристианскую, византийскую эпохи: справедливость (декларируемая цель противодействия Западу – утверждение справедливого многополярного мира), следование духовной идее (во главу угла ставится защита традиционных ценностей), личное благочестие (актуализируется тезис: победа невозможна без духовного обновления общества и соборного сплочения российской нации). Что касается современной западной цивилизации, самонадеянно присвоившей себе благословение Божие в контексте протестантских мировоззренческих установок, возникает стойкая ассоциация с ветхозаветными павшими воинами нефилимами, мизраимами. Развращённость, проявляемая в тотальной лжи и двойных стандартах, сознательном отказе от авраамического аксиологического кода, дискредитации христианских этических принципов детерминируют метафизически обусловленную обречённость, несмотря на внешние успехи цивилизационного строительства.

Список литературы

1. Benedikter R. The Role of Religion in Russia's Ukraine War. Part 2: Developments and Perspectives // *Zeitschrift für Außen und Sicherheitspolitik*. 2023. No. 2. P. 173–198.
2. Freeze G. L. Imperial Russia as a Failed State: The Role of Orthodox Church // *Bulletin of Saint Petersburg University*. 2023. No. 1. P. 67–81.
3. Glombik K. J. Theologians About the War in Ukraine // *Studia Teologiczno-Historyczne Śląska Opolskiego*. 2023. No. 1. P. 239–242.
4. Braun C. N. Quo Vadis? On the role of just peace within just war // *International Theory*. 2023. No. 1. P. 106–128.
5. Schallenberg P. Zwei Schwerter: Gerechter Krieg und gerechter Frieden // *Kain oder Abel* / ed. P. Schallenberg. Paderborn: Brill | Schöningh, 2023. P. 79–92.
6. Hotchkiss M. Semiotics of Strategic Narratives of «Antichrist» in Russia's War in Ukraine // *European Conference on Cyber Warfare and Security*. 2023. No. 1. P. 239–247.
7. Knorre B., Zygmunt A. «Militant Piety» in 21st-Century Orthodox Christianity: Return to Classical Traditions or Formation of a New Theology of War? // *Religions*. 2020. No. 1. P. 2–12.
8. O'Connor D. L. «Russia Will Be Converted»: The Blue Army of Our Lady of Fatima in Cold War America // *American Catholic Studies*. 2022. No. 2. P. 1–32.
9. Wallace J. C. A Religious War? The Cold War and Religion // *Journal of Cold War Studies*. 2013. No. 3. P. 162–180.
10. Perry S. L., Riccardi-Swartz S., Davis J. T., Grubbs J. B. The Religious Right and Russia: Christian Nationalism and Americans' Views on Russia and Vladimir Putin Before and After the Ukrainian Invasion // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2023. No. 2. P. 439–450.
11. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990. 240 с.
12. Шамшуринов В. И., Шульга А. А. Философские предпосылки неокolonизма // *Известия Иркутского государственного университета*. 2017. Т. 21. С. 34–41.
13. Касторский Г. Л. Неокolonизм как общественно опасное последствие экспорта «демократии» // *Учёные записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2018. № 3. С. 41–46.

14. Бондаренко Д. М. Память о гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х – начало 2020-х гг. // Вестник Московского университета. 2023. Т. 78, № 1. С. 138–164.
15. Горелов А. А. Глобальный неокOLONИализм в действии: война Запада против России и мира. М.: Летний сад, 2016. 358 с.
16. Парилов О. В. Ф. М. Достоевский: метафизический смысл «преступления» и «наказания» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3. С. 27–35.
17. Smith M. S. The Rephaim: Sons of the Gods // Journal of the American Oriental Society. 2023. No. 1. С. 261–266.
18. Pentateuch with Rashi's commentary by M. Rosenbaum and A. M. Silbermann, 1929–1934. URL: https://www.sefaria.org/Rashi_on_Genesis.14.13.1?ven=Pentateuch_with_Rashi%27s_commentary_by_M._Rosenbaum_and_A.M._Silbermann,_1929-1934&lang=bi (дата обращения: 31.07.2023). Текст: электронный.
19. Pirke de Rabbi Eliezer / trans. and annotated by R. G. Friedlander. London, 1916. URL: https://www.sefaria.org/Pirkei_DeRabbi_Eliezer.23.7?ven=Pirke_de_Rabbi_Eliezer_trans._and_annotated_by_Rabbi_Gerald_Friedlander,_London,_1916&lang=bi (дата обращения: 31.07.2023). Текст: электронный.
20. Zack N. Egalitarian Spiritual and Legal Traditions // Philosophy of Race. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-27374-2_2 (дата обращения: 31.07.2023). Текст: электронный.
21. Собко Р. В. Теология войны на Востоке и на Западе: молитвы и контекст // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2021. № 19. С. 211–228.
22. Esterhuizen E., Groenewald A. Rereading Isaiah's Vision (Isa 6) through the Lens of Generational Imprinted Trauma and Resilience // Old Testament Essays. 2023. No. 1. P. 285–313.
23. Penchansky D. Divine Violence and the Character of God by Claude F. Mariottini // The Catholic Biblical Quarterly. 2023. No. 2. P. 342–344.
24. Тертуллиан. Об идолопоклонстве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/ob_idolopokl/ (дата обращения: 08.08.2023). Текст: электронный.
25. Иустин Философ. Разговор с Трифоном иудеем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/s_trifonom (дата обращения: 08.08.2023). Текст: электронный.
26. Dennis G. T. The Taktika of Leo VI. Washington D.C.: Dumbarton Oaks, 2014. Vol. 49. 690 p.
27. Nikephoros Phokas. Praecepta militaria / ed. E. McGeer. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2008. 463 p.
28. Фома Аквинский. Сумма теологии. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40> (дата обращения: 08.08.2023). Текст: электронный.
29. Овчинников А. А. Анализ византийской гимнографии на примере вступления Акафиста Пресвятой Богородице // Universum: филология и искусствоведение. 2023. № 5. С. 14–17.
30. Hurbanič M. From History to Legend // The Avar Siege of Constantinople in 626. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 247–268.
31. Baily Th. The mythmakers of American history // Myth and American experience. 1973. Vol. 1. P. 1–12.

Информация об авторах

Парилов Олег Викторович, доктор философских наук, профессор; Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, Проспект Гагарина, 17А; Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет); 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1; olegparilov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9288-3194>.

Собко Руслан Васильевич, кандидат философских наук, доцент; Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, Проспект Гагарина, 17А; r.sobco@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4275-3959>.

Вклад авторов в статью

Парилову О. В. и Собко Р. В. принадлежит равный вклад в статью.

Для цитирования

Парилов О. В., Собко Р. В. Метафизическое обоснование войны и европейско-американский расизм, неокOLONИализм // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 20–30. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-28-30.

Статья поступила в редакцию 07.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 19.10.2023.

References

1. Benedikter, R. The Role of Religion in Russia's Ukraine War. Part 2: Developments and Perspectives. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*, no. 2, 2023, pp. 173–98. <https://doi.org/10.1007/s12399-023-00947-7>. (In Germ.)
2. Freeze, G. L. Imperial Russia as a Failed State: The Role of Orthodox Church. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 1, pp. 67–81, 2023. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.104>. (In Engl.)
3. Glombik, K. J. Theologians About the War in Ukraine. *Studia Teologiczno-Historyczne Śląska Opolskiego*, no. 1, pp. 239–42, 2023. <https://doi.org/10.25167/sth.5144>. (In Engl.)
4. Braun, C. N. Quo Vadis? On the Role of Just Peace Within Just War. *International Theory*, no. 1, pp. 106–28, 2023. <https://doi.org/10.1017/S1752971921000270>. (In Engl.)
5. Schallenberg, P. Zwei Schwerter: Gerechter Krieg und gerechter Frieden. In Schallenberg, P., editors Kain Oder Abel: Studien Zur Politischen Ethik Im Christentum, edited by Peter Schallenberg, 1. Auflage, Brill | Schönigh, 2023: 79–92. (In Germ.)
6. Hotchkiss, M. Semiotics of Strategic Narratives of “Antichrist” in Russia's War in Ukraine. *European Conference on Cyber Warfare and Security*, no. 1, pp. 239–47, 2023. <https://doi.org/10.34190/eccws.22.1.1102>. (In Engl.)
7. Knorre, B., Zygmunt, A. “Militant Piety” in 21st Century Orthodox Christianity: Return to Classical Traditions or Formation of a New Theology of War? *Religions*, no. 1, p. 2, 2020. <https://doi.org/10.3390/rel11010002>. (In Engl.)
8. O'Connor, D. L. “Russia Will Be Converted”: The Blue Army of Our Lady of Fatima in Cold War America. *American Catholic Studies*, no. 2, pp. 1–32, 2022. <https://doi.org/10.1353/acs.2022.0016>. (In Engl.)
9. Wallace, J. C. A Religious War? The Cold War and Religion. *Journal of Cold War Studies*, no. 3, pp. 162–80, 2013. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00374. (In Engl.)
10. Perry, S. L., et al. The Religious Right and Russia: Christian Nationalism and Americans' Views on Russia and Vladimir Putin Before and After the Ukrainian Invasion. *Journal for the Scientific Study of Religion*, no. 2, pp. 439–50, 2023. <https://doi.org/10.1111/jssr.12838>. (In Engl.)
11. Gadzhiev, K. S. *American Nation: National Identity and Culture*. M: Nauka, 1990. (In Rus.)
12. Shamsurin, V. I., Shul'ga, A. A. Philosophical premises of neo-colonialism. *News of Irkutsk State University*, tom 21, pp. 34–41, 2017. (In Rus.)
13. Kastorskiy, G. L. Neo-colonialism as a socially dangerous consequence of the export of “democracy”. *Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V. B. Bobkov*, no. 3, pp. 41–46, 2018. (In Rus.)
14. Bondarenko, D. M. Civil War Memory, Anti-Racism, and the American Nation: Late 2010s–Early 2020s. *Bulletin of Moscow University*, no. 1, pp. 138–164, 2023. (In Rus.)
15. Gorelov, A. A. *Global neo-colonialism in action: the war of the West against Russia and the world*. M: Letniy sad, 2016. (In Rus.)
16. Parilov, O. V. F. M. Dostoevsky: the metaphysical meaning of “crime” and “punishment”. *Russko-Vizantijskiy vestnik*, no. 3, pp. 27–35, 2022. DOI 10.47132/2588-0276_2022_3_27. (In Rus.)
17. Smith, M. S. The Rephaim: Sons of the Gods. *Journal of the American Oriental Society*, no. 1, pp. 261–266, 2023. (In Engl.)
18. Pentateuch with Rashi's commentary by M. Rosenbaum and A. M. Silbermann, 1929–1934. Web. 31.07.2023. https://www.sefaria.org/Rashi_on_Genesis. (In Engl.)
19. Pirke de Rabbi Eliezer, trans. and annotated by Rabbi Gerald Friedlander, London, 1916. Web. 31.07.2023. <https://www.sefaria.org>. (In Engl.)
20. Zack, N. *Egalitarian Spiritual and Legal Traditions // Philosophy of Race*. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. Web. 31.07.2023. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-27374-2_2. (In Engl.)
21. Sobko, R. V. The Theology of War in East and West: Prayers and Context. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary*, no. 19, pp. 211–228, 2021. (In Rus.)
22. Esterhuizen, E., Alphonso G. Rereading Isaiah's Vision (Isa 6) Through the Lens of Generational Imprinted Trauma and Resilience. *Old Testament Essays*, no. 1, pp. 285–313, 2023. <https://doi.org/10.17159/2312-3621/2023/v36n1a16>. (In Engl.)
23. Penchansky, D. Divine Violence and the Character of God by Claude F. Mariottini. *The Catholic Biblical Quarterly*, no. 2, pp. 342–44, 2023. <https://doi.org/10.1353/cbq.2023.0051>. (In Engl.)
24. Tertullian. About idolatry. Web. 08.08.2023. https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/ob_idolopokl/. (In Rus.)
25. Iustin Filosof. Conversation with Tryphon the Jew. Web. 08.08.2023. https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/s_trifonom/. (In Rus.)
26. Dennis G. T. *The Taktika of Leo VI*. Washington D.C.: Dumbarton Oaks, 2014. Vol. 49. XXII. (In Engl.)
27. Nikephoros Phokas. *Præcepta militaria*. In McGeer, E. editor Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2008. Vol. 33: Dumbarton Oaks studies. (In Greek)
28. Aquinas, Thomas Summary of Theology. Web. 08.08.2023. <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40>. (In Rus.)

29. Ovchinnikov, A. A. Analysis of Byzantine hymnography on the example of the introduction of the Akathist to the Most Holy Theotokos. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 5, pp. 14–17, 2023. (In Rus.)

30. Hurbanič, M. From History to Legend. The Avar Siege of Constantinople in 626, Palgrave Macmillan, Cham, 2019, pp. 247–68. (In Engl.)

31. Baily, Th. The mythmakers of American history. *Myth and American experience*, vol. 1, pp. 1–12, 1973. (In Engl.)

Information about the authors

Parilov Oleg V., Doctor of Philosophy, Professor; Russian State University of Justice; 17A Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); 1 Ulyanova st., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; olegparilov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9288-3194>.

Sobko Ruslan V., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Russian State University of Justice; 17A Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; r.sobco@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4275-3959>.

Contribution of the authors

Parilov O. V. and Sobko R. V. contributed equally to this article.

For citation

Parilov O. V., Sobko R. V. *Metaphysical Rationale for War and European-American Racism, Neo-Colonialism // Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 20–30. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-20-30.

**Received September 7, 2023; approved after reviewing October 18, 2023;
accepted for publication October 19, 2023.**

Научная статья

УДК 355.01

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-31-41

Роль философии в разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности в условиях «гибридных войн» современности

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Санкт-Петербург, Россия
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Практика последнего десятилетия до предела обострила проблему ментальной безопасности в рамках общей системы национальной безопасности государства. Для решения данной проблемы нужен комплексный междисциплинарный подход, в котором ключевую позицию способна занять философия как интеграционный центр социально-гуманитарного знания. Возрождение значимости философии перед вызовами и угрозами XXI в. формирует серьёзный потенциал для их преодоления. «Гибридизация» войн современности принуждает отказаться от шаблонных решений, переосмыслить ценности и выработать эффективные стратегии по обеспечению ментальной безопасности. Цель исследования – изучить ментальные войны как элемент «гибридных войн» современности и предложить ряд рекомендаций, которые могут быть использованы при разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности. В XXI в., несмотря на, в целом, высокий уровень физической безопасности государств, ментальный уровень национальной безопасности остаётся под угрозой по причине гибридизации войн современности. Анализ философских концепций и выделение на их основе основополагающих принципов обеспечения ментальной безопасности позволят усилить национальную безопасность, в целом, а также повысить уровень конкурентоспособности нации в условиях набирающих тенденцию «гибридных войн». В работе проводился междисциплинарный анализ философских концепций и принципов, которые можно использовать в контексте ментальной безопасности. Ментальные войны стали вызовом современному национальному государству и всей системе мироустройства. Обращение к философии как к дисциплине, способной сплотить нацию путём укрепления национального менталитета с помощью создания своеобразного ментального иммунитета, поможет продвинуться вперед в вопросах обеспечения ментальной безопасности в условиях «гибридных войн» современности.

Ключевые слова: ментальные войны, национальная безопасность, философские подходы, ценности, культура, менталитет

Original article

The Role of Philosophy in the Development of Strategies for Ensuring Mental Security in the Conditions of “Hybrid Wars” of Our Time

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

The practice of the last decade has exacerbated the problem of mental security to the limit within the framework of the general system of national security of the state. To solve this problem, a comprehensive interdisciplinary approach is needed, in which philosophy can take a key position as an integration center of social and humanitarian knowledge. The revival of the significance of philosophy in the face of the challenges and threats of the 21st century forms a serious potential for overcoming them. The “hybridization” of modern wars forces us to abandon stereotyped solutions, rethink values and develop effective strategies to ensure mental security. The purpose of the study is to study mental wars as an element of modern “hybrid wars” and offer a number of recommendations that can be used in the development of mental security strategies. In the 21st century, despite the generally high level of physical security of states, the mental level of national security remains under threat due to the hybridization of modern wars. The analysis of philosophical concepts and the allocation on their basis of the fundamental principles of ensuring mental security will strengthen national security in general, as well as increase the level of competitiveness of the nation in the context of the growing trend of “hybrid wars”. We carried

out an interdisciplinary analysis of philosophical concepts and principles that can be used in the context of mental security. Mental wars have become a challenge to the modern nation-state and the entire system of the world order. Turning to philosophy as a discipline that can unite the nation by strengthening the national mentality by creating a kind of mental immunity will help move forward in matters of ensuring mental security in the conditions of “hybrid wars” of our time.

Keywords: mental wars, national security, philosophical approaches, values, culture, mentality

Введение. Философия является одной из наиболее важных дисциплин, которая занимается фундаментальными вопросами о бытии, знании, истине, морали и этике. Философская мысль отражает глубинные изменения в обществе, национальной культуре и мировоззрении и, таким образом, играет ключевую роль в самоопределении и саморазвитии общества.

В настоящее время одним из важнейших вызовов является проблема сохранения и укрепления ментальной безопасности человека, где философия играет одну из ключевых ролей. Философские теории и представления могут помочь определить ценности, ориентиры и задачи, которые закладываются в разработку стратегий обеспечения ментальной безопасности. Они могут помочь выявить не только причины негативных явлений, но и способы их предотвращения. Кроме того, философия может предоставить аналитический инструментарий для разработки этических принципов, которые способны лечь в основу защиты ментальной безопасности.

Цель исследования – изучить ментальные войны как элемент «гибридных войн» современности и предложить ряд рекомендаций, которые могут быть использованы при разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- изучение категории «ментальная война» и её основных составляющих;
- анализ ментальной безопасности как важного элемента национальной безопасности государства, в целом;
- определение стратегических подходов и рекомендаций к обеспечению ментальной безопасности на основе философских концепций.

Научная проблема заключается в том, что в XXI в., несмотря на, в целом, высокий уровень физической безопасности государств, ментальный уровень национальной безопасности остаётся под угрозой по причине гибридизации войн современности.

Гипотеза исследования. Анализ философских концепций и выделение на их ос-

нове основополагающих принципов обеспечения ментальной безопасности позволят усилить национальную безопасность в целом, а также повысить уровень конкурентоспособности нации в условиях набирающих тенденцию «гибридных войн».

Ментальная безопасность – это психологическое состояние человека, которое обеспечивает защиту его психического здоровья, устойчивость к стрессу и способность эффективно справляться с трудными ситуациями в жизни. Эта категория тесно связана с концепциями психического здоровья и благополучия. Она основывается на понимании того, что каждый человек уникален и имеет свои личные особенности, ценности, жизненный опыт и уровень стрессоустойчивости. Поэтому это понятие охватывает широкий спектр аспектов, среди которых управление эмоциями, умение принимать решения, общаться, заботиться о физическом и эмоциональном здоровье.

Обзор литературы. Тема «гибридных войн» и ментальной безопасности в последние несколько десятилетий приобрела особую актуальность. Это позволяет говорить о достаточной изученности рассматриваемой проблемы. Известные учёные проводят многочисленные исследования на эту тему.

Одним из таких исследователей является Говард Гарднер, профессор Высшей педагогической школы Гарвардского университета. Основное направление его научной работы – нравственность, этика в эпоху информационных технологий. Особую ценность придаёт его исследованиям изучение молодёжи как представителей нового цифрового поколения. Среди его работ есть и посвященные непосредственно ментальной безопасности как сложному многосоставному явлению при воздействии новых вызовов и угроз [1; 2].

Вклад в изучение ментальной безопасности внесли и другие учёные. Например, Джаред Даймонд [3] из Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе исследовал, как сила и гибкость ума влияют на нашу способность преодолеть трудности и преуспеть в жизни. Бенджамин Хейден [4] из Универ-

ситета Рочестера изучал мозговую функциональность и снижение стресса. Нина Шах [5] из Университета Пенсильвании анализировала, как ментальное здоровье может повлиять на физическое здоровье и общее благополучие.

Среди отечественных исследователей ментальной безопасности можно назвать работы советника министра обороны РФ А. М. Ильницкого [6], профессора Н. И. Губанова [7], философа А. И. Пальцева [8] и многих других.

Методология и методы исследования. В настоящей статье были выделены основные принципы, которые следует учитывать при разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности. Большое значение имеет философский анализ понятий, связанных с ментальной безопасностью, а также анализ социально-психологических факторов, влияющих на ментальное здоровье и безопасность людей.

Настоящее исследование представляет собой попытку выявить философские основания, которые могут способствовать созданию эффективных стратегий охраны ментальной безопасности в условиях социальных войн современности [9]. Данный процесс включает в себя определённые методологические и методические подходы, которые необходимы для достижения цели исследования.

Один из основных методологических подходов к исследованию роли философии в разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности заключается в проведении междисциплинарного анализа философских концепций и принципов, которые можно использовать в контексте ментальной безопасности.

Результаты исследования и их обсуждение. На современном этапе развития человечества категория «война» приобретает качественно иной смысл, расширяя диапазон его понимания и употребления. Если в классическом понимании война всегда была сопряжена с физическим насилием (в сочетании и с угрозой его применения), современная наука включает в него также ментальное и психологическое насилие. Таким образом, понятие «менталитет» является предметом многих междисциплинарных исследований, в том числе и военного дела.

Изучение менталитета углубилось и актуализировалось в настоящее время по

причине возросшего негативного влияния на него в рамках новых угроз «гибридных войн». Тем самым менталитет становится объектом военных атак, физическим воплощением которого становится человек как его носитель и как член всего общества-мишени.

Итак, в условиях деструктивного и угнетающего воздействия на менталитет уместно и целесообразно говорить о ментальных войнах, под которыми необходимо понимать «вид информационного противоборства и способ решения военно-политических задач путём применения специальных (военных) ментальных объектов в ходе информационно-психологического воздействия» [10, с. 15]. Какие же цели преследует противник, прибегая к методам ментальной войны? Дело в том, что менталитет – это довольно устойчивое образование, формирование которого происходило в естественных для данной местности условиях и трудно поддающееся корректировке по заранее заданным (т. е. искусственным) параметрам. И если в условиях традиционной войны такая цель была недостижимой, то в настоящее время новейшие разработки в области информационно-коммуникационных технологий военного назначения приближают её практическую реализацию.

Тем самым ментальная война представляет собой новый вид противоборства в долгосрочной перспективе [11]. Действительно, судить об успехе или неуспехе ментальных атак можно только спустя длительное время. Как минимум данный период времени должен исчисляться сменой хотя бы одного поколения народа, который подвергается этим атакам. В качестве примера можно привести постсоветское пространство. Так, на территории современной Украины после распада Советского Союза уже успело вырасти поколение, воспитанное на западных ценностях, культивирующих русофобию. Точно так же и в современной России отчетливо виден этот «либеральный след».

По нашему мнению, современная Россия – это единственное государство, которое столкнулось с самыми мощными атаками в рамках ментальных войн за всю их историю. А главный противник в данной войне – США, которые в качестве своей геополитической стратегии выбрали, так называемую, глобальную «гибридную войну». В таких видах войн смешаны военные потен-

циалы противников (симметричные и асимметричные войны), правила ведения боя (конвенциональные и неконвенциональные войны), а также статусы участников военного противостояния (войны с участием национальных армий/ополченцев/наёмников) [12]. При этом США, являясь идейными вдохновителями такого типа войны, претендуют на сохранение собственного мирового господства, по причине чего развернули «гибридную войну» глобального масштаба [8, с. 29]. А основным исторически обусловленным противником США и всего западного мира по-прежнему остаётся Россия.

В «гибридной войне» выделяются следующие ключевые пространства для проведения атак: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое [13, с. 130]. Ментальные войны тем самым укладываются в информационно-идеологическое пространство «гибридных атак».

Ключевое направление деятельности противника в рамках ментальных войн заключается в том, чтобы незаметно для носителей национального менталитета вытеснить органично присущие ему качества и элементы и заменить их выгодными противнику для дальнейшего манипулирования людьми ради достижения собственных целей и в ущерб национальным интересам государства-мишени. Основной инструментарий здесь – апелляция к низменным качествам человека и развращение его на их основе [14]. Именно на этих принципах прогрессируют идеи постмодернизма.

Под воздействием методов ментальных войн меняется иерархия доминирующих личностных ценностей. В результате чего традиционные духовные ценности подменяются внешне привлекательным суррогатом, ставка делается на человека-потребителя, общество погружается в состояние аномии и атомизации (расщепления) [15]. Подобное воздействие негативно сказывается на россиянах, для которых абсентеизм стал нормой жизни: «люди не хотят быть против. Люди хотят быть параллельно, не пересекаясь с системой без крайней нужды» [16]. Так, в российском обществе воцарилась атмосфера тотального недоверия.

Современное российское государство в лице представителей его властного сегмента осознало наносимый ментальной войной ущерб отечественным национальным ин-

тересам, поэтому включило национальный менталитет и ментальную безопасность в объекты государственной защиты от новых угроз. Тем самым была дополнена новыми категориями, нуждающимися в государственной охране, общая система национальной безопасности России. Ментальная война – это война необъявленная, без начала и без конца, незаметная, но очень разрушительная, война, посягающая на государственный суверенитет [17, с. 28] и потому требующая особых усилий от государства и народа по предотвращению её пагубного воздействия.

Ментальная безопасность – это «состояние защищённости жизненно важных интересов (потребностей) личности, общества и государства от внутренних и внешних ментальных угроз. Иными словами, это состояние, при котором национальное ментальное пространство не деформируется в результате деструктивного информационно-психологического воздействия субъекта агрессии» [18, с. 110].

Обеспечение ментальной безопасности должно быть комплексным и включать в себя усилия по развитию следующих областей: информационно-коммуникационной, психологической, правовой, педагогической и социокультурной [19]. При этом следует учитывать, что потенциальные возможности могут при определённых неблагоприятных обстоятельствах превратиться в реальные угрозы. Как, например, произошло с цифровизацией, охватившей практически все области человеческого существования в XXI в.

Современные условия цифровизации делают заботу о здоровом ментальном пространстве одной из приоритетных задач государства по сохранению национальной безопасности России. Защита ментального здоровья нации стала настоящим вызовом для современного государства. Оно пытается найти и применить различные способы для обеспечения ментальной безопасности, одним из которых является создание и упорядочивание единой системы образования и воспитания, ориентированной на повышение уровня критического мышления, рациональности, сплоченности нации, преодоления искусственно созданного раскола, ориентации на традиционные духовно-нравственные ценности [20]. При этом основной задачей государства в этих вопросах является повышение сопротивляемости насе-

ления и каждого отдельного человека ментальным атакам в рамках «гибридных войн» современности [21, с. 90].

Масштабность и всеохватность ментальной войны должна способствовать возникновению ментальной безопасности, основанной на таких же параметрах. Это означает, что формирование ментальной безопасности должно происходить в условиях проведения междисциплинарных исследований. Особую роль здесь способны сыграть социальные науки, особенно философия. Именно она может создать ментальные защиты сродни коллективному иммунитету, способные укрепить статичное ядро национального менталитета и сделать его изменчивую периферийную часть наименее восприимчивой и податливой. Таким образом, ментальную безопасность можно обеспечить, если подвергать все научные проекты социально-этической экспертизе, ориентироваться на принципы биоэтики, развивать потенциал новой научной спецдисциплины – рискологии, способствовать формированию и укреплению глобалистского менталитета [7].

Философия играет важную роль в формировании концепции ментальной безопасности, так как она позволяет оценить основные причины возникновения психологических проблем у людей и их последствия. Ключевыми факторами, которые подчёркивают значение философии в этом процессе, являются:

1. *Метафизические аспекты.* Они представляют собой анализ сущности природы человека, его жизненного опыта, ценностей и идеалов. Эти факторы участвуют в формировании ментального здоровья и могут быть использованы для предотвращения возможных проблем.

Метафизические аспекты имеют прямую связь с ментальной безопасностью, потому что наши убеждения, представления о мире, ценности и вера влияют на то, как мы реагируем на стресс и трудности в жизни. Наши мысли и убеждения могут создавать стресс и беспокойство или, наоборот, помочь справиться с трудностями и поддерживать нормальную психическую функцию. Иными словами, человеческие убеждения о себе и мире, а также способы мышления могут влиять на психическое и физическое здоровье [22].

2. *Этические аспекты.* Философия способствует размышлению над вопросами

морали и этики, которые могут затрагивать психологическое здоровье индивида. Так, этика может обеспечить понимание, что контролировать свои эмоции во время общения с окружающим миром – это необходимый элемент сохранения психического здоровья.

3. *Гносеологические аспекты.* Философия способствует научному анализу закономерностей психических процессов в человеческом организме, которые могут влиять на формирование ментальной безопасности. Эта область помогает установить, что эмоции являются обязательной составляющей для рационального поведения.

Связь между гносеологическими аспектами и ментальной безопасностью заключается в том, что способ, которым мы воспринимаем и интерпретируем информацию, может оказывать влияние на наше эмоциональное состояние и психическое здоровье. Например, через эту связь, обусловленную негативными моментами, зарождаются расовые или любые другие предрассудки, ухудшающие общий эмоциональный фон общества и его психическое состояние [23]. Качественное гносеологическое понимание культурных и социальных различий между людьми может помочь создать сильную и надежную среду в процессе коллективного взаимодействия, что, в свою очередь, повысит уровень ментального здоровья членов общества [24].

4. *Культурные аспекты.* Философия помогает оценить культурные особенности общества, которые могут оказывать влияние на психологическое здоровье человека. Важно понимать, что социальное окружение отчасти определяет ментальное здоровье.

Культурные аспекты и ментальная безопасность имеют глубокую связь и взаимозависимость. Нормы и ценности культуры могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на психологическое состояние личности и её безопасность. Например, культура может способствовать развитию социальной поддержки, справедливости, равенства и уважения к другим. Эти факторы, в свою очередь, повышают уровень ментальной безопасности. Однако присутствие дискриминации, нетерпимости, экстремизма, насилия и других социальных проблем может негативно влиять на психическое состояние и повышать уровень тревожности, депрессии и стресса у людей.

Так, согласно исследованиям, уровень культурно-ориентированных ценностей (на-

циональной идентичности, близких отношений и семейных уз) связан со значительным снижением уровня суицидальных мыслей и поведения среди подростков [25]. Это свидетельствует о том, что культурные аспекты могут являться фактором защиты от суицидальных наклонностей и повышения уровня ментальной безопасности. Вообще культурные различия могут повлиять на уровень удовлетворенности членов единого общества и их психологическое здоровье. Поэтому понимание этих различий важно для повышения ментальной безопасности каждой отдельно взятой личности [26].

Философия идентифицирует ментальную безопасность как понятие, которое определяет психологическое состояние и обеспечивает защиту от негативных воздействий на психическое здоровье человека.

В настоящем исследовании будут представлены некоторые философские подходы к ментальной безопасности. Первый подход основан на философском концепте «экзистенциальная безопасность». Ментальная безопасность здесь определяется как способность человека сохранять чувство смысла жизни, адаптироваться к изменениям и обеспечивать интеграцию личности в общество.

Понятия экзистенциальной безопасности и ментальной безопасности взаимосвязаны. Экзистенциальная безопасность относится к чувству уверенности и стабильности в своей жизни, а ментальная безопасность – к психическому здоровью и уровню счастья [27].

В работе «Человек в поисках смысла» [28] В. Франкл обсуждал значимость поиска жизненного смысла и ценностей для достижения экзистенциальной безопасности. Он также утверждал, что такой поиск помогает укреплять ментальную безопасность, так как важность жизненного смысла и ценностей может стать опорой при любых трудностях.

Ментальное здоровье напрямую зависит, как от биологических, так и от социальных факторов, а его нарушение в XXI в. провоцирует психосоциальный стресс [29]. Тем самым важно понимать, что ментальная безопасность современного государства состоит из взаимообусловленных параметров, среди которых необходимо выделить биологические, психологические и социальные аспекты. Именно от их баланса и благополучия зависит эффективное обеспечение мен-

тальной безопасности в рамках национальной безопасности, в целом.

Другим философским подходом к пониманию ментальной безопасности является концепция *феноменологической безопасности*. Она основывается на предположении о том, что наше психическое состояние зависит от того, как мы интерпретируем мир вокруг нас. Ментальная безопасность определяется как чувство уверенности в смысле своих жизненных проектов и целей и уверенности в своей способности их достичь.

Феноменологическая безопасность – это состояние, в котором человек чувствует себя безопасно в окружающем мире: не испытывает страха, беспокойства, тревоги или любого другого негативного эмоционального состояния при взаимодействии с миром. В то время как ментальная безопасность – это состояние, в котором человек чувствует себя безопасно в своей психической жизни: не испытывает душевных тревог, стресса, депрессии или любого другого психического расстройства.

Феноменологическая безопасность и ментальная безопасность могут укреплять друг друга. Например, когда уровень одного из этих видов безопасности снижается, повысить его можно, обратившись к более устойчивому другому виду.

Взаимосвязь между феноменологической безопасностью и ментальной безопасностью изучал известный психиатр Дж. Янг [30]. Он проводил исследования в области созерцания и медитации, самоосознания и ментального здоровья и пришел к выводу, что совершенствование феноменологической безопасности может способствовать улучшению ментальной безопасности.

Третьим философским подходом к пониманию ментальной безопасности является концепция *этической безопасности*. Она опирается на идеи о том, что ментальная безопасность включает не только чувство защиты от внешних угроз, но и связана с этическими нормами и ценностями.

Существует взаимосвязь между понятием этической безопасности и ментальной безопасности. Например, если человек уважает принципы этической безопасности, он будет тщательно следить за своим поведением, чтобы не нарушать права и интересы других людей. Такое поведение поможет ему сохранить ментальное здоровье свое и остальных членов общества. Также и на го-

сударстве лежит ответственность по защите ментального здоровья через разработку программ и политик, направленных на предотвращение психологических оскорблений, дискриминации и других форм нарушения этических принципов.

Одной из философских концепций, которые могут быть успешно интегрированы в стратегии обеспечения ментальной безопасности, является *концепция стоицизма*. Стоицизм предлагает принимать на себя ответственность за свои мысли и эмоции, а также не допускать, чтобы внешние обстоятельства контролировали нашу психическую жизнь.

Стоицизм – это древнегреческая философская школа, которая утверждает, что человек имеет полный контроль над своими мыслями, эмоциями и поступками. Этот подход можно использовать в стратегии обеспечения ментальной безопасности.

В рамках стоицизма подобные стратегии включают в себя следующие действия:

1. Чёткое понимание, что можно контролировать, и что нельзя. Это поможет человеку не тратить много энергии на бесполезные заботы.

2. Занятие проактивным мышлением. Человек должен размышлять о том, что может произойти, и предвидеть возможные риски, чтобы быть готовым к ним заранее.

3. Анализ своих мыслей и эмоций. Практика медитации может помочь стать более осознанным и позволит выбрать, как реагировать на свои мысли и чувства.

4. Осознанное принятие личного выбора. Когда человек понимает, что полностью контролирует свои мысли и действия, он может принять ответственность за свои решения, что даёт большее чувство контроля и уверенности.

Одной из стратегий, которые могут применяться в охране ментальной безопасности с использованием стоических принципов, является *практика отстранения от эмоций в критических ситуациях*. Аналитическая оценка ситуации и принятие обдуманных решений, основанных на разуме, а не на эмоциях, может помочь снизить уровень стресса и избежать ошибок.

Такая практика может повлиять на философские концепции, связанные с ментальной безопасностью, по нескольким причинам. Во-первых, она помогает управлять эмоциями и отвлекаться от них, что может

способствовать достижению уравновешенности и спокойствия как основных параметров ментальной безопасности. Во-вторых, она может помочь человеку развивать умение принимать эмоционально нейтральные решения, основанные на разумных оценках и анализе фактов. Это может быть полезно в различных областях жизни, включая бизнес, личные отношения или решение жизненно важных вопросов. В-третьих, отстранение от эмоций помогает преодолеть страхи и тревоги, что может быть особенно важно в ситуациях, связанных с опасностью для жизни и здоровья.

Концепция эмоциональной интеллектуальности также может быть полезна в процессе обеспечения ментальной безопасности. Эмоциональная интеллектуальность представляет собой набор навыков, позволяющих лучше управлять своими эмоциями и эмоциональным состоянием, а также эффективно взаимодействовать с другими людьми. Эти навыки могут быть полезны в общении специалистам по охране ментальной безопасности и эмоциональной поддержке людей, нуждающихся в помощи.

Данная концепция влияет на другие философские концепции в стратегии обеспечения ментальной безопасности, так как она подразумевает понимание и управление своими эмоциями и эмоциями других людей. Именно эти навыки являются ключевыми для успешного решения конфликтных ситуаций, предотвращения насилия и общения с людьми, находящимися в состоянии стресса или депрессии.

Концепция эмоциональной интеллектуальности также помогает развивать устойчивость к стрессу и эмоциональное благополучие, что является важным компонентом ментальной безопасности. Более того, данная концепция поддерживает развитие лидерских качеств и эмоционально-социальной компетентности, что полезно для успешной коммуникации и работы в коллективе.

Концепция позитивной психологии также может применяться в процессе обеспечения ментальной безопасности. Позитивная психология заключается в исследовании того, что делает жизнь значимой и счастливой, а также в разработке стратегий, которые помогают людям проживать более полную и удовлетворительную жизнь. В рамках обеспечения ментальной безопасности эту концепцию можно использовать

для помощи людям, которые страдают от тревоги, депрессии или других психических расстройств, в разработке позитивных стратегий для улучшения своего эмоционального состояния.

Данная концепция сфокусирована на сильных сторонах личности, счастье и благополучии, а не на проблемах и недостатках. Позитивная психология помогает людям развивать и использовать свои сильные стороны, что, в свою очередь, улучшает их психологическое благополучие и самочувствие.

Философские концепции в стратегии обеспечения ментальной безопасности также могут включать принципы эмпатии, социальной поддержки, ответственности, коммуникации и развития ресурсов для управления стрессом и эмоциональными состояниями. В этом контексте позитивная психология может служить как теоретическое и практическое руководство для разработки концепции ментальной безопасности, которая будет включать в себя не только превентивные меры, но и поддержку тех, кто уже имеет проблемы с психическим здоровьем.

Заключение. В настоящее время ментальная безопасность является одной из ключевых проблем современного общества.

Вероятность её нарушения возрастает с каждым днем по мере усиления «гибридных угроз» национальной безопасности, поэтому становится необходимым разрабатывать эффективные стратегии её обеспечения. Одним из основных инструментов, который может помочь в этом, является философия.

Философия позволяет по-новому взглянуть на проблемы ментальной безопасности и помогает выработать эффективные стратегии её обеспечения. Во-первых, философия способна осмыслить корни проблемы, представить необходимую информацию и выяснить причины, которые могут привести к нарушению ментальной безопасности. Во-вторых, философия предоставляет инструменты для разработки стратегий по защите ментальной безопасности, например, углублённый анализ возможных источников угроз, определение способов защиты, разработка процедур профилактики и предупреждения угроз и т. д.

Дальнейшие исследования темы ментальной безопасности с позиции социально-гуманитарных наук имеет большой потенциал, так как ментальная война представляет собой серьёзную угрозу национальной безопасности и требует принятия срочных и эффективных мер по её устранению.

Список литературы

1. Gardner H., Benjamin J., Pettingill L. An Examination Of Trust In Contemporary American Society. Текст: электронный // Center for Public Leadership. 2010. P. 3–16. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/55945> (дата обращения: 25.06.2023).
2. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: И. Д. Вильямс, 2007. 512 с.
3. Diamond J. M. Life with the artificial Anasazi // Nature. 2002. Vol. 419. P. 567–569. DOI: 10.1038/419567a.
4. Cisek P., Hayden B. Neuroscience needs evolution. Текст: электронный // Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/357354293_Neuroscience_needs_evolution/link/648cc6c48de7ed28ba30a283/download (дата обращения: 25.06.2023). DOI: 10.1098/rstb.2020.0518.
5. Abbott Y., Shah N., Ward K. K., McHale M. T., Alvarez E. A., Saenz C. C., Plaxe S. C. Use of Psychosocial Services Increases after a Social Worker-Mediated Intervention in Gynecology Oncology Patients // Health and Social Work. 2013. No. 38. P. 113–121. DOI: 10.1093/hsw /hit006.
6. Ильницкий А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военная мысль. 2023. № 6. С. 18–36.
7. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Ментальные ответы на возникновение рисков в современном обществе // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 127–139.
8. Пальцев А. И. «Глобальная гибридная война» как геополитическая стратегия США // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 3. С. 25–35.
9. Розов Н. С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 29–39.
10. Аулов В. К. Обзор концепта ментальной войны: структура и содержание // Военное право. 2022. № 4. С. 9–17.
11. Караваев И.Н., Суханов П. В. Ментальная война как новый вид противоборства // Вестник Академии военных наук. 2022. № 2. С. 42–45.
12. Фридман О. «Гибридная война» понятий // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 79–85.
13. Комлева Н. А. Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. 2017. Т. 12, № 3. С. 128–137.

14. Корнев В. В., Пальцев А. И. Методологические аспекты концептуального подхода к проблеме социокультурных факторов ментального терроризма // Гуманитарные проблемы военного дела. 2021. № 1. С. 39–44.
15. Головинский А. А. Изменение иерархии доминирующих ценностей личности как результат ведения ментальной войны. Текст: электронный // Вестник адъюнкта. 2021. № 3. URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/novyj-vypusk/8-vestnik/310-izmenenie-ierarkhii-dominiruyushchikh-tsennostej-lichnosti-kak-rezultat-vedeniya-mentalnoj-vojny> (дата обращения: 25.06.2023).
16. Сурков В. Ю. Куда делся хаос? Распаковка стабильности. Текст: электронный // Актуальные комментарии (сетевое издание) от 20 ноября 2021 г. URL: <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html> (дата обращения: 25.06.2023).
17. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
18. Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды Белорусского государственного технического университета. 2022. № 2. С. 108–113.
19. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 2. С. 310–322.
20. Коровникова Н. А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 107–118.
21. Литвинова Ю. И., Обринская Е. К. Организационно-функциональные элементы государственного механизма противодействия ментальным угрозам // Философия права. 2022. № 1. С. 88–94.
22. Хей Л. Исцели свою жизнь. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 519 с.
23. Sarkar S., Punnoose V. Cultural diversity and mental health // Indian Journal of Social Psychiatry. 2017. No. 33. P. 285. DOI: 10.4103/ijsp.ijsp_94_17.
24. Arnold I., Mulvale G., Germann K., Baynton M. Opportunities Abound to Improve Mental Health and Psychological Safety in the Workplace // Healthcare Papers. 2011. No. 11. P. 85–90.
25. Li H., Han Y., Xiao Y., Liu X., Li A., Zhu T. Suicidal Ideation Risk and Socio-Cultural Factors in China: A Longitudinal Study on Social Media from 2010 to 2018 // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, no. 1098. P. 1–14. DOI: 10.3390/ijerph18031098.
26. Hofstede G. Cultural Dimensions In Management And Planning // Asia Pacific Journal of Management. 1984. Vol. 1. P. 81–99.
27. Langer E. J. Mindfulness : choice and control in everyday life. London: Collins-Harvill, 1991. 226 p.
28. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
29. Розанов В. А. Стресс и психическое здоровье (нейробиологические аспекты) // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23, № 1. С. 79–86.
30. Young J., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy: A Practitioner's Guide. New York: Guilford Press, 2006. 436 p.

Информация об авторе

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент; Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы; 199178, Россия, г. Санкт-Петербург Средний пр. В.О., д. 57/43; kovalev-aa@ganepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>.

Для цитирования

Ковалев А. А. Роль философии в разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности в условиях «гибридных войн» современности // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 31–41. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-31-41.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

References

1. Gardner, H., Benjamin, J., Pettingill, L. An Examination of Trust in Contemporary American Society. Center for Public Leadership, pp. 3–16, 2010. Web. 25.06.2023. <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/55945>. (In Engl.)
2. Gardner, G. The structure of the mind: the theory of multiple intelligences: TRANS. from English. M: I. D. William, 2007. (In Rus.)
3. Diamond, J. M. Life with the artificial Anasazi. Nature, vol. 419, pp. 567–569, 2002. (In Engl.)

4. Cisek, P., Hayden, B. Neuroscience needs evolution. *Philosophical Transactions of The Royal Society, Biological Sciences*, 2021. Web. 25.06.2023. https://www.researchgate.net/publication/357354293_Neuroscience_needs_evolution/link/648cc6c48de7ed28ba30a283/download. DOI: 10.1098/rstb.2020.0518. (In Engl.)
5. Abbott, Y., Shah, N., Ward, K.K., McHale, M.T., Alvarez, E.A., Saenz, C.C., Plaxe, S. C. Use of Psychosocial Services Increases after a Social Worker-Mediated Intervention in Gynecology Oncology Patients. *Health and Social Work*, no. 38, pp. 113–121, 2013. (In Engl.)
6. Il'nitsky, A. M. Hegemon strategy – war strategy. *Military thought*, no. 6, pp. 18–36, 2023. (In Rus.)
7. Gubanov, N. I., Gubanov, N. N. Mental responses to the emergence of risks in modern society. *Bulletin of Slavic cultures*, vol. 54, pp. 127–139, 2019. (In Rus.)
8. Pal'tsev, A. I. "Global hybrid war" as a US geopolitical strategy. *Humanitarian problems of military affairs*, no. 3, pp. 25–35, 2018. (In Rus.)
9. Rozov, N. S. The Nature of War: Macrosociological Analysis of the Essence and Causes of Mass Organized Violence. *Humanitarian Vector*, no. 1, pp. 29–39, 2009. (In Rus.)
10. Aulov, V. K. Review of the concept of mental war: structure and content. *Military law*, no. 4, pp. 9–17, 2022. (In Rus.)
11. Karavaev, I.N., Sukhanov, P. V. Mental warfare as a new type of confrontation. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, no. 2, pp. 42–45, 2022. (In Rus.)
12. Friedman, O. "Hybrid war" of concepts. *Bulletin of MGIMO–University. Official Internet edition*, no. 5, pp. 79–85, 2016. (In Rus.)
13. Komleva, N. A. Hybrid War: Essence and Specificity. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, no. 3, pp. 128–137, 2017. (In Rus.)
14. Kornev, V.V., Paltsev, A. I. Methodological aspects of the conceptual approach to the problem of socio-cultural factors of mental terrorism. *Humanitarian problems of military affairs*, no. 1, pp. 39–44, 2021. (In Rus.)
15. Golovinsky, A. A. Changing the Hierarchy of Dominant Personal Values as a Result of Mental War // *Bulletin of Adjunct*, no. 3, 2021. Web. 25.06.2023. URL: <https://vestnik-adyunkta.ru> (In Rus.)
16. Surkov, V. Yu. Where has the chaos gone? Unpacking stability. *Actual comments (online edition) dated November 20, 2021*. Web. 25.06.2023. <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html>. (In Rus.)
17. Il'nitsky, A. M. Mental war of Russia. *Military thought*, no. 8, pp. 19–33, 2021. (In Rus.)
18. Ksenofontov, V. A. Mental security of the state. *Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy*, no. 2, pp. 108–113, 2022. (In Rus.)
19. Butkevich, S. A. Prevention of threats to mental security: legal, criminological and psychological and pedagogical tools. *Scholarly Notes of V. I. Vernadsky. Legal Sciences*, no. 2, pp. 310–322, 2021. (In Rus.)
20. Korovnikova, N. A. Mental security in the era of digitalization. *Social innovations and social sciences*, no. 1, pp. 107–118, 2020. (In Rus.)
21. Litvinova, Yu. I., Obrinskaya, E. K. Organizational and functional elements of the state mechanism for counteracting mental threats. *Philosophy of Law*, no. 1, pp. 88–94, 2022. (In Rus.)
22. Hay, L. *Heal your life*. M: Olma Media Group, 2011. (In Rus.)
23. Sarkar, S., Punnoose, V. Cultural diversity and mental health. *Indian Journal of Social Psychiatry*, no. 33, pp. 285, 2017. (In Engl.)
24. Arnold, I., Mulvale, G., Germann, K., Baynton, M. Opportunities Abound to Improve Mental Health and Psychological Safety in the Workplace. *Healthcare Papers*, no. 11, pp. 85–90, 2011. (In Engl.)
25. Li, H., Han, Y., Xiao, Y., Liu, X., Li, A., Zhu, T. Suicidal Ideation Risk and Socio-Cultural Factors in China: A Longitudinal Study on Social Media from 2010 to 2018. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, no. 1098, pp. 1–14, 2021. (In Engl.)
26. Hofstede, G. Cultural Dimensions in Management and Planning. *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 1, pp. 81–99, 1984. (In Engl.)
27. Langer, E. J. *Mindfulness: choice and control in everyday life*. London: Collins-Harvill, 1991. (In Engl.)
28. Frankl, V. *Man in search of meaning*. M.: Progress, 1990. (In Rus.)
29. Rozanov V. A. Stress and mental health (neurobiological aspects). *Social and clinical psychiatry*, no. 1, pp. 79–86, 2013. (In Rus.)
30. Young J., Klosko J., Weishaar M. *Schema therapy: A Practitioner's Guide*. N.Y.: Guilford Press, 2006. (In Engl.)

Information about the author

Kovalev Andrey A., Candidate of Political Science, Associate Professor; North-Western Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration; 57/43, V. O. Sredny ave., Saint Petersburg, 199178, Russia; kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>.

For citation

Kovalev A. A. The Role of Philosophy in the Development of Strategies for Ensuring Mental Security in the Conditions of “Hybrid Wars” of Our Time // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 31–41. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-31-41.

**Received June 28, 2023; approved after reviewing July 28, 2023;
accepted for publication July 28, 2023.**

ВОЙНА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

WAR IN THE HISTORY OF MANKIND: EVENTS AND DESTINIES

Научная статья

УДК 94(571.17).084.8:373

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-42-51

Общеобразовательная школа города Кемерово в годы Великой Отечественной войны

Алексей Владимирович Блинов

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

blinov_alexey_vlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>

Великая Отечественная война стала испытанием, как для страны, так и отдельных регионов, населённых пунктов, организаций и людей. Обращение к историческому опыту необходимо для сохранения памяти и поиска идентичности. В современной исследовательской проекции аспекты государственной политики и практик военного времени, в том числе тыловых регионов страны, не обойдены вниманием, но имеют место некоторые пробелы. Среди последних обращает на себя внимание недостаточное освещение образовательной практики в городе Кемерово, ставшем административным центром образованной области в годы войны, городе, удостоенном в 2021 г. почётного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести». В статье на основе историографических и исторических источников, с опорой на общенаучные и общеисторические принципы, теорию «модернизации образования» и подходы, используемые в историко-педагогических исследованиях, показана тенденция развития общеобразовательной школы города Кемерово в годы Великой Отечественной войны. Представлен восстановленный кадровый состав руководителей городского и районных отделов образования, на которых возлагалось решение административных, организационных, кадровых, бытовых вопросов военного времени. Выделен и рассмотрен спектр приоритетных направлений в работе городских школ военного времени, направленный, с одной стороны, на реализацию намеченных в предвоенное время планов (завершение ликвидации борьбы с безграмотностью), а с другой – поиск ответов вызовам времени (усиление патриотического воспитания и дисциплины среди учащихся, вовлечение в воспитательный процесс городских молодёжных организаций, формирование положительного эмоционального фона в преподавательском корпусе, борьба с беспризорностью, организация помощи фронту и тылу и др.). Установлено, что в годы Великой Отечественной войны, благодаря принятию взвешенных решений, удалось сохранить количественный и улучшить качественный потенциал городских школ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, город Кемерово, образование, школа, учитель, управление, воспитание

Original article

Comprehensive Secondary School of Kemerovo During the Great Patriotic War

Alexey V. Blinov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

blinov_alexey_vlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>

The Great Patriotic War was a test both for the country and for individual regions, localities, organizations and people. Addressing the historical experience is necessary to preserve memory and search for identity. In the modern research projection, aspects of state policy and wartime practices, including the rear regions of the

© Блинов А. В., 2023

country, have been studied, but there are gaps. Educational practices in the city of Kemerovo, which became the administrative center of the formed region during the war years, the city that was awarded the honorary title of the Russian Federation "City of Labor Valour" in 2021, are poorly studied. In the article, on the basis of historiographical and historical sources, with reliance on general scientific and general historical principles, the theory of "modernization of education" and approaches used in historical and pedagogical research, the tendency of development of general education school of Kemerovo during the Great Patriotic War is shown. The study presents the restored cadre of the heads of the city and district education departments, who were entrusted with solving administrative, organizational, personnel and welfare issues of wartime. The spectrum of priority directions in the work of wartime urban schools aimed, on the one hand, at the implementation of pre-war plans (completion of the fight against illiteracy) and, on the other hand, at finding answers to the challenges of the time (strengthening patriotic education and discipline among students, involvement of urban youth organizations in the educational process, formation of a positive emotional background in the teaching corps, combating homelessness, organization of assistance to the front and home front, etc.) was identified and considered. It has been established that during the Great Patriotic War, thanks to the adoption of balanced decisions, it was possible to preserve the quantitative and improve the qualitative potential of urban schools.

Keywords: The Great Patriotic War, the city of Kemerovo, education, school, teacher, management, education

Введение. Годы Великой Отечественной войны стали серьёзным испытанием советской школы и её руководителей, их волевого упорства и способности, несмотря на крайне сложную обстановку, в полной мере решать возникающие вопросы. Не без оснований в августе 1945 г. нарком просвещения В. П. Потемкин на Всероссийском совещании по народному образованию отмечал: «Никто не посмеет утверждать, что наша школа не выполнила своей основной воспитательной задачи. Все мы с гордостью сознаём, что доблестными защитниками Родины, победителями немецкого фашизма явились и питомцы советской школы. Советская школа победила фашистскую школу; советский учитель победил немецкого учителя-фашиста»¹.

В целях сохранения исторической памяти и поиска исторической идентичности необходимо обращение, среди прочего, к малоизученным страницам советской школы, которая в непростых условиях выдержала экзамен.

Результатом современной исследовательской рефлексии стало освещение ряда аспектов. Государственная политика и образовательные практики в условиях военного времени нашли отражение в исследованиях Ю. Г. Россинского [1; 2], В. И. Иванова [3], В. Б. Помелова [4], Н. К. Гуркиной [5], А. В. Овчинникова [6]. Авторами делается акцент на её многовекторности: с одной сто-

роны, сохранение школьной системы и её перестройка в соответствии с требованиями военного времени, а, с другой, продолжение работы по формированию отечественной школьной модели.

В работах Е. Ф. Кринко [7], О. П. Сорокиной [8], Д. А. Никадимова [9] получила оценку практика развития школы на оккупированных территориях. Без внимания исследователей не остались вопросы развития школы тыловых регионов страны. Тенденции развития школ Поволжья получили освещение в исследовании Е. Е. Красноженовой [10]; Урала – в работах В. М. Коренюк, А. Б. Сулова [11], Е. В. Протасовой [12].

Образовательное пространство Западной Сибири нашло отражение в работах М. П. Дудкиной [13], И. Н. Никулиной и О. А. Литвиновой [14], А. С. Шевлякова и О. А. Горбуновой [15]; Восточной – в исследованиях А. М. Гагариной [16], Е. Е. Семеновой [17], З. У. Колокольцовой, И. М. Блиновой, М. В. Старовой [18] и др.

На общем фоне исследовательских работ общеобразовательная школа Кузбасса и его административного центра не получила должного освещения. **Цель исследования** – выявить тенденции развития общеобразовательной школы города Кемерово в годы Великой Отечественной войны. Территориальные рамки исследования связаны с городом Кемерово, ставшего в годы Великой Отечественной войны не только административным центром новообразованной Кемеровской области, но и внесшему свою лепту в дело победы. Оценкой подвига горожан в военное время стало присвоение городу в сентябре 2021 г. почетного звания

¹ Потемкин В. П. О дальнейшем улучшении учебно-воспитательной работы в школе. Доклад и заключительное слово на Всероссийском совещании по народному образованию в августе 1945 г. // Академик В. П. Потемкин. Статьи и речи / под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. – М.; Л.: АПН РСФСР, 1947. – С. 250.

Российской Федерации «Город трудовой доблести»¹.

Материалы и методы исследования.

В качестве исходных материалов послужили историографические и исторические источники. Последние представлены материалами, отложившимися в фондах Государственного казенного учреждения Государственного архива Кузбасса (ГКУ ГАК): Р–2 (Кемеровский городской отдел народного образования), Р–57 (Кемеровское городское бюро по принятию и устройству эвакуированных в г. Кемерово), Р–323 (Кемеровский областной отдел народного образования), Р–849 (Коллекция личных дел хозяйственного актива Кемеровской области. г. Кемерово), П–11 (Кемеровский Центральный райком ВКП(б)), П–15 (Кемеровский городской комитет РКП(б) – ВКП(б) – КПСС); Муниципального бюджетного учреждения «Кемеровский городской архив» (МБУ «Кемеровский городской архив»): Ф–2 (Отдел народного образования исполкома Кемеровского городского Совета).

Объектно-предметной областью исследования был обусловлен выбор *методологии*:

– общенаучные и общеисторические принципы объективности, историзма, системности;

– теория «модернизации образования» (М. В. Богуславский), рассматривающая модернизацию как процесс формирования в системе образования способности адаптации к меняющимся условиям, формирования каналов взаимодействия власти и общества [19, с. 10];

– подходы, используемые в историко-педагогических исследованиях: системный – поиск взаимосвязанных ценностных характеристик рассматриваемых фактов и явлений, позволяющих выстроить структурно-иерархическую систему; аксиологический – анализ историко-педагогического процесса, исходя из ценностных ориентиров; парадигмальный – рассматривающий процесс как многогранную реальность [20; 21];

– отечественные [22; 23] и зарубежные [24–27] разработки по истории образования.

¹ О присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести»: Указ Президента Российской Федерации: от 10 сентября 2021 г. № 519. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202109100018?ysclid=lmuyhihx89r995565240> (дата обращения: 22.09.2023). – Текст: электронный.

Результаты исследования и их обосуждение. Ситуация в сфере образования в годы Великой Отечественной войны в регионе и его административном центре нашла отражение в резолюции Первого съезда учителей Кузбасса, состоявшегося в Кемерово 24 июля 1944 г.: «учительство Кузбасса в условиях военного времени, когда многие учителя, бывшие воспитанники и родители учеников сражаются на фронтах Отечественной войны, либо все свои силы отдают работе на предприятиях и в колхозах, с честью выполняет свои священные обязанности перед народом и воспитает молодое поколение в духе Сталинской эпохи»².

К началу Великой Отечественной войны ведомство Кемеровского городского отдела народного образования (далее – ГорОНО) представлено в соответствии с административно-территориальным делением городского пространства, Кировским, Рудничным и Центральным районными отделами народного образования (далее – РайОНО). В марте 1945 г. в результате разукрупнения Центрального района был образован четвертый – Заводский и сформирован новый территориальный отдел управления образованием.

К концу 1940–1941 учебного года в ведении ГорОНО находилось 48 образовательных учреждений: 7 детских садов, 3 библиотеки, 2 методических кабинета, школа взрослых, клуб глухонемых и 36 общеобразовательных школ³.

Последние, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы», были представлены тремя типами⁴: 11 средними школами (далее – СШ), составляющими 30,5 % от количества школ города; 10 неполными средними школами (далее – НСШ) – 27,8 %; 15 начальными школами (далее – НШ) – 41,7 %.

К окончанию войны, в результате реорганизации и открытия одной новой школы (СШ № 25), в городе насчитывалось 37 школ. На долю СШ и НСШ приходилось

² ГКУ ГАК (Государственное казенное учреждение Государственный архив Кузбасса). – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 7.

³ МБУ «Кемеровский городской архив» (Муниципальное бюджетное учреждение «Кемеровский городской архив»). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 7–8.

⁴ «О структуре начальной и средней школы»: Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б): [от 16 мая 1934 г.]. – URL: <https://istmat.org/node/40823> (дата обращения: 22.09.2023). – Текст: электронный.

по 32,4 %, НШ – 35,2 %. В рамках административно-территориального деления городского пространства на Кировский район приходилось 18,9 % от школ города (СШ – 42,9 %, НСШ – 14,2 %, НШ – 42,9 %); Рудничный – 27 % (СШ – 30 %, НСШ – 30 %, НШ – 40 %); Центральный – 18,9 % (СШ – 57,1 %, НСШ – 42,9 %); Заводский – 35,2 % (СШ – 15,4 %, НСШ – 38,5 %, НШ – 46,1 %) (табл. 1).

Если все НШ, за исключением школы № 9 («женская»), были «смешанными», то от НСШ «мужские» составляли 50 %, «женские» – 41,6 %, за исключением школы № 15 («смешанная»), от количества СШ на долю «мужских» приходилось 33,3 %, «женских» – 58,3 %, исключение составляла школа № 33 («смешанная») (табл. 1).

Таблица 1

Распределение типологического состава школ Кемеровского ГорОНО по районам к концу 1944–1945 учебного года

№	Район	Школа		
		№	тип	вид
1	Заводский	12	СШ	мужская
2		42	СШ	женская
3		7	НСШ	мужская
4		8	НСШ	смешанная
5		23	НСШ	мужская
6		29	НСШ	женская
7		32	НСШ	мужская
8		2	НШ	смешанная
9		5	НШ	смешанная
10		11	НШ	смешанная
11		13	НШ	смешанная
12		20	НШ	смешанная
13		28	НШ	смешанная
14		Кировский	19	СШ
15	25		СШ	женская
16	37		СШ	мужская
17	39		НСШ	мужская
18	14		НШ	смешанная
19	35		НШ	смешанная
20	36	НШ	смешанная	
21	Рудничный	16	СШ	женская
22		24	СШ	мужская
23		34	СШ	женская
24		15	НСШ	смешанная
25		22	НСШ	мужская
26		31	НСШ	женская
27		3	НШ	смешанная
28		6	НШ	смешанная
29		9	НШ	женская
30		38	НШ	смешанная

31	Центральный	1	СШ	мужская
32		4	СШ	женская
33		33	СШ	смешанная
34		41	СШ	женская
35		17	НСШ	женская
36		18	НСШ	мужская
37		21	НСШ	женская

Примечание. Источники: МБУ «Кемеровский городской архив». – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 7–8; Д. 3; ГКУ ГАК. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 59. – Л. 84–84об.

Органы городского управления образованием, как и всей тыловой части страны, в первые дни войны оказались в непростых условиях.

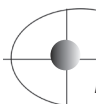
В связи с уходом на фронт (табл. 2) или переводом на партийные должности многих представителей городского педагогического сообщества накануне начала нового 1941–1942 учебного года обозначилась кадровая проблема.

Таблица 2

Представители городского педагогического сообщества, ушедшие на фронт в первые месяцы Великой Отечественной войны¹

Фамилия	Должность	Приказ по ГорОНО
Рыжков	директор НСШ № 17	№ 350 от 23.06.1941
Дуреев	директор НСШ № 23	№ 357 от 24.06.1941
Бухтияров	военрук СШ № 41	№ 358 от 24.06.1941
Веселов	учитель НСШ № 8	
Воложанин	директор НСШ № 39	
Гниломедов	учитель СШ № 34	
Жданов	и. о. директора СШ № 34	
Никитин	учитель НСШ № 37	
Порошин	учитель НСШ № 18	№ 359 от 26.06.1941
Утюшев	учитель НШ № 2	
Косинов	директор НСШ № 18	№ 437 от 21.07.1941
Ефимчук	учитель СШ № 12	
Пуряев	учитель СШ № 19	
Столяров	учитель НСШ № 31	
Чукин	учитель СШ № 4	№ 461 от 25.07.1941
Камышников	учитель НСШ № 31	
Нестеров	учитель СШ № 4	№ 488 от 31.07.1941
Клашкин	учитель СШ № 19	
Турханов	учитель НСШ № 39	

¹ Источники: ГКУ ГАК. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 23, 32–35, 50, 74, 111, 116, 133, 155.

Ситуация отчасти была смягчена при током эвакуированных учителей. В течение 1941 г. в педагогические коллективы 11 СШ (№ 1, 4, 12, 16, 19, 24, 33, 34, 37, 41, 42); 6 НСШ (№ 7, 8, 17, 18, 22, 23) и 7 НШ (№ 2, 6, 11, 14, 28, 35, 36) города влилось 75 эвакуированных учителей из оккупированных или находящихся под угрозой оккупации регионов (областей): РСФСР – 36 человек (Курская – 8,3 %, Ленинградская – 16,7 %, Московская – 47,2 %, Ростовская – 2,8 %, Тульская – 19,4 %, Приморский край – 5,6 %); БССР – 5 человек (Гомельская – 40 %, Минская – 20 %, Могилевская – 20 %, Полеская – 20 %); УССР – 31 человек (Винницкая – 6,5 %, Ворошиловоградская – 9,7 %, Днепропетровская – 12,9 %, Донецкая – 3,2 %, Запорожская – 3,2 %, Киевская – 3,2 %, Львовская – 3,2 %, Полтавская – 3,2 %, Сталинская – 22,6 %, Сумская – 16,1 %, Харьковская – 16,1 %); ЛитССР – 2 человека и КФССР – 1 человек¹.

Преодоление кадрового дефицита намечилось только к осени 1943 г., когда на заседании бюро Кемеровского горкома от 16 ноября 1943 г. было принято решение о возвращении работающих на предприятиях учителей в школы².

Война создала проблему с учебными помещениями. На основании приказа по ГорОНО № 354 от 23 июня 1941 г. школы № 1, 4, 10 подлежали расформированию «в 24 часа» с передачей помещений военному ведомству; школы № 12, 17, 18, 23 предназначались для размещения мобилизованного населения³. Нехватка учебных помещений привела к закрытию в августе 1941 г. школ для взрослых⁴.

Вопрос со школьными помещениями оставался до выхода в марте 1944 г. постановления СНК СССР «О порядке возвращения школьных зданий, используемых не по назначению»⁵. Несмотря на сложность ситуации, работа продолжалась. На традиционных августовских районных учительских конференциях, в соответствии с тезисами И. В. Сталина от 3 июля об учебно-воспитательной работе, обращением наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина «Ко всем работникам просвещения РСФСР» и его

статьи «Школа в военное время», опубликованной в «Известиях»⁶, постановлениями Совнаркома и Наркомпроса РСФСР («О готовности школ к новому учебному году», «Об устройстве эвакуированных детских учреждений», «О начале нового 1941/42 учебного года»), появившимся в августе-сентябре 1941 г. [5, с. 149], были даны установки.

Тяготы и невзгоды военного времени легли на плечи руководителей городских и районных отделов управления образованием, от которых требовалось своевременное, незамедлительное реагирование на вызовы времени. В годы Великой Отечественной войны Кемеровское ГорОНО возглавляли: С. Н. Мананников (с октября 1939 г. по ноябрь 1941 г.), А. И. Кыков (с декабря 1941 г. по июль 1943 г.), А. Г. Баева (с августа 1943 г. по июнь 1945 г.)⁷.

Руководителями Кировского РайОНО были А. М. Канаровская (с августа 1940 г. по март 1943 г.); М. Ф. Новиченко (с марта 1943 г. по март 1946 г.); Рудничного РайОНО – Н. П. Невзоров (с июня 1940 г. по март 1942 г.); А. М. Кравченко (с марта по декабрь 1942 г.), Я. П. Лапин (с декабря 1942 г. по март 1943 г.); Л. Г. Житкевич (с марта 1943 г. по октябрь 1943 г.); К. Х. Шагиахметов (с октября 1943 г. по сентябрь 1945 г.); Центрального РайОНО – В. А. Цалобанов (с июля по октябрь 1941 г.); А. И. Пискунова (с ноября 1941 г. по март 1945 г.); С. А. Катасонов (с марта 1945 г.)⁸.

Первым руководителем созданного в конце войны Заводского РайОНО стала А. М. Мазюкова (с мая 1945 по октябрь 1949 г.)⁹.

В военный период перед органами управления образованием стояла задача завершения намеченных в довоенный период планов.

Ключевой проблемой оставалось обеспечение всеобщего обязательного обучения, подкрепляемое новыми нормативными актами (октябрь 1942 г. – постановление СНК СССР «О мерах по осуществлению закона о всеобщем обучении», июль 1943 г. – инструкция, утвержденная СНК «Об органи-

⁶ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 27.

⁷ Там же. – Ф. П-11. – Оп. 2. – Д. 1650; – Ф. П-15. – Оп. 3. – Д. 26; – Оп. 4. – Д. 817; – Оп. 5. – Д. 94.

⁸ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 677; – Оп. 3. – Д. 554; – Ф. Р-849. – Оп. 1. – Д. 2871, 4589; – Оп. 5. – Д. 468, 1215; – Ф. П-15. – Оп. 3. – Д. 199; – Оп. 4. – Д. 460, 711, 769, 1373; – Оп. 5. – Д. 690, 1198, 1354.

⁹ Там же. – Ф. Р-849. – Оп. 3. – Д. 1401.

¹ ГКУ ГАК. – Ф. Р-57. – Оп. 1. – Д. 15.

² Там же. – Ф. П-15. – Оп. 8. – Д. 45. – Л. 48.

³ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 31.

⁴ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 192, 220–221.

⁵ Там же. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 1.

зации учёта детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обучении»¹.

За годы войны через систему ликвидации неграмотности в городе прошло 2305 человек: 1941 г. – 345, 1942 г. – 510, 1944 г. – 1450². С первых дней войны в рамках внеклассной работы особое внимание уделялось патриотическому воспитанию. Традиционными стали беседы с учащимися на темы «Всю работу подчинить фронту», «Отечественная война», «Что такое фашизм», «Обращение Германской компартии к германскому народу», «О бдительности»³.

Школа выступала источником формирования квалифицированного потенциала обороноспособности страны. В рамках приказа Областного отдела народного образования (далее – ОблОНО) № 331 от 4 мая 1944 г., по Кемеровскому ГорОНО 5 июня 1944 г. вышел приказ № 234 «О лагерном сборе учащихся юношей 8–9 классов школ Наркомпроса», согласно которому «заведующим РайОНО и директорам средних школ, под руководством старших военруков, рекомендовалось вывести учащихся 8–9 классов в лагерь юношей»⁴.

Большую роль в организации учебно-воспитательного процесса играла дисциплина учащихся. С 1 сентября 1943 г. в соответствии с постановлением СНК СССР № 789 от 16 июля 1943 г. с 1 по 10 классы вводилось раздельное обучение мальчиков и девочек⁵. В отчёте за 1943–1944 учебный год отмечались положительные последствия этой меры: «взаимоотношения между

мальчиками и девочками становятся более благородными, чуткими...»⁶.

Приказом Наркома просвещения «Об укреплении дисциплины в школе», увидевшим свет в марте 1944 г., устанавливались методы поощрения (похвала учителя, награда и похвальная грамота, выдаваемые директором школы) и наказания (замечание учителя, выговор перед классом, удаление из класса, оставление после уроков, снижение балла по поведению, вызов для внушения на педагогический совет, исключение из школы, направление в школу с особым режимом) учащихся⁷.

Внимание уделялось и вопросам поощрения учителей. Так, в марте 1942 г. было принято решение организовать при ГорОНО городскую «Доску почёта» для внесения на неё лучших работников детсадов, библиотек и школ»⁸.

В центре внимания оказалась проблема взаимодействия между школой и молодежными организациями города.

В ноябре 1943 г. было принято постановление бюро горкома о проведении районных собраний комсомольцев, учащихся школ по вопросу «Задачи комсомольских организаций в борьбе за честь своей школы»⁹.

В рамках решения вопроса активизации пионерского движения и его взаимодействия с городской комсомольской организацией в ноябре 1942 г. было принято решение о создании штаба пионеров при горкоме ВЛКСМ¹⁰.

Результаты работы давали о себе знать: если на заседании Кемеровского горкома в апреле 1942 г. отмечалось, что «комсомольская и пионерская организации не заняли ведущей роли в учебной и общественной жизни школы»¹¹, то в отчёте о работе городских школ за 1944–1945 учебный год подчеркивалось, что «основным ядром актива школы, вожаком ученических масс, непосредственным помощником администрации является школьная комсомольская организация»¹².

Большое внимание в деятельности органов управления образованием уделялось оздоровительным мероприятиям. В приказе

¹ Постановление СНК СССР «О мерах по осуществлению закона о всеобщем обучении // Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973. – М., 1974. – С. 25; Инструкция, утвержденная СНК «Об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обучении» // Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. – М., 1948. – С. 33.

² МБУ «Кемеровский городской архив». – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.

³ ГКУ ГАК. – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 2.

⁴ Там же – Оп. 2. – Д. 47. – Л. 132.

⁵ О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов: сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Л.: Лениздат, 1944. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199945> (дата обращения: 22.09.2023). – Текст: электронный.

⁶ ГКУ ГАК. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20–21.

⁷ Там же. – Д. 19. – Л. 4–4 об.

⁸ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 20. – Л. 194.

⁹ Там же. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 6.

¹⁰ Там же. – Ф. П-15. – Оп. 8. – Д. 28. – Л. 82.

¹¹ Там же. – Д. 26. – Л. 22.

¹² Там же. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 35 об.

№ 77 ОблОНО от 13 мая 1943 г. отмечалось: «Забота о здоровье детей – первейшая обязанность воспитателей, которым государство доверило ребят. По тому сейчас, как никогда, органы народного образования, руководители всех детских учреждений, учителя и воспитатели должны приложить всю свою энергию, всю инициативу, чтобы как можно лучше подготовить и организовать отдых ребят, этим улучшить состояние их здоровья»¹.

В годы Великой Отечественной войны учащиеся активно привлекались к оказанию помощи народному хозяйству, о чём свидетельствует ряд приказов, изданных ГорОНО: № 825 от 20 декабря 1941 г. «Об организации из числа учащихся мальчиков девочек 8–10 классов кружок трактористов и комбайнеров»², № 113 от 26 февраля 1942 г. «О прикреплении школ к колхозам и МТС для участия школьников в сельхозработах»³, № 281 от 22 июня 1942 г. «О проведении разъяснительной работы среди всех учащихся о государственном значении и об организации сбора лекарственных растений»⁴, № 98 от 7 мая 1943 г. «Об участии школьников в сельскохозяйственных работах колхозов, совхозов области»⁵; приказ № 338 от 31 мая 1944 г. «О мобилизации школьников на сельскохозяйственные работы»⁶.

Руководители городского образования большое внимание уделяли развитию школьного приусадебного хозяйства. Например, в 1945 г. кемеровскими школами было засеяно 48,7 га: зерновыми – 32,9 га, овощами – 15,8 га. Наличие собственных запасов позволяло школам вводить льготы для нуждающихся. Так, в 1944–1945 учебном году в школе № 33 400 детей фронтовиков ежедневно получали бесплатные обеды из овощей, выращенных на пришкольном участке⁷.

Важное место в работе городских органов образования занимал вопрос о материальной помощи детям фронтовиков, эвакуированных и активизации тимуровского движения, направленного на оказание помощи семьям красноармейцев. В приказе № 848 Кемеровского горисполкома от 28 декабря

1941 г. отмечалось: «Учесть всех детей в семьях красноармейцев, не охваченных всеобучем и разработать конкретный план охвата их учебной работой в районе, в котором следует предусмотреть снабжение их одеждой и обувью, замену нянь на время занятий тимуровцами, оказание помощи в успеваемости и т. д.»⁸.

В сентябре 1943 г. на заседании Кемеровского горкома было принято решение о проведении месячника помощи детям фронтовиков, в ноябре 1944 г. органами городского управления было разработано постановление «Об установлении стипендии «отличнику школьнику фронтовика», согласно которому они вводились «с целью оказания помощи нуждающимся школьникам защитникам Родины и стимулирования в успеваемости школьников фронтовиков». В 1944–1945 учебном году решением Исполкома было определено 300 стипендий в размере от 35 до 50 р. на общую сумму 377 200 р.⁹

Военное время породило проблему беспризорности. Для её преодоления в январе 1942 г. была утверждена программы по борьбе с безнадзорностью и создана городская комиссия¹⁰.

На завершающем этапе войны на повестку дня был поставлен вопрос о помощи освобождаемым от немецкой оккупации районам. Одним из первых мероприятий, инициированным в апреле 1944 г. Кемеровским ОблОНО, стал сбор книг для восстановления школьных библиотек¹¹.

О вкладе школ города в дело Победы красноречиво говорит отчёт за 1943–1944 учебный год: «Общественно-полезная работа в школах проводилась под лозунгом всемерной помощи фронту. Летом прошлого года на сельхозработы было послано 1938 человек, которые работали с 21 июня по 15 сентября и выработали 43780 трудодней. Особенно много собрали лекарственных растений, за что Аптекоуправлением премированы. Кроме того, учащимися было собрано 105 т металлолома, проведено 709 воскресников, собрано в фонд обороны 110 168 р. В помощь освобождённым районам собрано кроме денег 6781 кг картофеля, 1837 подарков и большое количество книг и учебных принадлежностей. Послано посылок бойцам

¹ ГКУ ГАК. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.

² Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 48.

³ Там же. – Д. 20. – Л. 173.

⁴ Там же. – Д. 20. – Л. 343.

⁵ Там же. – Д. 37. – Л. 21.

⁶ Там же. Д. 36. – Л. 121–122.

⁷ Там же. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 28.

⁸ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 68.

⁹ Там же. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 27а.

¹⁰ Там же. – Ф. П-15. – Оп. 8. – Д. 78. – Л. 5.

¹¹ Там же. – Ф. Р-2. – Оп. 2. – Д. 36. – Л. 115.

на фронт 211. Большое количество книг и подарков собрано для госпиталей. Кроме того, учащиеся принимали активное участие в очистке и озеленении города, в разноске повесток и извещений»¹.

Заключение. В условиях начавшейся войны школа и органы управления городским образованием оказались в сложных условиях из-за возникшей кадровой проблемы и выведения ряда школьных помещений из учебного процесса, что давало о себе знать на протяжении всего военного времени.

Несмотря на имеющиеся место проблемы, школы города продолжали работать, отвечая на вызовы времени. Тяготы и невзгоды легли на плечи руководителей городских и районных отделов управления образованием, от которых, как никогда ранее, требовалось своевременное, незамедлительное реагирование на вызовы времени.

Была продолжена начатая в довоенный период работа по ликвидации неграмотности, планомерно осуществляемая на протяжении всего военного периода. В соответствии с вызовами времени были внесены

коррективы в организацию учебно-воспитательного процесса: усилено внимание к патриотическому воспитанию и допризывной подготовке учащихся, вопросам дисциплины и методам поощрения учащихся и педагогического состава, вовлечению в воспитательный процесс комсомольской и пионерской организаций, участию городских школ в помощи фронту, тылу и освобождаемым от оккупации территориям, выработке мер помощи социально не защищённым категориям учащихся (детям фронтовиков и эвакуированных).

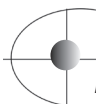
Кемеровская школа в годы войны, несмотря на ряд трудностей, смогла выстоять, сохранив свой потенциал и усилив его опытом, извлечённым из практик военного времени. За всем этим стояли люди, принимающие на себя основной удар.

В ходе исследования восстановлен персональный состав руководителей органов управления городским образованием в годы Великой Отечественной войны, предстоит работа по восстановлению руководящего состава образовательных учреждений.

Список литературы

1. Россинский Ю. Г. Управление школой РСФСР в 1942–1943 г. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2013. № 3. С. 29–38.
2. Россинский Ю. Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 24–39.
3. Иванов В. Н. Развитие школьного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны // Голос минувшего. 2017. № 1–2. С. 42–58.
4. Помелов В. Б. Отечественное образование в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 364–369.
5. Гуркина Н. К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-10-146-156.
6. Овчинников А. В. Власть и учительство России в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 2. С. 7–17.
7. Кринко Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 40–50.
8. Сорокина О. Л. Школы в условиях войны и оккупации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2, № 2. С. 138–162.
9. Никадимов Д. А. Организация работы школ на оккупированной территории юга России во время Великой Отечественной войны // Вестник таганрогского института им. А. П. Чехова. 2017. № 1. С. 161–170.
10. Красноженова Е. Е. Решение проблем общеобразовательной школы в период Великой Отечественной войны (на примере Нижнего Поволжья) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 26–28.
11. Коренюк В. М., Суслов А. Б. Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 6. С. 44–52. DOI: 10.17223/19988613/44/6.
12. Протасова Е. В. Уральские школы в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивов и музеев Пермского края) // Научный диалог. 2018. № 1. С. 244–264. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-244-264.
13. Дудкина М. П. Изменения в школьном образовании в 1941–1945 годах (на материалах Западной Сибири) // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 1. С. 115–122.

¹ ГКУ ГАК. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 18.

14. Никулина И. Н., Литвинова О. А. Из истории образования на Алтае: польские школы в Барнауле (1940–1946 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 6. С. 41–48. DOI: 10.14258/izvasu(2019)6-06.
15. Шевляков А. С., Горбунова О. А. Школы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 82. С. 137–141. DOI: 10.17223/19988613/82/16.
16. Гагарина А. М. Из истории народного образования Читинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарный вектор. 2010. № 3. С. 58–61.
17. Семенова Е. Е. Школьное образование Бурятии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 37–42. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-37-42.
18. Колокольцова З. У., Блинцова И. М., Староверова М. В. Воспитательная работа в школах Красноярского края в годы ВОВ // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-1. С. 166–169.
19. Богуславский М. В. Стратегии модернизации российского образования XX века: теоретико-методологические подходы к исследованию // Проблемы современного образования. 2013. № 4. С. 5–20.
20. Тюменцева Ю. А. Методологические подходы к истории образовательной политики (1900–1917 гг.) // Проблемы современного образования. 2018. № 3. С. 165–171.
21. Просветова Т. С. Специфика методологии историко-педагогических исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2018. № 3. С. 188–193.
22. Алмаев Р. З. Советское школьное образование в историографических дискуссиях постсоветского периода // Преподаватель XXI век. 2022. № 2-2. С. 279–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-279-287.
23. Астафьев Д. А., Годовова Е. В. Историография истории советской школьной повседневности // Вестник Самарского университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 8–23. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-1-8-23.
24. Green A. Education and State Formation: The Rise of Education Systems in England, France and the USA. London: St. Martin's Press, 1990. 353 p.
25. Pulliam J., Van Patten J. History of Education in America. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2009. 9 Ed. 416 p.
26. Mondale S. School: The story of American Public Education. Boston: Beacon Press, 2002. 243 p.
27. Husen T. Educational research at the crossroads? An exercise in self-criticism // Prospects. 1989. No. 19. P. 349–360.

Информация об авторе

Блинов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент; Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; blinov_alexey_vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>.

Для цитирования

Блинов А. В. Общеобразовательная школа города Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 42–51. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-42-51.

Статья поступила в редакцию 12.08.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 17.09.2023.

References

1. Rossinskii, Yu. G. Management of the RSFSR school in 1942–1943. Bulletin of the Moscow State Humanitarian University. M. A. Sholokhova, no. 3, pp. 29–38, 2013. (In Rus.)
2. Rossinskii, Yu. G. The education system of the RSFSR during the Great Patriotic War. Domestic and foreign pedagogy, no. 2, pp. 24–39, 2015. (In Rus.)
3. Ivanov, V. N., Development of school education in the USSR during the Great Patriotic War. Voice of the past, no. 1–2, pp. 42–58, 2017. (In Rus.)
4. Pomelov, V. B. The native system of education during the Great Patriotic War 1941–1945. Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University, no. 4, pp. 364–369, 2019. (In Rus.)
5. Gurkina, N. K. Russian school during the Great Patriotic War (features of management and development of the educational system). Management consulting, no. 10, pp. 146–156, 2020. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-10-146-156 (In Rus.)
6. Ovchinnikov, A. V. Authorities and teaching of Russia during the Great Patriotic War. Domestic and foreign pedagogy, no. 2, pp. 7–17, 2020. (In Rus.)
7. Krinko, E. F. Soviet School under Nazi occupation (1941–1944). Domestic and foreign pedagogy, no. 2, pp. 40–50, 2015. (In Rus.)

8. Sorokina, O. L. Schools in conditions of war and occupation. Russian regions: a look into the future, no. 2, pp. 138–162, 2015. (In Rus.)
9. Nikadimov, D. A. Organization of schools in the occupied territory of the Southern Russia during the Great Patriotic War. Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, no. 1, pp. 161–170, 2017. (In Rus.)
10. Krasnozhenova, E. E. Solution of the problem of the secondary school in the period of the Great Patriotic War (by the material of the Nizhny Volga Region). Bulletin of Volgograd State Pedagogical University, no. 9, pp. 26–28, 2012. (In Rus.)
11. Korenyuk, V. M., Suslov, A. B. Everyday life of children of “enemies of the people” during the Great Patriotic War: the case of the Molotov region. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, no. 6, pp. 44–52. 2016. DOI: 10.17223/19988613/44/6 (In Rus.)
12. Protasova, E. V. Ural schools during the Great Patriotic War (of materials of Perm Region archives and museums). Scientific dialogue, no. 1, pp. 244–264, 2018. DOI: 10.24224/2227-295-2018-1-244-264 (In Rus.)
13. Dudkina, M. P. Changes in school education in 1941–1945 (the case of Western Siberia materials). Ideas and ideals. Vol. 2, no. 1, pp. 115–122, 2013. (In Rus.)
14. Nikulina, I. N., Litvinova, O. A. From history of the education in Altai: Polish schools in Barnaul (1940–1946). News of Altai State University, no. 6, pp. 41–48, 2019. DOI: 10.14258/izvasu(2019)6–06 (In Rus.)
15. Shevlyakov, A. S., Gorbunova, O. A. Tomsk schools in the Great Patriotic War (1941–1945). Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, no. 82, pp. 137–141, 2023. DOI: 10.17223/19988613/82/16 (In Rus.)
16. Gagarina, A. M. From the history of public education in Chita region during the Great Patriotic War (1941–1945). Humanitarian vector, no. 3, pp. 58–61, 2010. (In Rus.)
17. Semenova, E. E. School education in Buryatia during the War and in the postwar period. Bulletin of Buryat State University, no. 7, pp. 37–42, 2015. DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-37-42. (In Rus.)
18. Kolokol'tsova, Z. U., Blintsova, I. M., Staroverova, M. V. Educational work in schools of the Krasnoyarsk Territory during the Second World War. Problems of modern teacher education, no. 73–1, pp. 166–169, 2021. (In Rus.)
19. Boguslavskii, M. V. Russian education modernization strategies of the 20th century: theoretical and methodological approaches to research. Problems of modern education, no. 4, pp. 5–20, 2013. (In Rus.)
20. Tyumentseva, Yu. A. Methodological approaches to research of educational policy (1900–1917). Problems of modern education, no. 3, pp. 165–171, 2018. (In Rus.)
21. Prosvetova, T. S. Methodological peculiarities of conducting research in the field of historical and pedagogical studies. Bulletin of Voronezh State University, no. 3, pp. 188–193, 2018. (In Rus.)
22. Almaev, R. Z. Soviet school education in historiographic discussions of the post-Soviet period. The 21st century teacher, no. 2–2, pp. 279–287, 2022. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-279-287 (In Rus.)
23. Astaf'ev, D. A., Godovova, E. V. Historiography of history of Soviet school everyday life. Bulletin of Samara State University, no. 1, pp. 8–23, 2022. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-1-8-23 (In Rus.)
24. Green A. Education and State Formation: The Rise of Education Systems in England, France and the USA. L: St. Martin's Press, 1990. (In Engl.)
25. Pulliam J., Van Patten J. History of Education in America (9th Edition). Prentice Hall, 2009. (In Engl.)
26. Mondale, S. School: The story of American Public Education. Beacon Press, 2002. (In Engl.)
27. Husen T. Educational research at the crossroads? An exercise in self-criticism. Prospects, no. 19, pp. 349–360. 1989. (In Engl.)

Information about the author

Blinov Alexey V., Doctor of History, Associate Professor; Kemerovo State University, 6 Krasnaya st., Kemerovo, Russia, 650000; blinov_alexey_vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>.

For citation

Blinov A. V. Secondary School of Kemerovo During the Great Patriotic War // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 42–51. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-42-51.

**Received August 12, 2023; approved after reviewing September 15, 2023;
accepted for publication September 17, 2023.**

Научная статья

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-52-62

**Продовольственная безопасность трудовых коллективов НКВД
в годы Великой Отечественной войны: быт советского общества в тылу****Александр Владимирович Жадан***Дальневосточный юридический институт МВД России
(Владивостокский филиал), г. Владивосток, Россия
awzhadan252@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>*

Проблема обеспечения сотрудников продуктами питания стала для руководства НКВД одной из наиболее сложных и актуальных в годы Великой Отечественной войны. От решения данного вопроса напрямую зависела работоспособность трудовых коллективов, морально-психологическое состояние персонала. В данной публикации, основанной на документальных источниках, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, поставлена цель проанализировать и обобщить исторический опыт деятельности территориальных органов НКВД Дальнего Востока в решении вопроса продовольственного обеспечения личного состава. В исследовании использовались принципы историзма, объективности и системности, а также методы социальной истории. Проведённое исследование показало, что военное время негативно отразилось на материальном положении персонала НКВД. Особенно острый характер приобрела проблема удовлетворения жизненных базовых потребностей сотрудников, в частности, обеспечения продуктами питания. Такое положение снижало мотивацию трудовых коллективов, провоцировало совершение дисциплинарных проступков и преступлений, обусловленных стремлением сотрудников улучшить материальное положение своих семей. Основными путями совершенствования системы продовольственного обеспечения территориальных органов НКВД Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны стало: расширение практики самозаготовок и децентрализованных закупок; введение системы нормированного обеспечения сотрудников продуктами питания; упорядочивание деятельности системы Спецторга; повышение эффективности подсобных хозяйств; развитие индивидуального и коллективного огородничества. Характерными аспектами быта милиционеров стали сельскохозяйственные работы на индивидуальных и коллективных огородах, в подсобных хозяйствах. Реализованный комплекс мер позволил обеспечить продовольственную безопасность трудовых коллективов, что следует считать важной заслугой руководства и партийных организаций дальневосточных органов НКВД. Одновременно деятельность, связанная с самообеспечением, отвлекала личный состав от основной правоохранительной работы, снижая её эффективность.

Ключевые слова: Дальний Восток, органы НКВД, Великая Отечественная война, Спецторг, продовольственное обеспечение

Original article**Food Security of NKVD Labor Collectives During the Great
Patriotic War: The Life of Soviet Society in the Rear****Alexander V. Zhadan***Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Vladivostok, Russia
awzhadan252@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>*

The problem of providing employees with food was one of the most difficult and urgent for the leadership of the NKVD during the Great Patriotic War. The efficiency of labor collectives, the moral and psychological state of the staff directly depended on the solution of this issue. In this publication, based on documentary sources, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time, the goal was to analyze and summarize the historical experience of the activities of the territorial bodies of the NKVD of the Far East in solving the issue of food supply of personnel. The research used the principles of historicism, objectivity and consistency, as well as methods of social history. The conducted research showed that the wartime had a negative impact on the financial situation of the NKVD personnel. The problem of meeting the basic living needs of employees, in particular the provision of food, has become particularly acute. This situation reduced the motivation of labor

© Жадан А. В., 2023

collectives, provoked the commission of disciplinary offenses and crimes caused by the desire of employees to improve the financial situation of their families. The main ways to improve the food supply system for employees of the territorial bodies of the NKVD of the Far East during the Great Patriotic War were: the expansion of the practice of self-procurement and decentralized procurement; the introduction of a system of standardized food supply for employees; streamlining the activities of the Special Trade system; improving the efficiency of subsidiary farms; the development of individual and collective gardening. Characteristic aspects of the life of the employees were agricultural work in individual and collective gardens, in subsidiary farms. The implemented set of measures made it possible to ensure the food security of labor collectives, which should certainly be considered an important merit of the leadership and party organizations of the Far Eastern NKVD bodies. At the same time, activities related to self-sufficiency led to a significant diversion of personnel resources from solving the main service and operational tasks, which negatively affected the effectiveness of law enforcement work.

Keywords: The Far East, NKVD bodies, the Great Patriotic War, Special Trade, food supply

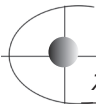
Введение. Работа служб и подразделений НКВД по обеспечению стабильного функционирования тыла, а также непосредственное участие в боях и разведывательно-подрывной деятельности в тылу врага внесли существенный вклад в победу Советского Союза во Второй мировой войне, что получило широкое освещение в современной отечественной историографии [1–3]. В последние годы активно исследуются такие региональные аспекты деятельности органов правопорядка Сибири и Дальнего Востока, как обеспечение государственной безопасности [4; 5], противодействие преступности и охрана общественного порядка [6; 7], борьба с беспризорностью и безнадзорностью [8], подготовка к военному конфликту с Японией [9; 10] и др. [11–13].

Немалый интерес к развитию советской государственности, особенностям функционирования правоохранительных структур и повседневной жизни советского общества в годы войны проявляют и зарубежные исследователи, что во многом обусловлено общим интересом к истории периода сталинизма [14–22].

Вместе с тем одной из наименее изученных страниц истории органов внутренних дел остаются бытовые, повседневные вопросы жизни сотрудников, в том числе организация продовольственного обеспечения, игравшая в голодные годы войны ключевую роль в поддержании физической работоспособности персонала, должного морально-психологического состояния и трудовой мотивации. Это обстоятельство послужило целью подготовки данной публикации, источниковой основой которой стала внутренняя документация управлений НКВД Хабаровского и Приморского краев (далее, соответственно – УНКВД по ХК и УНКВД по ПК), а также материалы первичных парторганизаций, отложившиеся в региональных архивах данных субъектов РФ.

Методология и методы исследования. Особую роль, наряду с традиционными принципами объективности, историзма и детерминизма, в постижении предмета исследования сыграли методы социальной истории. Выбранная нами эпистемологическая парадигма рассматривает органы НКВД как часть советского общества, тесно взаимосвязанную со всеми его подсистемами. Персонал НКВД будучи органической частью социума сам становился объектом воздействия негативных социально-экономических факторов военного времени. При этом, согласно общеизвестной теории А. Маслоу, в иерархии человеческих потребностей, потребность в пищевых ресурсах (наряду с иными физиологическими потребностями) занимает базовый – первый уровень, лишь при обеспечении которого, человек может быть в полной мере мотивирован к реализации социальных потребностей (в нашем случае – к выполнению служебно-оперативных задач). В этой связи исследование региональной дальневосточной специфики повседневной жизни сотрудников НКВД в годы войны открывает дополнительные возможности для научной интерпретации таких аспектов, как социальная политика в органах НКВД, эффективность выполнения должностных обязанностей работниками, соблюдение ими служебной дисциплины и законности.

Результаты исследования и их об-суждение. Экономическое положение дальневосточников в годы Великой Отечественной войны характеризуется историками как бедность [23]. Уровень обеспеченности домохозяйств продуктами питания и предметами первой необходимости снизился до критического минимума. Причиной послужило сокращение объёмов централизованных поставок из западных регионов страны. Одновременно уменьшилось местное производство продукции [24, с. 323–324]. В

результате притока денежных знаков из центра страны, в регионе случился локальный денежно-финансовый кризис. Резко упала покупательная способность рубля, что осложняло приобретение товаров вне сферы государственной торговли¹. Так, в Приморье за годы войны цены на неорганизованных рынках выросли более чем в двадцать раз².

Военное время негативно отразилось и на материальном положении сотрудников НКВД. Обесценившееся денежное довольствие фактически перестало удовлетворять базовые жизненные потребности их семей. Это снижало трудовую мотивацию персонала, провоцировало совершение дисциплинарных проступков и преступлений, обусловленных стремлением сотрудников улучшить свое материальное положение.

В документах фиксируются факты использования служебного времени для решения бытовых вопросов, поездки в сельскую местность для закупки продуктов под видом служебных командировок, спекулятивной торговли³. Тяжелое материальное положение обусловило факты хищения отдельными работниками НКВД вещественных доказательств и имущества своих коллег⁴. Например, один из милиционеров-кавалеристов выносил из конюшни домой в карманах овес⁵, в другом случае – милиционер воровал доски из забора для отопления своей квартиры⁶. Имели место совершенно вопиющие случаи насильственного отъема у граждан продуктов или продовольственных карточек⁷. Так, милиционер Г., будучи на посту (г. Хабаровск, 1942 г.) задержал двух несовершеннолетних мальчиков, отобрал у них хлеб и забрал его себе⁸. Среди оперативных работников имела место практика присвоения продуктов (продуктовых карточек), предназначенных для агентурного аппара-

та⁹. В отдельных случаях предметом посягательств становились подарки, собранные личным составом для бойцов Красной Армии¹⁰.

Таким образом, для руководства центрального аппарата НКВД и региональных управлений очевидно острой встала проблема обеспечения базовых жизненных потребностей сотрудников и их семей.

Продовольственные карточки для личного состава дальневосточных органов НКВД стали вводиться уже осенью 1941 г. Для контроля за их распределением вводились должности соответствующих инспекторов, обеспечивались надежные места хранения¹¹. С начала 1942 г. в документах фиксируются случаи злоупотреблений, мошенничества, нарушений правил пользования продуктовыми карточками среди персонала органов НКВД¹². В ряде случаев виновные в хищениях (подделке) карточек сотрудники предавались суду военного трибунала¹³. Анализ документации дальневосточных органов НКВД позволяет с высокой долей вероятности предполагать, что к началу 1942 г. система нормированного обеспечения трудовых коллективов продуктами питания находилась в состоянии близком к критическому и не могла полностью обеспечить возлагаемые на нее функции. В этих условиях принципиально важное значение получили дополнительные источники обеспечения личного состава продовольствием. Фактически в рассматриваемый период времени от решения этой задачи зависело сохранение работоспособности служебных коллективов.

Одним из таких источников ещё с довоенного периода являлись магазины и столовые системы торгово-бытового обслуживания сотрудников НКВД (далее – Спецторг). К январю 1942 г. одновременно с ростом потребительской нагрузки, система столкнулась с дефицитом товаров, обусловленным резким снижением централизованных поставок¹⁴. Эти обстоятельства детерминировали реорганизацию дальневосточного

¹ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. – М.: Росстат, 2020. – С. 174–185.

² Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – С. 511.

³ Архив Управления МВД по Приморскому краю (АУМВД по ПК). – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 18, 21, 51; Архив Управления МВД по Хабаровскому краю (АУМВД по ХК). – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 80, 153.

⁴ АУМВД по ПК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 170; АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 97.

⁵ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 137.

⁶ Там же. – Д. 114. – Л. 49.

⁷ Там же. – Д. 85. – Л. 49.

⁸ Там же. – Д. 115. – Л. 8.

⁹ Там же. – Д. 115. – Л. 8. Там же. – Д. 97. – Л. 64; Д. 111. – Л. 38.

¹⁰ Там же. – Д. 85. – Л. 131–131 об.

¹¹ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 170.

¹² Там же. – Д. 84. – Л. 80, 150, 170.

¹³ Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 72.

¹⁴ АУМВД по ПК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 8.

Спецторга в соответствии с текущими условиями.

В целом, за годы войны сеть Спецторга на Дальнем Востоке претерпела серьезные видоизменения, адаптируясь к меняющимся условиям работы и потребностям обеспечения личного состава органов НКВД. В период 1942–43 гг. основной упор был сделан на расширение собственной продовольственной базы (строительство новых коровников, свинарников, птичников, продовольственных складов и овощехранилищ; оборудование рыболовецких хозяйств; увеличение площадей посевов и т. д.) и обеспечение сотрудников общественным питанием, для чего увеличивалось число столовых¹.росло число штатных единиц, поспешно сокращенных в 1941 г.² В 1944–1945 гг. происходило сокращение числа столовых в связи с появлением альтернативных источников снабжения трудовых коллективов продуктами питания (развитием сети подсобных хозяйств, личных и коллективных огородов). К концу войны сократилось и число магазинов, причиной чего, предположительно, стал низкий объём централизованных поставок товаров для торговой сети³.

Основными тенденциями оптимизации работы Спецторга в военные годы стали:

- дифференциация норм продуктов питания в зависимости от должностных категорий сотрудников. Так, к концу 1944 г. в органах НКВД г. Хабаровска насчитывалось десять категорий сотрудников, прикрепленных к разным столовым⁴;
- детализация правил пользования магазинами и столовыми Спецторга;
- усиление контроля за деятельностью Спецторга в целях повышения качества обслуживания, соблюдения учётно-финансовой дисциплины, санитарно-гигиенических норм и привлечения виновных должностных лиц к ответственности. Для проверки деятельности торговой сети, баз и столовых Спецторга периодически формировались специальные комиссии⁵, действовал общественный контроль из числа сотрудников⁶.

¹ ГА ХК. – Ф. Р-852. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 33–36, 196–198; ГА ХК. – Ф. Р-852. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 61.

² Там же. – Д. 9. – Л. 196–198.

³ Там же. – Д. 12. – Л. 4–4 об.; Д. 17. – Л. 4–4 об.

⁴ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 170–176; Там же. – Д. 112. – Л. 49.

⁵ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 76.

⁶ ГА ХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 16–16 об.

По мере возможности осуществлялся ремонт помещений⁷, передавался дополнительный автотранспорт для доставки продуктов из совхозов⁸. Несмотря на серьёзное внимание, уделяемое со стороны руководства региональных управлений НКВД, изученные документы позволяют выделить ряд типичных для рассматриваемого периода недостатков в работе системы Спецторга:

– низкое качество приготовляемой в столовых пищи, нарушения санитарно-гигиенических норм, грубость персонала⁹. Имели место отравления и пищевые расстройства. Недостаточная калорийность рациона (прежде всего дефицит мяса и животных жиров) приводила к случаям алиментарной дистрофии среди питающихся в столовых сотрудников НКВД¹⁰;

– недостаточный контроль за распределением продуктов питания, их нецелевое расходование. Зачастую через систему Спецторга снабжалось большое количество людей, формально не имеющих на это права, начиная с представителей местного партийного и советского руководства и заканчивая заключёнными, находящимися на работах при территориальных органах НКВД¹¹. В результате имели место случаи, когда сотрудники имевшие талоны на продукты питания не могли их отоварить по причине отсутствия товаров¹²;

– хищения и злоупотребления среди работников и должностных лиц¹³;

– низкая трудовая мотивация значительной части рядовых работников Спецторга по причинам их недостаточного материального обеспечения. В особенно трудном положении находились семьи фронтовиков¹⁴.

Перечисленные недостатки в значительной мере были обусловлены трудностями кадрового и материально-технического характера, которые испытывала в годы войны система Спецторга на Дальнем Востоке. Мобилизация и сокращение штатов привели к нехватке рабочих рук, от чего особенно страдал сельскохозяйственный

⁷ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 33.

⁸ Там же. – Д. 130. – Л. 47.

⁹ ГА ХК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 85, 93 об.; АУМВД по ПК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 2.

¹⁰ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 26–27.

¹¹ Там же. – Л. 76–76 об.

¹² ГА ХК. Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 15 об.

¹³ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 232.

¹⁴ ГА ХК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 87, 93.

сектор – совхозы и рыбалки¹. В 1942 г. на замену мобилизованных работников в хозяйства Спецторга стали направляться семьи спецпереселенцев².

Сокращение централизованных поставок нарушало производственные цепочки, снижало экономические показатели³. Не хватало автотранспорта, сельхозтехники, запчастей к ним⁴. С началом войны фактически прекратились поставки оборудования и инвентаря для подсобных хозяйств и предприятий общественного питания. Так, к 1944 г. в дефиците была практически вся линейка промышленных товаров, начиная со стройматериалов и удобрений и заканчивая посудой и резиновыми сапогами⁵.

Серьезной логистической проблемой стал завоз продуктов в отдаленные регионы Дальнего Востока («Северный завоз»)⁶. Важным направлением работы по продовольственному снабжению сотрудников НКВД стало развитие сети собственных подсобных хозяйств⁷.

Директива НКВД СССР от 15 июля 1942 г. № 272 ставила в качестве важнейшей задачи, стоящей перед хозяйственными органами, наилучшую подготовку к уборке урожая и успешное проведение сельскохозяйственных работ. Руководство региональных управлений НКВД обязывалось оказывать совхозам и подсобным хозяйствам практическую помощь в составлении рабочих планов и организации подготовки по проведению уборки урожая. Предполагалось направление на уборочные работы сотрудников НКВД и членов их семей не в ущерб оперативной работе⁸.

Директива НКВД СССР от 24 декабря 1942 г. требовала организовать посадку картофеля и овощей на площади, обеспечивающей получение на каждого сотрудника до 1,5 центнеров картофеля и до 1,5 центнеров разных овощей. На базе собственных кормов рекомендовалась организация животноводства. В этих целях предписывалось принять меры к: получению от местных органов

власти земельных участков; приобретению семян, необходимой тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря, минеральных и органических удобрений⁹.

Согласно директиве НКВД СССР от 31 мая 1943 г. № 283 для организации дела развития подсобного хозяйства, изыскания дополнительных источников продовольственного питания, а также всей работы по материальному обеспечению в штат управлений милиции вводилась должность помощника начальника управления по снабжению¹⁰.

Тенденцией военных лет стало расширение сети подсобных хозяйств¹¹: дополнительно к совхозам Спецторга свои хозяйства стали заводить непосредственно хозяйотделы территориальных органов. Так, в 1943 г. УНКВД по Хабаровскому краю получило в свое ведение два крупных совхоза: Возжаевский (Амурская область) и Волочаевский (Еврейская автономная область), значительно расширив свое подсобное хозяйство. Общая посевная площадь подсобных хозяйств УНКВД по ХК на 1943 г. составила 2146 га, в том числе зерновых – 1464 га, картофеля – 409 га, овощей – 137,8 га, кормовых корнеплодов – 56,1 га, прочих культур – 83,8 га¹². Наряду с земледелием и животноводством, заметную роль в обеспечении сотрудников НКВД Дальнего Востока продуктами питания играла рыбная ловля, охота и сбор дикоросов¹³.

Руководство краевых управлений НКВД настойчиво требовало от подчиненных структур укрепления собственной продовольственной базы. К 1944 г. своими подсобными хозяйствами обзавелись все областные управления НКВД, краевые и областные управления милиции, тюрьмы, части военизированной пожарной охраны, Ушосдор и др.¹⁴ К концу войны, практически все структурные подразделения дальневосточных органов НКВД имели свои подсобные хозяйства, специализация которых обуславливалась географическими и природно-климатическими условиями расположения.

¹ ГА ХК. – Ф. Р-852. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 195–195 об.

² Там же. – Д. 9. – Л. 35.

³ Там же. – Д. 6. – Л. 195–195 об.

⁴ Там же. – Д. 5. – Л. 44–45; Д. 6. – Л. 196.

⁵ ГА ХК. – Ф. Р-852. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 230–238

⁶ Там же. – Д. 15. – Л. 25–125.

⁷ Балашов Ф. начальник Спецторга Хабаровского края. Наше подсобное хозяйство // Тихоокеанская звезда. – 22 нояб. – 1941. – № 278.

⁸ АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 224–225.

⁹ Там же. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 187–187 об.

¹⁰ Там же. – Д. 153. – Л. 160–161.

¹¹ Государственный архив РФ (ГА РФ). – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 88. – Л. 168.

¹² ГА ХК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 6.

¹³ Государственный архив Приморского края (ГА ПК). – Ф. П-347. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 9–10; Ф. Р-852. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 44–45.

¹⁴ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 42–43.

На развитие подсобных хозяйств, в ответствии с подаваемыми промфинпланами, выделялись ассигнования из государственного бюджета. Долговые обязательства подлежали возврату с получаемой от хозяйств прибыли. Следует также отметить, что хозяйства НКВД не освобождались от обязательств по госзаготовкам продовольствия.

Рабочую силу подсобных хозяйств составляли вольнонаемные работники и заключенные. Последние получали за свою работу денежное вознаграждение согласно действовавшим на то время правилам, а за особые успехи в труде – премиальное вознаграждение. Зарплата вольнонаёмных рабочих к 1944 г. составляла около 200 р. В соответствии с приказом НКВД СССР № 206 1944 г. «О введении норм выработки, оплаты труда и премировании рабочих в совхозах и подсобных хозяйствах» вводилась сдельная оплата труда¹. Данная мера, по-видимому, должна была стимулировать производительность труда работников. Также к сезонным работам в подсобных хозяйствах привлекались сами сотрудники органов НКВД².

К 1944 г. система подсобных хозяйств при дальневосточных органах НКВД продемонстрировала существенный рост экономических показателей. Так, подсобным хозяйствам органов НКВД Хабаровского края удалось не только вернуть долг по государственным ассигнованиям, но и образовать прибыль в 1 380 000 р.³ По отдельно взятым совхозам ХОЗО УНКВД по ХК показатели 1944 г. выглядели ещё более оптимистично⁴.

Вместе с тем, в деятельности подсобных хозяйств имелись и существенные проблемы:

– нехватка рабочих рук, которая особенно проявлялась в период проведения посевных, уборочных, прополочных и др. трудоёмких работ⁵;

– недостаточно эффективный менеджмент (просчёты в организации полевых работ, эксплуатации сельскохозяйственной техники, помещений, заготовке кормов, семенного фонда и т. д.)⁶ В результате ошибок

администрирования хозяйства часто несли серьезные убытки. Падеж и вынужденный забой скота мог превышать 50 %⁷;

– хищения, нецелевое использование средств, нарушения правил распределения продукции, нарушения правил бухгалтерского учёта и т. п.⁸

В отдельных случаях бездушное отношение администрации хозяйств к работникам сводило их трудовую мотивацию к нулю. Так, сорван летний лов рыбы 1943 г. на Тарабарских островах. Рыболовецкие бригады не были обеспечены обмундированием, постельными принадлежностями, нормальным питанием. Нанайцам, из которых, главным образом, состояли эти бригады, не разрешалось пользоваться пойманной рыбой, составлявшей важную часть рациона их семей⁹.

Перечисленные проблемы, несмотря на внимание к ним со стороны руководства и партийных органов, сохраняли актуальность весь рассматриваемый нами исторический период¹⁰. В определённой степени это объяснимо обстоятельствами общего упадка сельского хозяйства в стране, связанными с военным временем (нехваткой кадров, в особенности квалифицированных, семян, удобрений, инвентаря, племенного скота, сельскохозяйственной техники, её слабой ремонтной базой, недостатком запчастей и т. д.) и нерыночными методами организации производства: неэффективным менеджментом (например, большие потери урожая на корню, при транспортировке и хранении); слабой мотивацией труда работников; низкой производительностью труда и т. п.

В целом, благодаря расширению сети подсобных хозяйств, руководству НКВД удалось в достаточно короткий срок решить проблему обеспечения продуктами питания сотрудников, что имело важное значение в условиях военного времени. Кроме того, установленная часть продукции подлежала сдаче по госзаготовкам, а следовательно, подсобные хозяйства НКВД вносили свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны, в целом. Одновременно минусом наличия такого рода хозяйств становилось периодическое отвлечение личного состава органов НКВД на

¹ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 61 об.

² АУМВД по ПК. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 58, 121, 147.

³ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 42.

⁴ ГА ХК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 56.

⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 9–9 об.

⁶ Там же. – Д. 53. – Л. 6; Д. 57. – Л. 27–31.

⁷ Там же. – Д. 56. – Л. 56.

⁸ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 111; Д. 132. – Л. 61–61 об.

⁹ ГА ХК. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 11.

¹⁰ Там же. – Д. 58. – Л. 4.

непрофильную деятельность в условиях и без того имевшейся нехватки кадров. Описанная система подсобных хозяйств просуществовала без изменений до 1951 г., что в определённой мере свидетельствует об её целесообразности¹.

Важное значение в деле решения проблемы продовольственного обеспечения сотрудников НКВД придавалось развитию огородничества. Так, Директива НКВД СССР от 31 мая 1943 г. № 283 требовала от руководства региональных управлений:

– максимально увеличить посадку овощей, особенно картофеля, в коллективных и индивидуальных огородах, для чего предлагалось обеспечить отвод необходимых земельных участков;

– оказать сотрудникам содействие в приобретении семенного материала, предоставлении тягловой силы, мелкого сельскохозяйственного инвентаря, агротехнической помощи².

Для решения организационных вопросов (обеспечение сотрудников сельхозинвентарем, семенами и др.) при территориальных органах НКВД Дальнего Востока были сформированы огородные комиссии, деятельность которых контролировалась первичными партийными организациями.

Коллективная форма огородничества предполагала закрепление участка земли за бригадами пайщиков, формируемыми из числа сотрудников того или иного структурного подразделения. Размер участка рассчитывался исходя из количества пайщиков, входящих в бригаду. Ответственность за организацию обработки участков, которая осуществлялась обычно в выходные дни, возлагалась на начальников структурных подразделений и руководство первичных парторганизаций.

Серьёзной проблемой ведения коллективных огородов являлось отсутствие у сотрудников собственного сельскохозяйственного инвентаря. Коллективный инвентарь частично выходил из строя из-за поломок, частично расхищался³. В документах отмечалось недобросовестное отношение отдельных сотрудников к обработке огородов, отлынивание от работы под различными предлогами. В связи с чем практиковалось

исключение таких лиц из числа пайщиков за недисциплинированность⁴.

Индивидуальное огородничество предполагало закрепление определённого участка земли за конкретным сотрудником (или семьёй ушедшего на фронт сотрудника). Площадь участка рассчитывалась исходя из нормы в две сотки на человека, однако фактически могла быть и меньше⁵. Семьям ушедших на фронт оказывали помощь в обработке огородов группы милиционеров-комсомольцев⁶.

Вопросы по организации распашки индивидуальных огородов, обеспечению семенами и инвентарем возлагались на огородные комиссии. Последние взаимодействовали по вопросам выделения земли с городскими земельными комитетами, колхозами, иными организациями. Передача земли носила временный характер (обычно на 2 года) и оформлялась договором. Сельхозинвентарь, семена и рассада заказывались централизованно через системы Спецторга, Сорсемовощи и другие организации. Для распашки участков на договорной основе привлекались трактора, что имело существенное значение, если учесть, что выделяемые земли могли быть целинными. Практиковалась организация воскресников для совместной разработки целины⁷.

Таким образом, перед огородными комиссиями стояла нетривиальная задача обеспечить в условиях общего кризисного положения сельскохозяйственного сектора страны наличие исправной сельхозтехники, прицепного инвентаря к ней, горюче-смазочных материалов, транспорта, семян и т. д. Следует иметь в виду также сезонность сельскохозяйственных работ, т. е. необходимость их выполнения в определённый короткий срок, когда, например, дефицитная техника и горючее нужны сразу всем сельхозпроизводителям. Очевидно, что в таких условиях сложно было рассчитывать на безупречность организационных мероприятий.

Среди недостатков в организации индивидуального огородничества имели место:

– слабое проведение разъяснительной работы среди работников милиции и членов их семей;

¹ АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 33.

² Там же. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 153. – Л. 160–161.

³ ГА ХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 33–34.

⁴ Там же. – Д. 8. – Л. 7.

⁵ Там же. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 35.

⁶ Там же. – Ф. П-347. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 13 об.

⁷ Там же. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 51. – 22–22 об.; – Д. 57. – Л. 35.

– запоздалое проведение организационных мероприятий, не позволявшее в отдельных случаях своевременно обеспечивать землей и семенами всех желающих;

– слабый охват индивидуальным огородничеством семей работников милиции, ушедших на фронт;

– недостаточное агротехническое консультирование сотрудников¹.

В документах отмечается несвоевременная и некачественная обработка индивидуальных огородов сотрудниками². Отдельные лица, посадив картофель, вообще не обрабатывали его до осени. Имели место случаи, когда сотрудники, получив семена картофеля для посадки на индивидуальном огороде продавали или съедали их³, в связи с чем практиковалась выдача семян на месте посадки⁴.

Несмотря на имевшие место недостатки, огородничество стало в годы войны важным дополнительным источником получения продуктов питания и улучшения материального положения личного состава⁵. Экономическое значение огородов возросло настолько, что они периодически становились предметом серьезных имущественных споров, в решении которых отдельные сотрудники НКВД даже пытались незаконно использовать должностные полномочия, что видно из материалов дисциплинарной практики⁶.

В целом, развитие огородничества стало адекватным ответом на резкое ухудшение продовольственной ситуации в стране с началом войны и внесло значительный вклад в улучшение рациона питания сотрудников НКВД, обеспечение достаточного уровня их работоспособности. Совместный физический труд, помощь органов власти, предоставлявших землю, семена, инвентарь и т. д. создавали психологическую атмосферу взаимопомощи, единства, уверенности в завтрашнем дне, сплачивали коллектив. Нельзя забывать также о морально-психологическом и воспитательном значении помощи в обработке огородов семьям сотрудников, ушедших на фронт.

В то же время диалектическим продолжением положительного значения развития

огородничества становились определенные минусы этого явления. Очевидным отрицательным эффектом стало отвлечение на организационные вопросы и непосредственно обработку огородов значительного времени, сил и материальных средств как руководства, так и рядовых сотрудников, в особенности с учётом острого дефицита кадров, возросшего объёма служебно-оперативных задач, роста преступности. Высокий уровень социальной ответственности Советского государства, использование нерыночных механизмов в организации огородного движения, при своих очевидных плюсах, обуславливали относительно низкую экономическую эффективность данной хозяйственной деятельности.

Заключение. Общее ухудшение социально-экономической обстановки в стране и регионе существенным образом отразилось на органах дальневосточных органов НКВД как части советского социума и государственного механизма. Ухудшение материально-бытовых условий жизни и труда сотрудников негативно влияло на их морально-психологическое состояние, стремление к профессиональному развитию и кадровому росту, провоцировало текучесть кадров, нарушения служебной дисциплины и законности.

Среди мер, предпринятых в годы войны в направлении продовольственного обеспечения сотрудников, следует выделить: расширение практики самозаготовок и децентрализованных закупок; введение системы нормированного обеспечения сотрудников продуктами питания; упорядочивание деятельности системы Спецторга; повышение эффективности подсобных хозяйств; развитие индивидуального и коллективного огородничества.

Данный комплекс мер позволил обеспечить продовольственную безопасность сотрудников, причём в условиях экономической, климатической и транспортной специфики Дальнего Востока, традиционно страдавшего от дефицита продуктов питания, что безусловно следует считать важной заслугой руководства и партийных организаций дальневосточных органов НКВД. Одновременно деятельность связанная с самообеспечением приводила к значительному отвлечению ресурсов личного состава от решения основных служебно-оперативных задач, что негативно отражалось на эффективности правоохранительной работы.

¹ ГА ХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 19–19 об.

² Там же. – Д. 7. – Л. 22.

³ Там же. – Д. 25. – Л. 55.

⁴ Там же. – Ф. П-26. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 36.

⁵ Там же. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 19–19 об. – Д. 7. – Л. 22.

⁶ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 108.

Список литературы

1. Зданович А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.
2. Орнацкая Т. А. К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны // Историческое и правовое наследие Токийского и Хабаровского процессов в обеспечении безопасности человечества: материалы межвуз. научно-практ. конф. Владивосток: ДВФУ, 2023. С. 134–138.
3. Тулиглович М. А. «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим»: к вопросу об актуальности изучения истории органов внутренних дел России // Гуманитарные чтения: материалы всеросс. науч.-практ. конф. Хабаровск: Форпост науки, 2022. С. 93–98.
4. Орнацкая Т. А. Сотрудничество дальневосточных спецслужб с иностранными партизанскими отрядами в 1930–1940-е гг. // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2021. № 8. С. 101–105.
5. Цуканов С. С. Оперативная обстановка на Дальнем Востоке накануне и в начале Великой Отечественной войны // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2021. № 8. С. 119–123.
6. Вафин М. О. Становление, развитие и деятельность подразделений БХСС на Дальнем Востоке СССР (1937–1950-е годы): историография проблемы // Клио. 2023. № 3. С. 35–48.
7. Суверов Е. В., Малкова Ю. А. НКВД Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 145–154.
8. Ляскина Н. В. Роль трудовых воспитательных колоний в борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект) // Клио. 2021. № 1. С. 95–104.
9. Суверов Е. В., Суверов С. Е. Противовоздушная оборона в местах лишения свободы (в районах Забайкалья и Дальнего Востока в 1941–1945 гг.) // The Newman in Foreign Policy. 2022. Т. 2, № 65. С. 81–83.
10. Шабельникова Н. А., Усов А. В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. 2021. № 11. С. 143–149.
11. Галлямова Л. И. Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны в освещении современной региональной историографии // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 23–40.
12. Милежик А. В. Вклад ученых Дальнего Востока в изучение истории органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник мат-лов XXV междунар. научно-практ. конф. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 2020. С. 411–415.
13. Шабельникова Н. А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5. С. 20–27.
14. Belova E., Gregory P. Political economy of crime and punishment under Stalin // Public Choice. 2009. Vol. 140. P. 463–478.
15. Gorlizki Y. Theft Under Stalin: a property rights analysis // The Economic History Review. Vol. 69, no. 1. P. 288–313.
16. Harrison M. Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // Journal of Comparative Economics, Elsevier. 2009. Vol. 39. P. 43–64.
17. Heinzen J. Informers and the state under late Stalinism: Informant networks and crimes against «socialist property». 1940–53 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8, no. 4. P. 789–815.
18. Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A. Deserters from the Labor Front: The Limits of Coercion in the Soviet War Economy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Slavica Publishers. 2019. Vol. 20, no. 3. P. 481–504.
19. Markevich A. The Dictator's Dilemma: To Punish or to Assist? Plan Failures and Interventions Under Stalin (September 20, 2007). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1645648> (дата обращения: 21.07.2023). Текст: электронный.
20. Solomon P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 506 p.
21. Stalin's Catechism: Interview with historians David Brandenberger and Mikhail Zelenov about "Stalin's Master Narrative" // Modern History of Russia. 2019. Vol. 9, no. 3. P. 784–797.
22. Winter E. I saw the Russian people. Boston. 1945. 346 p.
23. Власов С. А. Повседневная жизнь населения Приморского края в военные и послевоенные годы (1941 – середина 50-х) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 179–199.
24. История Дальнего Востока России: монография. Том 3. Книга 3. Дальний Восток СССР: 1941 – 1945 гг. / под общ. ред. Н. Н. Крадина; отв. ред. Г. А. Ткачева. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.

Информация об авторе

Жадан Александр Владимирович, кандидат исторических наук, Дальневосточный юридический институт МВД России (Владивостокский филиал); 690087, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21; awzhadan252@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>.

Для цитирования

Жадан А. В. Продовольственная безопасность трудовых коллективов НКВД в годы Великой Отечественной войны: быт советского общества в тылу // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 52–62. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-52-62.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

References

1. Zdanovich, A. A. "Conceptually, we should not write about how we won, but about how we fought on the long road and came to a Great Victory through losses..." Omsk Scientific Bulletin. The Society series. History. Modernity, no. 4, pp. 55–61, 2021. (In Rus.)
2. Ornatskaya, T. A. On the issue of falsification of the history of the Great Patriotic War. The historical and legal legacy of the Tokyo and Khabarovsk processes in ensuring the security of mankind. Materials of the interuniversity scientific and practical conference, Vladivostok: FEFU Publishing House, 2023: 134–138. (In Rus.)
3. Tuliglovich, M. A. "Only the people who honor their heroes can be considered great": on the question of the relevance of studying the history of the internal affairs bodies of Russia. Humanitarian readings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Khabarovsk: Forpost nauki, 2022: 93–98. (In Rus.)
4. Ornatskaya, T. A. Cooperation of the Far Eastern special services with foreign partisan detachments in the 1930s – 1940s. Readings in memory of Professor Alexander Alexandrovich Sidorenko, no. 8, pp. 101–105, 2021. (In Rus.)
5. Tsukanov, S. S. Operational situation in the Far East on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War. Readings in memory of Professor Alexander Alexandrovich Sidorenko, no. 8, pp. 119–123, 2021. (In Rus.)
6. Vafin, M. O. Formation, development and activity of BHSS units in the Far East of the USSR (1937 – 1950s): historiography of the problem. Clio, no. 3, pp. 35–48, 2023. (In Rus.)
7. Suverov, E.V., Malkova, Yu. A. The NKVD of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War (1941–1945). Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences, no. 2, pp. 145–154, 2020. (In Rus.)
8. Lyaskina, N. V. The role of labor educational colonies in the fight against homelessness and juvenile delinquency during the Great Patriotic War (regional aspect). Clio, no. 1, pp. 95–104, 2021. (In Rus.)
9. Suverov, E.V., Suverov, S. E. Air defense in places of detention (in the regions of Transbaikalia and the Far East in 1941 – 1945). The Newsmen in Foreign Policy, no. 65, pp. 81–83, 2022. (In Rus.)
10. Shabel'nikova, N.A., Usov, A. V. Military mobilization work of the NKVD of Primorsky Krai in the initial period of the Great Patriotic War. Clio, no. 11, pp. 143–149, 2021. (In Rus.)
11. Gallyamova, L. I. The Far East of the USSR during the Great Patriotic War in the coverage of modern regional historiography. Russia and the Asia–Pacific Region, no. 2, pp. 23–40, 2020. (In Rus.)
12. Milezhik, A. V. Contribution of scientists of the Far East to the study of the history of internal affairs bodies during the Great Patriotic War. The activity of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXV International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Publishing House of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020: 11–415. (In Rus.)
13. Shabel'nikova, N. A. On the Guard of Law and Order: the History of the Internal Affairs Bodies of Russia in Modern Far Eastern Historiography. Clio, no. 5, pp. 20–27, 2020. (In Rus.)
14. Belova, E., Gregory, P. Political economy of crime and punishment under Stalin. Public Choice, vol. 140, pp. 463–478, 2009. (In Engl.)
15. Gorlizki, Y. Theft Under Stalin: a property rights analysis. The Economic History Review, no. 1, pp. 288–313, February 2016. (In Engl.)
16. Harrison, M. Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962. Journal of Comparative Economics, Elsevier, vol. 39, pp. 43–64, 2009. (In Engl.)
17. Heinzen, J. Informers and the state under late Stalinism: Informant networks and crimes against "socialist property". 1940 – 53. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, no. 4, pp. 789–815, 2007. (In Engl.)
18. Khlevniuk, O.V., Hale-Dorell, A. Deserters from the Labor Front: The Limits of Coercion in the Soviet War Economy. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Slavica Publishers, no. 3, pp. 481–504, 2019. (In Engl.)

19. Markevich, A. The Dictator's Dilemma: To Punish or to Assist? Plan Failures and Interventions Under Stalin (September 20, 2007). Web. 10.04.2023. <https://ssrn.com/abstract=1645648> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1645648> (In Engl.)
20. Solomon, P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. (In Engl.)
21. Stalin's Catechism: Interview with historians David Brandenberger and Mikhail Zelenov about "Stalin's Master Narrative". Modern History of Russia, no. 3, pp. 784–797, 2019. (In Engl.)
22. Winter, E. I saw the Russian people. Boston. 1945. (In Engl.)
23. Vlasov, S. A. Daily life of the population of Primorsky Krai in the war and post-war years (1941 – mid-50s). Looking into the past: The World Wars of the XX century in the history of the Russian Far East. Vladivostok: FEB RAS, 2015: 179 – 199. (In Rus.)
24. History of the Far East of Russia: monograph. Volume 3. Book 3. The Far East of the USSR: 1941–1945. Ed. by N. N. Kradin, G. A. Tkacheva. Vladivostok: Dalnauka publ., 2020. (In Rus.)

Information about the author

Zhadan Alexander V., Candidate of History, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 21 Kotel'nikova st., Vladivostok, 690087, Russia; awzhadan252@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>.

For citation

Zhadan A. V. Food Security of NKVD Labor Collectives During the Great Patriotic War: The Life of Soviet Society in the Rear // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 52–62. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-52-62.

**Received April 24, 2023; approved after reviewing May 30, 2023;
accepted for publication May 31, 2023.**

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-63-73

Информационные парадоксы Первой Американской войны (1775–1783)**Елена Феликсовна Овчаренко***Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*
felicella@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8960-502X>

Широко известную Войну за независимость США (1775–1783) в канадской историографии часто называют Первой Американской войной: военные действия против восставших колоний в Канаде вели английские войска – канадцы в них участия не приняли. Это результат неумелых действий американцев на информационном поле, однако парадоксальным итогом этих информационных просчётов стало решение католиков-канадцев остаться под властью яркого антипаписта английского короля Георга III, а также основание в британской колонии Квебек представителем Континентального конгресса Флэри Меппле периодического издания «Газетт» (1778 – по настоящее время). Актуальность исследования данного исторического события заключается в его уроках для современности. Специальных научных работ по выбранной теме нет, но в Канаде опубликован ряд документальных источников, поэтому основным методом исследования стал их контент-анализ, обоснованный целью статьи, – проанализировать причины провала информационной кампании американцев в Канаде. Предлагаемая исследовательская гипотеза: успешное информационное сопровождение военных действий на чужой территории возможно лишь с полным учётом её региональных особенностей. Ключевой аспект поставленной научной проблемы: если население территории, подвергшейся вторжению, отлично от нападающих по языку, вере, культурно-историческим ценностям и социальному укладу, то привлечь местных жителей на свою сторону без конструктивного информационного диалога невозможно. Конкретные результаты исследования заключаются в обобщении данных по информационной кампании Первой Американской войны. При обсуждении результатов мы могли констатировать изменение отношения к войне от позитивного к негативному не только со стороны подвергшихся вторжению канадцев, но и наиболее активных американцев-инициаторов этого вторжения. Предлагаемая статья – первый отечественный опыт по выбранной теме, что открывает широкие перспективы для её дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Первая Американская война, Канада, информационное сопровождение военных действий, двойные информационные стандарты, региональный фактор

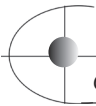
Original article

Information Paradoxes of the First American War (1775–1783)**Elena F. Ovcharenko***Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
felicella@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8960-502X>

Canadian historians often name well-known American War of Independence (1775–1783) as the First American War, because military activities in Canada waged not Canadians, but English and American armies. It was the result of “information mistakes” of American insurgents. However, it gave the paradoxical desire of Canadian Catholics to remain subjects of ardent protestant George III and the foundation of the “Montreal Gazette” (1778) by Fleury Mesplet, the representant of American Continental Congress. Relevance of this historical event research consists in its lessons for the present time. There aren't special researches on the First American War “information campaign”, however some documental sources were published in Canada. So, we used the content-analysis of these materials as the main method of research. The aim of our study is analyzing American “information campaign” failure in Canada. The hypothesis of research: successful information support of military activities in elsewhere territory is not possible without taking into consideration its regional especial features. The key aspect of the present research problem: if population of seizing territory has another language, faith, cultural and historical values, social and economic structure, the foreign invasion must aspire to constructive “information dialogue”. The results of this study include generalization of the “information events” of the First American War. In discussion, we note changed interpretation of the war not only by Canadians but also by some American leaders:

© Овчаренко Е. Ф., 2023

from positive to negative perception. The present article is the first Russian experience of the First American War “information content” study, that gives the wide perspectives for its further research.

Keywords: the First American War, Canada, information war accompaniment, double-faced standards of information, regional factor

Введение. Знаменитый учёный и политический деятель Америки Бенджамин Франклин (1706–1790) в 1760 г. побывал в Новой Франции и в написанной по горячим впечатлениям от поездки брошюре «Рассмотрение интересов Великобритании в отношении её колоний и приобретения Канады и Гваделупы» замечал: «Канада в руках Франции всегда ограничивала рост наших колоний» [1, с. 259]. Он убедил английский парламент выбрать в качестве трофея Семилетней войны (1756–1763) именно Канаду, а не «сахарную» Гваделупу, увидев в огромной, но малонаселённой территории Канады «лакомый кусок» для многочисленных американских колонистов. Поэтому канадцы издавна с опаской посматривали на своих южных соседей, столкновения с которыми из-за земли случались задолго до Первой Американской войны. Канадский историк Мишель Брюне отмечал, что канадцы наградили американцев собирательным прозвищем «Бостонцы» (*Bostonais*) или «Бостоняне» (*Bostoniens*) [2, р. 17]. Встречается это прозвище и в трудах его предшественников¹, а историк Реджинальд Коупленд в работе 1925 г. прямо писал о «бостонцах» как о «недругах» [3, р. 90]. «Бостонцы» были куда более многочисленны, чем канадцы: «К 1763 году [т. е. накануне официального перехода к Великобритании] население Новой Франции, составлявшее 65 тыс., было в 20 раз меньше населения английских колоний» [4, с. 72]. Вытеснив из Америки свою главную соперницу – Францию, Великобритания попыталась ввести более строгий режим в своих 13 южных колониях, что вызвало там резкое сопротивление. К середине 1770-х гг. война между ними и метрополией казалась неминуемой.

Любая война – это не только вооружённое противостояние сторон, но и столкновение двух (или более) обществ с их региональными особенностями. В нашей статье рассматривается информационная

подготовка и поддержка «дружеского вторжения» в Канаду отрядов 13 восставших колоний (будущих США). В начале военных действий они принадлежали одной метрополии, но были различны во всём: по языку, религии, степени общественного и культурного развития. Речь идёт о событиях Американской войны за независимость (1775–1783), в канадской историографии нередко называемой Первой Американской войной², поскольку военные действия против американцев в Канаде велись британскими армией и флотом, а не канадцами, которые в конце концов склонились к поддержке Великобритании. Причиной этого, на первый взгляд, странного решения католиков-канадцев остаться под властью ярого противника папизма Георга III, а не присоединиться к свободным Соединённым Штатам, стали роковые ошибки, допущенные американцами в «информационной войне», а её неожиданным результатом – рождение «Газетт», второго издания колонии Квебек, выходящего и сегодня.

Обзор литературы. Мы обратились в первую очередь к труду “*Revolution Rejected. 1775–1776*” (Scarborough, 1968), вышедшему в серии «Спорные вопросы канадской истории». Его вторая часть «Почему Квебек отказался поддержать Американскую революцию в 1775–1776 годах?»³, кроме раздела документальных источников, включает две подборки фрагментов статей по этому вопросу наиболее крупных канадских историков XIX и XX столетий. Также мы использовали документальный материал книги “*Histoire du Canada par les textes*” (Montréal-Paris, 1956), статью историка Лионеля Грю “*A travers les vieux journaux du British Museum*” (Ottawa, 1977) и отдельные номера «Квебекской газеты» – на тот момент единственного издания колонии Квебек. Воссоздать картину событий помогли и труды канадских исследователей по отдельным вопросам эпохи: “*La Révolution Américaine. Pourquoi la France refuse le Can-*

¹ У Лионеля Грю в тексте выступления 1922 г. читаем: «...бостонцы, как их называли наши отцы...» (Источник: Ottawa: Editions internationales Alain Stanke Lee, 1977. – P. 279). Аделяр Дерозье называет Первую Американскую войну «*Guerre des Bostonnais*» (Источник: Desrosier A. Petite histoire du Canada. Montréal: Librairie Granger Frères, 1933. – P. 107).

² Вторая Американская война придётся на 1812–1814 гг.

³ Первая часть посвящена Новой Шотландии; Who did Quebec refuse to join the American Revolution in 1775–1776? / Eds M. P. Gabriel, S. P. Vergereau-Dewey. – Michigan: Michigan State University Press. – P. 55–128.

ada. 1775–1783” (Québec, 1976) Марселя Трюделя; “Les origins de la presse au Québec. 1760–1791” (Montréal, 1975) Жана-Поля де Лаграва, а также Эдмунда Моргана (2003), Джона Чандлера (2020), Джека Келли (2021) и некоторых других.

В отечественной научной литературе имеется всего несколько работ с изложением «канадской страницы» Войны за независимость США, но без акцента на информационной составляющей, сыгравшей решающую роль в поражении американцев в Канаде. Это, например, монография А. Г. Милейковского «Канада и англо-американские противоречия» (Москва, 1958), «История Канады» В. А. Тишкова и Л. В. Кошелева (Москва, 1982), академическая «История США» (Москва, том I, 1983). Соответственно, **целью нашей статьи** является обобщающий анализ вышеуказанных материалов, позволяющий раскрыть выбранную тему.

Методология и методы исследования. Основным методом для нас стал кон-

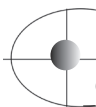
тент-анализ документальных источников Первой Американской войны – например, прямо противоположных друг другу воззваний к народу Великобритании и населению Квебека как наглядной демонстрации двойных информационных стандартов американцев. Кроме того, в процессе исследования применялась методология комплексного анализа, поскольку события Первой Американской войны развивались в военном, политическом и социальном планах. Основные хронологические рамки нашего исследования информационной составляющей Первой Американской войны: от внесения в английский парламент Квебекского акта и его одобрения (весна–лето 1774 г.) до основания посланником Континентального конгресса Флэри Мепле второго печатного издания колонии Квебек «Газетт» (лето 1778 г.).

Результаты исследования. Представим главные события Первой Американской войны в таблице.

Ситуация в Канаде¹ и метрополии накануне и во время войны

Дата	Политическое/военное событие	Информационное событие
Май 1774 г.	Внесение в английский парламент Квебекского акта, разрешающего в Канаде католическую веру	На имя короля Георга III поступает петиция «Нет папизму!» от населения Великобритании
Июнь 1774 г.	Одобрение Квебекского акта парламентом и королём	Английская пресса «успокаивает» протестантов страны
5 сентября 1774 г.	В Филадельфии открывается I Континентальный конгресс 13 североамериканских колоний	«Квебекская газета», единственное издание Канады, по приказу губернатора Гая Карлтона начинает публикацию статей против бунтовщиков
24 октября 1774 г.	Конгресс приступает к «двойной игре» – в надежде на поддержку и англичан, и канадцев	Одобрены два противоположных по содержанию письма: «К народу Великобритании» (против папизма в Квебеке) и «Призыв Конгресса к канадцам» (заверение в дружбе, приглашение на Конгресс)
Октябрь–ноябрь 1774 г.	Конгресс с помощью Бенджамина Франклина разыскивает в Филадельфии типографа-католика Флэри Мепле и поручает ему «канадский» заказ	Ф. Мепле отпечатал письмо канадцам по-французски: 300 экз. распространены в Бостоне, 1700 экз. к середине ноября доставлены в Квебек с мелкими торговцами
10 мая 1775 г.	В Филадельфии открывается II Континентальный конгресс	26 мая Конгресс принимает второе письмо «К угнетённым жителям Квебека»: «Мы – ваши друзья, а не враги. Ваши враги – британцы»
Весна 1775 г.	Вылазка на территорию Канады отряда колонистов Массачусетса и Нью-Йорка: два приграничных форта пали без сопротивления	Новость об этом передаётся из уст в уста: канадцы встречают американцев как освободителей от английского гнёта
Лето 1775 г.	В Квебеке введено военное положение, объявлен призыв в ряды милиции. Канадцы практически саботируют призыв	«Разоблачительные» статьи в «Квебекской газете»: публикуются отрывки из письма Конгресса «К народу Великобритании» против католиков. Пастырское послание епископа Бриана: «Будьте же глухи, дорогие канадцы...»

¹ При французском режиме колония называлась Новая Франция, или Канада; после перехода к Великобритании (1763) – Квебек.

Окончание таблицы

<i>Дата</i>	<i>Политическое/военное событие</i>	<i>Информационное событие</i>
Сентябрь 1775 г.	Начало «дружеского вторжения» американцев в Канаду. В колонию вступают отряды под командованием Ф. Скайлера, Б. Арнольда, Р. Монтгомери	Обращение Филипа Скайлера к канадцам не имеет успеха. Инструкция главнокомандующего Дж. Вашингтона генералу Б. Арнольду: запретить солдатам насмехаться над католической религией
13 ноября 1775 г.	Американцы взяли г. Монреаль	Жители трёх предместий Монреаля подносят приветственное письмо генералу Р. Монтгомери
Ноябрь 1775 г.	Губернатору Квебека Гаю Карлтону удалось из Монреаля добраться в г. Квебек, переодевшись в крестьянское платье	30 ноября через «Квебекскую газету» Карлтон приказывает всем, кто не готов с оружием в руках защищать г. Квебек, покинуть его. Издание газеты прекращается в связи с осадой
Ноябрь-декабрь 1775 г.	Осада г. Квебека американскими войсками. Американский военный комендант Монреаля Дэвид Вустер проводит выборы капитанов милиции (французские и британские власти капитанов назначали по своему усмотрению)	Письмо Дж. Вашингтона, главнокомандующего американской армией, которое гарантирует канадцам безопасность и отсутствие принуждения к военной службе в американских войсках
31 декабря 1775 г.	Неудачный штурм г. Квебека американцами. Генерал Р. Монтгомери убит	Дневник осады г. Квебека Хью Финли, чиновника колониальной администрации: канадцы не желают помогать английским войскам
Февраль 1776 г.	Осада г. Квебека продолжается. 15 февраля Конгресс принимает решение о дипломатической миссии во главе с Б. Франклином в Квебек с целью склонить канадцев на свою сторону	26 февраля Конгресс по рекомендации Б. Франклина добавляет к миссии католика-типографа Флэри Мепле для распространения печатной пропаганды американцев в Канаде
Весна 1776 г.	Миссия Франклина прибыла в Монреаль в конце апреля. Флэри Мепле с громоздкой типографией добрался туда 6 мая. Не достигнув успеха, Франклин покинул город 17 мая. 31 мая в Монреаль вошли английские войска	Дневник американского генерала Б. Арнольда и переписка членов миссии Франклина констатируют постепенное охлаждение канадцев к «дружескому вторжению»: они устали от постоя разорявших их американских войск
Июнь 1776 г.	Американцы сдают все позиции и отступают к границе. Прибывшего из восставших колоний Ф. Мепле арестовали и заключили в тюрьму	Выпущенный из тюрьмы (за недостатком улик) Ф. Мепле около двух лет печатает религиозную литературу для Квебекской епархии, чтобы снять с себя все подозрения
4 июля 1776 г.	Провозглашена «Декларация независимости» США	Переписка лидеров Американской революции, с опозданием признавших свою ошибку: Канаде независимость не была предложена
1776–1784 гг.	В Канаду и приморские провинции бежало около 40 тыс. «слуг короля» («лоялистов») – сторонников Георга III	Георг III пожаловал «лоялистам» обширные земли, оружие и компенсацию за потерянное в США имущество*
Лето 1778 г.	Смена губернаторов в Квебеке: Г. Карлтона, подозревавшего Ф. Мепле в связях с бунтовщиками, заменяет Ф. Халдиманд	Флэри Мепле получает разрешение на издание второй газеты колонии только на французском языке, и 3 июня 1778 г. выходит её первый номер
3 сентября 1783 г.	Версальский мирный договор: США официально обретают независимость, Канада остаётся в составе Британской империи	Дипломатический представитель США Б. Франклин настоятельно, но безрезультатно требует от Великобритании Канаду в качестве возмещения за военные убытки

* Бенджамин Франклин также сначала предлагал компенсировать лоялистам, наравне с американскими гражданами, потерю имущества из-за военных действий, но позже признал это предложение своей ошибкой [20, p. 286].

Теперь остановимся подробнее на ключевых моментах информационной поддержки «дружеского вторжения» американцев в Канаду.

Май 1774 г. ознаменовался для канадцев и «бостонцев» значительным событием: в английский парламент был внесён проект Квебекского акта, или «Великой хартии вольностей Французской Канады», раздел V которой разрешал канадцам-католикам официально исповедовать католическую религию¹, несмотря на то, что в самой Британии законом было запрещено отправление католического культа и предусмотрено поражение в правах для католиков [5, с. 104]. Это вызвало бурю негодования не только в протестантских южных колониях, но и в самой Великобритании. На имя Георга III возмущённые жители страны подали петицию «Нет папизму!» (“No Popery!”) [6, р. 30].

Английская пресса приложила немало усилий, чтобы англичане поняли: Квебекский акт сохранит империю североамериканские колонии. Например, газета «Сент-Джеймс Хроникл» (23–25 июня 1774 г.) поместила следующий диалог двух лондонцев: «– Зачем разрешать католическую религию в Канаде? – спрашивает конногвардеец у опытного маклера. – Потому что Канада благодаря своему положению управляет всем североамериканским континентом, – отвечает тот. – Но всё-таки я не вижу повода потакать папистам, – настаивает первый. – Надо же, дружище, вы – доблестный вояка, но довольно скверный политик. А что вы думаете об уйме вооружённых католиков, находящихся на благоприятной стратегической позиции? – Кажется, я начинаю вас понимать: это наверняка стало бы прекрасной розгой для расшалившихся детей» [Цит. по: 7, р. 63–64].

В 13 южных колониях волнения продолжались уже около 10 лет, и «английские политические деятели того времени откровенно заявляли, что Квебекский акт – прежде всего средство борьбы со стремлением колонистов к независимости» [4, с. 79]. Кроме разрешения католической веры, Квебекский акт расширил границы Квебека – в него вошли огромные пространства от Лабрадора до реки Миссисипи (современные штаты Огайо, Мичиган, Висконсин, Иллинойс,

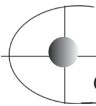
¹ The Solon Law Archives. – URL: https://www.solon.org/Constitutions/Canada/French/PreConfederation/qa_1774.html (дата обращения: 21.08.23). – Текст: электронный.

Индиана). Таким образом, «бостонцам» был закрыт путь для переселения. И тогда они решили действовать. Пятого сентября 1774 г. в Филадельфии (Пенсильвания) открылся I Континентальный конгресс², а в октябре того же года он принял два совершенно противоположных по содержанию послания – «Обращение к народу Великобритании» и «Призыв Конгресса к канадцам», подписанные «королём бостонских контрабандистов», а ныне Президентом Континентального конгресса Джоном Хэнкоком [8, с. 105]. Так, началась «двойная игра» Конгресса, пытавшегося не только добиться отмены невыгодных ему положений Квебекского акта [9, р. 71], но одновременно привлечь на свою сторону и англичан, и канадцев.

В «Обращении к народу Великобритании» он эмоционально протестовал против разрешения в Канаде католической религии, которая «утопила ваш остров в крови и распространила изуверства, ханжество, гонения, убийства и смуту во всём мире» [4, с. 81; 9, р. 72]. С другой стороны, по совету Бенджамина Франклина Конгресс срочно разыскал в Филадельфии типографа-католика, чтобы отпечатать «Призыв Конгресса к канадцам», тон которого был совсем иным. На 18 страницах «бостонцы» льстиво расписывали прелести объединения их земель с католической Канадой: «Когда после храброго и славного сопротивления исход битвы³ сделал вас английскими подданными, мы обрадовались сколь за вас, столь и за себя этому истинно ценному приумножению; и если отваге и величию души свойственно объединяться, то мы ожидаем, что наши смелые враги станут нашими искренними друзьями» [10, р. 120]. Совсем не касаясь крайне болезненного для них вопроса расширения территории Квебека и осторожно отзываясь о разрешении католической религии («ваше право свыше, дарованное Богом, а не светскими властями» [10, р. 120]), «бостонцы» подчёркивали, что они не призывают канадцев к бунту, а приглашают их принять участие во II Континентальном конгрессе 1775 г. [10, р. 121]. Письмо было отпечатано по-французски в количестве

² «Континентальным» он был назван в расчёте на то, что в нём примет участие и Канада, но этот расчёт не оправдался» (см.: История США, I, с. 119).

³ Сражение 1(13) сентября 1759 года на равнине Авраама близ г. Квебека выиграли англичане, что положило конец Семилетней войне в Америке.

2000 экз. в типографии католика-француза Флэри Мепле, которого Франклин, прекрасно знавший французский язык [11, с. 103], уговорил переехать из Европы за океан год назад. Большая часть тиража уже к середине ноября 1774 г. оказалась в Квебеке, и когда весной 1775 г. губернатор Квебека Гай Карлтон сообщал в Лондон, что «...200 или 300 копий письма уже разошлись по провинции», то весьма заблуждался насчёт их количества [6, р. 40; 12, р. 79].

Однако предчувствуя опасность, Карлтон приказал ещё в сентябре 1774 г. «Квебекской газете» – единственному изданию колонии, публиковать статьи против бунтовщиков, и они выходили 22 сентября, 5–12 октября, 12 ноября 1774 г. [6, р. 35–36]. Однако, как справедливо отмечает М. Трюдель, составляя свой призыв к жителям Квебека, «Конгресс не знал или делал вид, что не знает об уступках, сделанных канадцам, о которых они просили»¹; к тому же, Конгресс ни слова не сказал о независимости: поэтому стоило ли канадцам бунтовать против парламента, давшего им Квебекский акт, не лучше ли остаться подданными той же метрополии?» [9, р. 114].

Неудивительно, что в Квебеке прохладно отнеслись к первому письму американцев. Когда в Филадельфии 10 мая 1775 г. открылся II Континентальный конгресс, 26 мая он направил второе письмо канадцам уже в ином ключе – «К угнетённым жителям Канады». Восьмистраничный текст составили лично лидеры Американской революции Сэмюэль Адамс, Джон Джей и Сайлас Дин, а Флэри Мепле напечатал его по-французски: «Природа объединила наши страны. Прибавьте к этому ваши политические интересы. А в наших собственных интересах мы никогда ни оставим вас, ни предадим... Квебекский акт – форма тирании, стремящаяся превратить канадцев в рабов. Мы – ваши друзья, а не враги. Ваши враги – британские оккупанты» [3, р. 115; 6, р. 39–40].

Ещё раньше, в день открытия Конгресса, отряд американских колонистов под предводительством Этана Аллена неожиданно напал на английские гарнизоны двух приграничных фортов – Тайкондероги и Краун-Пойнта, которые сдались им без боя [14, с. 44–45]. Губернатор Квебека Карлтон срочно призвал на помощь главу католической

¹ Квебекский акт снял запрет на католическую религию, вернул французское гражданское право, разрешил католикам занимать общественные должности.

церкви Квебека епископа Жана-Оливье Бриана, и 22 мая 1775 г. на страницах французского выпуска двуязычной «Квебекской газеты» появляется его Пастырское послание: «Будьте же глухи, дорогие канадцы... Ваши клятвы и ваша религия неизбежно налагают на вас обязательство защищать изо всех ваших сил вашу родину и вашего короля»². Последние слова послания были достаточно двусмысленны: во всём мире была хорошо известна ненависть Георга III к католикам. К двойным информационным стандартам в ходе войны прибегали обе стороны.

Карлтон старался использовать единственную газету колонии по максимуму: вскоре в её французском выпуске в пересказе редакции публикуются отрывки из обращения Конгресса к народу Великобритании: «Тогда как американские колонии заверяют канадцев, что они никакие не враги их религии, они в своём письме в Англию нападают на католицизм как на суеверие, которое “пролило реки крови” и “посеяло в мире убийства и раздоры”. Вот настоящее доказательство их дружелюбного отношения к религии этой провинции»³. Карлтон вводит военное положение, объявляет призыв в ряды милиции, но канадцы на него откликаются неохотно. Видимо, Карлтону пришлось формировать милицию для поддержки британских войск из случайных людей, потому что современный английский историк Дж. Чандлер приводит такой любопытный факт: «Уильям Ирвинг из Пенсильвании, попавший со своим отрядом в окружение, решил, что лучше сдаться регулярным британским войскам, чем бойцам канадской милиции. Ирвинг боялся, что канадцы, возможно, не знакомы с европейскими конвенциями о военнопленных, и поэтому заключил, что “для нас было бы лучше самим сдаться британским офицерам, чем пойти на риск быть убитыми в лесах канадцами”» [13, р. 10].

Однако у большинства канадцев не было желания сражаться с «бостонцами»: письмо из восставших колоний пробудило в них надежду на освобождение при помощи американцев от власти англичан. В британском отчёте по окончании войны о настроениях в Квебеке этого периода говорилось: «В приходе Сен-Пьер на Иль д’Орлеан жена Огюстена Шабо, ходившая от дома к дому, совратила своими мятежными речами почти

² La Gazette de Québec. – 1775. – Le 22 mai.

³ Там же. – 1775. – Le 6–13 juillet.

всех жителей; кажется, эта женщина обладала даром красноречия, потому что по словам некоторых из них она оказала сильное влияние на их умонастроения» [3, p. 116].

Осенью 1775 г. началось «дружеское вторжение» американцев в Канаду. Одним из отрядов командовал генерал Филип Скайлер, крупнейший землевладелец штата Нью-Йорк [8, с. 140], сильно пострадавший от Квебекского акта. Пятого сентября 1775 г. он обратился к канадцам с прокламацией, где говорилось, что американские силы будут сражаться только с англичанами, чем весьма напугал английское меньшинство Канады, хотя рассчитывал на благоприятную реакцию франкоканадцев [9, p. 99]. Поэтому 14 сентября того же года главнокомандующий американскими войсками Джордж Вашингтон послал строгую инструкцию генералу Бенедикту Арнольду, также продвигавшемуся по территории Канады: запретить солдатам насмехаться над католической религией, оплачивать постой и не вербовать принудительно на военную службу [9, p. 100–101].

Канадцы с радостью встречали войска Конгресса. Один из американских добровольцев отмечал 3 ноября 1775 г.: «Более дружелюбного народа я не видал...»; другой чуть позднее писал: «В целом канадцы благоволят к американцам... Они пускают их [вторгшихся] в свои дома, снабжают провизией и, кажется, хорошо обходятся со своими постояльцами» [3, p. 58]. 13 ноября 1775 г. генерал Ричард Монтгомери захватил крупнейший город Квебека Монреаль, и его жители приветствуют «освободителей», а назначенный военным комендантом Монреаля Дэвид Вустер проводит первые в истории Канады выборы капитанов милиции: и французская, и британская администрации ставили на эти должности угодных ей людей [6, p. 43].

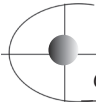
Также в Канаду было доставлено письмо главнокомандующего армией Конгресса Джорджа Вашингтона, который гарантировал её жителям свободу и безопасность, несмотря на необходимость вести военные действия [6, p. 43]. У Вашингтона в Канаде была «дурная» слава ещё со времён Новой Франции. В 1754 г. отряд молодого офицера Вашингтона устроил кровавую расправу над небольшой группой французов, которая просила о переговорах, а потом и сам попал в окружение у французского форта Дюкен:

«его командир сдался на милость капитана де Вилье, письменно признав факт убийства парламентаря и тем спас остатки своего отряда, бесславно вернувшись на родину» [14, с. 38–39]. Позднее, объясняя факт своего назначения главнокомандующим американской армией, Вашингтон писал, что это произошло «благодаря расположению конгресса, подкреплённому некоторыми политическими мотивами» [8, с. 126]. А именно: герой английских войн в Семилетней войне, теперь потерявший десятки акров земли из-за Квебекского акта [Там же]. Положение в Канаде становилось критическим. Губернатору Карлтоу удалось тайно бежать из Монреаля в укреплённый Квебек.

В номере «Квебекской газеты» от 30 ноября 1775 г. было опубликовано его распоряжение немедленно покинуть город всем, кто не собирается его защищать с оружием в руках. Затем выпуск газеты прекратился в связи с осадой Квебека. Однако в эти дни её издатель У. Браун для поддержания духа населения всё же сумел напечатать два специальных номера – 14 и 21 марта 1776 г. [6, p. 45; 15, p. 2]. Нежелание жителей города помогать английскому гарнизону Квебека с горечью отмечает чиновник колониальной администрации Хью Финлей в «Дневник осады. 1775–1776» [16, p. 137].

31 декабря 1775 г. американцами был предпринят неудачный штурм города. Следующий, 1776 г., оказался, по мнению Джэка Келли и других историков, решающим для идеи американской независимости [17]. 15 февраля 1776 г. Континентальный конгресс принимает решение направить в Канаду делегацию в составе Б. Франклина, С. Чейза и Ч. Кэррола¹ с целью убедить местное население в освободительной миссии военного вторжения американцев в страну. 26 февраля Континентальный конгресс добавляет к делегации по предложению Франклина, француза-католика Флэри

¹ Состав делегации был тщательно подобран: Бенджамин Франклин – всемирно известный учёный, опытный дипломат, давний сторонник присоединения Канады к 13 американским колониям; Чарльз Кэрролл – богатейший человек Америки, получивший образование во Франции, римско-католического вероисповедания, владевший, как и Франклин, французским языком, известный своей поддержкой изгнанных из Акадии в 1755 году потомков французских поселенцев; Сэмюэль Чейз – делегат Конгресса от Мэриленда, считавший захват Канады первейшей задачей (Источник: Trudel Marcel. La Révolution Américaine: Pourquoi la France refuse le Canada (1775–1783). – Québec: Éditions du Boréal Express, 1976. – P. 112–113).

Мепле с его типографией для издания и распространения в Канаде агитационной антибританской литературы, выделив ему на дорогу 200 долл. [9, р. 112].

Делегация Конгресса направилась в Монреаль в начале апреля, но мера оказалась запоздалой – среди канадцев уже начали преобладать антиамериканские настроения. Сам Франклин убедительно объяснил в письме от 8 мая 1776 г. причины этих настроений: «Вступить в страну, которую вы намерены сделать своим другом, с армией, нуждающейся каждый день в свежей провизии, лошадях, рабочих, обеспечивающих перевозки всякого вида, не имея возможности платить за это заслуживающими доверия деньгами и будучи вынужденными поэтому добиваться необходимых услуг силой, – это самый верный путь внушить отвращение, обиду и постепенно сделать враждебным всё население, после чего все ваши операции становятся более трудными, все ваши манёвры обнаруживаются и каждый стремится сделать всё, чтобы вы убралась назад из страны» [3, р. 80; 4, с. 82].

Дневник экспедиции генерала Бенедикта Арнольда также отражает изменение отношения канадцев к американским повстанцам. Он отмечает, что их особенно раздражают бумажные деньги, которые Конгресс был вынужден печатать в большом количестве и которыми пытались расплачиваться его войска [3, р. 78]. С мнением Франклина и Арнольда почти дословно совпадают неутешительные наблюдения другого члена делегации конгресса Ч. Кэрролла, который сообщал также в мае 1776 г. из Монреаля: «Наши враги пользуются этим несчастьем¹, чтобы заставить нас выглядеть презренными в глазах канадцев, которых раздражает жестокость наших войск, требующих от них продовольствия и обслуживания без оплаты, – поведение, едва ли оправданное даже самой безотлагательной необходимостью по отношению к народу, позволившему нам войти в их страну как друзьям, а потом сделать так много, чтобы их доброе расположение перешло в неприязнь, заставляя желать нашего ухода» [3, р. 62].

Это была единственная дипломатическая миссия Франклина, за всю его долгую карьеру дипломата потерпевшая неудачу. 17 мая 1776 г. делегация покинула стра-

ну, так и не склонив жителей Квебека принять участие в Американской революции, а 31 мая в Монреаль вошли английские войска. Американцы, понесшие большие потери, спешно отступили к границе.

По иронии судьбы Флэри Мепле со своим громоздким типографским оборудованием добрался до Монреаля лишь 6 мая. После взятия Монреаля Мепле, сопровождавшие его журналист Пошар и два печатника были немедленно арестованы по распоряжению губернатора Карлтона. Этих людей, прибывших из Филадельфии, не без основания подозревали в сочувствии делу американских бунтарей, но за недостатком улики освободили.

Выйдя из тюрьмы, журналист Пошар решил вернуться в Европу, печатники остались с Мепле, и он занялся выпуском религиозной литературы, получив заказы от Квебекской епархии. Это было очень кстати, чтобы должным образом зарекомендовать себя перед властями. И когда, наконец, Гая Карлтона два года спустя сменил новый губернатор Фридерик Халдиманд, Флэри Мепле обратился к нему с просьбой издавать газету на французском языке под названием «Коммерческая и литературная газета для Монреаля и его окрестностей» (*“La Gazette de commerce et littéraire pour la ville et le district de Montréal”*). Её первый номер вышел 3 июня 1778 г. Так, официальный печатник Континентального конгресса основал в британской колонии Квебек второе издание, которое и сегодня выходит в Монреале уже под кратким названием «Газетт» (но теперь на английском языке).

Обсуждение результатов исследования. Следует отметить, что двойные информационные стандарты использовали все стороны-участницы Первой Американской войны. Например, корреспондент английской газеты «Паблик Адвертизер» 11 июня 1774 г. писал, что подготовка Квебекского акта стала не ответом на просьбы жителей этой колонии: «Мне сообщили, что политическая подоплёка этого законопроекта заключается в том, чтобы привести канадцев в благоприятное расположение духа и они могли оказать сопротивление американцам – как они это делали ещё под владычеством Франции» [7, р. 63].

К двойным информационным стандартам прибегали и власти Квебека (через «Квебекскую газету»), и американский Континентальный конгресс. К тому же, обраща-

¹ 6 мая 1776 г. на помощь осаждённому Квебеку прибыл английский флот; у восставших американцев не было своего флота, и это грозило поражением.

ясь к канадцам, он сознательно или случайно совершенно проигнорировал региональный фактор, хотя ещё 21 октября 1774 г. конгресс штата Массачусетс предлагал сначала направить в Квебек лазутчика, чтобы выяснить настроения канадцев [9, р. 67]. Трудно назвать безупречной по отношению к Квебеку и позицию выдающегося деятеля Американского Просвещения Бенджамина Франклина. На мирных переговорах в Версале он требовал Канаду для США в качестве компенсации за военные убытки, и канадский историк Мишель Брюне прямо называет его «глашатаем американского империализма» [18, р. 304]. Но что касается взглядов Франклина на войну (как свидетеля постоянных вооружённых конфликтов в Америке XVIII столетия), то судя по его публицистике они кардинально поменялись. Если в брошюре времён Семилетней войны (1760) Франклин достаточно субъективно отзывался о причинах вооружённых конфликтов: «Население приграничных областей обычно состоит из подонков обеих наций. Поэтому зачастую на том или ином отрезке столь длинной границы происходят нарушения её обеими сторонами, провоцируется возмущение; сначала в дело вступают колонии, а затем и метрополии» [1, с. 259], то в конце жизни в статье «Высказывания о войне» он деятельно выступал в защиту мирного населения и «категорий людей, которым надо разрешить безопасно продолжать свои занятия» (земледельцам, рыбакам, купцам, торговцам, ремесленникам). По мнению Франклина, также «нет необходимости добавлять, что больницы врагов не должны повреждаться, им надо оказать помощь» [19, с. 563]. Не менее контрастна и перемена его политических предпочтений. В январе 1760 г., накануне перехода Канады к Британской короне, Франклин писал своему шотландскому другу лорду Кеймсу: «Никто не радовался более искренно, чем я, покорению Канады – не только, как [американский] поселенец, но как британец» [Цит. по: 20, р. 122–123]. Через 16 лет Б. Франклин, назначенный дипломатическим представителем уже от США во Франции, оказался самым активным оппонентом бывшей метрополии и позднее вме-

сте с Д. Адамсом поставил свою подпись на договоре с Великобританией о признании США (1783) [21, с. 17–18]. Однако по мнению современного биографа Франклина, профессора Йельского университета Эдмунда Моргана, «Франклин провел восемь лет, очаровывая французов, чтобы помочь американцам выиграть войну против британцев, – даже несмотря на то, что был уверен: война не самый эффективный путь разрешения разногласий» [20, р. 309].

Заключение. В августе 1793 г., 17 лет спустя, типограф Флэри Мепле смог представить Конгрессу уже свободных Соединённых Штатов отчёт о своих дорожных злоключениях и расходовании средств [6, р. 49]. Сегодня в редакции, основанной Мепле, «Газетт» его бюст стоит рядом с бюстом Франклина¹, а главой Канады по-прежнему является британский монарх.

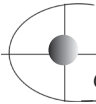
Главной же «информационной ошибкой» «дружеского вторжения» сами лидеры Американской революции с опозданием признали отказ Канаде в предложении независимости. Джон Адамс считал, что до её объявления канадцы всё больше разочаровывались в мотивах вторжения. Накануне принятия Декларации независимости, 3 июля 1776 г. он писал жене Абигейл: «Если бы “Декларация независимости” была принята семь месяцев назад, ... мы могли бы обладать Канадой» [3, р. 60]. Но рассматривая шире проблему информационного сопровождения подобных региональных военных конфликтов, можно констатировать: даже если вначале население оккупируемой территории считает военное вторжение благом, то некоторое время спустя из-за недостаточной информационной поддержки военных действий ситуация полностью меняется на противоположную.

Предлагаемая статья – первый небольшой отечественный опыт по исследованию информационной поддержки «дружеского вторжения» американцев в Канаду в ходе Первой Американской войны, что открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения этой темы российскими медиаиспециалистами.

Список литературы

1. Франклин Вениамин. Рассмотрение интересов Великобритании в отношении её колоний и приобретения Канады и Гваделупы // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1956. С. 226–259.
2. Brunet Michel. *Canadians et Canadiens*. Montréal-Paris: FIDES, 1967. 175 p.

¹ Русский Монреаль. – 2003. – Вып. 125.

3. Revolution Rejected. 1775–1776. Scarborough: Prentice-Hall of Canada, Ltd., 1968. 128 p.
4. Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М.: Госполитиздат, 1958. 503 с.
5. Овчаренко Е. Ф. Печать Квебека от зарождения до признания квебекской нации (1764–2006): в 2 т. Том I: XVIII–XIX века. М.: МАКС Пресс, 2022. 204 с.
6. Lagrave J.-P. de. Les origines de la presse au Québec (1760–1791). Montréal: Editions de Lagrave, 1975. 159 p.
7. Groulx L. A travers les vieux journaux du British Museum // Notre maître le passé. Vol. 2. Ottawa: Editions internationales Alain Stanké Ltée, 1977. P. 61–67.
8. История США в четырёх томах. Том первый: 1607–1877. М.: Наука, 1983. 687 с.
9. Trudel M. La Révolution Américaine. Pourquoi la France refuse Canada (1775–1783). Québec: Les Editions du Boréal Express, 1976. 291 p.
10. Brunet M., Frégault G., Trudel M. Histoire du Canada par les textes. Montréal-Paris: FIDES, 1956. 298 p.
11. Франклин Бенджамин. Воспоминания. М.: Бизнеском, 2011. 304 с.
12. Clark S. D. Movements of Political Protest in Canada, 1640–1840. Toronto: University of Toronto Press, 1959. 528 p.
13. Chandler Jon. The Continental Army and "Military Europe": Professionalism and Restraint in the American War of Independence // War in History. 2020. No. 29. P. 1–18.
14. Тишков В.А., Кошелев Л. В. История Канады. М.: Мысль, 1982. 268 с.
15. Beaulieu A., Hamelin J. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome premier: 1764–1859. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1973. 268 p.
16. Finlay Hugh // Encyclopedia Canadiana: In 10 vol. Ottawa: The Canadian Company Limited, 1958. Vol. 4. P. 137.
17. Kelly Jack. Valcour: The 1776 campaign that saved the cause of liberty. New York: St. Martin's Publisher Group, 2021. 304 p.
18. Brunet Michel. Les Canadiens après la Conquête. 1759–1775. Montréal: FIDES, 1980. 315 p.
19. Франклин Вениамин. Высказывания о войне // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1956. С. 563–564.
20. Morgan Edmund S. Benjamin Franklin. New Haven; London: Yale University Press, 2003. 340 p.
21. Франклин Бенджамин. Время – деньги. Автобиография. М.: ЭКСМО, 2019. 352 с.

Информация об авторе

Овчаренко Елена Феликсовна, кандидат филологических наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; felicella@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8960-502X>.

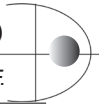
Для цитирования

Овчаренко Е. Ф. Информационные парадоксы Первой Американской войны (1775–1783) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 63–73. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-63-73.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 19.10.2023.

References

1. Franklin, Veniamin. The Interest of Great Britain Considered with Regard to its Colonies, and acquisition of Canada and Guadeloupe. Selected works. M: Gospolizdat, 1956. (In Rus.)
2. Brunet, Michel. Canadiens et Canadiens. Montréal-Paris: FIDES, 1967. (In French)
3. Revolution Rejected. 1775–1776. Scarborough: Prentice-Hall of Canada, Ltd., 1968. (In Engl.)
4. Mileykovsky, A. G. Canada and English-American contradictions. M: Gospolizdat, 1958. (In Rus.)
5. Ovcharenko, E. F. The press of Quebec: from birth to recognition of Quebec Nation (1764–2006). In 2 volumes. Vol. I (XVIII–XIX centuries). M: MAKS Press, 2022. (In Rus.)
6. Lagrave, J.-P. de. Les origines de la presse au Québec (1760–1791). Montréal: Editions de Lagrave, 1975. (In French)
7. Groulx, L. A travers les vieux journaux du British Museum. Notre maître le passé. Tome 2. Ottawa: Editions internationales Alain Stanké Ltée, 1977. (In French)
8. The History of the USA. In IV Volumes. Vol. I: 1607–1877. M: Nauka, 1983. (In Rus.)
9. Trudel, M. La Révolution Américaine. Pourquoi la France refuse Canada (1775–1783). Québec: Les Editions du Boréal Express, 1976. (In French)
10. Brunet, M., Frégault G., Trudel M. Histoire du Canada par les textes. Montréal-Paris: FIDES, 1956. (In French)

11. Franklin, Benjamin. *Memoirs*. Series "Eternal classics". M: Bizneskom, 2011. (In Rus.)
12. Clark, S. D. *Movements of Political Protest in Canada, 1640–1840*. Toronto: University of Toronto Press, 1959. (In Engl.)
13. Chandler, Jon. The Continental Army and "Military Europe": Professionalism and Restraint in the American War of Independence. *War in History*, no. 29, pp. 1–18, 2020. (In Engl.)
14. Tishkov, V.A., Koshelev, L. V. *The History of Canada*. M: Mysl', 1982. (In Rus.)
15. Beaulieu, A., Hamelin, J. *La presse québécoise des origines à nos jours*. Tome premier: 1764–1859. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1973. (In French)
16. Finlay, H. *Encyclopedia Canadiana*. In 10 vol. Vol. 4. Ottawa: The Canadian Company Limited, 1958. (In Engl.)
17. Kelly, J. *Valcour: The 1776 campaign that saved the cause of liberty*. New York: St. Martin's Publisher Group, 2021. (In Engl.)
18. Brunet, Michel. *Les Canadiens après la Conquête. 1759–1775*. Montréal: FIDES, 1980. (In French)
19. Franklin, Veniamin. *On the question of war*. Selected works. M: Gospolitizdat, 1956. (In Rus.)
20. Morgan, Edmund S. *Benjamin Franklin*. New Haven & London: Yale University Press, 2003. (In Engl.)
21. Franklin, Benjamin. *Time is money*. Authobiography. M: EKSMO, 2019. (In Rus.)

Information about the author

Ovcharenko Elena F., Candidate of Philology; Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; felicella@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8960-502X>.

For citation

Ovcharenko E. F. *Information Paradoxes of The First American War (1775–1783)* // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 63–73. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-63-73.

**Received September 5, 2023; approved after reviewing October 17, 2023;
accepted for publication October 19, 2023.**

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-74-83

Открытие Японии со стороны России и Крымская война

Александр Юрьевич Петров

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия
alaska13@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

В XVII в. японское правительство приняло решение о проведении политики ограничения или вовсе запрета внешних контактов. Эта политика продлилась больше двух столетий. В течение XVIII – начала XIX в. Россия предпринимала попытки установления дипломатических и торговых отношений с Японией, которые имели лишь малозначительный успех. Завершение политики изоляции связано с экспедициями в Японию Е. В. Путятин в 1853–1854 гг. В статье даётся общий обзор международной обстановки, сложившейся вокруг Японии к тому времени. Отмечена роль Российско-американской компании в снабжении экспедиции Е. В. Путятин. Проводится анализ переговоров между Россией и Японией, показывается его особенности. Изучается Симодский договор, который стал образцом для аналогичных соглашений других стран с Японией. Акцент сделан на воспоминаниях современников событий того времени. Одновременно с путешествием Путятин происходит оборона Петропавловска-Камчатского как эпизод Крымской войны. В статье показано, как данные события повлияли на установление отношений с Японией. Статья подготовлена с использованием междисциплинарного подхода, предполагающего комбинацию исторических и лингвистических методов исследования. Пристальное внимание уделено публикациям японских авторов и работе с архивными материалами, особенно с документами из Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и электронного архива Национальной парламентской библиотеки Японии.

Ключевые слова: Российско-японские отношения, Япония, Крымская война, Азиатско-Тихоокеанский регион, борьба за колонии, Симодский трактат

Благодарность: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Борьба за колонии на Севере Тихого океана в XVIII–первой половине XIX вв.», № 22-18-00043, Институт всеобщей истории РАН.

Original article

Discovery of Japan by Russia and the Crimean War

Aleksandr Yu. Petrov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alaska13@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

In the 17th century Japan decided to pursue a policy of limiting or completely prohibiting external contacts. This policy lasted more than two centuries. During the XVIII – early XIX centuries Russia made attempts to establish diplomatic and trade relations with the Land of the Rising Sun, which had only limited success. The end of the isolation policy is associated with the expeditions to Japan by E. V. Putyatin in 1853–1854. The article gives a general overview of the international situation that had developed around Japan at that time. The role of the Russian-American company in supplying the expedition of E. V. Putyatin is noted. An analysis of the negotiations between Russia and Japan is carried out, its features are shown. The Treaty of Shimoda is being studied. The article provides memoirs of contemporaries of those events. The agreement became a model for similar agreements between other countries and Japan. Simultaneously with Putyatin's journey, the defense of Petropavlovsk-Kamchatsky took place, as part of the Crimean War. The article shows how those events influenced the establishment of relations with Japan. The article has been prepared using an interdisciplinary approach that combines historical and linguistic methods as well. Close attention is paid to publications by Japanese authors and work with archival materials, especially with documents from the Russian State Archive of the Navy, the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the State Archive of the Irkutsk Region, the Manuscript Department of the Russian National Library and the electronic archive of the National Diet Library of Japan.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japan, Crimean War, Asia-Pacific region, struggle for colonies, Shimoda Treaty

© Петров А. Ю., 2023

Acknowledgements: *The study was supported by the Russian Science Foundation grant “The struggle for colonies in the North Pacific in the XVIII–first half of the XIX centuries”, no. 22-18-00043, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.*

Введение. 170 лет назад началась Крымская война, в ходе которой России удалось завершить изоляцию Японии и установить с этой страной дипломатические и коммерческие отношения. Актуальность исследования также подтверждается тем, что в настоящее время наблюдается заметный рост политического и экономического влияния стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и, в частности, Японии, что подчёркивает значимость темы исследования. Полученные нами результаты могут быть использованы в теоретической и практической частях ведения дипломатических переговоров с Японией и странами АТР. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать взаимосвязь событий Крымской войны и установления дипломатических и торговых отношений с Японией.

Обзор литературы. По истории российско-японских отношений существуют отечественные и зарубежные работы [1–3]. Можно найти труды по подготовке и осуществлению плаваний М. К. Перри, Е. В. Путятин и Крымской войне, и, в частности, театру военных действий в Петропавловске-Камчатском [4–6]. Были опубликованы специальные сборники документов, в подготовке которых принимал участие и автор данной статьи¹. При этом в отечественной историографии, как правило, отдельно рассматриваются российско-японские отношения первой половины XIX в. и театры Крымской войны. Мы же попытаемся понять особенности открытия Страны восходящего солнца как общего исторического процесса, показав значение дальневосточного театра военных действий Крымской войны, изучив процедуру и особенность заключения Симодского трактата. Особенностью экспедиции Путятин стало то, что она проходила в то время, когда театр военных действий

Крымской войны распространился на северо-тихоокеанский регион [7].

Методология и методы исследования. В ходе написания статьи нами использовались методы и подходы присущие, как исторической науке, так и другим дисциплинам, что показывает междисциплинарность нашего исследования. Например, привлекались методы филологии при изучении Симодского трактата. Мы также опирались на современные достижения гуманитарных наук, основанные на принципах объективности, комплексности, историзма и детерминизма. При этом мы использовали достигнутые нами результаты при анализе борьбы за колонии на севере Тихого океана, что позволило применить полученные методологические разработки при изучении политики зарубежных стран по отношению к Японии. Например, использование литературы на японском языке, позволило отметить точки зрения на изучаемые события коллег из Японии.

Автор статьи понимает, что выбор темы может содержать определённые лакуны и сложности в использовании документов из зарубежных архивов. Например, мы полагаем, что дальнейшая разработка проблемы, поднимаемой в статье, требует выявления в Национальном архиве Англии в Кью писем, депеш и донесений английских моряков, участвовавших в нападении на Петропавловск-Камчатский.

Результаты исследования и их об-суждение. Колониальные державы активно осваивали Тихоокеанский Север, при этом каждая из них полагала возможным развивать торговлю со Страной восходящего солнца, несмотря на то, что государство было закрыто для таких действий. В Европе товары, производимые в Японии, высоко ценились и конкурировали с китайскими изделиями (разного вида шелковые и хлопчатобумажные ткани, парфюмерия, оружие). Полагаем, что с середины XVII в. в Японии стала проводиться политика торговой и дипломатической изоляции. Завершилась она сначала американской экспедицией М. Перри, а затем российского адмирала Е. В. Путятин. Попытки установления дипломатических и торговых связей с Японией пред-

¹ Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией / МИД Российской Федерации, МИД Японии. – М., 1992; Русские Курилы. История и современность: сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, А. Ю. Плотников, С. А. Пономарев. – М.: Алгоритм, 2015; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: сб. док. / сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринев. – М.: Наука, 2010. – Т. 5. – С. 430–431.

принимались на протяжении XVII – первой половины XIX в. Однако только Голландии удалось получить право ограниченной торговли в определённом месте – на о. Дэдзима.

К середине XIX столетия сложилась ситуация, которая требовала разрешения с точки зрения борьбы за колонии на Тихоокеанском Севере. В конце 1840-х гг. количество иностранных судов, совершавших попытки посетить Японию, увеличилось. В это время США подписали выгодный торговый договор с Гавайским королевством¹.

В 1852 г. в Японию была организована экспедиция М. Перри. Изначально она состояла из трех кораблей ВМФ и двух судов, предназначенных для транспортировки, но на завершающем этапе к ним присоединилось ещё восемь кораблей. В процессе подготовки к плаванию Соединенные Штаты уведомили Великобританию, Испанию, Францию и Россию о предстоящей экспедиции. В официальной бумаге, посланной в Россию, отмечались торговые и научные задачи путешествия. Между тем цель ставилась установить дипломатические связи и укрепить политическое взаимодействие². Правительство России ответило согласием, но потребовало относиться к американцам миролюбиво и осторожно, при этом предписав властям на Камчатке «быть принципиальнее при столкновениях с столь предприимчивым и хитрым народом как северные американцы»³.

31 марта 1854 г. подписан Канагавский японо-американский договор (яп. 神奈川条約) о мире и дружбе в двух экземплярах, на английском и японском языках. К нему также прилагались китайский и голландский переводы.

Считается, что в России получена информация о планах США по усилению своего присутствия на Тихоокеанском Севере и использовании Японии для решения этих задач. Реагируя на новые вызовы, весной 1852 г. в Санкт-Петербурге был образован «Особый комитет по японским делам». На одном из первых заседаний этого комитета тщательно и подробно обсудили вопрос усиления США в регионе в случае решения

этим государством всех заявленных задач по отношению к Японии. Большинство присутствовавших на заседании высказалось за скорейшее направление собственной экспедиции к берегам Японии и, по возможности, «упредить» американцев. Предпринимались все возможные усилия, чтобы получить актуальные карты Японии из Голландии⁴. Согласно официальной цели, экспедиция должна была «войти в дружеские связи с соседственной Японской империей, пробуждаясь к сему несомненною пользою, которая может произойти для обоих государств от подобного скрепления дружеских отношений»⁵.

Вероятно, в российском правительстве существовали разные точки зрения по выстраиванию отношений с Японией. В результате пришли к заключению о важности установления торговых сношений с Японией. Такая позиция, в целом, соответствовала общему подходу, установленному Петром I. Как и на севере Тихого океана, так и в других регионах России видны заложенные Петром I постулаты: «Ментальное государство» Петра Первого интегрировало российские элиты, а его импульсы заметны «в дней Александровых прекрасном начале» [8].

Практически с самого начала появления русских у берегов Тихого океана им приходилось сталкиваться с японцами. Как правило, это были моряки, потерпевшие кораблекрушение. Однако лишь в конце XVIII в. сформировалась концепция установления торговых связей с Японией. Задумывалось доставить японцев на родину и использовать факт возвращения как повод для того, чтобы начать торговать с этой страной. В 1792 г. Адам Лаксман так и сделал. Его плавание было признано русскими властями удачным и планировалось развить успех. Однако в 1804 г. камергер и руководитель первой отечественной кругосветной экспедиции Н. П. Резанов получил отказ – при том, что сами японские купцы были весьма заинтересованы в торговле. Японский император категорично отказался принимать подарки и отказал в каком-либо варианте установления российско-японских связей.

Между тем в самой Японии зрело убеждение в неизбежности развития связей с Российской империей. В первой половине

¹ История США: в 4 т. – М.: Наука, 1983–1987. – Т. 1. – 687 с.

² Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 75. – Л. 105.

³ Там же. – Л. 106 об.; Здесь и далее: орфография и пунктуация источников сохранена.

⁴ РГАВМФ. – Оп. 4. – Д. 898.

⁵ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: сб. док. / сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринев. – М.: Наука, 2010. – С. 430–431.

XIX в. в МИД регулярно поступали бумаги, подготовленные в Главном правлении Российско-американской компании (ГП РАК). В этих документах шла речь о положении айнов – коренных жителей Курильских островов – и о контактах с представителями Японии. В РАК уверены, что стоимость акций могла резко вырасти после установления регулярной торговли с Японией. Так, стоимость акций резко выросла после успешной торговли с китайцами в 1840-х гг.¹ Однако в российском правительстве предпочли воздержаться от активных действий на японском направлении.

Поэтому после того, как было принято решение об экспедиции к Японии, РАК было поручено продумать, как способствовать развитию торговли с японцами. 27 августа 1852 г. уведомление об этом МИД России отправил директорам компании. Это было только уведомление, так как руководству РАК отказали в разрешении принять участие в проработке маршрута и задач экспедиции. Такая практика отстранения директоров РАК стала практиковаться в 50-х гг. XIX в., а её кульминацией явилась уступка Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. – в ГП РАК узнали о ликвидации компании из газетных полос западноевропейских изданий.

После того как состоялось совещание в МИД, и принято решение подключать РАК к развитию торговли с Японией, директора компании отправили инструкцию под грифом “секретно” главному правителю Русской Америки – морскому офицеру Н. Я. Розенбергу. Задумывалось вернуть моряков из Японии, потерпевших кораблекрушение в разные годы². Главному правителю также предписывалось подготовить к отправке суда с пушниной и иными товарами для торговли, которые должны были поступить в распоряжение Путятина³.

Путятин отбыл из Кронштадта 7 октября 1852 г. В состав экспедиции вошли кадровые служащие ВМФ России, а также военные моряки, учёные, священнослужители, ученые, чиновники и даже журналисты и писатель⁴. Маршрут был проложен вокруг

¹ Вологодские губернские ведомости. – 1842. – № 29. – С. 311–312; Там же. – № 50. – С. 453; Там же. – 1843. – № 3. – С. 19.

² Национальный архив республики Саха. – Ф. 29. – Оп. 2. – Д. 104. – Л. 1–5.

³ РГАВМФ. – Ф. 1375. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 471–475 об.

⁴ Гончаров А. И. Фрегат Паллада: очерки путешествия: в 2 т. – СПб.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1858; ОР РНБ. – Ф. 236. – Д. 174.

африканского побережья, обогнув мыс Доброй Надежды, затем в Индийский океан. Следовали на фрегате «Паллада», который оказался малопригодным к длительному плаванию. Пришлось его заменить совсем новым 52-пушечным фрегатом «Диана», под командованием С. С. Лесовского. Путятин и Лесовский во время плавания проводят научные опыты и собирают всю информацию о том, как продвигаются дела у американцев⁵.

Сменивший на посту главного правителя Русской Америки Н. Я. Розенберга, 30 мая 1853 г. А. И. Рудаков писал в Санкт-Петербург, что судно «Князь Меншиков», которым командовал И. В. Фуругельм, держит курс к берегам Японии для “вспомоществования” Путятину⁶.

В августе 1853 г. в Новоархангельск прибыл военный фрегат ВМС Великобритании «Тринкомали» (Trincomalee)⁷. В это же время в английских газетах публикуются враждебные по отношению к России статьи. Данные факты вызвали беспокойство в Главном правлении РАК в Петербурге [7, с. 181]. Экспедиция Путятина прибыла в Японию почти через месяц после экспедиции Перри – 12 августа 1853 г. Дипломатические документы были переданы только 9 сентября 1853 г.

Поскольку до визита Путятина отношения между Россией и Японией складывались напряженно, японцы настороженно относились к своему соседу. Это отношение заметно в документах Цудзуки (магистрата Симода), когда тот пишет об экспедиции Путятина [9]. Цудзуки говорит о русских как «варварах», отмечая, что «заметил один корабль варваров». А. О. Сапрыкина полагает, что значение слова 夷 эбису (рус. «чужак, варвар или северянин») менялось и в XIX в. могло пониматься как айны или иностранцы [10].

Пребывая у берегов Японии, Путятин придавал большое значение картографии. Под его руководством было подготовлено «Описание Нагасакского порта с картой и описанием укреплений сего порта»⁸. Результаты его плодотворной работы в основном сохранились в специальном фонде

⁵ РГАВМФ. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 139 об.

⁶ Там же. – Ф. 1375. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 471–475 об.

⁷ Данный тип судна – один из сохранившихся ныне на плаву и использующийся как музей в Великобритании.

⁸ РГАВМФ. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 205 об.

РГАВМФ, так как им были направлены в Санкт-Петербург все карты и отчёты о путешествии¹. Путятин решил не дожидаться ответа японцев, а отплыть в Манилу, а на своем пути собирать сведения о кораблях М. Перри. В ходе плавания он встретился с американским офицером, а также посетил Ликейские острова. В его отчёте был любопытный факт, что при входе в бухту Напакианг «развевается американский флаг»².

В декабре 1853 г. Путятин написал Перри письмо, в котором решил предложить взаимодействие с американцами для того, чтобы «подстроить под себя» японцев. Перри отказался от сотрудничества с Путятиным. В начале 1854 г. корабль Путятина оставил порт Нагасаки и прибыл в порт Гамильтон (Манилу). Затем он прошёл Японское море и вскоре дошел до устья Амура, где его ожидала обширная почта. Наиболее важной бумагой было сообщение о начале военных действий в Крымской войне и о полученных данных разведки, что Англия и Франция отправили эскадру для захвата Петропавловска-Камчатского³.

Освоение Сахалина, начатое усилиями РАК, было приостановлено. Путятин принимает решение об эвакуации «Муравьевского» поста в заливе Анива, состоящего из 8 орудий батареи и 58 солдат гарнизона, которыми командовал лейтенант Н. В. Рудановский и майор Н. В. Буссе⁴.

Кроме того, в Японии весьма болезненно относились к освоению Сахалина: «1853 год – год прибытия Перри в Урагу. В то время, когда Япония поднимала шумиху вокруг «Чёрных кораблей», российские военные заняли часть Сахалина»⁵.

В обстановке начала боевых действий против Англии и Франции Путятин принимает решение продолжить переговоры с Японией. 10 мая 1854 г. им был получен ответ, в котором были высказаны намерения

развивать отношения с Россией, но без какой-либо конкретики. Японское правительство предлагало начать изучение вопроса о границах без указания конкретных сроков. В сфере торговли японцы полагали сохранять принцип изоляционизма, но соглашались обдумать, какие шаги можно предпринять в будущем для смягчения его условий. Вскоре Япония согласилась на предложения Перри, и переговорная позиция улучшилась для России. В Японии считали, что после США и России в их державу «последуют одни за другими жители других государств»⁶.

В октябре 1853 г. началась Крымская война, которая «вела на огромной территории. В этой чрезвычайно широкомасштабной войне Россия приложила колоссальные усилия, продемонстрировавшие мощь русского народа» [11].

18–24 августа 1854 г. происходил один из важнейших этапов Крымской войны – героическая оборона Петропавловска-Камчатского. Русским удалось отразить нападение вооруженных сил противников и не допустить их закрепления на восточных рубежах Российской империи. Действительно, «Крымская война XIX века является показательным примером таких [глобальных] исторических событий – это была первая европейская война, оказавшая влияние на Восточную Азию» [12].

В Санкт-Петербурге понимали всю сложность ситуации, в которой оказался Путятин в результате военного противостояния с Англией и Францией. Все распоряжения Путятина были одобрены на самом высоком уровне. Так, 26 августа 1854 г. брат императора Александра II, Константин Николаевич, отмечал: «Важность и польза для России будет достойно оценена нашими внуками, но которое и теперь уже заслуживает полного одобрения»⁷.

Именно в это время, утром 27 августа, в Авачинской бухте англо-французской эскадрой был захвачен корабль РАК – «Ситха» – с богатым грузом пушнины. Компания понесла ущерб, оцененный более чем в 90 тыс. р.⁸ Англичане предполагали захватить Петропавловск, укрепиться на Дальнем Востоке. В то же время они понимали, что отдалённость дальневосточного театра

¹ РГАВМФ. – Оп. 2. – Д. 75. – Л. 208

² Там же. – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 75. – Л. 212 об.

³ ОР РНБ. – Ф. 531. – Оп. 1. – Д. 545. – Л. 3.

⁴ История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / под общ. ред. Н. Н. Болховитинова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 3. – С. 323.

⁵ «1853年といえば、ペリーが浦賀に来港した年である。黒船に日本中が大騒ぎしていた同時期に、サハリンの一部をロシア軍が占拠したという事実があったということ。そしてもうひとつは、この地を日本が支配しており、現地のアイヌ人を隷属させていたという事実”。 – Текст: электронный // Электронная энциклопедия Japanknowledge, Библиотека Восток-Запад, запись 715. – URL: <https://japanknowledge.com/articles/blogtoyo/entry.html?entryid=546> (дата обращения: 20.08.2023).

⁶ РГАВМФ. – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 75. – Л. 267.

⁷ Там же. – Л. 230.

⁸ История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / под общ. ред. Н. Н. Болховитинова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 3. – С. 342–343.

военных действий может привести к проблемам его удержания, особенно в связи с длительным периодом осенних штормов¹.

22 ноября 1854 г. фрегат «Диана» бросил якорь у берегов Японии. Переговоры были организованы в г. Симода в начале декабря, но оказались прерваны из-за мощного цунами и землетрясения. В результате удара стихии русский фрегат получил серьезные повреждения. Тем не менее, переговоры продолжились.

26 января (7 февраля) 1854 г. в храме Гекусэн-дзи (Гёкусэндзи), построенном в 1251 г., прошли переговоры. Вскоре был подписан договор о дружбе и торговле между Россией и Японией – Симодский трактат. Переговоры велись на китайском и голландском языках, несмотря на имеющиеся в России словари и разговорники со времен путешествий А. Лаксмана и Н. П. Резанова². Использование китайского языка, на наш взгляд, говорило об «общих культурных столпах», сближающих Россию и Китай [13]. Это обстоятельство подтверждает сложность проходящих переговоров. Договор был подписан на русском, японском, китайском и голландском языках.

Название официальных документов на русском и японском языках имеет определенные отличия. На русском языке он звучит так: «Трактат о торговле и границах между Россией и Японией»³, а на японском языке – «Договор о мире и дружбе между Японией и Россией» (яп. 「日露和親条約」⁴). Видно, что в варианте на русском языке на первом месте стоит Россия, а также отмечены слова «границы» и «торговля». Основной задачей договора для Путятина стало становление торговых отношений и формирование официально зафиксированной границы. В Японии же предпочли использовать весьма общие фразы: «установлении мирных дружественных отношений». Нами установлено, что первоначально японский вариант Си-

модского трактата был назван как 「日本國魯西亜國通好条」 («Договор о дружественных отношениях между государствами Японией и Россией»). В названии был изменен иероглиф, который обозначает Россию: иероглиф 魯 «глупый» был заменен на 露 «роса» как более «благопристойный». Оба иероглифа могут иметь прочтение «ро», и замена, по всей видимости, была осуществлена для того, чтобы сохранить благоприятную дипломатическую атмосферу. Это также показывало, что Россия занимала последовательно вежливую, но твердую позицию в переговорном процессе, что привело к тому, что японские власти изменили свое первоначальное отношение на более благоприятное. Трактат со стороны Японии подписал Комиссар по финансам в сегунате Тосиакира Кавадзи.

Симодский трактат включал в себя 9 (девять) статей. В ст. 1 отмечались «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». При этом русским и японцам гарантировались личная безопасность, а также защита их собственности. Данный факт говорит о возможности безопасной торговли между странами. Важность такого положения в международном праве развивалась со времен Magna Carta Libertatum. Кроме того, это показывало переход от колониального права [14] к нормам права, регулирующим отношения между странами.

Достаточно сложно прошло обсуждение второй статьи, где говорилось: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Крафто [Сахалина], то он остаётся неразделённым между Россией и Японией, как было до сего времени». Японцы хорошо знали, об особом отношении русских к этому самому большому острову архипелага. О нём писали в своих донесениях И. Козыревский, М. Шпанберг. С айнами – жителями острова – были заключены соглашения. Хотя в дальнейшем японцам удалось основать поселения, между ними и айнами происходили конфликты. Передача Японии Итурупа вызвала возмущение у айнов, многие из которых уже приняли Православие [15]. В дальнейшем уступка острова Итурупа трактовалась Путятиным как необходимая.

¹ История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / под общ. ред. Н. Н. Болховитинова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 3. – С. 344.

² ОР РНБ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 153.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. I-10. – Оп. 28. – Д. 528. – Л. 1–4; Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. – URL: <https://www.prlib.ru/item/375717> (дата обращения: 07.10.2023). – Текст: электронный.

⁴ 日露和親条約写 = Договор о мире и дружбе. – Текст: электронный // NDL Digital collections. – 16 p. – URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11125297> (дата обращения: 07.10.2023).

Хотя первая статья и декларировала возможность торговли, но её наполнение корректировалось третьей статьёй, где речь шла о том, что для судов из России могли быть открыты только три порта: Хакодат(е)э, Нагасаки и Симода¹. Другие порты могли быть использованы только в случае крайней нужды. Фактически эта статья повторяла общие положения закрытой территории, практиковавшиеся и в испанских колониях Калифорнии.

В ст. 4–5 указывалось, что торговля могла вестись путем обмена товара на товар, либо с использованием золотых или серебряных монет. В данном пункте использовался опыт торговли пушниной с китайцами через Кяхту и затем через морские порты. Зачастую именно обмен товара на товар приносил наибольший доход сторонам торговли. Кроме того, осталось без должного разъяснения, монетами какого государства предпочтительнее вести торговлю. В один из открытых портов мог быть назначен российский консул. Судебный иммунитет, а также защита лиц, потерпевших кораблекрушение, регулировались пятой и восьмой статьями. В ст. 7 отмечалось, что все иные возникшие вопросы будут «обсуждены и устроены» правительством Японии. Статьи, конкретизирующие решение вопросов по отношению к японцам в России, отсутствовали, за исключением общих положений о потерпевших кораблекрушение. Японское правительство ограничилось лишь общими фразами.

Николай I утвердил Симодский трактат. Затем документ был разослан во все министерства². 25 ноября 1856 г. произошел обмен ратификационными грамотами в Симодэ³. Процесс получил развитие направлением дипломатических представительств.

Заслуги участников плавания Путятина были высоко оценены императором и членами правительства – многие получили награды и повышение по службе. Особо была отмечена помощь Российско-американской компании. Так, Е. В. Путятин обратился со специальным письмом к Управляющему ВМФ России Ф. П. Врангелю, где просил обратить внимание Николая I на помощь РАК в становлении российско-японских отноше-

ний⁴. На РАК накладывались весьма сложные обязанности, о чём И. В. Фуругельм лично писал главному правителю Русской Америки С. В. Воеводскому⁵.

Парадокс заключался в том, что, зная о роли РАК в северотихоокеанском регионе, брат Александра II, Константин Николаевич, задумывал ликвидировать компанию и уступить Русскую Америку США. В дальнейшем Константин Николаевич писал, что Е. В. Путятин поддержал его идею ликвидировать РАК, зная о её крайне важной роли в обеспечении экспедиции в Японию⁶.

В 1854–1855 гг. западноевропейским странам удалось заключить похожие договоры со Страной восходящего солнца. Так, английский адмирал Дж. Стирлинг сумел подписать договор с японцами, в результате чего английские подданные получили похожие с русскими и американцами права. Все эти соглашения подписывались во время продолжающейся Крымской войны, что создавало угрозу русским судам в случае ведения коммерческих отношений с Японией.

В дальнейшем японский исследователь Н. Дзиити отмечал: «влияние на Восточную Азию с точки зрения международных отношений более высокого уровня заключается в том, что после Крымской войны Великобритания, ожидая, что Россия будет стремиться к более активному участию в Азии, стала более активно участвовать в своем вмешательстве в материковый Китай»⁷.

Весной 1855 г. Петропавловский порт пришлось эвакуировать из-за сложности обороны в случае прибытия усиленной англо-французской эскадры. В Санкт-Петербурге полагали, что противники попытаются вновь штурмовать укрепления Петропавловска. Поэтому большинство военного и гражданского населения было эвакуировано в Приамурье [16, с. 344].

Заключение. Таким образом, в договоре с Японией впервые решался вопрос о границах и судьбах моряков, потерпевших кораблекрушение. На результаты переговоров оказали события Крымской войны. Представляется, что именно под воздействием новостей с фронтов и возможной

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 24. – Оп. ОЦ. – Д. 573.

² РГАВМФ. – Ф. 410. – Оп. 1. – Д. 1074. – Л. 1.

³ АВПРИ. – Ф. РАК. – Д. 396. – Л. 1–2.

⁴ Трактат, заключенный 26 января 1855 г. между Россией и Японией о торговле и границах, с объяснительными к оному статьями. ПСЗРИ. Собрание Второе. Т. XXXII. Отделение I. 1857.

⁵ РГАВМФ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 1188. – Л. 1–2.

⁶ АВПРИ. – Ф. РАК. – Д. 396. – Л. 1–2.

⁷ Там же. – Д. 397. – Л. 11–12.

атаки на дальневосточные рубежи Российской империи Путятин вынужден был согласиться с уступкой острова Итуруп. Завершение периода изоляции Страны восходящего солнца и успешная оборона Петропавловска-Камчатского в ходе тихоокеанского и

дальневосточного театра военных действий Крымской войны продемонстрировали всему мировому сообществу, что Российская империя стала мощной силой, без которой сложно было уже представить развитие всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы

1. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 312 с.
2. Торкунов А. В. Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. А. В. Торкунов, Иокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1001 с.
3. Климов В. Ю., Осипова М. В., Щепкин В. В., Климова О. В., Климов А. В. Айны в истории русско-японских отношений XVIII–XIX вв.: монография / под ред. В. В. Щепкина. СПб.: Лема, 2020. 255 с.
4. Соболев В. С. «Дабы поставить между Россией и Японией мир и дружбу...» (к 150-летию военно-дипломатической миссии адмирала Е. В. Путятина). Текст: электронный // Россия и Япония: сб. науч. тр. СПб., 2007. С. 98–109. URL: <https://sochum.ru/s013128120025263-0-1> (дата обращения: 21.07.2023).
5. Гуринов С. Л. Проблема открытия Японии коммодором М. К. Перри // Защита прав человека как цель и содержание правоприменительной деятельности: сборник трудов Международной научной конференции в формате круглого стола. Воронеж: Воронежский гос. ун-т: Воронежский ин-т ФСИН, 2018. С. 151–156.
6. Бурин С. Н. Политика США на Дальнем Востоке // История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877. М.: Наука, 1994. С. 264–287.
7. クリミア戦争における戦闘は、直接的に東アジアにも及んだ。 // 中山治一「クリミア戦争の意義——試論——」『人文研究』大阪市立大学、20–9、1969年、62頁 @@ Накаяма Дзюити. Значение Крымской войны. Государственный университет Осаки, «Гуманитарные исследования», 1969. № 20–9. С. 62.
8. «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой чет- верти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России: монография / под ред. Д. А. Редина; Мин-во науки и высш. обр. Российской Федерации; Уральский фед. ун-т. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2022. 668 с.
9. 石井信一『幕末下田開港史』静岡県賀茂郡教育会,大正14. 国立国会図書館デジタルコレクション @@ *Исии Синъити*. История открытия порта Симода в конце периода Эдо. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1020992> (дата обращения: 07.09.2023).
10. Петров А. Ю., Сапрыкина А. О. Завершение изоляции Японии. Экспедиции М. К. Перри и Е. В. Путятин в контексте борьбы за колонии на севере Тихого океана в середине XIX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 162–175.
11. “クリミア戦争というものがあるが、それをとくに強調すると同時に、この非常に広範囲な戦争にたいしてロシアの払った努力を強調していることも、本書の特徴かと思われる。しかし、そのことは、実は現在の問題意識が必要以上に表現されているのではないかと感じる。[...] その点から言えば、見えすいた感じもするほど、ロシア人の生産力を強調しているわけである” // 江口, 朴郎スラヴ研究, 1, 125–12 @@ Эгути Хокуро: «Крымская война». – Славяно-евразийский исследовательский центр // Секция исследования славян. 1957. Вып. 1. С. 125–129.
12. «...こうした歴史上の事象の代表的な例として、19 世紀に行われたクリミア戦争を挙げ、当該戦争が東アジアに影響を与えた最初のヨーロッパの戦争であるため...» // 海上自衛隊幹部学校 S S G コラム 2 1 4 2022/2/28 @@ Колледж по подготовке персонала в Морские силы самообороны Японии. Вып. 214.
13. Ерофеева И. В., Муравьев А. В. Культурная память России и Китая в ментальном ландшафте СМИ // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, № 4. С. 53–56.
14. Петров А. Ю., Савельев И. В., Капалин Г. М. Становление колониального права в Русской Америке // Российская История. 2015. № 4. С. 101–112.
15. Белая книга айнского народа / ред. М. М. Леренман. М.: Просистем, 2019. 192 с.
16. «より高次の国際関係上の視点からの東アジアへの影響としては、クリミア戦争後にロシアがよりアジアに積極的な関与を求めることを予期した英国が中国大陸への関与を積極的にしていったとの要素が間接的ながらも指摘されている» //中山「クリミア戦争の意義——試論——」61頁。 @@ Накаяма Дзюити. Значение Крымской войны // Гуманитарные исследования. 1969. № 20–9. С. 61.

Информация об авторе

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН; 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А; профессор, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, Остоженка, д. 38; alaska13@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>.

Для цитирования

Петров А. Ю. Открытие Японии со стороны России и Крымская война // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 74–83. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-74-83.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 29.10.2023.

References

1. Fainberg, E. Ya. Russian-Japanese relations in 1697–1875. M: Izd-vo vost. lit., 1960. (In Rus.)
2. Torkunov, A. V. Russian-Japanese relations in the format of parallel history: collective monograph. Ed. by acad. Torkunov A. V. and prof. Iokibie. M: MGIMO–Universitet, 2015. (In Rus.)
3. Klimov, V. Ju., Osipova, M. V., Shhepkin, V. V., Klimova, O. V., Klimov, A. V. Ainu in the history of Russian-Japanese relations in the 18th–19th centuries: collective monograph. Ed. by V. V. Schepkin. СПб.: Lema, 2020. (In Rus.)
4. Sobolev, V. S. “In order to establish peace and friendship between Russia and Japan...” (to the 150th anniversary of the military-diplomatic mission of Admiral E. V. Putyatin). Russia and Japan: collection of scientific works. SPb., 2007: 98–109. (In Rus.)
5. Gurinov, S. L. The problem of the discovery of Japan by Commodore M. K. Perry. Protection of human rights as the goal and content of law enforcement: a collection of proceedings of the International scientific conference in a round table format. Voronezh State University, Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service. 2018: 151–156. (In Rus.)
6. Burin, S. N. US policy in the Far East. History of US foreign policy and diplomacy, 1775 – 1877.M., 1994: 264–287. (In Rus.)
7. “«Крымская войнаにおける戦闘は、直接的に東アジアにも及んだ。»” // 中山治一「クリミア戦争の意義——試論——」『人文研究』大阪市立大学、20–9、1969年、62頁 (*Nakajama Dziiti*. “The Meaning of the Crimean War”. Gosudarstvennyi universitet Osaki, “Gumanitarnye issledovaniya”, 1969. 20–9: 62) (In Japanese)
8. “The Mental State” of Peter the Great and the regions in the first quarter of the 18th century: materials and research on the history of local government in Russia [Ed. by D. A. Redin]; Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, Ural’skiy federal’nyi universitet. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022. (In Rus.)
9. 石井信一『幕末下田開港史』*Isii Sin#iti*. History of the opening of Shimoda port at the end of the Edo period. 静岡県賀茂郡教育会, 大正14. 国立国会図書館デジタルコレクション Web.02.09.2023. <https://dl.ndl.go.jp/pid/1020992> (In Japanese)
10. Petrov, A. J., Saprykina, A. O. Ending Japan’s isolation. Expeditions of M. K. Perry and E. V. Putyatin in the context of the struggle for colonies in the North Pacific in the mid-19th century. Problems of the Far East. 2023:162–175. (In Rus.)
11. “クリミア戦争というものが広大な範囲において行われたことは事実であるが、それをとくに強調すると同時に、この非常に広範囲な戦争にたいしてロシアの払った努力を強調していることも、本書の特徴かと思われる。しかし、そのことは、実は現在の問題意識が必要以上に表現されているのではないかという感がする。[...] その点から言えば、見えすいた感じもするほど、ロシア人の生産龍力を強調しているわけである” // 江口、朴郎スラヴ研究, 1, 125–12 rus. Jeguti Hokuro: “Crimean War”. Slavic-Eurasian Research Center, 1957. “Section for the Study of the Slavs”, Vol. 1, p. 125–129. (In Japanese)
12. «...こうした歴史上の事象の代表的な例として、19世紀に行われたクリミア戦争を挙げ、当該戦争が東アジアに影響を与えた最初のヨーロッパの戦争であるため...»// .海上自衛隊幹部学校 S S G コラム 2 1 4 2022/2/28 (Japanese Maritime Self-Defense Force Training College, Issue 214 dated 02/28/2022). (In Japanese)
13. Rofeeva, I.V., Murav’ev, A. B. Cultural memory of Russia and China in the mental landscape of the media. Russian-Chinese studies, no. 4, p. 57, 2019. (In Rus.)
14. Petrov, A. J., Savel’ev, I. V., Kapalin, G. M. The formation of colonial law in Russian America. Russian History, no 4, pp. 101–112, 2015. (In Rus.)
15. White book of the Ainu people. Ed. by M. M. Lerenman. M.: Prosystem, 2019:67. (In Rus.)
16. «より高次の国際関係上の視点からの東アジアへの影響としては、クリミア戦争後にロシアがよりアジアに積極的な関与を求めることを予期した英国が中国大陸への関与を積極的にしていったとの要素が間接的ながらも指摘されている» //中山「クリミア戦争の意義——試論——」61頁。– rus. Nakajama Dziiti “The Meaning of the Crimean War”. Gosudarstvennyi universitet Osaki, “Gumanitarnye issledovaniya”, no. 20–9, p. 61, 1969). (In Japanese)

Information about author

Petrov Aleksandr Yu., Doctor of History, Professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 32 Leninsky pr., Moscow, 119334, Russia; Professor, Moscow State Linguistic University; 38 Ostozhenka Street, Moscow, 119034, Russia; alaska13@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

For citation

Petrov A. Yu. Discovery of Japan by Russia and the Crimean War // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 74–83. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-74-83.

***Received September 23, 2023; approved after reviewing October 28, 2023;
accepted for publication October 29, 2023.***

Научная статья

УДК 94 (510)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-84-93

Антияпонская борьба даурского народа (1932–1945)

Базар Догсонович Цыбенков

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
bazar75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0404-7207>

Одной из актуальных тем новейшей истории и востоковедения является историческое развитие национальных меньшинств Северо-Востока Китая в переломные периоды XX в. Оккупация Квантунской армией в 1931 г. значительной части китайской территории привела к установлению государственного образования Маньчжоу-Го. В настоящей работе мы обращаемся к новой для отечественного монголоведения теме сопротивления японской оккупации дауров – одного из малочисленных народов Хулун-Буира и провинции Хэйлуцзян. Целью исследования является построение целостной картины противодействия дауров планам японских чиновников и военных в 1932–1945 гг. В работе выдвигается гипотеза о малом участии дауров в партизанском движении в Маньчжурии в 1932–1936 гг. и изменении ситуации с весны 1936 г. после казни губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и трех чиновников-дауров. Изучаются также и другие вопросы: активизация подпольного сопротивления, его локальные особенности по этнотерриториальным группам дауров, участие курсантов и офицеров, дауров по национальности, в военных мятежах в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г. Работа базируется на принципах историзма и объективности, позволяющих изучить период Маньчжоу-Го в новейшей истории дауров во взаимодействии с историей Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии и сопредельных территорий. В написании статьи автор применял сравнительно-исторический, конкретно-исторический и проблемно-хронологический методы. Источниковая база представлена документами из Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Автор приходит к выводу, что в 1932–1936 гг. дауры не принимали активного участия в антияпонском сопротивлении. Своеобразным катализатором роста недовольства в даурском обществе явилась показательная казнь чиновников провинции Северный Хинган в 1936 г. Со временем антияпонские настроения отчетливо проявились в деятельности подпольной организации в Хайларе в 1939–1945 г., участии дауров в военных мятежах в армии Маньчжоу-Го в 1945 г.

Ключевые слова: дауры, Маньчжоу-Го, антияпонская борьба, партизаны, подполье, военные мятежи

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121 031000 241-1).

Original article

Anti-Japanese Struggle of the Daur People (1932–1945)

Bazar D. Tsybenov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
bazar75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0404-7207>

The historical development of national minorities in Northeast China during critical periods of the 20th century is a relevant topic in modern history and oriental studies. The occupation of the northeastern part of Chinese territory by the Kwantung Army in 1931 was aimed at proclaiming the state formation of Manchukuo. The topic of resistance of the Daur – one of the small peoples of Hulun Buir and Heilongjiang Province to the Japanese occupation – is a little-studied area in the Russian study of the history of national minorities in China. The purpose of the study is to analyze the Daur's opposition to the plans of Japanese officials and the military in 1932–1945. The article was determined by the hypothesis about the small participation of the Daur in the partisan movement in Manchuria in 1932–1936 and the change in the situation since the spring of 1936 after the execution of the governor of the Northern Khingan province Lingsheng and three Daur officials. The author also studied other issues: the activation of underground resistance, its local characteristics according to ethno-territorial groups of Daur, the participation of cadets and officers, Daur by nationality, in military mutinies in the Manchukuo army in August 1945. The work is based on the principles of historicism and objectivity, allowing us to study the Manchu-

© Цыбенков Б. Д., 2023

kuo period in the modern history of the Daur in interaction with the history of Northeast China, Inner Mongolia and adjacent territories. The author used comparative-historical, concrete-historical and problem-chronological methods. The source base represented by documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRI). The author concluded that the Daur did not take an active part in the anti-Japanese resistance in 1932–1936. The demonstrative execution of officials of the Northern Khingan province in 1936 was a trigger for the growth of anti-Japanese discontent in Daurian society. Later, anti-Japanese sentiments clearly manifested in the activities of the underground organization in Hailar in 1939–1945, and the participation of Daur in military mutinies in the Manchukuo army in 1945.

Keywords: Daur, Manchukuo, anti-Japanese struggle, partisans, underground activities, military rebellions

Acknowledgments: *The study was carried out on a state assignment (project “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, no. 121 031000 241-1).*

Введение. Изучение вопросов анти-японского сопротивления национальных меньшинств Северо-Востока Китая в 1932–1945 гг. является малоизученной областью отечественной исторической науки. Между тем, как показывают материалы, на территории Маньчжурии представители коренного населения вступали в партизанские отряды, оказывали им всемерную помощь; организовывали подпольную борьбу, передавая разведанные СССР и МНР; принимали участие в военных мятежах в армии Маньчжоу-Го. Эта тема достаточно хорошо изучена в работах китайских историков. Но для формирования целостной картины происходивших событий, на наш взгляд, необходимо обратиться и к трудам отечественных и монгольских исследователей. Благодаря сравнительно-сопоставительному анализу этих исследований можно по-новому взглянуть на проблему, дать новую оценку ряду аспектов антияпонской борьбы. Исследование ставит своей целью полноценную реконструкцию участия дауров в анти-японской борьбе на Северо-Востоке Китая в 1932–1945 гг. Для её достижения поставлены следующие задачи: изучение партизанского движения в даурских районах; ход дела Линшэна в 1936 г. и связанные с ним события; деятельность подпольной антияпонской организации в Хайларе и его пригороде – Нантуне; военные мятежи в частях армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г., с участием военных, дауров по национальности. Результаты работы могут быть применены в разработке спецкурсов для студентов высших и средних учебных заведений, обучающихся по гуманитарному профилю; учебных и учебно-методических пособий, подготовке учащимися рефератов и докладов.

Обзор литературы. Отечественные историки уделяют особое внимание антияпонской войне на территории Китая (1931–1945). Антияпонское движение монголь-

ских аратов Внутренней Монголии во главе с Уланху и Волинга в 1932–1935 гг., казнь четырёх видных монгольских деятелей из администрации Северо-Синаньской провинции Маньчжоу-Го и другие вопросы изучены в работах советского монголоведа С. Д. Дылыкова [1, с. 38–39; 2, с. 93–94]. В работе С. Л. Кузьмина отмечен факт вступления Линшэна на должность губернатора провинции Северный Хинган, даны характеристики даурских чиновников Гуйфу, Линшэна, Фулина, На-угурды [3, с. 364–365]; приводятся сведения о деле Линшэна [Там же, с. 371–372], подпольной антияпонской организации Хайлара [Там же, с. 377]. Во втором томе монографии С. Л. Кузьмина содержатся следующие архивные материалы: выдержки из заявлений Линшэна по поводу выхода Барги из-под власти Китая, 1932 г. [4, с. 205], агитационная листовка, сброшенная на японских солдат во время боев на реке Халхин-гол (25 августа 1939 г.) [Там же, с. 206], документ под названием «Идеологические тенденции хулунбуирских монголов», издание 2-го отдела штаба Квантунской армии, 15-й год Сева (5 октября 1941 г.) [Там же, с. 207–214]. Материалы по периоду Маньчжоу-Го и антияпонскому сопротивлению в Хулун-Буире имеются в диссертационной работе П. Н. Дудина [5]. Советско-китайскому взаимодействию в 1931–1949 гг. посвящена третья глава учебного пособия, подготовленного В. Г. Дацышеном. Автор отмечает, что после начала Второй мировой войны СССР оказывал большую поддержку антияпонскому сопротивлению в Маньчжурии¹. Вопросы антияпонской войны (1931–1945) на Северо-Востоке Китая, партизанского движения в Маньчжурии изучены в статьях В. А. Гайкина, А. Верченко, К. Ю. Колесниченко [6, с. 186; 7, с. 382; 8, с. 130; 9, с. 26]. Вопрос о выработке позиции лидера китай-

¹ Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений. 1917–1949 гг.: учеб. пособие. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2023. – С. 172.

ских коммунистов по формированию единого антияпонского фронта, его целям и задачам рассмотрен в публикации В. В. Кузнецова [10, с. 47]. В российских научных изданиях в последнее время публикуются работы китайских историков, аспирантов, посвященные различным аспектам антияпонской войны на Северо-Востоке Китая. Борьбе китайского и советского народов против японских милитаристов посвящена статья аспиранта Южного федерального университета Мэн Юйфэна. В ней на примере биографий участников антияпонской войны Лэй Фэнлуна и В. И. Ханцевича раскрыты деятельность партизанских отрядов в Маньчжурии и её освобождение Красной армией [11, с. 75].

Процессы социальных трансформаций в условиях японской оккупации, роста патриотических настроений на территории Маньчжурии, историко-культурные обстоятельства формирования хунхузничества изучены в статье Чжоу Синьюй [12, с. 26]. Сравнительный анализ китайской антияпонской войны и Великой отечественной войны Советского Союза проведён в работе китайского историка Чжу Дунфа. Автор подчёркивает, что роль Китая во Второй мировой войне никогда не акцентировалась мировым общественным мнением и до сих пор существует некая недооцененность Китая как антифашистской державы [13, с. 1779–1782].

Изучению духа Северо-Восточной объединенной антияпонской армии и интеграции результатов исследования в рамках идейно-политического курса посвящена статья сотрудника Хэйхэского университета Чжу Хайцина [14, с. 93]. В монографии Ли Фэнмина, посвященной исследованиям трудов Уланьфу по теории и практике национальностей и единого фронта, имеются данные об организации Уланьфу сил антияпонского сопротивления в западной части Внутренней Монголии, работе Единого фронта КПК, реорганизации военного отряда в войсковую дивизию, докладе Мао Цзэдуна «Методы политики по сопротивлению японским захватчикам», где подчеркивалось, что «малочисленные национальности, особенно монголы Внутренней Монголии, ведут борьбу против японских агрессоров. Эта борьба будет объединена с деятельностью Красной армии» [15, с. 230–231].

Изучаемая проблематика нашла отражение в монографии автора настоящей ста-

тьи. В ней выделен специальный раздел, посвященный антияпонскому сопротивлению дауров [16]. Развитие партизанского движения в даурских районах в 1939 г. прослежено в статье, подготовленной совместно с профессором Л. В. Курасом [17]. Из работ монгольских историков следует выделить монографию Г. Мягмарсамбуу, где четвертая глава «Барга в период Второй мировой войны» разделена на три параграфа «Провинция Северный Хинган Маньчжоу-Го», «Территория Барги как опорный пункт Квантунской армии Японии» и «Освобождение Хулун-Буира от японских властей». В работе содержатся данные о деле Линшэна, его встрече с монгольским разведчиком Гончигдо в конце 1932 г. в г. Мукден [18, с. 233–234], подпольной антияпонской группе под руководством Найралту, деятельности даурских подпольщиков Хас-Батора, Сухэ-Батора, Хайруу, Эрдэмбилэга [Там же, с. 236–237].

Работы китайских авторов состоят в основном из публикаций даурских исследователей. Этапам жизни и деятельности губернатора Линшэна, выяснению причин его гибели посвящены статьи Энхэхэбату, Мэнхэнасу, Сухэбилигэ, Эрдунычабу, Эрхэнбаяра [19–23]. Сведения о помолвке сына Линшэна с сестрой главы Маньчжоу-Го, суть разговоров с японскими чиновниками по поводу казни даурского чиновника даны в работе Пу И [24]. В статье бывшего офицера армии Маньчжоу-Го Чжэнчжурчава приведены факты из биографии Линшэна с 1932 по 1936 г., включая поездку в Японию, участие в маньчжуро-монгольских переговорах 1935 г. [25]. Неизвестные страницы из жизни даурского разведчика Алтангата раскрыты в статье Чжожэньтая [26], ход военного мятежа офицеров и курсантов военного училища в Ваньмяо в августе 1945 г. прослежен в мемуарах одного из организаторов, офицера Ван Хайшаня [27].

Методология и методы исследования. Работа базируется на принципах историзма и объективности, позволяющих изучить период Маньчжоу-Го в новейшей истории дауров во взаимодействии с историей Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии и сопредельных территорий. На основе указанных принципов исследуются и вопросы антияпонского сопротивления даурского народа в 1932–1945 гг.

В изучении вопросов антияпонской борьбы даурского народа нами использо-

вался сравнительно-исторический метод. В частности, проводился сравнительно-сопоставительный анализ направлений и степени антияпонского сопротивления в районах проживания даурских этнотерриториальных групп. С помощью конкретно-исторического метода выяснены предпосылки возникновения дела Линшэна в 1936 г., в целом, прослежена эволюция социально-политической обстановки в даурских районах в период Маньчжоу-Го.

Применение проблемно-хронологического метода позволило изучить поставленные вопросы в их динамике, опираясь на переломные моменты истории периода Маньчжоу-Го (создание провинций Северный и Восточный Хинган в 1932 г., маньчжуро-монгольские переговоры 1935 г., дело Линшэна 1936 г., конфликт на р. Халхин-гол 1939, военные мятежи 1945 г.) на каждом из исторических этапов.

Результаты исследования и их обсуждение.

Обстановка в Цицикаре и прилегающем к нему даурских районах в 1931–1932 гг.

Осенью 1931 г. дауры, как и другие национальные меньшинства Северо-Восточного Китая, оказались перед новыми вызовами. После инцидента 18 сентября 1931 г. Уланьфу организовал силы сопротивления Японии в западной части Внутренней Монголии [15, с. 230]. Японские войска к ноябрю 1931 г. захватили большую часть Маньчжурии, включая г. Цицикар. 24 ноября 1931 г. в городе был создан Временный комитет поддержания порядка и спокойствия. В декабре того же года на должность губернатора провинции Хэйлунцзян японцами был приглашен бывший военный министр Бэйянского правительства Чжан Цзинхуэй [16, с. 270].

По данным консула СССР в Цицикаре А. Дрибинского от 20 декабря 1931 г., председателем Временного комитета поддержания порядка и спокойствия был избран ставленник Чжан Цзинхуэйя, генерал Ин-Шунь. Для борьбы с бандитами, в первую очередь в окрестностях Цицикара, Ма Чжаншань выделил два полка, которые должны находиться за чертой города¹. Следует заметить, что наступление японцев совпало с активизацией хунхузов [12]. Как писал комбриг первой

временной пехотной охранной бригады Хэйлунцзяна Ван Дян-чжун, «с наступлением зимы со всех сторон стали появляться бандиты, которые своими налетами на места и грабежами городов поставили население между глубокой водой и пылающим огнем»². В начале апреля 1932 г. ситуация в регионе усложнилась антияпонским восстанием командующего войском обороны г. Цицикар Ма Чжаншаня.

В сражении у ст. Цзянцяо помощь китайской армии оказали дауры четырех деревень, прилегающих к Цицикару. Они занимались рытьем окопов, оказанием санитарной помощи и др. Крестьянин с. Аобао Э Шоуси вступил в армию Ма Чжаншаня [16]. В 1932 г. провинция Хинган Маньчжоу-Го была разделена на подпровинции: северную, восточную и южную. На совещании в г. Чанчунь монголы (дауры в то время не выделялись из состава монголов – *авт.*) внесли предложение о выделении всего Хинганского района в одну национальную монгольскую единицу. Как отмечал губернатор провинции Восточный Хинган Э-Лэ-Чун, даур по национальности, «наше самоуправление прокламировано Маньчжоу-Го, неизвестно, является ли это обещание действительным или только лишь обещанием на словах. В случае, если нас обманут, и мы по-прежнему будем находиться под гнетом, то, мы, конечно не будем слушаться (по-видимому, новой власти – по мнению консула СССР в Цицикаре А. Дрибинского), но это лишь тогда, когда мы будем сильны»³. Таким образом, можно понять, что уже в начальный период Маньчжоу-Го даурские чиновники с недоверием относились к мероприятиям японцев.

Дело Линшэна. Если политика губернатора провинции Восточный Хинган Э-Лэ-Чуна была по большей части сдержанной и выжидательной, то совсем по другому сценарию развивались события в провинции Северный Хинган во главе с дауром Линшэном. В марте 1936 г. на совещании губернаторов хинганских провинций в г. Синьцзинь (совр. г. Чанчунь) Линшэн раскритиковал т. н. «основные проблемы» Японии. В апреле 1936 г. он и его сподвижники Фулин (младший брат), Чуньдэ и Хуалинтай были казнены японцам. По мнению даурского исследователя Мэнхэнасу, судя по характеру противоречий с японцами, подобный исход был неизбежен,

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 0100. – Оп. 16. – Д. 979. – Л. 16.

² Там же. – Л. 8.

³ АВП РФ. – Ф. 0270. – Оп. 16. – Д. 17. – Л. 210.

и Линшэн морально был готов к нему [20, с. 243]. Как и некоторые другие чиновники хинганских провинций Маньчжоу-Го, он был недоволен отсутствием реальной власти. Как отмечал Чжэнчжурчжабу, «состояние, когда он не мог отдавать распоряжения, но не желал подчиняться приказам (свыше) стало основой для будущих неприятностей» [25, с. 230]. По данным С. Л. Кузьмина, в период переговоров между МНР и Маньчжоу-Го по пограничным вопросам в 1935 г. Линшэн тайно контактировал с представителями МНР [3, с. 371–372]. В ходе переговоров он игнорировал мнение японских советников, что не могло не вызвать у них подозрений в надежности чиновника [5].

Как вспоминал позже император Маньчжоу-Го Пу И, когда Линшэна арестовали, он очень встревожился, поскольку полгода назад состоялась помолвка четвертой сестры императора с сыном губернатора. Командующий Квантунской армией Ёсиока Анжи сообщил Пу И, что ему следует немедленно расторгнуть помолвку, что было сделано. Все эти события, связанные с казнью Линшэна и соратников, стали большим потрясением для императора, по его словам, «это был первый видный чиновник, которого убили японцы, и он уже был моим родственником» [24, с. 247]. По данным Эрдунычжабу, Линшэн был приверженцем восстановления династии Цин и власти Пу И [22, с. 246].

В связи с «делом Линшэна» только в администрации Солонского хошуна было уволено около 40 чел., в большинстве своем дауров [21, с. 123]. Были арестованы его родственники, в том числе племянник Линшэна – Эрхэньбаяр, отдельно занимавшийся подпольной антияпонской деятельностью [23, с. 262].

Если до 1936 г. имелись единичные случаи помощи дауров китайским партизанам, то после казни Линшэна и его сподвижников даурское общество, недовольное решением японцев и, осознав истинную сущность намерений японских милитаристов, большей частью начинает поворачиваться в сторону СССР и МНР. На передний план выступают бывшие студенты советских и монгольских учебных заведений; лица, так или иначе связанные с этими странами. Именно они становятся в авангарде антияпонского движения.

Осенью 2023 г. нами получены сведения о захоронении Линшэна. Выяснено, что он, его младший брат Фулин были захороне-

ны в местности Долот, находящейся в южной части Восточного хошуна Новой Барги. Позже, здесь же был похоронен их отец, бывший фудутун Хулун-Буира – Гуйфу. По неподтвержденным данным информантов, японцы отдали приказ похоронить Линшэна за пределами Хайлара, не ближе 100 км, чем и была вызвана отдаленность захоронения. В сентябре 2023 г. родственники совершили традиционный даурский обряд поминовения предков на месте захоронения, установили новые могильные памятники.

Партизанская война в даурских районах. В декабре 1935 г. руководство КПК приняло решение о создании совместно с представителями национальной буржуазии единого антияпонского национального фронта [10, с. 48]. С конца 1936 г. основой борьбы с партизанами стала выброска в глубинные пункты одного-двух взводов для длительного пребывания в зоне деятельности партизанских отрядов с целью ведения разведки, изучения местности, выявления маршрутов передвижения партизан [9, с. 28]. Объединённые армии антияпонского сопротивления северо-восточного Китая под руководством КПК, расположившись в бассейне р. Нонни, начали партизанскую войну. Дауры, проживавшие в тех местах, вступали в антияпонские военные формирования, обеспечивали солдат провизией и предметами первой необходимости, занимались сбором сведений, выступали в роли проводников. Помощником партизанских отрядов являлся даур, паромщик Багабу [16–17]. И всё же в период с 1932 по 1939 г. наблюдаются единичные случаи перехода дауров на сторону сил антияпонского сопротивления. Дауров-партизан, по всей видимости, было несравнимо меньше, чем дауров, находившихся на службе в полиции и армии Маньчжоу-Го. К концу 1939 г. партизанское движение на Северо-Востоке Китая потерпело поражение, многие отряды были обескровлены [7, с. 386]. Установлению контроля над связями местного населения с партизанами помогала система круговой поруки «баоцзя», закреплённая в Маньчжурии в самом начале 1934 г. [8, с. 143].

К 1939 г. изрядно поредевшие китайские армии перешли к партизанской антияпонской войне в горно-таежных и таёжных районах северо-восточного Китая. Армия, в которой служил Ван Цзюнь, прибыла в район Нэньцзяна и Нэхэ из местности Цзя-

мусы. Как известно, в мае-сентябре 1939 г. в результате нападения японских захватчиков на территорию МНР разгорелся ожесточенный конфликт, известный как конфликт на р. Халхин-гол, или война на Номон-хане. Судя по воспоминаниям Ван Цзюня, партийный комитет Северной Маньчжурии поставил перед китайскими партизанами задачу развернуть борьбу в районах Нэхэ и Нэньцзяна, чтобы отвлечь японские силы от продолжения агрессии в районе Халхин-гола [17].

Кавалерийские полки армии Маньчжоу-Го, в рядах которых были и дауры, отказывались от активного участия в боевых действиях в районе р. Халхин-гол в 1939 г. Известны случаи массового перехода солдат армии Маньчжоу-Го на сторону МНРА, а также дезертирства и последующего создания партизанских отрядов в районе Хингана.

Из крупных боестолкновений партизанов с полицией и войсками Маньчжоу-Го на территории проживания дауров можно отметить бои у дер. Тунцзы в декабре 1939 г., в районе дер. Гони в июле 1941 г. Поскольку партизанское движение охватывало район проживания бутхаских дауров, они по мере возможностей оказывали различную помощь.

Партизанская борьба в даурских районах играла важную роль во всем антияпонском движении сопротивления на северо-востоке Китая и должна была сдерживать агрессивные устремления японцев в сторону МНР.

Хайларские подпольщики. Активная антияпонская деятельность развернулась в Хайларе, и особенно в его пригороде, пос. Наньтунь (*монг.* Баян-Тохой) во главе с Найралту (*кит.* Го Вэнгуй). Ядро подпольной группы составили хайларские дауры, бывшие студенты советских и монгольских учебных заведений. Разведданные первоначально передавались через агентов в Харбин, затем непосредственно советскому разведчику Г. Н. Карлову.

Некоторые подпольщики знали японский язык, служили в местной администрации Маньчжоу-Го. Генерал армии Маньчжоу-Го Го Вэньтун, даур по национальности, был связан с антияпонским подпольем, передавал ценные сведения. Ряд даурских патриотов отдали свои жизни, выполняя особо важные задания. В их числе Сухэ-Батор, Хай Юри (Хай Руи), Хас-Батор, Элдэнгэ. Связным был Э.-Б. Сандиев (*кит.* Дун-Бао), начавший разведывательную деятельность

в период Халхин-гола в составе оперативной группы ГУ НКВД [16].

В Хулун-Буире, в местностях Агуйт и Имин, в 1942–1944 гг. японцы проводили испытания бактериологического оружия (тиф). В списках погибших среди монголов и эвенков имеются и дауры.

Эти и другие мероприятия японских властей усиливали антияпонские настроения в обществе Хулун-Буира, способствовали дальнейшей активизации подпольной работы.

Участие дауров в военных мятежах в августе 1945 г. Ещё задолго до вступления СССР в войну с Японией в монгольских войсках Маньчжоу-Го готовилось восстание против японских оккупантов [1, с. 49; 27, с. 322]. Армия Маньчжоу-го и военные силы монгольских князей сразу же отказались воевать против СССР и предложили советскому командованию свое участие в войне с японцами [1; 2; 16]¹.

11 августа 1945 г. в местности Гэгэн-сумэ (около г. Ваньмяо) и у р. Шэнэхэн при участии офицеров Ван Хайшаня, Э Сюфэна, генерала Го Вэньлина, дауров по национальности, были ликвидированы японские инструкторы в отступающих частях армии Маньчжоу-Го. По воспоминаниям Ван Хайшаня, военное училище г. Ваньмяо отходило четырьмя группами и в каждой из них офицеры и курсанты, монголы по национальности (включая и дауров – *авт.*) уничтожили всех сопровождавших японских офицеров. На собрании в дер. Аршан Баолигао Ван Хайшан приказал всем снять нашивки армии Маньчжоу-Го с одежды и фуражек. 13 августа 1945 г. народные лидеры Внутренней Монголии Хафунга и Буянмандах прибыли к повстанцам и устроили совещание, на котором было решено учредить Комитет освобождения Внутренней Монголии [27, с. 324–325].

В августе 1945 г. поднял мятеж генерал Го Вэньтун и добровольно сдался советским войскам. Связавшись с Г. Н. Карловым, командование передовых частей Красной армии выяснило, что Го Вэньтун является членом подпольной антияпонской организации. Большую подрывную работу в 7-й дивизии армии Маньчжоу-Го проводил Алтангат, член КПСС, выпускник Иркутской партийной школы. В мае и начале августа 1945 г. он выступил

¹ Дацышен В. Г. История русско-китайских отношений. 1917–1949 гг.: учеб. пособие. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2023. – С. 30.

пал на тайном совещании с призывом о скорейшем восстании в армии [26, с. 132–133].

Оперативные действия офицеров и курсантов армии Маньчжоу-Го, дауров по национальности, несомненно, способствовали успеху Маньчжурской стратегической наступательной операции Красной армии.

Заключение. В период наступления Квантунской армии в 1931 г., совпавшего с активизацией отрядов хунхузов, даурское население соперничало китайским войскам генералов Ма Чжаншаня и Су Бинвэня, оказывало им посильную помощь. Если в 1932–1936 гг. дауры вступали в антияпонские партизанские отряды крайне редко, то ситуация меняется с весны 1936 г. после казни губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и трех чиновников-дауров. Изучение деятельности Линшэна, включая его участие в переговорах между МНР и Маньчжоу-Го в 1935 г., показывает разочарование даурского функционера в истинных мотивах японцев, вылившееся позже в критику основных проблем Японии.

На наш взгляд, казнь Линшэна и его соратников возымела обратный эффект в виде роста недовольства в даурском обществе и, как следствие, активизацию подпольной антияпонской борьбы. Отражение

нашла она и в отказе кавалерийских полков армии Маньчжоу-Го от активного участия в боевых действиях в районе р. Халхин-гол в 1939 г. Антияпонское сопротивление имело свои локальные особенности: если хайларские дауры во главе с Найралту занимались сбором разведанных для советских спецслужб, то бутхаские дауры оказывали помощь китайским партизанам. Испытания японцами бактериологического оружия (тиф) в 1942–1944 гг. в районе Имин на народах Хулун-Буира, в том числе и на даурах, лишь усиливали неприязнь местного населения к оккупантам.

Завершающим аккордом антияпонской борьбы стали военные мятежи в армии Маньчжоу-Го, в которых активное участие приняли офицеры и курсанты даурской национальности. В заключении необходимо отметить, что нами рассмотрена лишь часть материалов китайских исследователей (преимущественно дауров по национальности). Известно также, что ценные документы по военным мятежам в армии Маньчжоу-Го хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Всё это свидетельствует о перспективности изучаемого направления и необходимости продолжения дальнейших исследований.

Список литературы

1. Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 133 с.
2. Дылыков С. Д. История образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957 гг.). М.: [б. и.], 2021. 495 с.
3. Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века): в 2 т. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. Т. 1. 407 с.
4. Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века): в 2 т. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2022. Т. 2. 260 с.
5. Дудин П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2020. 808 с.
6. Гайкин В. А. Антияпонское сопротивление в Восточной Маньчжурии 1937–1941 гг. // Военная история России: материалы XV Междунар. воен.-истор. конф. / под ред. М. А. Королевой, В. А. Носова, С. А. Пищулина. СПб.: Дзержинец, 2022. С. 186–193.
7. Верченко А. Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945 гг.) и сохранение исторической памяти // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 382–399.
8. Верченко А. Л. Политика Японии по подавлению партизанского движения на Северо-Востоке Китая (1931–1945 гг.) // Исторические события в жизни Китая и современность / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М.: ИККА РАН, 2022. С. 130–150.
9. Колесниченко К. Ю. Некоторые аспекты деятельности антияпонского партизанского движения в Маньчжурии в 1936–1939 годах // Движение Сопротивления: вклад антифашистских формирований в общую Победу: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Курганский. Калининград: Балтийский фед. ун-т им. И. Канта, 2021. С. 26–36.
10. Кузнецов В. В. Мао Цзэдун и формирование единого антияпонского национального фронта в Китае // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2021. С. 47–49.

11. Мэн Юйфэн. Подвиг советских и китайских воинов, победивших японских фашистов, не должен быть забыт! // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы Второй междунар. научно-практ. конф., посвященной русской истории города Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. Владивосток: Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса, 2021. С. 75–82.
12. Чжоу С. Образы хунхузов в литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 26–35.
13. Чжу Д. Дилемма международной исторической памяти о Второй мировой войне: на основе сравнения китайской антияпонской войны и Великой отечественной войны Советского Союза // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45. С. 1179–1782.
14. Чжу Х. Изучение духа Северо-Восточной антияпонской объединенной армии в контексте идейно-политического курса обучения «Исследование преподавания устного перевода на русский язык» // Перспективы науки. 2022. № 7. С. 93–96.
15. Исследования трудов Уланьфу по теории и практике национальностей и единого фронта / сост. Ли Фэнмин, Т. Чогжилт, Г. Чулуунбаатар, У. Ёндон, Ч. Гэлэгпил, Б. В. Базаров, Ч. Ц. Цыренов. Улан-Удэ: Бурят. науч. центр СО РАН, 2022. 339 с.
16. Цыбенов Б. Д. Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: Бурят. науч. центр СО РАН, 2022. 474 с.
17. Цыбенов Б.Д., Курас Л. В. В декабре 1939-го: эпизод из партизанской антияпонской войны в даурском районе Морин-Дава // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2020. Ч. 1. С. 149–152.
18. Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу. Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он) = История и этнография Барги. Первый том. Краткая история Барги (1734–1960 гг.). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. 335 с.
19. 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 爱国先烈凌升等被害的起因 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版 = Энхэбаты Э., Эрхэньбаяр. О причинах гибели патриота Линшэна // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хот: Ун-т Внутренней Монголии, 2000. С. 116–121.
20. 孟和那苏. 试论凌升在伪满时期的思想动态 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社 = Мэнхэнасу. О трансформации воззрений Линшэна в период Маньчжоу-Го: сб. ист. материалов по истории даурского народа. Пекин: Изд-во кит. ист. и лит-ры, 2015. Ч. I. С. 234–244.
21. 苏和毕力格. 从“凌升事件”看日本帝国主义的本性 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版 = Сухэбилигэ. Природа японского империализма через призму «Дела Линшэна» // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хот: Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. С. 122–129.
22. 额尔敦扎布. 凌升—铁血救国的民族英雄 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社 = Эрдуньжабу. Линшэн – непоколебимый народный герой, пытавшийся спасти родину: сб. ист. материалов по истории даурского народа. Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2015. Ч. I. С. 245–246.
23. 额尔很巴雅尔. “凌升事件”中我所经历的片段回忆 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. 北京: 中国文史出版社 = Эрхэньбаяр. Фрагменты моих воспоминаний о «деле Линшэна»: сб. ист. материалов по истории даурского народа. Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2015. Ч. I. С. 261–267.
24. 溥仪. 溥仪《我的前半生》有关凌升的叙述 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社 = Пу И. Сведения о Линшэне в книге Пу И «Первая половина моей жизни»: сб. ист. материалов по истории даурского народа. Пекин: Изд-во кит. ист. и лит-ры, 2015. Ч. I. С. 247–248.
25. 正珠尔扎布. 所谓“凌升通苏”事件的真相 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社 = Чжэнчжурчжабу. Правда о деле «Сговор Линшэна с СССР»: сб. ист. материалов по истории даурского народа. Пекин: Изд-во кит. ист. и лит-ры, 2015. Ч. I. С. 230–233.
26. 卓仁泰. 雪上无踪, 纸上无名的人民英雄阿勒坦噶塔同志 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版 = Чжожэньтай. Без следа на снегу, без имени на бумаге: о народном герое, товарище Алэтангата // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хот: Ун-т Внутренней Монголии, 2000. С. 130–145.
27. 王海山. «“八一”葛根庙武装起义» // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社 = Ван Хайшань. Военный мятеж «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ»: сб. ист. материалов по истории даурского народа. Пекин: Изд-во кит. ист. и лит-ры, 2015. Ч. II. С. 322–326.

Информация об авторе

Цыбенов Базар Догсонович, кандидат исторических наук, доцент; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazar75@mai.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0404-7207>.

Для цитирования

Цыбенков Б. Д. Антияпонская борьба даурского народа (1932–1945) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 84–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-84-93.

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 12.09.2023.

References

1. Dylykov, S. D. Democratic movement of the Mongolian people in China. Essay on history. M: AN SSSR, 1953. (In Rus.)
2. Dylykov, S. D. History of the formation of the Inner Mongolia Autonomous Region in China (1947–1957). M: 2021. (In Rus.)
3. Kuz'min, S. L. Barga and Kharachin questions in the history of East Asia (first half of the 20th century). Vol. 1. M: KMK, 2021. (In Rus.)
4. Kuz'min, S. L. Barga and Kharachin questions in the history of East Asia (first half of the 20th century). Vol. 2. M: KMK, 2021. (In Rus.)
5. Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia at the end of the 19th – first half of the 20th centuries. Dr. sci. diss. Ulan-Ude, 2020. (In Rus.)
6. Gaikin, V. A. Anti-Japanese resistance in Eastern Manchuria 1937–1941. Ed. by Koroleva, M.A., Nosov, V.A., Pishchulin, S. A. Military history of Russia. Proceedings of the 15th International Scientific Conference. Saint Petersburg: "Dzerzhinets", 2022: 186–193. (In Rus.)
7. Verchenko A. L. Soviet-Chinese Interaction During the Sino-Japanese War (1931–1945) and Preservation of Historical Memory. China in world and regional politics. History and modernity, v. 25, no. 25, pp. 382–399, 2020. (In Rus.)
8. Verchenko, A. L. Japanese Policy at suppressing the Partisan Movement in Northeast China (1931–1945). Editor-in-chief: Mamaeva, N. L. Historical events in the life of China and modern times. M: IKCA RAN, 2022: 130–150. (In Rus.)
9. Kolesnichenko, K. Yu. Some aspects of the activities of the anti-Japanese partisan movement in Manchuria in 1936–1939. Editor-in-chief: Kurgansky, A. A. Resistance Movement: the contribution of anti-fascist formations to the common Victory. Kaliningrad: Balt. Fed. Univ., 2021: 26–36. (In Rus.)
10. Kuznetsov, V. V. Mao Zedong and the formation of a united anti-Japanese national front in China. Editor-in-chief: Drobotushenko, E. V. Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Chita: 17 September 2021: 47–49. (In Rus.)
11. Meng, Yufeng. The Feat of the Soviet and Chinese Soldiers who defeated the Japanese fascists should not be forgotten! Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China, Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference. Vladivostok: 18–20 September 2021: 75–82. (In Rus.)
12. Zhou, Xinyu. Images of the Hunghuz in the Literature of Manchuria in the 1920s–1940s (The Case of Xiao Jun's Works). Humanitarian Vector, no. 4, pp. 26–35, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35. (In Rus.)
13. Zhu, D. The dilemma of international historical memory of the Second World War: based on a comparison of the Chinese anti-Japanese war and the Great Patriotic War of the Soviet Union. Innovations. The science. Education, no. 45, pp. 1179–1782, 2021. (In Rus.)
14. Zhu, H. Studying the spirit of the North-East Anti-Japanese United Army in the context of the ideological and political training course "Study of Teaching Russian Interpretation". Perspectives of Science, no. 7, pp. 93–96, 2022. (In Rus.)
15. Studies of Ulanfu's works on the theory and practice of nationalities and the united front. Ulan-Ude: BNZ SO RAN, 2022. (In Rus.)
16. Tsybenov, B. D. Social and Political History of the Daur (The Twentieth Century). Ulan-Ude: BNZ SO RAN, 2022. (In Rus.)
17. Tsybenov, B.D., Kuras, L. V. In December 1939: an episode from the partisan anti-Japanese war in the Daur region of Morin-Dawa. Editor-in-chief: Drobotushenko, E. V. Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Chita: 18 September 2020: 149–152. (In Rus.)
18. Tahilt, Galindeviin Myagmarsambuу. History and ethnography of Barga. First volume. A Brief History of Barga (1734–1960). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2021. (In Mong.)
19. Enhebatu, E., Erkhenbayar. On the reasons for the death of the patriot Lingsheng. Research of the Daur people. Writings of the Daur Scientific Society of the Inner Mongolia Autonomous Region. = 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 爱国先烈凌升等被害的起因 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版, 2000. Hohhot: Neimenggu daxue chubanshe, 2000: 116–121. (In Chin.)

20. Menhenasu. On the transformation of Lingsheng's views during the Manchukuo period. Collection of historical materials on the history of the Daur people. Part I. = 孟和那苏. 试论凌升在伪满时期的思想动态 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015: 234–244. (In Chin.)

21. Sukhebilige. The Nature of Japanese Imperialism through the Lens of the Lingsheng Case. Research of the Daur people. Writings of the Daur Scientific Society of the Inner Mongolia Autonomous Region. = 苏和毕力格. 从“凌升事件”看日本帝国主义的本性 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区 达斡尔 学会 编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. Hohehot: Neimenggu daxue chubanshe, 2000: 122–129. (In Chin.)

22. Erdunzhab. Lingsheng is a solid national hero who tried to save the motherland. Collection of historical materials on the history of the Daur people. Part I. = 额尔敦扎布. 凌升—铁血救国的民族英雄 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015: 245–246. (In Chin.)

23. Erkhembayar. Fragments of my memories of the “Lingsheng case”. Collection of historical materials on the history of the Daur people. Part I. = 额尔很巴雅尔. “凌升 事件” 中我所经历的片段回忆 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015: 261–267. (In Chin.)

24. Pu, Yi. Information about Lingsheng in Pu Yi's book “The First Half of My Life”. Collection of historical materials on the history of the Daur people. Part I. = 溥仪. 溥仪《我的前半生》有关 凌升的 叙述 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015: 247–248. (In Chin.)

25. Zhengzhurzhab. The truth about the “Lingsheng Conspiracy with the USSR” case. Collection of historical materials on the history of the Daur people. Part I. = 正珠尔扎布. 所谓“凌升通苏”事件的 真相 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015: 230–233. (In Chin.)

26. Zhuozhentai. Without a trace in the snow, without a name on paper: about the folk hero, comrade Aletangat. Research of the Daur people. Writings of the Daur Scientific Society of the Inner Mongolia Autonomous Region. = 卓仁泰. 雪上 无踪, 纸上 无名的 人民英雄 阿勒坦噶塔 同志 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区 达斡尔 学会 编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. Hohehot: Neimenggu daxue chubanshe, 2000: 130–145. (In Chin.)

27. Wang Haishan. Military mutiny “August 11 [1945] in Gegen-sume”. Collection of historical materials on the history of the Daur people. Part II. = 王海山. «“八一” 葛根庙武装起义» // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015: 322–326. (In Chin.)

Information about the author

Tsybenov Bazar D., Candidate of History, Associate Professor; Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia; bazar75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0404-7207>.

For citation

Tsybenov B. D. Anti-Japanese Struggle of the Daur people (1932–1945) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 84–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-84-93.

**Received August 7, 2023; approved after reviewing September 10, 2023;
accepted for publication September 12, 2023.**

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ОБРАЗЫ ВОЙНЫ

CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD AND IMAGES OF WAR

Научная статья

УДК 81`27

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-94-104

**Базовые признаки заимствованного концепта *солдат* в русской лингвокультуре
(по данным лексикографических источников)**

Алексей Борисович Бодриков

Международный гуманитарный университет им. П. П. Семёнова, г. Санкт-Петербург, Россия
bodrik1987@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>

Актуальность проводимого исследования заключается в том, что прослежены первые два этапа развития структуры концепта *солдат* – от его мотивирующих признаков до понятийных признаков в два периода: 1) XVIII–XIX вв.; 2) современный. Обращение к теме развития базовых признаков концепта *солдат* составляет научную новизну исследования. Цель статьи – описать базовые признаки в структуре концепта *солдат*. Для этого необходимо решить две задачи: 1. Определить список мотивирующих признаков концепта *солдат*. 2. Выявить понятийные признаки концепта *солдат* в двух временных рамках: а) период XVIII–XIX вв.; б) период XX–XXI вв. В современной лингвистике отсутствуют работы (кроме четырёх статей), в которых объектом изучения является концепт *солдат*. В статье используются метод компонентного анализа, описательный, концептуальный и интерпретативный методы. Материал исследования – 26 словарей русского языка. Гипотеза исследования: концепт *солдат* представляет собой особый тип заимствованного развивающегося концепта. Это прослеживается в трёх аспектах: 1. Количество мотивирующих отличается от количества понятийных признаков в сторону увеличения (12 против 15 на первом этапе и 23 на втором этапе формирования понятийных признаков соответственно). 2. 10 мотивирующих признаков и три понятийных признака периода XVIII–XIX вв. не упоминаются в толковых словарях современного русского языка, однако данные Национального корпуса русского языка показывают их актуальность и востребованность. 3. Общее количество понятийных признаков концепта *солдат* по данным лексикографических источников и языкового материала из Национального корпуса русского языка составило 46 признаков, представленных девятью блоками. Количество новых понятийных признаков указывает на расширение сферы их функционирования по сравнению с мотивирующими. Перспективы исследования – определение образных, категориальных и символических признаков концепта *солдат*.

Ключевые слова: концепт, мотивирующие признаки, понятийные признаки, структура концепта, языковая картина мира, лингвокультура

Original article

**Basic Signs of the Borrowed Concept of *Soldier* in Russian Linguoculture
(According to Lexicographical Sources)**

Alexey B. Bodrikov

International Humanitarian University named after P. P. Semenov, St. Petersburg, Russia
bodrik1987@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>

The relevance of the research is that the first two stages of the development of the *soldier* concept structure are traced – from its motivating signs to conceptual signs in two periods: the 18th – 19th centuries and the modern one. Addressing the topic of the development of the basic signs of the *soldier* concept is the scientific novelty of the research. The purpose of this article is to describe the basic signs in the structure of the *soldier*

© Бодриков А. Б., 2023

concept. It is necessary to solve two problems: 1. Determine the list of motivating signs of the *soldier* concept. 2. Identify the conceptual signs of the *soldier* concept in two frames: a. in the period of the 18th – 19th centuries; b. during the 20th – 21st centuries. There are no works (except for four articles) in modern linguistics in which the *soldier* concept became the object of study. The article uses component analysis method, descriptive, conceptual and interpretive methods. The research material is 26 dictionaries of the Russian language. Research hypothesis: the *soldier* concept is a special type of the borrowed evolving concept. It can be traced in three aspects: 1. The number of motivators differs from the number of conceptual signs upward (12 versus 15 at the first stage and 23 at the second stage of the formation of conceptual signs, respectively). 2. 10 motivating signs and three conceptual signs of the period 18th – 19th centuries are not mentioned in the explanatory dictionaries of the modern Russian language; however, the data of the National Corpus of the Russian language show their relevance. 3. The total number of conceptual signs of the *soldier* concept according to lexicographic sources and language material from the National Corpus of the Russian Language was 46 signs, represented by nine blocks. The number of new conceptual signs indicates the expansion of the scope of their functioning. Prospects for the study – the definition of figurative, categoric and symbolic signs of the *soldier* concept.

Keywords: concept, motivating signs, conceptual signs, concept structure, language picture of the world, linguoculture

Введение. Военные концепты привлекают внимание учёных в связи с развитием этой сферы жизни, ее модернизацией. Все инновации, происходящие в армии, отображаются в языке. Социальные реформы общества, изменения в укладе жизни, смена государственного устройства – всё это приводит к развитию структур военных концептов.

Объектом исследования в статье является заимствованный концепт *солдат*. Изучение заимствованных концептов становится одним из приоритетных направлений когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

В начале XXI в. профессор М. В. Пименова ввела в когнитивную лингвистику термин *заимствованный концепт* [1; 2]. Тема заимствованных концептов начинает широко обсуждаться в современной лингвистике. Одна из сфер функционирования заимствованных концептов – военная.

Основным репрезентантом изучаемого концепта является лексема *солдат*. Слово *солдат* прошло долгий путь становления в русском языке. «Название “Солдат” появилось в Италии в 15 в.; в России – в 30-х гг. 17 в. (в полках “иноземного строя”) и существовало до конца 1917. В Вооруженных Силах СССР звание “Солдат” введено в июле 1946; сохранено в Вооруженных Силах России»¹.

Обзор литературы. В научной литературе отсутствуют работы, в которых объектом изучения стал концепт *солдат*, кроме нескольких статей [3; 4]. Авторы обращают внимание на этот концепт, рассматривая его особенности: в национальном аспекте [5], с позиций победителя [6]. Анализу был подвергнут исконно русский концепт *воин* [7], в том числе в ракурсе родственной ко-

нитивной модели «мать сына-солдата» [8]. Некоторые исследователи описали близкие концепты: *победа* [9; 10; 11; 12] и *поражение* [13; 14], *мужество*, *храбрость*, *героизм* [15], *война* [16; 17], *подвиг* [18], *герой* [19–22], *фашизм* [23].

Определение базовых признаков изучаемого концепта происходит путем анализа словарных статей основного репрезентанта концепта – слова *солдат*. Семантическая структура слова двусоставна, в ней выделяется: 1) лексема (материальный компонент); 2) семема (идеальный компонент) [24, с. 6]. Семема в свою очередь состоит из сем – элементарных единиц смысла, являющихся концептуальными признаками. А. П. Бабушкин отмечает, что «через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке, “улавливаем” концепты» [25, с. 53].

Методы и материал исследования. Работа выполнена в рамках Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований. Основными в статье являются: метод компонентного анализа словарных дефиниций основного репрезентанта концепта, описательный, концептуальный и интерпретативный методы исследования.

Материалом исследования служат 26 словарей русского языка. Десять этимологических и историко-этимологических словарей русского языка: по ним определялись мотивирующие признаки концепта *солдат*. Развившиеся из них понятийные признаки определялись по пяти толковым словарям русского языка XVIII–XIX вв. и 11 толковым словарям современного русского языка. Иллюстративный материал взят из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение концептуальной структуры предполагает первый этап анализа – опре-

¹ Советская энциклопедия. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/44434> (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.

деление его мотивирующих признаков. Под *мотивирующим* понимается такой признак, который «послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [26, с. 18]. Обращение к истории слова – основного репрезентанта концепта *солдат* – позволит эту задачу решить. А. А. Красавский пишет: «применение метода этимологического анализа приоткрывает занавес тайны первых шагов жизни концепта, т. е. его исследование в диахронической плоскости, то использование, например, ставшего традиционным и эффективным во второй половине XX столетия метода компонентного анализа в его различных вариациях, может оказаться полезным при изучении сущности концепта в синхронии» [27, с. 44].

Такую этимологию слова *солдат* приводит Н. В. Горяев от франц. *solde* «жалованье ратника», (лат. *Solidus* – «монета»)¹. Г. А. Крылов отмечает, что до XVII в. в русском языке использовалось слово *вой* (однокоренное с современным *воин*), в XVII веке появляется слово *солдат*: «Слово *солдат* родилось в Италии и восходит к названию монеты – *сольдо* (по-итальянски *soldo*) и образованному от него глаголу *soldare* – “нанимать”, буквальное же значение слова *soldat* – “получающий жалованье”»². А. Преображенский считает, что слово *солдат* пришло из немецкого языка (*Soldat*), первоисточник – латинское слово *solidus*³. Это же мнение разделяет Л. В. Успенский⁴. М. Фасмер уточняет, что слово *солдат* пришло через немецкий (*Soldat*) или голландский (*soldaat*); французское *soldat* произошло из латинского *soldato* (от *soldare* «нанимать»)⁵. Г. П. Цыганенко считает, что слово *солдат* появилось в русском языке через немецкий или французский языки: *solde* произошло от латинского *solidus/ solidus* (букв. *плотный, твёрдый*), что означало «золотая монета»⁶.

¹ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Типография канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. – С. 336.

² Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – С. 370.

³ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. – Т. II. – С. 352.

⁴ Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. – URL: <https://lexicography.online/etymology/c/солдат> (дата обращения: 12.11. 2020). – Текст: электронный.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. III. – С. 709–710.

⁶ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – 2 изд., перераб. и доп. – Калининград: Рад. шк., 1989. – С. 391.

П. Я. Черных опровергает мнение прихода слова *солдат* из немецкого (этому противоречит первоначальное с – а не з), предполагая, что источник русского заимствования – французский язык с XVI в. (куда в свою очередь пришло из итальянского *soldato*)⁷. Этой же точки зрения придерживается А. К. Шапошников⁸. Сведём полученные результаты анализа в табл. 1.

Анализ словарных статей лексемы *солдат* позволил выявить 12 мотивирующих признаков концепта *солдат*.

Словари русского языка XVIII–XIX вв. показывают развитие признаков концепта *солдат* до уровня понятийных. «Под *понятийными* понимаются признаки, актуализированные в виде семантических компонентов (сем и семем) в словарных дефинициях» [26, с. 168]. Для анализа было взято пять словарей русского языка этого периода.

Выражение *пахотные солдаты* приводит Н. И. Епишкин, объясняя его так: «Пахотные солдаты. В России XVII–XIX вв. – пехотные солдаты, прикрепленные к земле, работающие на пашне и, в отличие от солдат военных поселений, несущие службу по рекрутскому набору на общем основании»⁹. Об этом же пишет в своем словаре С. А. Кузнецов¹⁰. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон¹¹ о *пахотных солдатах* приводят историческую справку о пахотных солдатах¹². Результаты анализа словарных статей обобщены в табл. 2. Помета «М.» означает «мотивирующий признак».

⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. II. – С. 185–186.

⁸ Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. II. – С. 353.

⁹ Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – URL: <https://gallicismes.academic.ru/35958/солдат> (дата обращения: 07.12.2020). – Текст: электронный.

¹⁰ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 1232.

¹¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/77837/Пахотные (дата обращения: 13.11.2020). – Текст: электронный.

¹² Пахотные солдаты: «название это было присвоено местному населению пехотных округов военных поселений (в Новгородской губернии) после преобразования их, вызванного бунтом военных поселенцев в 1831 г. Пахотные солдаты в отличие от военных поселенцев не привлекались поголовно на военную службу, а отбывали рекрутскую повинность на общем основании, но оставались всецело в ведении военного начальства».

Таблица 1

Мотивирующие признаки концепта *солдат* по данным этимологических словарей русского языка

№ пункта	Мотивирующие признаки концепта <i>солдат</i>	Н. В. Горяев	Г. А. Крылов	А. Преображенский	Словарь русского языка XI – XVII вв.*	Л. В. Успенский	М. Фасмер	Г. П. Цыганенко	П. Я. Черных	Н. М. Шанский**	А. К. Шапошников
1	'воин(ы)'	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
2	'жалованье/ плата'	+	+	+	-	+	-	+	+	-	+
3	'золотая'	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
4	'монета'	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-
5	'нанимать'	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-
6	'нанятый/ наёмник'	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
7	'ратник'	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-
8	'платить'	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
9	'плотный/ твёрдый'	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
10	'получать'	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
11	'представитель социальной группы (военного сословия)'	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
12	'служба'	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-

* Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Наука, 1975. – С. 24.
 ** Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/c/солдат> (дата обращения: 12.11.2020). – Текст: электронный.

Таблица 2

Понятийные признаки концепта *солдат* по материалам словарей русского языка XVIII–XIX вв.

№ пункта	Понятийные признаки концепта <i>солдат</i>	В. И. Даль*	Н. И. Елишкин	А. Д. Михельсон**	Словарь Академии Российской***	Словарь церковнославянского и русского языка****
1	'воин' (м.)	+	-	-	+	+
2	'военный'	+	+	-	-	-
3	'воинский'	-	-	+	-	-
4	'войско'	-	+	-	-	-
5	'жалованье/ плата' (м.)	-	+	-	-	-
6	'золотая' (м.)	-	-	-	-	-
7	'кавалер'	+	-	-	-	-
8	'монета' (м.)	-	-	-	-	-
9	'нанимать' (м.)	-	+	-	-	-
10	'нанятый' (м.)	-	-	-	-	-
11	'отставной'	-	+	-	-	-
12	'пахотный'	-	+	-	-	-
13	'пехота'	-	-	-	+	-
14	'платить' (м.)	-	-	-	-	-
15	'плотный/ твердый' (м.)	-	-	-	-	-
16	'получать' (м.)	-	-	-	-	-
17	'преданный'	-	-	-	-	-
18	'представитель социальной группы (военного сословия)' (м.)	-	-	-	-	-
19	'ратник' (м.)	-	-	-	-	-

Окончание табл. 2

№ пункта	Понятийные признаки концепта солдат	В. И. Даль*	Н. И. Епишкин	А. Д. Михельсон**	Словарь Академии Российской***	Словарь церковнославянского и русского языка****
20	'рядовой'	+	-	-	+	+
21	'служба' (м.)	+	+	-	-	+
22	'служивый/ служащий'	+	-	-	+	-
23	'сухопутный'	-	+	-	-	-
24	'(нижний) чин'	-	-	+	-	-

* Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Тип. А. Семена, 1863. – Т. IV. – С. 270–271.
 ** Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.11.2020). – Текст: электронный.
 *** Словарь Академии Российской. – СПб.: Императорская Академия наук, 1790. – Ч. 5. – Стлб. 659.
 **** Словарь церковнославянского и русского языка / сост. Вторым отделением императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867. – Т. IV. – Стлб. 377.

Мотивирующие признаки 'жалованье/ плата', 'нанимать', 'служба' сохраняют свою актуальность в период XVIII–XIX вв., о чём свидетельствуют словари этого периода. Абсолютное большинство мотивирующих признаков: 'золотая', 'монета', 'нанятый', 'платить', 'плотный/твёрдый', 'получать', 'преданный', 'представитель социальной группы (военного сословия)', 'ратник' в словарях XVIII–XIX вв. не упоминаются.

Как показывает исследование пяти толковых словарей русского языка периода XVIII–XIX вв., происходит вытеснение мотивирующих признаков и формирование новых понятийных признаков. У концепта *солдат* появилось двенадцать понятийных признаков: 'военный', 'воинский', 'войско', 'кавалер', 'отставной', 'пахотный', 'пехота', 'преданный', 'рядовой', 'служивый/служащий', 'сухопутный', '(нижний) чин'. Общее количество мотивирующих и понятийных признаков в этот период изменилось не значительно (15 понятийных признаков против 12 мотивирующих). В этот период происходило вытеснение слова *воин* из русского языка в связи с заменой его словом *солдат*. «К сожалению, теперь намечается тенденция к замещению русских концептов заимствованиями, что отрицательно сказывается на самой ментальности, особенно у молодежи»¹. Меняются социальные условия. Формируется военное сословие. Если раньше воины собирались в дружины в слу-

чае необходимости военных действий, то в указанное время военные служат в армии. «Слова, заимствованные из других языков, проходят дальнейшие этапы своего развития: внедряясь в новую концептуальную систему заимствованное понятие обрастает дополнительными признаками, которые берутся из архаичных пластов национального сознания. Затем происходит включение их в опыт повседневной жизни с учетом субъективно-прагматических оценок. <...> В процессе адаптации заимствованного слова к системе языка отмечается этап его подгонки к соответствующей концептуальной системе»².

Выделенные понятийные признаки можно сгруппировать в четыре блока: 1. Род занятий ('военный', 'воинский', 'служба', 'кавалер', 'отставной', 'пахотный', 'рядовой', 'служивый/ служащий', 'сухопутный'). 2. Военное/ вооруженное сообщество ('войско', 'пехота'). 3. Способ службы ('жалованье/ плата', 'нанимать'). 4. Ранжирование ('(нижний) чин').

Следующий этап формирования понятийных признаков в структуре концепта – современный период XX – XXI вв.

Первым значением в толковых словарях современного русского языка обычно приводится: «Рядовой военнослужащий сухопутных войск»³ или «Военнослужащий,

¹ Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие. – Изд. 4-е, доп. – СПб.: СПбГУ, 2012. – С. 46.

² Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие. – Кемерово: КемГУ, 2011. – С. 38–39.

³ Большой словарь иностранных слов. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный;

принадлежащий к некомандующему, нена начальствующему составу; рядовой армии»¹. С. И. Ожегов дополняет это определение словами: «(в России – рядовой, ефрейтор)»². У Д. Н. Ушакова находим первым такое толкование: «Рядовой военнослужащий, первонач. вольнонаемный (дореволюц., загр.)»³. В «Большом энциклопедическом словаре» первое значение иное: «первичное воинское звание или категория военнослужащих в вооруженных силах различных государств»⁴.

Переносные значения слова *солдат* в разных словарях приводятся разные. В словаре Л. П. Крысина указано: «перен. Военный человек, воин»⁵. Это же значение отмечено в «Новом словаре иностранных слов»⁶. В словаре С. А. Кузнецова вторым дано толкование со стилистической пометой «высок. Тот, кто посвятил себя какому-л. делу и преданно служит ему»⁷. В «Большом словаре иностранных слов» и в словаре Д. Н. Ушакова у слова *солдат* есть третье значение «Крупный муравей с большой головой и сильными челюстями, в муравьином сообществе несущий функции нападения и за-

щиты от врагов (зоол.)»⁸. Т. Ф. Ефремова указывает третьим значение: «перен. Преданный, стойкий участник какого-л. общественного движения, член какой-л. организации и т. п.»⁹. «Большой энциклопедический словарь»¹⁰ и «Новый словарь иностранных слов»¹¹ приводят значение «ветеран (старый солдат)». «Словарь современного русского литературного языка» указывает на производное наречие *солдатиком* в значении «в положении стоя»¹². В словаре С. И. Ожегова есть выражение *прыгать солдатиком (в воду)* «навытяжку»¹³. Полученные итоги сведены в табл. 3. Помета «м.» означает «мотивирующий признак», помета «1» – означает понятийный признак, появившийся в период до XIX в.

Изучение 11 толковых словарей русского языка привело к определению всего состава понятийных признаков концепта *солдат*, в который входит 33 признака: 'армия', 'ветеран', 'воин', 'военный', 'воинский', 'война', 'войско', 'вольнонаемный', 'дело', 'дисциплинированный', 'ефрейтор', 'жертва', 'звание/ категория', 'защитник', 'крупный муравей' (зоол.), 'навытяжку/ в положении стоя', 'некомандующий/ нена начальствующий состав', '(общественное) движение', 'пахотный', 'пехота', 'посвятить (себя)', 'преданный', 'рекрут', 'рядовой', 'сверхсрочная', 'служба', 'служивый/ служащий', 'служит', 'стойкий', 'сухопутный', 'участие/ участник', 'человек', 'член (к.-л. организации)'. Два понятийных признака из них ('воин', 'служба') восходят к мотивирующим.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. – 2005. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/c/солдат> (дата обращения: 12.11.2020). – Текст: электронный; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 1232; Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17 т. – М.; Л.: Изд. и 1-я тип; Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Т. 14. – С. 200-202; Словарь современного русского языка (МАС): в 4 т. / РАН; Ин-т лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 4. – С. 188-189.

¹ Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1998. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/c/солдат> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/c/солдат> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

⁴ Большой энциклопедический словарь. 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/276446> (дата обращения: 12.11.2020). – Текст: электронный.

⁵ Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1998. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

⁶ Новый словарь иностранных слов. By EdwART, 2009. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.11.2020). – Текст: электронный.

⁷ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 1232.

⁸ Большой словарь иностранных слов. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный; Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

⁹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. 2005. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/c/солдат> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

¹⁰ Большой энциклопедический словарь. 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/276446> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

¹¹ Новый словарь иностранных слов. By EdwART, 2009. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33835/СОЛДАТ (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

¹² Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17 т. – М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1962. – Т. 14. – С. 200–202.

¹³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/c/солдат> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

Таблица 3

Понятийные признаки концепта солдат по материалам словарей русского языка XX–XXI вв.

№ №	Понятийные признаки концепта солдат	Большой словарь иностранных слов	Большой энциклопедический словарь.	Д. В. Дмитриев*	Т. Ф. Ефремова	Л. П. Крысин	С. А. Кузнецов	Новый словарь иностранных слов	С. И. Ожегов	БАС	МАС	Д. Н. Ушаков
1	'армия'	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
2	'ветеран'	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
3	'воин' (м.)	+	+	-	-	+	+	+	+	-	+	+
4	'военный'1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
5	'воинский'1	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	'война'	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
7	'войско'1	-	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-
8	'вольнонаемный'	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9	'дело'	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-
10	'дисциплинированный'	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
11	'ефрейтор'	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
12	'жалованье/ плата' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	'жертва'	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
14	'звание/ категория'	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-
15	'защитник'	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
16	'золотая' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	'кавалер'1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	'монета' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	'крупный муравей' (зоол.)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
20	'навытяжку/ в положении стоя'	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
21	'нанимать' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	'нанятый' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	'некомандующий/ нена начальствующий состав'	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-
24	'(общественное) движение'	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-
25	'отставной'1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	'пахотный'1	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-
27	'пехота'1	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-
28	'платить' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
29	'плотный/ твердый' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
30	'получать' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
31	'посвятить (себя)'	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-
32	'преданный'1	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-
33	'представитель социальной группы (военного сословия)' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
34	'ратник' (м.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
35	'рекрут'	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-
36	'рядовой'1	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	+
37	'сверхсрочная'	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
38	'служба' (м.)	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	-
39	'служивый/ служащий'1	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
40	'служит'	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
41	'стойкий'	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-
42	'сухопутный'1	-	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-

Окончание табл. 3

№ №	Понятийные признаки концепта солдат	Большой словарь иностранных слов	Большой энциклопедический словарь	Д. В. Дмитриев*	Т. Ф. Ефремова	Л. П. Крысин	С. А. Кузнецов	Новый словарь иностранных слов	С. И. Ожегов	БАС	МАС	Д. Н. Ушаков
43	'участие/ участник'	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-
44	'человек'	-	+	+	-	+	+	+	+	-	+	-
45	'(нижний) чин' ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
46	'член (к.-л. организации)'	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-

* Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ: Lingua: Астрель, 2003. – URL: <http://endic.ru/dmytriev/Soldat-4346.html> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.

Понятийные признаки концепта *солдат*: 'военный', 'воинский', 'войско', 'пахотный', 'пехота', 'преданный', 'рядовой', 'служивый/ служащий', 'сухопутный', '(нижний) чин' появились в предшествующий период: в XVIII–XIX вв., признаки 'кавалер' и 'отставной' в современных толковых словарях не упоминаются.

В период XX–XXI вв. у концепта *солдат* сформировалось 23 новых признака: 'армия', 'ветеран', 'война', 'вольнонаемный', 'дело', 'дисциплинированный', 'ефрейтор', 'жертва', 'звание/ категория', 'защитник', 'крупный муравей' (зоол.), 'навытяжку/ в положении стоя', 'некомандующий/ нена начальствующий состав', '(общественное) движение', 'посвятить (себя)', 'рекрут', 'сверхсрочная', 'служит', 'стойкий', 'сухопутный', 'участие/ участник', 'человек', 'член (к.-л. организации)'.

В толковых словарях современного русского языка не встречаются такие 10 мотивирующих признаков концепта *солдат*, как: 'жалованье/ плата', 'золотая', 'монета', 'нанимать', 'нанятый', 'платить', 'плотный/ твердый', 'получать', 'представитель социальной группы (военного сословия)', 'ратник'. Три понятийных признака, появившиеся в предшествующий период XVIII–XIX вв.: 'кавалер', '(нижний) чин', 'отставной', в современных толковых словарях не встречаются.

Исследование языкового материала из НКРЯ показывает, что не упомянутые в толковых словарях современного русского языка признаки актуальны для современных носителей языка: 'жалованье/ плата', 'золотая', 'монета', 'нанимать', 'нанятый', 'платить', 'плотный/ твердый', 'получать', 'представитель социальной группы (военного сословия)', 'ратник': этот признак характе-

рен и для предыдущего периода, и для XX–XXI вв., 'кавалер', '(нижний) чин', 'отставной'.

Заключение. Развитие базовой части структуры заимствованного концепта *солдат* по данным лексикографических источников происходило следующим образом: от 12 мотивирующих признаков, в XVIII–XIX вв. сформировалось 15 понятийных признаков, в XX–XXI вв. появилось 23 понятийных признака.

По данным национального корпуса русского языка все выделенные мотивирующие и понятийные признаки, появившиеся в период XI–XIX вв., не упомянутые в словарях современного русского языка, актуальны и функционируют. Таким образом, сейчас в структуру концепта *солдат* входит 46 понятийных признаков.

Понятийные признаки концепта *солдат* можно представить в виде девяти блоков (пометы после признаков означают периоды их появления: помета «м.» означает «мотивирующий признак; помета «1» указывает на понятийный признак периода XVIII–XIX вв., помета «2» – периода XX–XXI вв.): 1. Военное сообщество ('армия'², 'войско'¹, 'пехота'¹, 'сухопутный'¹). 2. Относящийся к военным ('ветеран'², 'воин' (м.), 'военный'¹, 'воинский'¹, 'вольнонаемный'², 'кавалер'¹, 'отставной'¹, 'пахотный'¹, 'представитель социальной группы (военного сословия)' (м.), 'ратник' (мотив.), 'рекрут'², 'человек'²). 3. Функции военного ('защитник'², 'сверхсрочная'², 'служба' (м.), 'служивый/служащий'¹, 'служит'²). 4. Качества военного ('дисциплинированный'², 'жертва'², 'посвятить (себя)'², 'навытяжку/в положении стоя'², 'преданный'¹, 'стойкий'², 'плотный/твёрдый' (м.)). 5. Оплата ('жалованье/ плата' (мотив.),

‘золотая’ (м.), ‘монета’ (м.), ‘нанимать’ (м.), ‘нанятый’ (м.), ‘платить’ (м.), ‘получать’ (м.). 6. Звание (‘ефрейтор’², ‘звание/ категория’², ‘некомандующий/ нена начальствующий состав’², ‘рядовой’¹, ‘(нижний) чин’¹). 7. Занятие (‘война’², ‘дело’²). 8. Общественная организация (‘(общественное) движение’²,

‘участие/ участник’², ‘член (к.-л. организации)’²). 9. Зооним (‘крупный муравей’²).

Перспективами дальнейшего исследования станут определение на основе языкового материала из национального корпуса русского языка образных, категориальных и символических признаков изучаемого концепта.

Список литературы

1. Пименова М. В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира. Кемерово: КеМГУ, 2006. С. 26–37.
2. Пименова М. В., Жуконова А. К., Досумова М. М., Бейсенова А. Ж. Концепт «кочевье» в аспекте тюркского заимствования // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I Междунар. науч.-практ. семинар. 2–3 декабря 2021 г., г. Казань: сб. материалов / сост. Ф. Г. Файзуллина, Г. А. Хуснутдинова, Э. М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 124–128.
3. Миронова О. А., Панкова И. М. Формирование концепта «солдат» в иностранной аудитории военнослужащих (на примере военного медиатекста «Армия – это весело!») // Актуальные проблемы современной лингвистики. СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2019. С. 156–160.
4. Миронова О. А. Концепт «солдат» в военном медиатексте // Современные СМИ в контексте информационных технологий. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т пром. техн. и дизайна, 2019. С. 147–149.
5. Третьякова Л. Н. Концепт «русский солдат» в отечественной поэзии: лингвокультурологический анализ // Вестник педагогического университета. 2020. № 1. С. 66–69.
6. Фесенко О. П., Насыров М. Концепт «Солдаты Победы» в языковом сознании молодежи (на примере курсантов военного вуза) // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2020. № 1. С. 240–243.
7. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта воин) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 4. С. 1131–1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138.
8. Бодриков А. Б., Ибраимова Г. О., Касымова А. А. Символизм матери сына-солдата в русской лингвокультуре // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2021. № 4. С. 29–39.
9. Бодриков А. Б. Мотивирующие признаки концепта победа // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10. С. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.085>.
10. Дубенец Н. Б. Языковые средства репрезентации концепта победа в американском внешнеполитическом дискурсе // PoliticalLinguistics. 2021. № 2. С. 81–88.
11. Зорин Д. Ю., Крячко В. Б. Концепт победа в русской и английской лингвокультурах // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2016. № 3. С. 44–46.
12. Лучанинова А. В. Реализация концепта «Победа» в институциональном спортивном медиа-дискурсе сферы скачек британской и русской лингвокультур. Текст: электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptov-pobeda-v-institutsionalnom-sportivnom-media-diskurse-sfery-skachek-britanskoj-i-russkoj-lingvokultur> (дата обращения: 08.04.2023).
13. Смотрова Т. Г. Концепты победа и поражение в статической и динамической картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2005. 162 с.
14. Смотрова Т. Г. Победа и поражение // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 98–113.
15. Карапетян Е. А. Языковая репрезентация ментальных концептов «Мужество», «Храбрость», «Героизм» в военной песне 1941–1945 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 06. С. 369–382.
16. Крячко В. Б. Концептосфера война в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2007. 24 с.
17. Потапчук В. А. Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4. С. 48–51.
18. Ермак Е. В. Лингвистическая репрезентация концепта «Подвиг» в русской языковой картине мира // The Scientific Heritage. 2020. № 43. С. 12–15.
19. Иванов Д. И., Шаджанова Е. И. Концепт «герой» в структуре вербального компонента синтетической языковой личности В. Цоя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. С. 96–99.
20. Божко И. Ю. Подвиг длиной в войну (о гвардии ефрейторе Соляр Марии Ивановне) // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2020. № 1. С. 254–257.

21. Горелова Т. А., Хлопонина О. О. Культурный концепт «герой» как ценностный ракурс эпохи // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 119–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3>.
22. Осламенко А. С. Функционирование концепта герой в русской культуре на примере пословиц и устойчивых выражений // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 2. С. 141–143.
23. Логинов И. Е., Фесенко О. П. Представление о фашизме в языковом сознании молодежи (на примере курсантов военного вуза) // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2020. № 1. С. 244–247.
24. Lehrer A. Semantic Fields and Lexical Structure. Amsterdam; London; New York: North-Holland Publishing Company, 1974. 46 p.
25. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 52–57.
26. Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
27. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультуре. Волгоград: Перемена, 2001. 494 с.

Информация об авторе

Бодриков Алексей Борисович, кандидат филологических наук; Международный гуманитарный университет им. П. П. Семёнова; 199226, Россия, г. Санкт-Петербург, б-р Александра Грина, д. 3, стр. 1; bodrik1987@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>.

Для цитирования

Бодриков А. Б. Базовые признаки заимствованного концепта солдат в русской лингвокультуре (по данным лексикографических источников) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 94–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-94-104.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 19.10.2023.

References

1. Pimenova, M. V. Deception of imaginary worlds (the world of illusions: the experience of a borrowed concept). Conceptosphere and language picture of the world. Kemerovo, 2006: 26–37. (In Rus.)
2. Pimenova, M. V., Zhukenova, A. K., Dosumova, M. M., Beisenova A.Zh. The concept of “nomadic” in the aspect of Turkic borrowing. Tatar studies in a situation of paradigm shift: theory, methodology, practice: I International scientific and practical seminar. Kazan: iyali, 2021: 124–128. (In Rus.)
3. Mironova, O. A., Pankova, I. M. Formation of the concept of “soldier” in the foreign audience of military personnel (on the example of the military media text “Army is fun!”). Actual problems of modern linguistics. St. Petersburg, 2019: 156–160. (In Rus.)
4. Mironova, O. A. The concept of “soldier” in the military media text. Modern media in the context of information technology. St. Petersburg, 2019: 147–149. (In Rus.)
5. Tretyakova, L. N. The concept of “Russian soldier” in Russian poetry: linguoculturological analysis. Bulletin of the Pedagogical University, no. 1, pp. 66–69, 2020. (In Rus.)
6. Fesenko, O. P., Nasyrov, M. The concept of “Soldiers of Victory” in the linguistic consciousness of young people (on the example of cadets of a military university). Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary, no. 1, pp. 240–243, 2020. (In Rus.)
7. Pimenova, M. V., Bodrikov, A. B. Military concepts in the Russian language picture of the world (on the example of the concept warrior). Bulletin of the Kemerovo State University, no. 4, pp. 1131–1138, 2019. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138 (In Rus.)
8. Bodrikov, A. B., Ibraimova, G. O., Kasymova, A. A. Symbolism of the mother of a son-soldier in Russian linguistic culture. Bulletin of the NEFU named after M. K. Ammosov, no. 4, pp. 29–39, 2021. (In Rus.)
9. Bodrikov, A. B. Motivating signs of the victory concept. International Research Journal, no. 10, part 3, pp. 97–102, 2021. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.085> (In Rus.)
10. Dubenets, N. B. Language means of representing the victory concept in American foreign policy discourse. Political Linguistics, no. 2, pp. 81–88, 2021. (In Rus.)
11. Zorin, D. Yu., Kryachko, V. B. The victory concept in Russian and English linguocultures. Almanac of modern science and education. Tambov: Diploma, no. 3, pp. 44–46, 2016. (In Rus.)
12. Luchaninova, A. V. Implementation of the concept “victory” in the institutional sports media discourse in the field of races of British and Russian linguocultures. Bulletin of the Adyge State University, series 2, 2010. Web. 08.04.2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-pobeda-v-institutsionalnom-sportivnom-media-diskurse-sfery-skachek-britanskoy-i-russkoy-lingvokultur>. (In Rus.)

13. Smotrova, T. G. Concepts of victory and defeat in a static and dynamic picture of the world. Cand. sci. diss. Taganrog, 2005. (In Rus.)
14. Smotrova, T. G. Victory and defeat. Anthology of concepts. Ed. by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd: Paradigma, vol. 4, pp. 98–113, 2006. (In Rus.)
15. Karapetyan, E. A. Linguistic representation of the mental concepts “courage”, “bravery”, “heroism” in the military song of 1941–1945. Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, no. 06(090), pp. 369–382, 2013. (In Rus.)
15. Karapetyan, E. A. Linguistic representation of the mental concepts “courage”, “bravery” “heroism” in the military song of 1941–1945. Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, no. 06, pp. 369–382, 2013. (In Rus.)
16. Kryachko, V. B. The concept of “war” in the English and Russian linguocultures. Cand. sci. diss. abstr. Volgograd, 2007. (In Rus.)
17. Potapchuk, V. A. The concept of “war” in the Russian language and culture. Chelyabinsk humanitarian, no. 4, pp. 48–51, 2011. (In Rus.)
18. Ermak, E. V. Language representation of the concept “feat” in the Russian language picture of the world. The Scientific Heritage, no. 43, pp. 12–15, 2020. (In Rus.)
19. Ivanov, D. I., Shadzhanova, E. I. The concept of “hero” in the structure of the verbal component of V. Tsoi’s synthetic linguistic personality. Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, no. 3, part 2, pp. 96–99, 2017. (In Rus.)
20. Bozhko, I. Yu. A war-long feat (about Guards Corporal Solyar Maria Ivanovna). Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary, issue 1, pp. 254–257, 2020. (In Rus.)
21. Gorelova, T. A., Khloponina, O. O. Cultural concept “hero” as a value perspective of the era. Knowledge. Understanding Skill, no. 3, pp. 119–121, 2022. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3>. (In Rus.)
22. Oslamenko, A. S. The functioning of the concept “hero” in Russian culture on the example of proverbs and set expressions. Scientific notes of Oryol State University, no. 2, pp. 141–143, 2018. (In Rus.)
23. Loginov, I.E., Fesenko, O. P. The idea of fascism in the language consciousness of young people (on the example of cadets of a military university). Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary, issue 1, pp. 244–247, 2020. (In Rus.)
24. Lehrer, A. Semantic Fields and Lexical Structure. Amsterdam, London, New York, 1974. (In Rus.)
25. Babushkin, A. P. Concepts of different types in vocabulary and phraseology and methods of their detection. Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh, 2001: 52–57. (In Rus.)
26. Pimenova, M. V. Heart concept: image, concept, symbol. Kemerovo: KemGU, 2007. (In Rus.)
27. Krasavsky, N. A. Emotional concepts in German and Russian linguoculture. Volgograd, 2001. (In Rus.)

Information about author

Bodrikov Alexey B., Candidate of Philology; International Humanitarian University named after P. P. Semenov; 1 building, Alexander Grin Blvd., 3, Saint Petersburg, 199206, Russia; bodrik1987@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>.

For citation

Bodrikov A. B. Basic signs of the Borrowed Concept of Soldier in Russian Linguoculture (According to Lexicographical Sources) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 94–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-94-104.

**Received September 5, 2023; approved after reviewing October 17, 2023;
accepted for publication October 19, 2023.**

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-105-114

**Функционирование образа военной летчицы
в рамках традиционных сюжетных схем соцреализма
(на материале очерков М. Чечневой)**

Татьяна Андреевна Загидулина

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия
zagi9@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>*

Изучению практик создания образов, канонизации героев в советской культуре посвящено немало исследований, однако стоит отметить, что женские образы создавались не по тем же лекалам, что и мужские, именно поэтому их требуется рассматривать отдельно. На данный момент существует типология советских героинь, проанализированы механизмы создания образов стахановок, полярниц и т. д., но специального исследования, посвящённого образу военной лётчицы, не обнаружено, что определяет актуальность предпринятого исследования. Образ военной лётчицы рассмотрен через призму традиционных сюжетных схем соцреализма. Использованы структурно-типологический метод, метод описательной поэтики, мифопоэтический анализ. Сопоставление полученных результатов с выводами, сделанными на основе рассмотрения «Записок штурмана» (1939) М. Расковой, позволяет проследить трансформацию модели создания советской героини. В центре внимания автора данной статьи находится сборник очерков М. Чечневой «Боевые подруги мои» (1975), год издания которого определил некоторые особенности повествования. В работе рассмотрена сюжетная схема, согласно которой строились жизнеописания летчиц, в «тривиальном» жанре эти схемы воспроизводятся в соответствии с соцреалистическим каноном, однако модель Большой сталинской семьи подвергается значительным изменениям: происходит актуализация образа матери при абсолютном невнимании к фигуре Отца. В работе описаны механизмы репрезентации процесса инициации – исключения из общества на время войны и возвращения туда после в ином статусе, детально описаны схемы отношений мужчины и женщины в ситуации отделения второй от социума с целью осуществления мести, победы над врагом, сделан вывод об особенностях гендерной инверсии. Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования в преподавании курсов «Истории отечественной литературы», «Культурологии». В работе впервые проанализирован образ, ранее не становившийся предметом самостоятельного анализа в предложенном ключе. Дальнейшее изучение трансформации представлений о советской героине-лётчице представляется целесообразным, и, учитывая интерес современной науки к гендерным исследованиям, актуальным.

Ключевые слова: соцреализм, гендер, военная проза, инициация, лётчица, советская литература

Original article

**The Functioning of the Image of a Military Pilot in the Framework
of Traditional Plot Schemes of Socialist Realism
(Based on the Essays by M. Chechneva)**

Tatyana A. Zagidulina

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia
zagi9@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>*

A lot of research has been devoted to the study of the practices of creating images, the canonization of heroes in Soviet culture, but it is worth noting that female images were not created according to the same patterns as male ones, therefore they need to be considered separately. At present, there is a typology of Soviet heroines, the mechanisms for creating images of "stakhanovka", polar explorers, etc. have been analyzed, but a special study on the image of a military pilot has not been found, which determines the relevance of the study. The image of a military pilot is considered through the prism of traditional plot schemes of socialist realism. The structural-typological method, the method of descriptive poetics, and mythopoetic analysis were used. Comparison of the obtained results with the conclusions made on the basis of the consideration of the "Navigator's Notes" (1939) by M. Raskova allows us to trace the transformation of the model for creating the Soviet heroine. The

© Загидулина Т. А., 2023

focus of the author of this article is the collection of essays "My Fighting Friends" by M. Chechneva (1975), the year of publication of which determined some of the features of the story. The paper considers the plot scheme according to which the pilots' biographies were built, in the "trivial" genre these schemes are reproduced in accordance with the socialist realist canon, however, the model of the Big Stalinist family undergoes significant changes: the image of the mother is actualized with absolute inattention to the figure of the Father. The paper also describes the mechanisms of representation of the process of initiation – exclusion from society during the war and return there in a different status, describes in detail the schemes of relations between a man and a woman in a situation of separation of the latter from society in order to carry out revenge, victory over the enemy, a conclusion is made about the features of gender inversions. The practical significance of the work lies in the possibility of using research materials in teaching the courses "History of Russian Literature", "Culturology". The paper analyzes for the first time an image that has not previously become the subject of independent analysis in the proposed vein. Further study of the transformation of ideas about the Soviet heroine pilot seems appropriate. The study is relevant taking into account the interest of modern science in gender studies

Keywords: socialist realism, gender, military prose, initiation, female pilot, Soviet literature

Введение. Анализ гендерной проблематики – актуальное направление в российском и зарубежном литературоведении. В XX в. происходит полноценное включение женщины в экономическую и общественную жизнь, что даёт импульс развитию гендерных исследований в разных областях науки. Само различие терминов «пол» и «гендер» было обозначено в 1968 г. Р. Столлером [1].

В современном отечественном литературоведении намечились две линии исследования гендера. Первая – анализ текстов, созданных женщинами и повествующих об уникальном женском опыте, вторая – рассмотрение принципов «женского письма». В рамках представленной оппозиции А.С. Афанасьев разделяет исследуемые тексты на две группы: «1) реконструирующие гендерную картину мира; 2) гендерно репрезентирующие социальные, культурные и философские феномены»¹. Именно гендерная репрезентация феномена авиации находится в центре нашего внимания.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что рассмотренные схемы функционирования образа военной летчицы в мемуаристике недостаточно изучены современным литературоведением, что определяет цель работы – рассмотрение образа военной летчицы в рамках традиционных соцреалистических сюжетных схем и моделей конструирования персонажа.

Обзор литературы. Репрезентации женщины и женского в текстах советской эпохи посвящено немало исследований, в их числе статьи А. О. Задориной [3], Е. В. Кудриной [4], М. Н. Максимовой [5], А. И. Куляпина [3], монография «Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х го-

дов» [6], также стоит упомянуть методологически значимую работу В. Зусевой-Озкан [7] и статью Т. И. Ерохиной [8].

Образ новой женщины в рамках советского утопического проекта рассматривает Н. В. Ковтун [9], подчёркивая, что «Важнейшими вопросами любой утопии становятся вопросы пола, сексуальности, формирования нового человека, которому предстоит осваивать мир "светлого будущего"» [9, с. 32]. Исследовательница прослеживает трансформацию женских типов в советской и постсоветской литературе, выделяя следующие: *тип чувственной женщины, женщины-«комиссара» («атаманши»), женщины-интеллектуалки*, отмечает, что функциональным остается и *тип женщины-наседки*. Н. В. Ковтун указывает на андрогинность советских героинь, сопряжённую с революционной аскезой [9, с. 46], а также являющуюся знаковой чертой типа женщины-«комиссарши», с которым мы сталкиваемся на страницах очерков М. Чечневой. В этом смысле революционная аскеза, о которой говорит Н. В. Ковтун, актуализируется и в военные годы, позволяя типу комиссарши функционировать уже не в текстах революционной тематики.

Примечательна работа А. Куляпина [3], где автор ставит вопрос об онтологическом статусе новой женщины, делая вывод: «Удивительна смена эпохальных приоритетов: отказавшись от роли Прекрасной Дамы, советская женщина предпочла статус Передовой суки. Проблемы сексизма в экстремальной ситуации в СССР не существовало» [3, с. 164]². Учёный размышляет о вторжении новой женщины в мужское сообщество и смене гендерной парадигмы, что влечёт за

¹ Афанасьев А. С. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 96 с.

² А. И. Куляпин приводит цитату из мемуаров Н. Демме, которая проводит параллель между человеческими сообществами и собачьей упряжкой.

собой разрушение традиционного порядка вещей, оцениваемое исследователем негативно (экспедиция под руководством женщины не имеет успеха; из-за женской клеветы погибают ни в чем не повинные мужчины). Сходной проблематике посвящена статья О. Скубач [10], исследовательница пишет о новой концепции героизма и моделях героизации, связанных с Арктикой, однако указывает, что процесс канонизации полярниц успешным не был в силу непреодолимых противоречий между реальностью и идеологией.

Репрезентации женщины-стахановки посвящены статьи Д. Наволоцкой [11; 12], где обсуждаются способы конструирования образа через призму «культуры знаменитости», идеи советского массового производства и потребления, массовых СМИ. В галерею образов комиссарш, стахановок, полярниц встраивается и летчица, образ которой от десятилетия к десятилетию претерпевал значимые трансформации.

Корпус зарубежных исследований, посвященных представлениям о гендере в советской литературе и культуре также достаточно обширен. Особым вниманием отмечено раннесоветское искусство. Одной из знаковых работ является статья V. Bonnell [13], где рассмотрена визуальная репрезентация женщины первых лет советской власти. Ученый приходит к выводу, что женщина получала место рядом с мужчиной условно – по принципу смежности, однако занятая позиция не была стабильна: старая гендерная парадигма разложилась, а новая находилась в процессе становления [13, с. 288]. Советский набор женских образов (работница, крестьянка) ознаменовал переход от гендерной к классовой парадигме в раннесоветском искусстве.

Интерес представляет работа H. I. Khalil, где проанализирован образ героини романа М. Горького «Мать» через призму марксистско-феминистской герменевтики. Исследовательница приходит к выводу, что «женщины-активистки смогли преодолеть порабощение, эксплуатацию, гендерную дискриминацию и патриархат, <...> смогли заменить капитализм на социализм» [14, с. 278].

Хорватский филолог I. Peruško Vindakijević [15] прослеживает трансформацию культа матери в советской культуре, материалом исследования является не только роман «Мать», но и его экранизация режис-

сера В. Пудовкина. Ученый, рассматривая метаморфозу материнского мифа, говорит о том, что чрезвычайно важный элемент политической культуры – мифологема «Россия-матушка» на советской почве вытесняется иной мифологемой – «Родина-мать» [15, с. 38], также филолог обращает внимание на реактуализацию материнского архетипа в годы Второй мировой войны [15, с. 39]. Это важно для нашей работы, так как мы рассматриваем в том числе соцреалистическую модель Большой семьи.

Примечательна работа Christine Varga-Harris [16], где автор анализирует издание «Советская женщина» как инструмент внешней пропаганды, Varga-Harris пишет о транслируемых в страны третьего мира посредством журнала моделях женской эмансипации в 1950–1960-е годы.

Особо хотелось бы отметить работу R. D. Markwick, E. C. Cardona «“Falcons” and “Witches”: Flyers. In: Soviet Women on the Frontline in the Second World War» [17], посвященную непосредственно социальному и политическому облику, а также мотивации и эмоциональному миру женского авиационного полка. Исследователи отмечают, что сама идея женщины на войне изначально была чужда советской власти, однако именно авиация открыла путь второму полу на поле боя: «The singular exception to the initial prohibition on women combatants in the Red Army was Stalin’s secret Order No. 0099 of 8 October 1941 authorizing the formation of three women’s air regiments by 1 December 1941» [18, с. 84]. Причем это, по мнению ученых, было отнюдь не данью пропаганде – достижения советских летчиц не предавались гласности во время войны. Мы, в свою очередь, можем предположить, что образ военной летчицы конструировался ретроспективно.

Аналізу репрезентации образа советской военной летчицы также посвящены работы R. Pennington [18], D. Hoffmann [19], K. Cottam [20], V. Paige [21].

Методология и методы исследования. При проведении исследования использован структурно-типологический метод, позволяющий исследовать структуру рассматриваемого феномена, а также функционирование явления в системе соцреалистического канона, метод описательной поэтики, подразумевающий описание группы произведений, в нашем случае очерков

М. Чеченовой, а также мифопоэтический анализ. Последний в рамках данной статьи предполагает изучение трансформации традиционных образов в контексте ортодоксальной советской литературы.

Результаты исследования и обсуждение их результатов. В фокусе внимания автора данной работы находится функционирование образа военной летчицы, репрезентируемого в соцреалистических текстах мемуарного характера. Ранее мы рассматривали образ летчицы тридцатых на материале «Записок штурмана» М. Расковой [25], материалом данного исследования стал сборник очерков «Боевые подруги мои»¹ М. Чеченовой, командира эскадрильи 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного Таманского Краснознаменного ордена Суворова полка. Личность автора примечательна: М. Чеченева в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию «Коммунистическая партия – вдохновитель боевого подвига советских женщин в годы Великой Отечественной войны», что говорит об осознании писательницей системы советских культурных координат.

Несмотря на то, что книга М. Чеченовой была написана через несколько десятилетий после войны, идеологически произведения выстроены согласно соцреалистическому канону – языковой пуризм, линейность композиции, элементы воспитательной литературы, отсутствие отклонений «модернистского» характера [23, с. 285]. Х. Гюнтер замечает, что «Канон давно исчерпал свою продуктивность. По-другому дело обстояло с тривиальными жанрами, которые по-прежнему ориентировались на нормы соцреализма» [Там же, с. 287]. Практически все очерки в книге построены по одной модели: девушка (или девочка) начинает интересоваться авиацией – проходит путь к авиации, преодолевает препятствия – приходит в полк – трудится на благо Родины – погибает героической смертью либо продолжает после войны служить Родине, но уже в ином качестве.

Приведём некоторые примеры сюжетных схем. В очерке «Под алым гвардейским знаменем» рассказана история Евдокии Давыдовны Бершанской, командира полка: «Дуся видела, как новый труд и новый чело-

век обновляли нашу землю, закладывая основы <...> прекрасной жизни»² – описываются детские стремления героини. «Дуся <...> строила здание школы, ангары, подсобные помещения, разравнивала летное поле»³ – героиня стоит у истоков, закладывает фундамент будущего, от романтизма мечты она движется к прагматике действия. Бершанская стоит практически на одной ступени с Мариной Расковой – женской иконой советской авиации: «Марину Михайловну и Евдокию Давыдовну связывала крепкая и сердечная дружба»⁴. Так как Марина Раскова обладает качествами сверхчеловека, Бершанская также включается автором очерка в эту парадигму: «Казалось, что наш командир полка **никогда не отдыхает. И всё-таки мы не видели Евдокию Давыдовну уставлой**»⁵. Послевоенная жизнь героини тоже вполне согласуется с идеалом женщины тридцатых, которой возвращаются «маркеры пола, редуцированные в Революцию» [9, с. 39], она и трудящаяся, и мать: «Сегодня Евдокия Давыдовна Бершанская – мать троих детей. Она счастлива в семейной жизни, ведет большую партийную и общественную работу»⁶.

В очерке «Сибирячка» представлена подобная сюжетная схема. «Мечта о полете, стихийно возникшая на Столбах, неожиданно превратилась в реальность; Амосову приняли в планерную школу Осоавиахима»⁷ – стихийность начала жизненного пути героини полностью соответствует соцреалистическим представлениям [23] о развитии положительного героя. Героиня преодолевает препятствия ради мечты служения Родине: «Месяц Амосова лежала в больнице, потом заново училась ходить, а выздоровев, добилась <...> направления в Тамбовское авиационное училище»⁸, однако, уже поступив на работу, молодая летчица на деле демонстрирует, что способна даже на большее, чем мужчины: «**Старые летчики, не знавшие новых теорий вождения самолетов <...>, восхищались мастерством “зеленой” девушки**»⁹. Судьбоносной для героини становится встреча

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹ Чеченева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Сайт «Милитера» («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

с Мариной Расковой, находящейся на вершине женской авиационной иерархии, это знаковое событие делает из простой летчицы военную, то есть повышает её статус: «Серафима прислонилась лбом к холодному стеклу окна. “Так вот она какая, Марина Михайловна Раскова!..”»¹. Следуя по пути положительного героя, Амосова обретает соответствующие статусу качества: «всем своим обликом; **твёрдой походкой, благородной манерой держаться, ровным голосом, спокойным взглядом красивых серых глаз**, Амосова являла **образец бесстрашия и уверенности в своих силах**. Мы восхищались её **рассудительностью и хладнокровием**»². Завершается повествование о летчице краткой справкой: «...Серафима Амосова-Тараненко, редактор устного журнала “Боевая подруга” при Центральном Доме Советской Армии...»³.

Сюжетная схема, используемая в очерках, подразумевает обращение к прошлому военных летчиц. Никто из них не попадает в советскую авиацию случайно. Некоторые застали Гражданскую войну, где помогали партизанам, другие, младшие, вдохновлялись идеями авиации, глядя на самолеты, читая очерки об авиации, созерцая родные края: «...душу девушки, как и многих её сверстниц, увлекла книга Марины Расковой “Записки штурмана”»⁴ («Комиссар идет впереди»); «...Сима видела <...> поляны <...>, светлую полосу Енисея, ставший для нее родным Красноярск. “Вот бы полететь на крыльях...”» («Сибирячка»); «С тех пор она стала связной и не раз доставляла партизанам ценные сведения»⁵ («Комиссар идет впереди»).

Эти клише не появились из ниоткуда – они были характерны для оборонной литературы тридцатых, создававшейся в рамках деятельности ЛОКАФ (Литературное Объединение Красной Армии и Флота), соответственно, санкционированной государством – «организационно-утилитарный подход к решению “боевых задач” находит в подобном типе литературной институции практически завершённую форму. Соот-

ветственно, этим установкам решались и строились и сюжетные клише, кочующие из одного сборника в другой по очеркам и рассказам» [23, с. 163].

Функции оборонной литературы, предусмотренные государством, сохраняются в очерках М. Чечневой в полной мере. Е. Добренко, говоря о предназначении ЛОКАФ, писал, что тот «с удивительной чистотой выражал главные – милитарные – потенции тоталитарной культуры» [24, с. 139]. ЛОКАФ создан задолго до Великой отечественной войны и ликвидирован в 1932 г., само существование этого объединения формировало важную часть тоталитарного дискурса – в оборонной литературе оппозиции выкристаллизовываются наиболее чётко, что само по себе отвечает духу и букве соцреализма. Несмотря на то, что 1976 г. далеко отстоит от тридцатых, традиция сохраняется.

В текстах отсутствует упоминание вождя. Несмотря на исключение Сталина из дискурса (книга издана в 1976 г.), сталинский миф о Великой семье продолжает функционировать. Женский полк в гендерном смысле автономен, это своего рода амазонки – летчицы, штурманы, комиссар, командиры, «вооруженцы», техники – все женщины. Мужчины являются «внесценическими» персонажами – репрезентируют себя в письмах, появляются в послевоенной и довоенной жизни, иногда мужчины-военные выражают сомнения в боеспособности лётчиц, но потом уверяются в том, что женщина может воевать наравне с ними.

Женщина-лётчица покидает родную семью, которая, безусловно, дорога ей, и обретает новую семью в полку: «Евдокия Давыдовна уезжала не очень охотно: ей так не хотелось <...> покидать свою **большую и дружную фронтовую семью**»⁶ («Под алым гвардейским знаменем»); «А комиссар полка <...> удочерила Каширину, когда узнала, что она осталась без матери. Так **Ира обрела в полку вторую семью**»⁷ («Фронтовая сестра»).

Примечательно, письмо матери Жене Круговой, где она говорит о том, что должна писать мать своему сыну: «...пиши ему письма строгие, меньше жалей его, чтобы о доме он забывал, а искал себе **дом и се-**

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Милитера («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

мью среди товарищей»¹ («Сердце, полное огня»).

Таким образом, структура «семьи», воспроизводимая автором очерков, отличается от структуры традиционной «сталинской» семьи: здесь отсутствует фигура отца-Сталина. Это, вероятно, связано с тем, что книга издана в 1976 г., после развенчания культа личности, в подобной литературе тридцатых фигура вождя была центральной.

В очерках детально разработан образ матери, но не кровной, а матери «в силу обстоятельств», конфликт «отцов» и «детей» отсутствует – отношения «матерей» и «дочерей» описаны гармоничными.

Одной из героинь, комиссару, в полку даже дают ласковое прозвище – «наша мать»: «А комиссар действовала, **как мать в большой семье**... <...> пошло гулять по полку нежно-ласковое прозвище <...> : “Наша мать”»². Об этом говорится в самом начале очерка, что задает тон дальнейшему повествованию. В конце жизни комиссар остаётся одинокой, однако это не мешает её «семейному» счастью: «я **самая многодетная мать на земле**. Шутка ли, иметь сразу более двухсот дочерей!»³.

Возможность познать настоящее кровное материнство становится доступной для военных летчиц только после войны. В этом смысле интересна история Дуси Носаль, описанная в очерке «Фронтальная сестра». Война застала только ставшую матерью героиню в Бресте: «...родильный дом подвергся жестокой бомбежке и полностью был разрушен. **Мать с большим трудом извлекли из-под обломков. Ребенок был мертв**»⁴.

Х. Гюнтер пишет о том, что к концу тридцатых советская культура уже воспроизводит полный треугольник Большой семьи, «включающей “отца”, “Родину-мать” и героических “сыновей и дочерей”» [23, с. 743]. В очерках М. Чечневой видны осколки этой Большой семьи: дочери Родины, но не только её. Появляется фигура названной матери – образ персонифицируется, Большая семья начинает уход из пространства метафоры, но полностью оттуда не уходит,

трансформации подвергаются некоторые её элементы. Образ отца исключен – даже учитывая, что текст носит рефлексивный характер, это невозможно не заметить. Это отсутствие знаково. Стоит отметить, что в этих «детско-родительских» отношениях всеми чертами Отца/наставника обладает мать (некровная): «образ лидера был представлен персонажем, имеющим жену и детей (особенно в романах 1940-х гг.), он часто являлся (трагически) отделённым от своей семьи на протяжении всего романа (а его семья, если и появлялась, то крайне редко)» [22, с. 574]. В случае с женским полком эту роль играет Марина Раскова. Однако одновременно быть дочерью и матерью в пространстве текста женщина не может – эти функции не совмещаются в силу самой структуры конструкта. Вместе с тем М. Чечнева, описывая послевоенную жизнь героинь, практически каждую наделяет ролью матери (кровной или приёмной).

В отличие от советского архетипического героя-воина мужчины, женщина-лётчица не сохраняет в себе юность – у нее есть потенциал взросления, она развивается: «Ныне Анна Ивановна работает в Могилевском райсобесе. Сотни людей приходят к ней за помощью и советом»⁵ («Подари сердце небу»); «Так и жила Тоня одна. А в 1956 г., будучи председателем цехкома, удочерила девочку-сироту»⁶ («Наш казачок»). И в этом принципиальное отличие художественного метода, использованного М. Чечневой, от ортодоксального соцреализма – завершенность героини возможна, она способна сама стать матерью – развиться, сменить свою ритуальную роль. Многие героини очерков связывали свою послевоенную жизнь с воспитанием молодежи: работали учителями, преподавателями, инструкторами, выступали с лекциями, при этом автор на протяжении всего повествования подчёркивает их женскую природу.

Подобное акцентирование внимания на женственности характерно и для литературы тридцатых: «Подчеркнуто феминный внешний вид говорит о готовности советской патриотки и героини быть единой в нескольких ипостасях – привлекательной и сексуальной женой (объектом), матерью, героиней труда (летчицей)...» [24, с. 120]. Стоит отметить, что у героини-военной летчицы

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Милитера («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

исчезают детские черты летчицы первых лет сталинской авиации. Если в тридцатые «Раскова <...> описывает женский экипаж через метафору детства <...>. “Детскость” героинь, однако, обусловлена рамками канона – героини – члены Великой семьи – дочери Сталина, обладающие потенциалом преобразования своей инфантильной стихийности в положительную сознательность, то есть возможностью вслед за мужчинами обрести иконический статус положительного героя» [24, с. 118]. У военной летчицы инфантильности и в начале пути нет – она уже сознательна, практически с детства четко понимая, кем ей нужно быть. Романтика тридцатых сменяется прагматикой сороковых. Более того, героини принимают свою судьбу ещё в юности – даже мечта об авиации не становится поводом для того, чтобы перечить государству: «...райком комсомола предложил Дусе поехать учиться в Ставропольский педагогический техникум. А путевка райкома была для нее комсомольским поручением, и она не могла от него отказаться»¹ («Под алым гвардейским знаменем»).

Отличаются стратегии выбора жизненного пути летчиц тридцатых и военных летчиц. У вторых выбор отсутствует – перед лицом опасности, имея реального врага, они могут стать только воинами. Соответственно, их биографии будут сконструированы несколько иначе.

Война служит инициацией для женщины-летчицы. Ситуация перехода описана достаточно детально в очерке «Комиссар идет впереди»: «Вперед шагнула чернявая девушка. Евдокия Яковлевна начала вертеть и крутить ее, одернула гимнастерку, затянула потуже ремень, подколола булавками шинель: <...> Через несколько минут недавно мешковатая фигура стала похожа на ладно скроенного, подтянутого солдата»².

Ритуал адопции (усыновления, удочерения) А. Геннеп описывает следующим образом: «В Древнем Риме этот ритуал включал, во-первых, *la detestation sacrogi* – совокупность обрядов отделения от <...> прежней малой семьи, а во-вторых, *la transition in scara* – совокупность обрядов включения в новую среду. <...> Отдельные

обряды адопции идентичны тем, о которых уже сообщалось: <...> совместное связывание, укрывание покрывалом...» [25, с. 40] Военная форма, таким образом, становится этим «одеялом», одинаковая для всех – она позволяет женщинам чувствовать себя частью нового солдатского сообщества.

Ещё одним важным звеном инициации будет мотив кровной мести, в полной мере реализуемый в текстах. Именно для совершения возмездия женщины становятся семьей, которая, однако, носит временный характер. А. Геннеп [Там же, с. 40] также проводит аналогию между целями удочерения и кровной мести – восстановление нарушенного общественного единства.

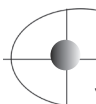
В очерках М. Чечневой мотивные комплексы удочерения (соответственно, сестринства) и кровной мести тесно связаны. Литература тридцатых дает продуктивный образ женщины, которая может быть одновременно дочерью Отца и иметь собственных кровных детей (при этом фигура мужа не является сколько-нибудь значимой): «Тема материнства в мемуарах поднимается неоднократно. Детские образы (сын Гризодубовой – Соколик и дочь Расковой – Танюша) сопряжены с мотивами семьи, во главе которой стоит Сталин (“Танюша шепчет мне на ухо: – Мама, а почему товарищ Сталин такой простой? Я отвечаю ей: – Потому что это товарищ Сталин”»)³ [24, с. 121]. Х. Гюнтер пишет, что в тридцатые наблюдается возврат к теме материнства в искусстве и культуре, женщине возвращается её женственность взамен на андрогинность двадцатых [22, с. 778]. Подобный возврат наблюдается и в послевоенной рефлексивной литературе.

Женщины-военные летчицы бездетны до и во время участия в боевых действиях. Это соотносится с идеей инициации через войну – женщина, уходя на фронт, исключается из социума, соответственно, старые роли на время отсутствия становятся неактуальными. Женщина-авиатор тридцатых, напротив, активно включается в общественную жизнь, следовательно, должна совмещать в себя роли героини и матроны, которые в логике военного текста совместить невозможно.

Примечательно, что о кровных детях не упоминается и в связи с образом Марины Расковой, хотя еще в тридцатые в собственных мемуарах она рассказывала о дочери. Это связано с тем, что Раскова

¹ Чечнева М. П. Боевые подруги мои. – Текст: электронный // Милитера («Военная литература»). – URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

теперь иначе встраивается в иерархию: в тридцатые она была дочерью, сейчас – одна и матерей, лидер.

Закключение. Итак, образ военной летчицы многогранен. Материалом исследования послужили тексты очерков М. Чечневой, изданные в семидесятые, однако их можно отнести к ортодоксальной советской литературе. Сюжетные схемы, клише, образы героинь традиционны для соцреализма, но есть детали, которые позволяют говорить о трансформации образа летчицы внутри канона. Во-первых, летчица сороковых – это героиня без права выбора. Летчица тридцатых, определяя свою профессию, руководствовалась идеей служения, мотивация летчицы сороковых дополняется идеями борьбы и мести.

Во-вторых, сама ситуация войны формирует важный элемент сюжетного конструк-

та – исключение летчицы из общественной жизни, включение её в отдельную группу с последующим возвращением в общество после выполнения миссии. Таким образом происходит инициация – после демобилизации женщина получает право на материнство, а также высокий социальный статус. Даже те женщины, у которых не появляются кровные дети, всё равно становятся матерями. Стоит, однако, отметить умаление роли Отца – эта фигура исключается из Великой семьи, уступая матери, причем не только Родине-матери, но и многоликим персонификациям самой идеи материнства. Здесь наблюдается трансформация сложившейся в тридцатые Великой семьи. Стоит также отметить, что в описываемых в текстах существует четкое разделение кровной и Большой (социальной) семьи, роли героинь при этом не могут дифференцироваться внутри групп.

Список литературы

1. Stoller R. J. *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. New York: Science House, 1968. 383 p.
2. Задорина А. О. Ева, Магдалина, самаритянка... (к типологии женских образов в романе Л. М. Леонова «Вор») // Вестник Новосибирского государственного университета. 2021. № 20. С. 108–116.
3. Зусева-Озкан В. Б., Андреева А. С., Акимова Анна С. *Женщина модерна: гендер в русской литературе и культуре 1890-х-1930-х годов: монография*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 688 с.
4. Максимова М.Н *Быт советских женщин на фронтах Великой Отечественной войны в мемуарной литературе* // Актуальные проблемы социогуманитарных дисциплин: материалы LVIV конф. препод. и студ. ЧГПУ им. И. Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2018 г. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 109–113.
5. Куляпин А. И. Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов // Филология и человек. 2011. № 4. С. 158–164.
6. Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с.
7. Ерохина Т. И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4. С. 169–179.
8. Ковтун Н. В. Женщины революции: от Даши Чумаловой к «Комиссаршам» Валентина Распутина // Русская культура под знаком Революции. Дальний Восток, близкая Россия. Белград; Сеул; Сайтама: Логос, 2018. С. 32–49.
9. Скубач О. А. Неженская Арктика: сюжет о героине-полярнице в советской культуре 1920–1930-х годов // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 338–350.
10. Наволоцкая Д. И. Е. Виноградова как публичная фигура: образ советской знаменитости в прессе 1935–1936 гг. // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 137–150.
11. Наволоцкая Д. И. Восприятие образа стахановки: фанатские письма Дусе Виноградовой (1935–1936 годы) // Вестник Пермского университета. 2021. № 52. С. 160–172.
12. Bonnell V. E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art* // *The Russian Review*. 1991. No. 3. P. 267–288.
13. Khalil H. I. *Socialist Realism And The Situation Of Women In Society In The Works Of Maxim Gorky «Mother»* // *Journal of the College of Languages (JCL)*, 2021. No. 44. P. 269–281. DOI: 10.36586/jcl.2.2021.0.44.0269.
14. Peruško Vindakijević I. *Cult of the Mother in Russian (Soviet) Culture: Religious and Revolutionary Aspects of Maxim Gorky's and Vsevolod Pudovkin's The Mother* // *Književna smotra: Časopis za svjetsku književnost*. 2018. No. 187. P. 37–52.
15. Varga-Harris C. *Between National Tradition and Western Modernization: Soviet Woman and Representations of Socialist Gender Equality as a “Third Way” for Developing Countries, 1956–1964* // *Slavic Review*. 2019. No. 3. P. 758–781. DOI: 10.1017/slr.2019.233.

16. Markwick, R. D., Cardona, E. C. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p.
17. Pennington R. *Wings, Women, and War: Soviet Airwomen in World War II Combat*. Lawrence: University Press of Kansas Modern War Studies, 2001. 312 p.
18. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge, 2023. 370 p.
19. Cottam K. J. *Red Sky, Black Death: A Soviet Woman Pilot's Memoir of the Eastern Front*. Bloomington: Slavica, 2009. 213 p.
20. Paige V. *The Rouged Army: Soviet Women Soldiers' Counternarratives of the Great Patriotic War*. Текст: электронный // Edward F. Hayes Graduate Research Forum. 2022. URL: <http://hdl.handle.net/1811/101161> (дата обращения: 15.06.2023).
21. Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
22. Добренко Е. А. *Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении*. München: Sagner, 1993. 405 с.
23. Загидулина Т. А. *Ни ввысь, ни свыше: авиационный дискурс в русской литературе 20–30-х годов XX*. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2019. 208 с.
24. Геннеп А. Ван. *Обряды перехода*. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.

Информация об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна, кандидат филологических наук; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; zagi9@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>.

Для цитирования

Загидулина Т. А. *Функционирование образа военной летчицы в рамках традиционных сюжетных схем соцреализма (на материале очерков М. Чечневой)* // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 105–114. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-105-114.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 29.07.2023.

References

1. Stoller, R. J. *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. New York: Science House, 1968. (In Engl.)
2. Zadorina, A. O. *Eve, Magdalene, Samaritan... (on the typology of female images in L. M. Leonov's novel "The Thief")*. Bulletin of the Novosibirsk State University. Series History, Philology, no. 20, pp. 108–16, 2021. (In Rus.)
3. *Modern Woman: Gender in Russian Culture in 1890–1930*. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (In Rus.)
4. Maksimova, M.N *Life of Soviet women on the fronts of the Great Patriotic War in memoirs. Actual problems of socio-humanitarian disciplines. Materials of the LVIV conference of teachers and students of ChSPU named after I. Ya. Yakovlev based on the results of research work for 2018*. 2019: 109–113. (In Rus.)
5. Kulyapin, A. I. *The only: the Soviet woman in the literature and culture of the thirties*. Philology and man, no 4, pp. 158–164, 2011. (In Rus.)
6. *Modern Woman: Gender in Russian Culture the 1890s–1930s*. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (In Rus.)
7. Zuseva-Ozkan, V. B. *Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: Image, Motifs, Plots*. M: Indrik, 2021. (In Rus.)
8. Erokhina, T. I. *Transformation of Feminine Stereotypes in Soviet Culture at the Beginning of the 20th Century*. Verkhnevolzhsk Philological Bulletin, no/ 4, pp. 169–179, 2020. (In Rus.)
9. Kovtun, N. V. *Women of the Revolution: from Dasha Chumalova to "Commissars" by Valentin Rasputin*. Russian culture under the sign of the Revolution. Far East, close Russia, no 2, pp. 32–49, 2021. (In Rus.)
10. Skubach, O. A. *Non-female Arctic: a story about a polar heroine in Soviet culture of the 1920s-1930s*. Criticism and semiotics, no. 1, pp. 338–350, 2020. (In Rus.)
11. Navolotskaya, D. I. E. *Vinogradova as a public figure: the image of a Soviet celebrity in the press in 1935–1936*. Woman in Russian society, no. 1, pp. 137–150, 2020. (In Rus.)
12. Navolotskaya, D. I. *Perception of the Stakhanovka Image: Fan Letters to Dusya Vinogradova (1935–1936)*. Bulletin of the Perm University, no. 52, pp. 160–172, 2021. (In Rus.)
13. Bonnell, Victoria E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art*. The Russian Review, no. 3, pp. 267–288, 1991. (In Engl.)

14. Khalil, H. I. Socialist Realism and the Situation of Women in Society in the Work of Maxim Gorky "Mother". *Journal of the College of Languages (JCL)*, no. 44, pp. 269–281, 2021. <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2021.0.44.0269> (In Engl.)
15. Peruško Vindakijević, I. Cult of the Mother in Russian (Soviet) Culture: Religious and Revolutionary Aspects of Maxim Gorky's and Vsevolod Pudovkin's *The Mother*. *Literary Review: Journal of World Literature*, no. 187(1), pp. 37–52, 2018. (In Croat.)
16. Varga-Harris, C. Between National Tradition and Western Modernization: Soviet Woman and Representations of Socialist Gender Equality as a "Third Way" for Developing Countries, 1956–1964. *Slavic Review*, no. 3, pp. 758–781, 2019. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.233> (In Engl.)
17. Markwick, R. D., Cardona, E. C. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. (In Engl.)
18. Pennington, R. *Wings, Women, and War: Soviet Airwomen in World War II Combat*. Lawrence: University Press of Kansas Modern War Studies, 2001. (In Engl.)
19. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge, 2023. (In Engl.)
20. Cottam, K. J. *Red Sky, Black Death: A Soviet Woman Pilot's Memoir of the Eastern Front*. Bloomington: Slavica, 2009. (In Engl.)
21. Paige, V. *The Rouged Army: Soviet Women Soldiers' Counternarratives of the Great Patriotic War* Web. 15. 06. 2023 <http://hdl.handle.net/1811/101161> (In Engl.)
22. *Socialist realist canon*. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. (In Rus.)
23. Dobrenko, E. A. *Metaphor of power. Literature of the Stalin era in historical coverage*. München: Sagner, 1993. (In Rus.)
24. Zagidulina, T. A. *Neither Up nor Above: Aviation Discourse in Russian Literature in the 1920s and 1930s*. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2019. (In Rus.)
25. Gennep A. van. *Rites of passage*. M. Vostochnaya literatura, 1999. (In Rus.)

Information about the author

Zagidulina Tatiana A. , Candidate of Philology; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev, 89 Ady Lebedevoy st. , Krasnoyarsk, 660049, Russia; zagi9@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>.

For citation

Zagidulina T. A. The Functioning of the Image of a Military Pilot in the Framework of Traditional Plot Schemes of Socialist Realism (Based on the Essays by M. Chechneva) // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 105–114. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-105-114.

**Received June 20, 2023; approved after reviewing July 25, 2023;
accepted for publication July 29, 2023.**

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-115-123

Культурный ландшафт России в книге донбасской
военной поэзии «Великий Блокпост» (2023)

Нина Сергеевна Ищенко

Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова, г. Луганск, Россия
niofterna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

В статье методом тематического моделирования анализируется репрезентация русской культурной географии в поэтическом сборнике «Великий Блокпост», объединившем стихи, посвященные войне в Донбассе 2014–2022 гг., поэтов из разных регионов. Тематическое моделирование представляет тему как набор выражающих её ключевых слов. Для исследования выбрана тема России как географической реальности. В качестве ключевых слов отобраны названия географических объектов, которые, согласно теории культурного ландшафта, представляют собой текст как систему знаков, отсылающих к смыслам культуры. Ландшафт выступает как текстовое послание культуры самой себе, преодолевающее лакуны и сохраняющее образы в культурной памяти. Принцип формирования сборника – хронологический. Каждый год войны представлен особым разделом, причём стихи одних и тех же поэтов могут включаться в разные параграфы. Вся книга выступает как единая коллекция текстов, по которой проводился поиск. Анализ вхождений географических названий в коллекцию текстов показал, что в книге раскрыта тема границ России, представлены многие топографические объекты её европейской части, однако не задействован образ Сибири, недостаточно подробно представлена Москва в противовес часто появляющемуся Санкт-Петербургу. В сборнике широко освещены два моря – Чёрное и Балтийское, Россия в смысловом пространстве представлена как Третий Рим, Страна Советов и империя. Украина и Донбасс отдельно не анализировались, но предварительно выявлено, что на территории Украины выделяются такие топосы, как Одесса и Киев, а в Киеве – Майдан и Бабий Яр как символы текущего военного противостояния; из донбасских городов в книге представлены Донецк, Луганск, Мариуполь, Лисичанск. В заключении намечены перспективы будущих исследований сборника, а именно религия, русская культура, литература, зарубежная культурная география, которые демонстрируют контекстные связи русского культурного ландшафта.

Ключевые слова: Россия, Украина, Донбасс, культурная география, культурный ландшафт, военная поэзия, тематическое моделирование

Original article

Russian Cultural Landscape in the Book
of Donbass Military Poetry "The Great Checkpoint" (2023)

Nina S. Ishchenko

Lugansk State Agrarian University named after K. E. Voroshilov, Lugansk, Russia
niofterna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

The paper focuses on the representation of Russian cultural geography in the poetry collection "The Great Checkpoint" by the method of thematic modeling, which combines poems by poets from different regions dedicated to the war in Donbass 2014–2022. Thematic modeling presents a topic as a set of keywords expressing it. The topic of Russia as a geographical reality was chosen for the study. The names of geographical objects have been selected as keywords, which according to the theory of cultural landscape, represent a text as a system of signs referring to the meanings of culture. The landscape acts as a textual message of culture to itself, overcoming gaps and preserving images in cultural memory. The principle of the collection formation is chronological. Each year of the war is represented by a special section, and the poems of the same poets can be included in different sections. The whole book acts as a single collection of texts, which was searched. An analysis of the occurrence of geographical names in the collection of texts shows that the book reveals the topic of the borders of Russia, presents many topographical objects of its European part, with one exception Siberia is not involved, two seas – the Black and the Baltic – are widely reflected, Moscow is very little represented as opposed to the frequently appearing St. Petersburg. Russia is represented in the semantic space as the Third Rome, the Country

© Ищенко Н. С., 2023

of the Soviets and the Empire. Ukraine and Donbass have not been analyzed separately, but it can be indicated beforehand that such topos as Odessa and Kiev stand out on the territory of Ukraine, and in Kiev – Maidan and Babi Yar, as symbols of the current military confrontation; from the Donbass cities, the book presents cities such as Donetsk, Lugansk, Mariupol, Lisichansk. The perspectives of the future research are outlined in the conclusion: religion in the collection, Russian culture and literature in the book, as well as foreign cultural geography.

Keywords: Russia, Ukraine, Donbass, cultural geography, cultural landscape, military poetry, thematic modeling

Введение. «Великий Блокпост» – это антология донбасской поэзии 2014–2022 гг., составленная Анной Ревякиной и опубликованная вторым изданием в 2023 г. в Санкт-Петербурге. В книге собраны стихи 45 поэтов, которые живут или воюют в Донбассе. Сборник структурирован хронологически – стихи распределены по годам, поэтому в книге есть девять разделов на каждый год войны, а также своеобразное вступление и заключение: разделы «Предчувствие войны», где читатель найдёт стихи предшествующей войне двадцатилетия, и «Позывной поэт», включающий стихи участников СВО. Собранный в книге огромный материал новейшей поэзии позволяет провести исследование культурно-географических реалий донбасской войны, показать, как географические локации интерпретируются авторами, входят в культурное пространство, приобретают символическое значение.

Актуальность исследования культурно-географических процессов современности в военных условиях экзистенциального вызова заключается в возможности изучить работу механизмов смыслообразования современной русской культуры, понять, как текущие события включаются в пространство культуры и уточнить способы актуализации культурной памяти в конкретно-исторических условиях донбасской войны. Рассмотрим эти вопросы на примере отображения России как культурно-географического объекта в сборнике.

Методология и методы исследования. В исследовании для анализа культурного ландшафта, представленного в книге современной поэзии, применяется метод тематического моделирования.

Тематическое моделирование – одно из направлений анализа текстов, определяющее тематическую структуру каждого документа из текстовой коллекции [1, с. 68]. Тема представляет собой неязыковое явление, но всегда выражается с помощью слов. Смысл темы находит своё материальное выражение в метафорах, сравнениях, названиях и любых лексемах, относящихся к

единому семантическому полю. Такие лексемы выступают ключевыми словами, формирующими тематическое ядро текста [2].

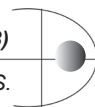
Наиболее популярные современные методы работы с текстами основаны на использовании латентно-семантического анализа, работающего с матричным представлением коллекции текстов, получаемым с помощью модели «мешок слов» (англ. “bag-of-words”) [3, с. 34–35]. «Мешок слов» представляет собой набор ключевых слов, создающих репрезентацию интересующей исследователя темы в текстовой коллекции.

Текстовой коллекцией в данном случае является сборник стихотворений военной поэзии Донбасса «Великий Блокпост» (2023)¹. Темой становится Россия как культурно-географическая реальность. Для анализа книги методом тематического моделирования определяются все случаи вхождения ключевого слова в текст, фиксируется автор и год написания стихотворения, затем анализируются полученные данные с позиций культурной географии.

Ключевые слова, раскрывающие тему России, подбираются на основе теории культурного ландшафта. Термин «культурный ландшафт» вошёл в географическую науку в начале XX в., а в культурологии активно используется в наши дни. Концепция культурного ландшафта основана на понятии ландшафта, который впервые вводится Александром фон Гумбольдтом в фундаментальном труде «Картины природы» в 1808 г. [4, с. 248].

В настоящее время в геокультурологических исследованиях «культурный ландшафт представляет собой кластер геокультурного пространства и феномен культуры – систему матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией и/или имеющих на территории своё материальное выражение» [5, с. 13]. В понятии культурного ландшафта превалирует смысл, вносимый культурными элементами в природный ландшафт, и даже

¹ Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. – 2-е изд. – СПб.: Лира, 2023. – 432 с.

природные элементы рассматриваются в их отношении к человеку и его общественной жизни [6]. В культурном ландшафте постоянно происходят процессы семиозиса, то есть элементы культурного ландшафта наделяются тем или иным смыслом [5, с. 12].

Структура культурного ландшафта определяется не только его физико-географическими реалиями, но и в значительно большей степени системой ценностей и семиотической структурой культуры, в которой функционирует ландшафт. Взаимодействие этих двух сфер «порождает в культурном ландшафте узлы (центры) и периферии смысла, его внутренние (культурные разломы) и внешние границы» [Там же, с. 13].

Система значений данной культуры исследуется в структурализме тартусской школы как семиосфера [7]. Семиосфера является условием и результатом развития культуры, вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка [8, с. 251–252]. Семиосфера содержит все тексты данной культуры, и имеет структуру, изоморфную структуре культурного ландшафта. Семиосфера делится на внутреннюю и внешнюю часть, между которыми пролегает граница. Как показывает Ю. М. Лотман, граница, отделяющая своих от чужих, является универсалией культуры [9, с. 258]. Структура семиосферы влияет на культурную географию, формируя культурный ландшафт наряду с географическими и топографическими понятиями.

Топосы культурного ландшафта в их смысловом оформлении выступают в качестве знаков. В текстах о культурных ландшафтах такими знаками становятся названия географических объектов. Таким образом, система топографических названий работает в культуре как текст, порождая новые значения [5, с. 13].

Топосы культурного ландшафта могут быть носителями целого спектра различных значений. Так, В. Г. Шукин показывает, что тип освоенных и созданных человеком мест выражает нормы поведения человека в этих местах и таким образом может исследоваться как жанр, отвечающий на вопросы, что нужно делать в данном топосе, как, почему, и с какой целью [10, с. 182]. Таким образом, общественные функции культуры осуществляются не только благодаря вписанности человека в историю и социум, но и на основе географических идентификаций, включающих геокультурный сегмент, связанный

с обычаями, традициями и легендами конкретного топоса [11, с. 463].

Конкретный культурный ландшафт служит выражением пространственности как философской категории. Как показывает Е. К. Созина, пространственность представляет собой сущностную черту русского мира, воплощающую представления не только о реальном, но и об идеальном. С помощью пространственных понятий кодируется тот идеал, которого можно достичь посредством целенаправленной деятельности [12, с. 99].

Идеал центрируется географически. Русский цивилизационный идеал реализуется посредством топоса России как выделенного семиотического пространства.

В русской культуре топос «Русь – святая земля» известен со времен Древней Руси [13, с. 19–25]. В русской традиции после принятия христианства формируется христианское понятие о святости [14, с. 415]. Новый по сравнению с языческой древностью тип святости включает в себя вольную жертву, добровольную смерть, принятую не как абсолютное зло, а как самопожертвование, несущее в себе залог воздаяния. Добровольная жертва освобождает от необходимости отвечать ударом на удар, насилием на насилие. Отдание себя смерти воспринимается как путь к преодолению рабства обстоятельствам, как выход к свободе жизни вечной [Там же, с. 502–503]. Ещё одним из элементов русской святости является труженичество – постоянное, последовательное, целенаправленное, освящаемое смыслом [Там же, с. 606]. Рассмотренные смыслы синтезированы в образе русской земли, где этот тип святости оказывается возможен.

В настоящее время описанная структура идеального реализуется в качестве одного из смыслов Русского мира, понимаемого как русская цивилизация. В концепции Русского мира соединяется универсализм и конкретно-русская специфика, и Россия выступает как страна, сохраняющая христианские ценности, но осуществляемые в рамках конкретно-исторической русской культуры. Места, где совершается христианский подвиг жертвенности и труженичества, сакрализуют пространство, создают выделенные топосы реализации христианской святости в культурном ландшафте.

Важнейшей функцией культурного ландшафта является его особая роль в трансля-

ции исторической памяти [15, с. 28]. Историческая память является дискретной, поскольку разные её элементы со временем уничтожаются [16, с. 23]. Тот же процесс наблюдается и в культурном ландшафте – исчезновение и появление как географических объектов, так и их названий создаёт новые интерпретации ландшафта как текста, заполняя образовавшиеся пробелы культурной памяти.

Таким образом, события русской истории сохраняются в культурной памяти посредством бинарной структуры: они привязаны к конкретному топосу культурного ландшафта и соотносятся с идеей святости, понимаемой как добровольная жертва. Эта модель действует и в настоящее время, выявляя принцип, согласно которому отбираются и сохраняются события текущей войны в Донбассе с 2014 г., идущей на западной границе России.

Культурно-географический топос России сформирован в истории как империя. Как показывает в монографии И. Угрин, ключевым признаком имперской государственности является универсализм, поскольку империя даёт единые законы и нормы полиэтничным и поликультурным общностям, которые она организует [17, с. 98]. Универсализм империи понимался по-разному в разных эпохи российской истории: в эпоху Московского царства это был христианский универсализм, в период собственно Российской империи это был европейский правовой универсализм, сложившийся на базе новой европейской науки и техники, в советское время универсализм строился на коммунистических идеалах. Во всех этих случаях структура ментальности сохраняется неизменной, что выражается и в культурной географии России.

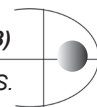
В данном исследовании тема России представлена географическими названиями конкретных городов и территорий. При анализе не учитывались более мелкие структурные единицы – районы городов, названия улиц, площадей и т. д. Исключение сделано для Москвы и Санкт-Петербурга. Это большие города с богатой историей, полные значимых объектов культурной географии. Так, Кремль означает не просто архитектурное сооружение в городе Москве, но может метонимически обозначать всю Москву и всю страну, поэтому такие вхождения фиксировались. Также включены в исследование не

столько географические, сколько символические топосы Майдан и Бабий Яр в Киеве. Не рассматривались общие географические понятия, упоминаемые в стихах, то есть русские реки, дороги, степи и т. д. Результаты оказались очень интересными.

Результаты исследования и их обсуждение. Тема России звучит во всех частях книги от начала и до конца сборника. Почти все поэты пишут о России, Руси, Родине, Отечестве с 2012 до 2022 г. Один раз встречается именование Святая Русь (Владислав Русанов, 2016) и один раз появляется архаичная Московия (Иван Купреянов, 2022) и Страна Советов (Семен Пегов, 2022). В разделе «Позывной поэт» этой теме посвящен отдельный текст Олега Миронова, который пишет «мы выпили горькую чашу, когда сами называли Россию не “Русью”, а “Рашкой”». Конфликт именовании в сборнике решается в пользу России и Руси – старое название используется почти так же часто, как и современное, прошлое и настоящее России соединяются в стихах современных поэтов.

Как географически представлена Россия? Это огромное пространство «от курильских морей до донбасских степей» (Анна Долгарева, 2015), «от Урги до кочующей Балтики» (Семен Пегов, 2021). На границах России отмечены Тихий океан (Наталья Курчатова, 2017, 2019), суровые берега Баренца (Наталья Курчатова, 2020), Камчатка (Владислав Русанов, 2018), Сахалин (Семен Пегов, 2021), Амур (Анна Долгарева, 2018), Кавказ (Алексей Шмелёв, 2014), Дон (Олег Измайлов, 2018; Мария Ватутина, 2019), Новороссийск (Александр Сигида-старший, 2016), Сочи (Любовь Глотова, 2022), Калининград (Анна Долгарева, 2018; Владислав Русанов, 2018).

Внутри этого пространства поэты упоминают две территориальные единицы: средняя полоса России (Наталья Курчатова, 2020) и Коми (Олег Миронов, «Позывной поэт»). Также в русском географическом пространстве находятся горный хребет Урал и река Оскол (Мария Ватутина, 2019). В границах России лежат и следующие города: Тверь (Дмитрий Трибушный, 2012), Вязьма (Иван Купреянов, 2015), Новгород (Ольга Старушко, 2016), Беслан (Ольга Старушко, 2018), Воронеж (Герман Титов, 2019), Ульяновск (Любовь Глотова, 2022), Печоры, Вологда и Ярославль (Семен Пегов, 2022), Ельня (Семен Пегов, 2022), «Джохар», то

есть Грозный (Григорий Егоркин, 2022), Барнаул (Герман Титов, 2022). Два раза упоминается Курск, об этом городе пишут Мария Ватутина и Герман Титов в 2019 г. Три упоминания приходится на долю не столько географического, сколько уже символического города Китеж. Этот город, ушедший под воду во время нашествия монголов, возникает в стихах Ивана Купреянова (2016), Марии Ватутиной (2020) и Александры Хайрулиной (2021).

Итак, в сборнике хорошо очерчены географические границы современной России и довольно полно представлена европейская часть страны, лежащая западнее Урала. Внутренние территории России на восток от Урала представлены только городом Барнаул у Германа Титова. Поэты вписывают войну на западном рубеже России в русское географическое пространство, где активными элементами являются границы и почти не представлена Сибирь, традиционно ориентированная на восточные рубежи, не задействованные в текущем военном конфликте.

Совершенно особую картину дают два моря на западных рубежах России, за выход к которым боролся ещё Петр Первый, – Чёрное и Балтийское. Количество упоминаний резко возрастает, об этих местах пишут разные поэты на протяжении бурных девяти лет, отраженных в сборнике. И если Чёрное море включает Крым – самую заметную тему последнего десятилетия в России, то сходное положение Балтики оказалось довольно неожиданным результатом.

Итак, Чёрное море, Азовское море, Поазовье, Приазовье упоминают в стихах разных лет Ольга Старушко, Наталия Курчатова, Елена Заславская, Анна Ревякина. Детально представлен в книге Крым – это название встречается в стихах Алексея Шмелева (2014), Ивана Купреянова (2014–2015), Ольги Старушко (2016), Владислава Русанова (2019), Ивана Асвальда (2022). Многие поэты пишут о конкретных городах в Крыму, что значительно углубляет и расширяет эту тему. Крымские города Алушту, Ялту, Севастополь, Феодосию, Бахчисарай, Керчь, Судак и Севастополь наносят на культурную карту Елена Заславская, Иван Купреянов, Наталия Курчатова, Владислав Русанов, Ольга Старушко, Вячеслав Теркулов. Можно заметить, что к теме Крыма из сорока пяти поэтов обращаются немногие,

причём одни и те же авторы дают и общую картину, и её детали. Эта группа представлена поэтами из Крыма, Донецка, Луганска, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих местах идёт основная культурная работа по осмыслению воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и новому включению его в русское культурное самосознание.

Теперь обратимся к северному морю и его берегам. Помимо пограничного Калининграда Прибалтика представлена такими топонимами, как Балтика (Наталия Курчатова, 2020), Рига (Игорь Караулов, 2022), Выборг (Герман Титов, 2022), Кронштадт (Герман Титов, 2021) Центральное место в этой группе занимает Санкт-Петербург.

Тему Петербурга вводит Наталия Курчатова в 2014 г. Далее в её стихах появляются Нева, Питер и Ленинград, в значимом выражении «ленинградское ополчение» – так поэт описывает добровольцев-ополченцев из Петербурга, воевавших за Донбасс с 2014 г. Петроградом назван город у Александра Сигиды-старшего (2016), а Ленинградом, помимо Курчатовой, называет северную столицу Мария Ватутина (2019). В обоих случаях это отсылки к советскому периоду истории, когда в Первую мировую и Великую Отечественную войну город оказался в эпицентре революционных и военных событий, что перекликается типологически с ситуацией военного Донбасса, которую хотят отобразить поэты. Берег Невы упоминает Александр Пелевин (2019), а Никольский пруд – Наталия Курчатова (2018), но больше всех петербургских топонимов вводит в текст Герман Титов, в строках которого появляются Михайловский замок (2021), Морская улица и Сенная площадь (2018). Итак, петербургские поэты Наталия Курчатова, Герман Титов, Александр Пелевин делают Петербург явным в русской географии сборника.

Таким образом, оба моря у западных границ России, Чёрное и Балтийское, присутствуют в русском самосознании и занимают важное место в осмыслении текущих событий войны в Донбассе как части русской истории.

Удивительная картина получается для столицы России Москвы. Первое упоминание этого названия в книге происходит довольно поздно – в 2017 г., и вводит его в свой текст Наталия Курчатова, таким образом идеально отработавшая тему двух русских

столиц в сборнике. Москва также упоминается Германом Титовым в 2019 г. В остальных, довольно немногочисленных случаях, Москва появляется не концептуально как столица, а в качестве небольшой части города, обозреваемой поэтом непосредственно: как Поклонная площадь (Ольга Старушко, 2014), Павелецкий вокзал (Елена Заславская, 2018), Сретенка (Владислав Русанов, 2018). Отметим такие важные топонимы как Красная Площадь (Иван Купреянов, 2015) и Кремль (Дмитрий Трибушный, 2016), но ими и закрывается тема столицы в книге. Москва не вовлечена в идущую на западной окраине небольшую войну – такой вывод подсказывает сборник «Великий Блокпост».

Итак, географически Россия представлена довольно полно. Что же такое Россия не географически, а по смыслу? На этот вопрос в книге дается три ответа: Третий Рим, Страна Советов и империя. Мария Ватутина в стихотворении «София» (2020) рассказывает всю историю трансляции империи, от Рима через Константинополь до Москвы, создавая ряд Айя-София – Айя-Россия – Ave, София. Круг замыкается в третьем Риме, который является возрождённым первым.

В поэзии Елены Заславской «над третьим Римом восходит новая заря» (2017), и в 2022 г., в стихотворении, написанном в период отступления из-под Харькова, этот образ появляется снова: «И не падоша ни русня, ни мокша, ни Третий Рим». Третий Рим – это Россия, делящаяся в веках и сохраняющая культурное наследие христианской империи.

Страна Советов как географическое название и смысловая универсалия появляется в стихотворении Семена Пегова о Мотороле (2022). О советской Атлантиде пишет Алиса Федорова в 2015 г. В книге также упоминаются советские реалии, делаются отсылки к советскому прошлому, к революционным событиям, битвам Великой Отечественной войны, рассматривается советское наследие современности. Символом этого периода выступает Юрий Гагарин: «Здравствуй, Юрий Гагарин, здравствуй. Кем ты был, воспаривший святой Георгий, рассказали комсорги, профорги» (Мария Панчехина, 2014); «мы потомки Юры Гагарина и Лаврентия Берии» (Анна Долгарева, 2022). Так, Юрий Гагарин упоминается как в начале, так и в конце выбранного временного периода, чем подчёр-

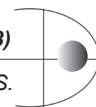
кивается его символическое значение для описания советской эпохи.

Борьба советских людей с немецко-фашистскими захватчиками является одной из важных моделей донбасской войны. Географически этот смысл реализуется в топониме Бабий Яр, где немцами и украинскими националистами производились массовые расстрелы гражданского населения, главным образом евреев, цыган, а также советских военнопленных в период оккупации Киева в 1941–1943 гг. В Бабьем Яру было убито по разным оценкам от ста до двухсот тысяч человек. Бабий Яр появляется в стихах Марии Ватутиной (2015), Игоря Караулова (2017), Ольги Старушко (2018) как символ современной Украины, глорифицирующей нацизм, и той силы, с которой сражается Донбасс.

Термин «империя» встречается во всём сборнике всего восемь раз у шести авторов. Двое из них, что не будет неожиданностью, Мария Ватутина («в империи, где тихо, как в снегу», 2018) и Елена Заславская («на окраине империи», 2021). Историческую концепцию в двух строчках разворачивает Олег Миронов в последнем разделе книги: «"К оружию, братья, к оружию!" – зовут Ленин, Махно и Колчак. Так умирают империи. Империи рождаются так». Семен Пегов пишет об ополченцах и военных Донбасса: «мы избili природу империи, как в походе свои сапоги» (2021). Моторола в стихотворении Пегова «умирал за империю». «Осколком империи» называет Донбасс Иван Асвальд (2022). В стихотворении Анны Долгаревой о погибших в ходе СВО в 2022 г. есть слова: «наши кости станут стенами новой империи».

Империя выступает как общее начало, объединяющее разные этапы русской истории. Российская, советская и современная империя – это всё Россия. В ходе войны в Донбассе люди разных взглядов объединяются, империя собирает свои окраины, русские солдаты воюют на фронте за империю. Авторы сборника «Великий Блокпост» так рисуют картину событий, происходящих с 2014 г. в Донбассе.

В контексте данной темы нужно бегло очертить, как представлены в книге Украина и Донбасс. Что касается тех территорий, на которых сейчас находится Украина, здесь на первом месте по упоминаниям в стихах стоит Одесса, также заметны Киев и Харьков. Среди топонимов Донбасса первое ме-

сто однозначно занимает Донецк, и со значительным отрывом, но всё же несколько раз появляются в книге Луганск, Мариуполь и Лисичанск. Таким образом, все болевые точки войны в Донбассе и СВО отражены в сборнике: Одесса – город, где 2 мая 2014 г. украинские радикалы заживо сожгли пророссийских активистов; Киев как город, породивший Майдан – точку невозврата текущей войны; Харьков, памятный как попытками освободить его на первом этапе СВО, так и тяжелым отступлением осени 2022 г.; Донецк, находящийся девять лет под обстрелами; Луганск, переживший полноценную осаду в 2014 г.; заложник Украины Мариуполь, сильно пострадавший при освобождении в 2022 г.; Лисичанск, переживший ту же судьбу. Так, новейшая история 2014–2022 гг. отражена в географии сборника. Таким образом, выраженная в заглавии концепция «Донбасс – блокпост России» подтверждается его содержанием.

Заключение. Итак, тематический анализ культурно-географического содержания сборника «Великий Блокпост» показал, что Россия постоянно присутствует в географии книги, в размышлениях поэтов, в системе образов, создаваемой на передовой и в тылу. Война в Донбассе 2014–2022 гг. осознаётся как значимая для всей страны, она проявляет традицию, актуализирует историческую связь древней Руси, Московии и современной России, находит себе параллели и в революционных событиях, и в войнах с внешним врагом. Книга показывает, что Донбасс – часть России, и не только место, где происходят события, но и центр их осмысления.

Намечая пути дальнейшего исследования, нужно отметить важную тему рели-

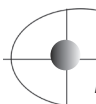
гии в сборнике. Упоминания христианских персонажей, сюжетов, реалий в десять раз превосходят упоминания всех других религий, включая такие экзотические версии, как постиндустриальный бог в обличье террикона Елены Заславской и Дракон-страж Террикона Ивана Асвальда. Сборник наглядно показывает, что Россия – страна христианской культуры. Это также страна, где живет античность – античные реалии, топонимы символы занимают значительное место в сборнике.

Русские писатели и их цитаты представляют следующую по величине группу упоминаний. Александр Пушкин ожидаемо занимает первое место в этом списке, а второе неожиданно принадлежит Михаилу Булгакову, при том, что в сборнике цитируют или упоминают Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Фета, Манделштама, Блока, Есенина, Гумилёва, Шолохова, Матусовского, Фадеева, Лимонова и других авторов. Книга ещё раз подтверждает, что в России главнейшим из искусств до сих пор является литература. Поэты золотого и серебряного века, советские писатели и современные классики – все они сегодня в строю, помогают сражаться словом за русскую культуру.

Отдельную интересную тему составляет культурная география за пределами России. Иностранные города, писатели, реалии, упоминаемые авторами сборника, создают более широкое культурное пространство, в котором существует русский космос, и в этой рубрике решающее место по введению новых тем, образов и цитат занимает Александр Сигида-младший. Указанные темы – предмет дальнейших интересных исследований.

Список литературы

1. Золотарев О. В., Шарнин М. М., Клименко С. В. Семантический подход к анализу террористической активности в сети Интернет на основе методов тематического моделирования // Вестник Российского нового университета. 2016. № 3. С. 64–71.
2. Мартиросян А. А. Анализ тем художественного произведения с помощью метода математического моделирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10–2. С. 121–123.
3. Шарнин М. М., Ищенко Н. С., Пахмутова Н. Ю., Сюракшина Ю. В. Использование методов тематического моделирования в мультязыковых средах для прогноза тревожных событий // Труды международной научной конференции по физико-технической информатике. 28–31 мая 2018 г., Царьград, Московская область, Россия. Протвино: Ин-т физ.-техн. инф. С. 33–42.
4. Стрелецкий В. Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития : материалы XII Междунар. ландшафт. конф., Тюмень-Тобольск, 22–25 августа 2017 г.: в 2 т. Тюмень; Тобольск: Тюменский гос. ун-т, 2017. Т. 2. С. 248–253.

5. Лавренова О. А. Семантика культурного ландшафта: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М., 2010. 39 с.
6. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
7. Лотман Ю. М. О семиосфере: избр. ст.: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 478 с.
8. Лотман Ю. М. Семиотическое пространство. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 251–257.
9. Лотман Ю. М. Понятие границы. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 257–269.
10. Щукин, В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Василий Щукин. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 156–458.
11. Щукин В. Г. Геокультурный образ мира // Василий Щукин. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 460–586.
12. Созина Е. К. Геопоэтика национального ландшафта в русской литературе // Уральский исторический вестник. 2020. № 2. С. 99–106. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-99-106.
13. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 13–410.
14. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис: Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
15. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как хранитель исторической памяти Земли // Региональные проблемы. 2018. Т. 21, № 3. С. 28–34.
16. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как хранитель памяти ойкумены // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1. С. 21–37.
17. Угрин И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Институт философии Российской академии наук, 2017. 106 с.

Информация об авторе

Ищенко Нина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент; Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова; 291008, Россия, г. Луганск, г. о. Луганский, р-н Артемовский, тер. ЛНАУ, 1; nioferna@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>.

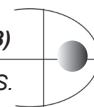
Для цитирования

Ищенко Н. С. Культурный ландшафт России в книге донбасской военной поэзии «Великий Блокпост» (2023) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 115–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-115-123.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 20.09.2023.

References

1. Zolotarev, O. V., Sharnin, M. M., Klimenko S. V. Semantic approach to the analysis of terrorist activity on the Internet based on thematic modeling methods. Bulletin of the Russian New University. Series: Complex Systems: models, analysis and management, no. 3, pp. 64–71, 2016. (In Rus.)
2. Martirosyan, A. A. Analysis of the themes of a work of art using the method of mathematical modeling. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 10–2, pp. 121–123, 2016. (In Rus.)
3. Sharnin, M. M., Ishchenko, N. S., Pakhmutova, N. Yu., Syurakhshina, Yu. V. The use of thematic modeling methods in multilingual environments for predicting alarming events. Proceedings of the International Scientific Conference on Physical and Technical Informatics, May 28–31, 2018, Tsargrad, Moscow region, Russia. Pp. 33–42. (In Rus.)
4. Streletskiy, V. N. The concept of cultural landscape in world cultural geography: scientific origins and modern interpretations. Landscape studies: theory, methods, landscape and ecological support of nature management and sustainable development: materials of the XII International Landscape Conference, Tyumen-Tobolsk, August 22–25, 2017. Volume 2. Tyumen-Tobolsk: Tyumen State University, 2017. Pp. 248–253. (In Rus.)
5. Lavrenova, O. A. Semantics of the cultural landscape. Dr. sci. diss. abstr. M., 2010. (In Rus.)
6. Kagansky, V. L. Cultural landscape: basic concepts in Russian geography. Observatory of Culture, no. 1, pp. 62–70, 2009. (In Rus.)
7. Lotman, Yu. M. About the semiosphere. Selected papers in 3 volumes, Tallin: Alexandra, 1992. Vol. 1. Articles on semiotics and topology of culture. Pp. 11–24. (In Rus.)

8. Lotman, Yu. M. Semiotic space. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. Pp. 251–257. (In Rus.)
9. Lotman, Yu. M. The concept of boundaries. Semiosphere. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. Pp. 257–269. (In Rus.)
10. Shchukin, V. G. The myth of the noble nest. Geoculturological research on Russian classical literature. The Russian genius of Enlightenment: studies in the field of mythopoetics and the history of ideas. M: ROSSPEN, 2007. Pp. 156–458. (In Rus.)
11. Shchukin, V. G. Geocultural image of the world. The Russian genius of enlightenment: studies in the field of mythopoetics and the history of ideas. M: ROSSPEN, 2007. Pp. 460–586. (In Rus.)
12. Sozina, E. K. Geopoetics of the national landscape in Russian literature. Ural Historical Bulletin, no. 2, pp. 99–106, 2020. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-99-106. (In Rus.)
13. Petrukhin, V. Ya. Ancient Rus: The People. Princes. Russian Culture. Vol. I (Ancient Rus). M: Languages of Russian culture, 2000. Pp. 13–410. (In Rus.)
14. Toporov, V. N. Holiness and saints in Russian spiritual culture. Volume 1. The first century of Christianity in Russia. M: Gnosis – School "Languages of Russian culture", 1995. (In Rus.)
15. Vedenin, Yu. A. Cultural landscape as the keeper of the historical memory of the Earth. Regional problems, no. 3, pp. 28–34, 2018. (In Rus.)
16. Vedenin, Yu. A. Cultural landscape as a keeper of the memory of the Ecumene. Man: Image and essence. Humanitarian aspects, no. 1, pp. 21–37, 2019. (In Rus.)
17. Ugrin, I. M. Russian statehood and the Imperial paradigm: philosophical analysis. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. M: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2017. (In Rus.)

Information about the author

Ishchenko Nina S., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Lugansk State Agrarian University named after K. E. Voroshilov; 1 Ter LNAU, Artemovskiy district, Lugansk, 291008, Russia; niofterna@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>.

For citation

Ishchenko N. S. Russian Cultural Landscape in the Book of Donbass Military Poetry "The Great Checkpoint" (2023) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 115–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-115-123.

**Received August 15, 2023; approved after reviewing September 18, 2023;
accepted for publication September 20, 2023.**

Научная статья

УДК 81`27

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-124-131

**Родовые метафоры среди иных типов метафор
как способов описания войны в современных СМИ**

Марина Владимировна Пименова

*Международный гуманитарный университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского,
г. Санкт-Петербург, Россия*

MVPimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

В статье анализируются разные типы метафор, используемые в СМИ для описания войны. Цель статьи – выявить самые частотные типы метафор войны, вычленив один из самых древних способов актуализации концепта война – родовую метафору. Актуальность предпринятого исследования определяется обращением к разным типам стёртых метафор, активно применяемых в СМИ для обозначения, как самих войн, так и для описания стратегий и тактик ведения боевых действий, именованных людей, находящихся в определённых взаимоотношениях во время войны, а также тем событиям, которые метафорически представлены как война. Научная новизна состоит во введении в научный оборот термин родовой код лингвокультуры и социальный код лингвокультуры, активно задействованных в описаниях, как войны, так и мирной жизни не только в СМИ, но и в любых типах дискурса. Задачи статьи: 1. Выявить специфику реализации родовой кода русской лингвокультуры на примере дискурса СМИ о войне. 2. Представить классификацию разных типов метафор войны в газетах «Парламентский Вестник» и «Ведомости». 3. Сопоставить метафоры с символами русской лингвокультуры. В статье анализу подвергаются несколько типов стёртых метафор, особое место среди которых занимают родовая, социальная и теоморфная, сохраняющие свою продуктивность в современных СМИ. Поднимаемая тема ранее в научной литературе не затрагивалась; в этом и заключается новизна выполненного исследования, в котором задействованы аналитический, дескриптивный и интерпретативный методы. В ходе исследования отмечено десять основных метафор, актуализирующих концепт война в дискурсе СМИ: родовая, социальная, теоморфная, метафоры нити и театра (в которых скрыта метафора кукол-марионеток), ритуальная, обрядовая, традиционная, игровая. Концепт война в русской лингвокультуре актуализируется стёртыми метафорами. Перспективной изучению является описание разных типов метафор в других типах дискурсов, отдельных жанрах, авторских языковых картин мира.

Ключевые слова: стёртая метафора, лингвокультурный код, медиадискурс, языковая картина мира, лингвокультура

Original article

**Generic Metaphors Among Other Types of Metaphors as
Ways of Describing War in Modern Media**

Marina V. Pimenova

*International Humanitarian University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky, Saint Petersburg, Russia
MVPimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>*

The article analyzes different types of metaphors used in the media to describe the war. The purpose of the article is to identify the most frequent types of war metaphors, isolating one of the most ancient ways of actualizing the war concept – a generic metaphor. The relevance of the undertaken research is determined by the appeal to various types of erased metaphors that are actively used in the media to refer to both the wars themselves and to describe the strategies and tactics of warfare, naming people who are in certain relationships during the war, as well as those events that are metaphorically presented as a war. The scientific novelty consists in the introduction into scientific circulation of the terms generic code of linguoculture and social code of linguoculture, actively involved in the descriptions of both war and civilian life, not only in the media, but also in any type of discourse. Objectives of the article: 1. To identify the specifics of the implementation of the generic code of Russian linguoculture on the example of media discourse about the war; 2. To present a classification of different types of war metaphors in the newspapers “Parliamentary Bulletin” and “Vedomosti”; 3. To correlate metaphors with symbols of Russian linguoculture. The article analyzes several types of erased metaphors, a special place

© Пименова М. В., 2023

among which is occupied by generic, social and theomorphic, which retain their productivity in modern media. The topic raised has not been previously addressed in the scientific literature; this is the novelty of the study. Main methods: analytical, descriptive and interpretive. The study noted ten main metaphors that actualize the war concept in the media discourse: generic, social, theomorphic, thread and theater metaphors (in which the metaphor of puppets is hidden), ritual, traditional, game. The war concept in Russian linguoculture is actualized by erased metaphors. The perspective of the study is the description of different types of metaphors in other types of discourses, individual genres, author's language pictures of the world.

Keywords: erased metaphor, linguocultural code, media discourse, linguistic picture of the world, linguoculture

Введение. Цель статьи – описать родовую, социальную, теоморфную и другие типы метафор, которые на данный момент можно определить как стёртые: они используются в современных СМИ в описаниях войны и военных действий. В работе решаются три основные задачи: 1. Проанализировать родовые и иные метафоры, используемые в военном дискурсе. 2. Выявить спектр исследуемых метафор, встречаемых в описании войны и военных действий в СМИ. 3. Соотнести их с символами русской лингвокультуры.

Объектом исследования в статье выступают родовая и иные метафоры войны. **Предмет исследования** – языковые средства актуализации концепта *война* посредством родовой или иной метафоры.

Методы и материал исследования. Основными, применяемыми в работе, стали аналитический, дескриптивный и интерпретативный методы. Материалом исследования послужили тексты газеты «Парламентский Вестник» и «Ведомости» 2021 г. из Национального корпуса русского языка¹.

Обзор литературы. Исследования в рамках темы милитарных концептов появились в начале XXI в. Отдельный ряд представлен работами, объединёнными темой войны. Л. Н. Венедиктова сопоставила две языковые картины мира в аспекте особенностей концептуализации войны [1]. Способы интерпретации семантического ядра концепта *война* описал В. В. Волков [2, с. 103–113]. Тему локальных войн подняли О. А. Гордиенко и В. Е. Зиньковская, изучавшие Кавказскую войну на материале русской литературы XXI в. [3, с. 27–35].

Отдельную область исследования составили труды, в которых война анализировалась в аспекте разных жанров и типов дискурса, а также особенностей объективации в языковой картине мира. Перечень исторических метафор войны в песнях донских казаков выявила Т. Е. Гревцова [4, с. 130–148];

в современном медиа-дискурсе войну описала И. В. Ерофеева [5, с. 72–80]; в русских паремиях – К. А. Жуков [6, с. 82–84]. Новый тип войны – информационный – в дискурсе СМИ изучил Е. В. Каблуков [7, с. 45–55]; в жанре военной песни 1941–1945 гг. были сопоставлены сопряжённые концепты *мужество, храбрость, героизм* [8, с. 938–950].

Концепт *война* рассмотрен в индивидуально-авторской картине мира В. Борхерта [9, с. 47–51]; в мировой классике [10, с. 77–81]; в немецкой и русской лингвокультурах [11, с. 83–85]; в песнях группы Sodom [12, с. 74–76]; в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого [13, с. 267–269]; в калмыцких песнях времен Великой Отечественной войны) [14, с. 71–73]; в романе «Хождения по мукам» А. Толстого [15, с. 221–224]; в произведениях В. П. Астафьева [16, с. 137–142; 17, с. 152–158]; в диалектах и фольклоре Прикамья [18, с. 17–23].

Тему особенностей концептуализации войны в русской культуре затронула М. А. Потапчук [19, с. 38–41], оппозицию «война – мир» в аспекте дискурсивной технологии войны описала Е. В. Ракитянская [20, с. 19–26]. Способы актуализации концепта *война* в произведениях А. Битова проанализировали С. В. Рудакова и В. В. Цуркан [21, с. 53–58]; И. Б. Фоменко – в русской и китайской языковых картинах мира [22, с. 910–917]; Х. Чайлак – сквозь призму Великой Отечественной войны [23, с. 112–116]; Н. С. Шмидт – в английской языковой картине мира [24], Ю. А. Эмер – в современном песенном жанре [25, с. 58–67].

Типы современных метафор российских СМИ 20 гг. XXI в. впервые описываются в данной статье. Особое внимание уделяется родовой метафоре как способу реализации одного из самых древних кодов лингвокультуры. В этом состоит научная новизна работы.

Результаты исследования и их обсуждение. Родовой код лингвокультуры – один из самых древних. Он актуален для

¹ Корпус русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.11.2023). – Текст: электронный.

описания разного рода взаимоотношений между людьми. Он встречается в:

– мифологии, в которой небесные объекты представляют собой единую семью: *братец месяц, солнце-батюшко*;

– быту, когда отмечаются особенности взаимоотношений между людьми: *любо, братцы, любо* (в русской литературе он встречается с начала XVIII в.: *Много на многи книги вас, братец, бывало, А на эту неужли вас таки не стало?* В. К. Третьяковский. Эпиграмма к охуждателю Зоилу. 1730);

– именовании глав государств и народа через термины родства: *царь-батюшка, царица-матушка*; И. В. Сталин обратился в первые дни войны к народу со словами *братья и сестры!*;

– обращении к родственным народам: *братья-славяне, братушками* называют болгар;

– медицине: *медицинская/ патронажная сестра*;

– обращениях к старшим по возрасту – не родственникам: *отец, мать* простореч.

Термины родства в военном дискурсе используются для объективации стереотипных образов, закреплённых за членами семьи. Те, кто считается авторитетом, кто руководит и направляет бойцов, называются *отцами-командирами*. Руководители военных подразделений ласково называют воинов *сынки* (ср. у М. Ю. Лермонтова в «Бородино»: *Слуга царю, отец солдатам*). Командира, оберегающего своих солдат, со времен 90-х годов XX в. именуют *батяня-комбат*.

Защищаемая земля – это *Родина-мать, Отечество* или *Отчизна* (в двух последних скрывается стёртая отеческая метафора, а в первой – материнская, уже на замечаемые носителями языка). II мировая война вошла в историю под именем *Отечественная. Отечество* буквально «земля отцов».

В войнах прошлого участниками событий были те, кого современники называют *предками* (*Кроме того, в ходе памятных мероприятий волонтеры Победы Подмосковья расскажут жителям о подвигах, которые совершили наши предки в годы Великой Отечественной войны*). В Лобне реконструируют боевые действия к 80-летию Битвы за Москву // *Парламентская газета*, 2021.12). Предок – это «лицо, являющееся предшественником в семье, роде, племени

по отцовской или материнской восходящей линии, обычно далее деда или прадеда»¹.

Выбор родового кода обусловлен национальными стереотипами, связанными с поведением, распределением гендерных ролей в обществе. Мужчина – защитник: он отстаивает свою землю, свою Родину, свою семью (*мужественно сражаться, защищать свою Родину*). Истинно мужское поведение – *мужественное*, а проявленная доблесть называется *мужеством*: корень слова прямо указывает на соответствующую ассоциацию (*Орденом Александра Невского награждались командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов, которые проявили «в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечивающие успешные действия своих частей*»). День 29 июля в истории // *Парламентская газета*, 2021.07). Все перечисленные признаки характеризуют настоящего воина.

Родовой код актуален для описания разных сторон жизни общества. Он активно применяется в российских медиатекстах, прежде всего в СМИ. В современных СМИ встречена родительская вариативная продуктивная метафора (*Более 30 тысяч «детей войны» было вывезено в разные страны, в том числе около 3 тысяч нашли приют в Советском Союзе. День 17 июля в истории // Парламентская газета*, 2021.07). Её вариантом выступает «война – мать», реализуемая различными языковыми средствами: предикатами рождения (*Война рождала ратное братство лётчиков стран-союзников. Воздушный мост в блокадный Ленинград организовали гражданские пилоты // Парламентская газета*, 2021.09), прямой номинацией (*Ибо кому война или пандемия, а кому мать родна. Как отдохнуть в Крыму, чтобы не было мучительно больно за потраченные деньги // Парламентская газета*, 2021.07).

Род делится на поколения. В стёртой соматической метафоре поколения скрыты древние способы отсчёта рождённых после родоначальника (*в первом поколении, во втором поколении и под.*). Война воспринимается как определённый период времени ведения боевых действий, затрагивающих особое поколение (*В СК подчеркнули, что*

¹ Большой академический словарь русского языка: в 17 т. – М.: Наука, 2011. – Т. 17. – С. 555.

вопросы защиты прав ветеранов и памяти поколения Великой Отечественной войны являются важной составляющей деятельности ведомства. СК проверит постановки «Современника» на предмет оскорбления ветеранов // Ведомости, 2021.07). Традиция русской лингвокультуры – помнить о подвигах предков, передавая эту память потомкам (Он заявил, что Россия всегда будет помнить о подвиге солдат и офицеров в Великой Отечественной войне и сделает всё, чтобы память об их мужестве и героизме передавалась из поколения в поколение. Минобороны опубликовало архивные документы, посвящённые началу Великой Отечественной войны // Парламентская газета, 2021.06). Из поколения в поколение передаются памятные даты, имена и события, важные для рода – народа.

Родовой код «реанимирован» в советский период. Это было вызвано прагматическими целями воспитания молодого поколения в чувстве патриотизма (за словом патриотизм так же скрывается стёртая метафора: *pater* по-латински «отец»). До советского периода отечественной истории войны назывались иначе – посредством космической, социальной, климатической и физической метафор: *мировая война, гражданская война, холодная война, ядерная война*.

Категоризация войны происходит через присвоение ей некоего типового признака. Такой признак вычленяется на основе родовой характеристики (*Это суровая необходимость, своего рода война за здоровье людей*), – заявил Жириновский. Жириновский: остановить пандемию может только вакцинация // Парламентская газета, 2021.06).

Ещё один тип метафор основан на теоморфном коде лингвокультуры. В основе таких метафор находятся признаки Перуна – бога-громовержца, бога княжеских дружин. Оружием Перуна были молнии – перуницы (*Планы Гитлера на молниеносную войну против СССР были нарушены. День 26 сентября в истории* // Парламентская газета, 2021.09). Эпитеты войны указывают на пиекет в отношении к ней: *священная (Для нас война была «священной», для них – «правильной»*. Ленд-лиз: мифы и реальность // Парламентская газета, 2021.08), *великая (Причина же противоречивости оценок ленд-лиза в том, что в России и на Западе по-разному воспринимают саму великую*

войну. Ленд-лиз: мифы и реальность // Парламентская газета, 2021.08).

Стёртая родовая метафора прочитывается в историческом названии войны 1941–1945 гг. (*В годы Великой Отечественной войны был командующим 2-й гвардейской танковой армии, участвовал в Люблин-Брестской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях. Кто родился 29 августа* // Парламентская газета, 2021.08). В метафоре угрозы войны уже не замечается стёртый образ грозы, за которым скрыт Перун-громовержец (*По-прежнему сохраняются угроза холодной войны и риски использования современных сверхопасных технологий, интеллектуальных, гиперзвуковых видов оружия, а также ядерного оружия нового поколения. Гаврилов призвал православные страны к борьбе за мир через миротворчество* // Парламентская газета, 2021.07). Угрозу нового времени составляют разные типы войн (*Среди угроз он выделил пандемию коронавируса, информационные войны и санкции. Россия и Белоруссия реализовали 57 совместных инновационных программ* // Парламентская газета, 2021.06).

Метафоры нити реализуют ещё один из типов метафор: войну связывают причинно-следственные события в социуме, и сама война развязывается с конкретными целями (*Наконец, Пентагону пришлось увеличить и не связанные напрямую с военными действиями в Афганистане, но связанные с «войной с террором» бюджетные расходы на \$ 443 млрд Афганистан. СССР против США: операция Союза в семь раз дешевле* // Ведомости, 2021.08; *Война была развязана нацистской Германией, фашистской Италией и милитаристской Японией. День 3 сентября в истории* // Парламентская газета, 2021.09). Нити – объект манипуляции (отсюда метафора – дергать за ниточки, где скрыта ещё одна метафора – театр военных действий, являющаяся калькой с европейских языков. Английское выражение *theater of war*, например, появилось в 1703 г. в значении «место, в котором происходит война или боевые действия»).

Реалиями нового времени стали новые эпитеты войн, в которых реализуются стихийный, биологический, информационно-технологический, материальный, интеллектуальный, медицинский, политический коды лингвокультуры:

1. Газовая (*Помним газовые войны, попытки отбирать несанкционированные объёмы газа из трубы, – перечисляет эксперт. Когда в России закончатся газ и нефть // Парламентская газета, 2021.11).*

2. Гибридная (*Фактически научно-образовательные санкции Запада являются сегодня инструментом гибридной войны против России», – говорится в проекте резолюции форума. У Крыма более 20 тысяч послов доброй воли за рубежом // Парламентская газета, 2021.10).*

3. Информационная (*И не надо сравнивать с 2012 годом, тогда не было таких информационных войн, такого уровня кибератак. Памфилова назвала удачной новую систему видеонаблюдения на выборах // Парламентская газета, 2021.10).*

4. Торговая (*В числе других вызовов – торговые войны, экономическое неравенство, диктат интернет-гигантов, фальсификация истории и многое другое. Лидеры думских фракций призвали молодёжь объединяться // Парламентская газета, 2021.08).* Её вариантом является санкционная (*Как сообщил в 2019 г. в ходе прямой линии президент России, Евросоюз с 2014 года из-за «санкционной войны» недополучил 240 миллиардов долларов. Слуцкий назвал антироссийские санкции Евросоюза неэффективными // Парламентская газета, 2021.07).*

5. Медийная (*Главред телеканала Маргарита Симоньян назвала это «медийной войной Германии против России» и потребовала ответных санкций против немецких СМИ, в частности запрета Deutsche Welle и закрытия корпунктов ARD и ZDF в Москве. Youtube начнет блокировать видео с утверждениями об опасности вакцинации // Ведомости, 2021.09; Главный редактор МИА «Россия сегодня» и RT Маргарита Симоньян назвала происходящее «медийной войной», призвав в своём Telegram-канале запретить вещание Deutsche Welle и других немецких СМИ на территории России, а также закрыть корпункты ARD и ZDF. Могут ли в России заблокировать YouTube // Парламентская газета, 2021.09).*

6. Ментальная (*Это назревшее самоопределение тем более важно, поскольку Запад в опоре на пятую колонну здесь развязал против России ментальную войну, задача которой, «перезагрузив» мировоззрение, подменив цели россиян, и молодё-*

жи в первую очередь, лишить нас суверенного будущего. Время Больших Решений // Парламентская газета, 2021.09; Информационное противоборство в условиях ментальной войны» в рамках форума «Армия-2021». Мединский предложил сделать ЕГЭ по истории обязательным // Ведомости, 2021.08).

7. Медицинская (*Идёт война с коронавирусом. Академик РАН рассказал, каким препаратом можно ревакцинироваться // Парламентская газета, 2021.07).* Вариантом её является допинговая (*Ранее многократный чемпион мира среди боксёров-профессионалов депутат Госдумы Николай Валуйев рассказал «Парламентской газете», как оценивать выступление олимпийской сборной России и стоит ли надеяться, что «допинговые войны» против нашего спорта прекратятся. Путин наградил российских призёров Олимпиады в Токио // Парламентская газета, 2021.08; Таким образом, не достигла своих целей и многолетняя «антидопинговая» война против России», – подчеркнул парламентарий. Пискарев: россияне показали на Олимпиаде высокие результаты, несмотря на беспрецедентные санкции // Парламентская газета, 2021.08).*

Среди других типов милитарных метафор для современного дискурса СМИ характерны:

1. Ритуальная: формируется рядом признаков – жертвы, похорон, приспускания флагов, поминовения погибших (*Но в День Неизвестного Солдата вспоминают не только погибших в годы Великой Отечественной войны, но и погибших и пропавших без вести жертв других войн и конфликтов. Сколько воинов пропали без вести в 20 и 21 веках // Парламентская газета, 2021.12; Крымская война (1853–1856), в которой европейские государства выступили против России в союзе с мусульманской Турцией, похоронила все надежды на возможность союза христианских монархов. Для чего в Европе создавался Священный Союз // Парламентская газета, 2021.09; В странах постсоветского пространства 22 июня приспускают государственные флаги и вспоминают эту войну и погибших в ней. Великая Отечественная война началась 80 лет назад // Парламентская газета, 2021.06).*

2. Обрядовая (*«Война не окончена, пока не похоронен последний солдат», –*

говорил полководец Суворов. Дни неизвестного солдата в Севастополе – круглый год // Парламентская газета, 2021.12).

3. Традиционная (*Среди них, конвенции «О мирном решении международных конфликтов» и «О законах и обычаях войны на суше», а также декларация, запрещающая применение разрывных пуль и снарядов с удушающими газами. День 29 июля в истории // Парламентская газета, 2021.07).*

4. Игровая: основные признаки её образования – участники и победители в игре на деньги (*Академик Академии наук РФ. Участник Великой Отечественной войны. Кто родился 17 октября // Парламентская газета, 2021.10; И это самое большое число потерь среди стран-участниц этой войны. Когда в России вспоминают погибших в Первой мировой войне // Парламентская газета, 2021.08; «Талибан» выиграл войну, поэтому мы должны разговаривать с новыми властями в Кабуле, кем бы они ни были, чтобы предотвратить миграционный и гуманитарный кризисы. Главы МИД НАТО соберутся на экстренную онлайн-встречу по Афганистану 20 августа // Парламентская газета, 2021.08; После Второй мировой войны Берлин был поделён между странами-победительницами (СССР, США, Великобританией и Францией) на четыре оккупационные зоны. День 13 августа в истории // Парламентская газета, 2021.08).* В перечень признаков такой метафоры входит подведение итогов (*В Заключительном*

акте были закреплены политические и территориальные итоги Второй мировой войны. День 1 августа в истории // Парламентская газета, 2021.08).

5. Мифологическая (*Авторы пытаются разобраться в причинах затянувшегося политического кризиса и способствовать окончанию войны в Донбассе, унесшей жизни тысяч мирных граждан. Почему Оливера Стоуна ждут в Крыму // Парламентская газета, 2021.09).*

Заключение. К основным кодам лингвокультуры, которые применяются в описаниях войны, относятся родовой, социальный, стихийный, биологический, информационно-технологический, материальный (предметный), интеллектуальный, медицинский, политический.

В ходе исследования было выявлено несколько типов метафор, наиболее ярко представляющих концепт *война* в дискурсе СМИ: родовая, социальная, теоморфная, метафоры нити и театра (в которых скрыта метафора марионеток), ритуальная, обрядовая, традиционная, игровая.

Изменяющийся мир вносит свои трансформации в языковые средства представления войны. У слова *война* появились новые эпитеты: *газовая, гибридная, информационная/ медийная, торговая/ санкционная, ментальная*, указывающие на те сферы, где война актуальна. Мир динамично меняется, что фиксируется в языковой картине мира.

Список литературы

1. Венедиктова Л. Н. Концепт война в языковой картине мира (Сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2004. 180 с.
2. Волков В. В. Лингвокультурный концепт война: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 1. С. 103–113.
3. Гордиенко О. А., Зиньковская В. Е. Концепт война в литературе XXI века (на материалах Кавказской войны) // Концепт. 2015. № 8. С. 27–35.
4. Гревцова Т. Е. Метафоры войны в песенном историческом фольклоре донских казаков // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. № 5. С. 130–148. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-130-148.
5. Ерофеева И. В. Концепт война в современном медиа-тексте: репрезентация традиционных моделей // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2015. № 2. С. 72–80.
6. Жуков К. А. Отражение концепта «война» в английских и русских паремиях // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2005. № 7. С. 82–84.
7. Каблуков Е. В. Концепт «информационная война» в российских правительственных и оппозиционных СМИ // Известия Уральского федерального университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 45–55.
8. Карапетян Е. А. Языковая репрезентация ментальных концептов «Мужество», «Храбрость», «Героизм» в военной песне 1941–1945 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар: КубГАУ, 2013. № 09. С. 938–950.
9. Каратаева Л. В. Ответственность как отличительный компонент концепта война в немецкой языковой картине мира (на материале произведений В. Борхерта) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 2. С. 47–51.

10. Касьянова О. А. Концепт война в произведениях мировой литературы как структурный компонент культурных универсалий // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. студ. и молодых ученых (г. Томск, 19–21 мая 2015 г.): в 3 ч. Томск: Томский политехн. ун-т, 2015. Ч. 3. С. 77–81.
11. Коржнева Е. А. Концепт война в немецкой и русской лингвокультурах // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 83–85.
12. Малетин Е. А. Репрезентация концепта войны в текстах песен музыкальной группы Sodom // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4. С. 74–76.
13. Михалкина Т. А. Концепт война в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Концептосфера русского языка. Минск: Беларус. гос. ун-т, 2006. С. 267–269.
14. Омакаева Э. У. Концепт дэн/война в калмыцкой лингвокультуре (на материале песен периода Великой Отечественной войны) // Oriental Studies. 2010. № 3. С. 71–73.
15. Остапова Т. А. Вербализация концепта война в романе А. Толстого «Хождения по мукам» // Проблемы семантической интерпретации и номинации. Минск: Беларус. гос. ун-т, 2009. С. 221–224.
16. Подюков И. Л. Зрячий образ войны // Астафьевские чтения. Современный мир и крестьянская Россия (Пермь, 19–21 мая 2005 г.). Пермь: Курсив, 2005. Вып. 3. С. 137–142.
17. Подюков И. Л. Пир после победы. Война и мир В. Астафьева // Астафьевские чтения: сб. материалов. Пермь: Пермь-36, 2009. С. 152–158.
18. Подюков И.А., Свалова Е. Е. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX – начала XXI в.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3. С. 17–23.
19. Потапчук М. А. Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4. С. 38–41.
20. Ракитянская Е. В. Соотношение концептов ВОЙНА и МИР в реализации дискурсивной технологии войны // Молодая наука: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 15 ноября 2016 г.). М.: Инфинити, 2016. С. 19–26.
21. Рудакова С.В., Цуркан В. В. Концепт война в прозе А. Битова // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 3. С. 53–58.
22. Фоменко И. Б. Концепт война в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 21, № 3. С. 910–917.
23. Чайлак Х. Великая Отечественная война в языковой картине мира (на примере концепта ВОЙНА) // Велес. 2015. № 12. С. 112–116.
24. Шмидт Н. С. Концепт война в английской языковой картине мира. 2014. URL: <http://www.children-art.org/by/projects-bell/perazo-stagoddzya-1914--2014/mizhnarodnyya-chytanni/materyyaly-chytannyya/448-kontsept-vona-v-anglisko-yazykovo-kartine-mira> (дата обращения 25.06.2023). Текст: электронный.
25. Эмер Ю. А. Концепт война в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 58–67.

Информация об авторе

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор; Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Россия, 199406, г. Санкт-Петербург, Малый пр. ВО, 63/14; MVPimenova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>.

Для цитирования

Пименова М. В. Родовые метафоры среди иных типов метафор как способов описания войны в современных СМИ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 124–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-124-131.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 19.07.2023.

References

1. Venediktova, L. N. The war concept in the language picture of the world (Comparative study on the material of English and Russian languages): Thesis. Tyumen, 2004. (In Rus.)
2. Volkov, V. V. Linguistic and cultural war concept: semantic core, aspects of hermeneutic research. Bulletin of Tver State University, no. 1, pp. 103–113, 2017. (In Rus.)
3. Gordienko, O.A., Zinkovskaya, V. E. The War Concept in the Literature of the 21st Century (Based on the Materials of the Caucasian War). Concept, no. 8, pp. 27–35, 2015. (In Rus.)
4. Grevtsova, T. E. Metaphors of war in the song historical folklore of the Don Cossacks. Folklore: structure, typology, semiotics, no. 5, pp. 130–148, 2022. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-3-130-148> (In Rus.)

5. Erofeeva, I. V. The war concept in modern media text: representation of traditional models. Scholarly Notes of Transbaikal State University, no. 2, pp. 72–80, 2015. (In Rus.)
6. Zhukov, K. A. Reflection of the concept "war" in English and Russian proverbs. Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav Mudry, no. 7, pp. 82–84, 2005. (In Rus.)
7. Kablukov, E. V. The concept of "information war" in the Russian government and opposition media. Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture, no. 4, pp. 45–55, 2016. (In Rus.)
8. Karapetyan, E. A. Linguistic representation of the mental concepts "Courage", "Courage", "Heroism» in the military song of 1941–1945. Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. Krasnodar: KubGAU, no. 09, pp. 938–950, 2013. (In Rus.)
9. Karataeva, L. V. Responsibility as a distinctive component of the war concept in the German language picture of the world (based on the works of V. Borchert). Bulletin of the Adyghe State University, vol. 2, pp. 47–51, 2015. (In Rus.)
10. Kasyanova, O. A. The concept of war in the works of world literature as a structural component of cultural universals. Communicative aspects of language and culture: collection of materials of the XV International scientific and practical conference of students and young scientists Tomsk: TPU, 2015. Part 3. Pp. 77–81. (In Rus.)
11. Korzhneva, E. A. The war concept in German and Russian linguocultures. World of science, culture, education, no. 6, pp. 83–85, 2012. (In Rus.)
12. Maletin, E. A. Representation of the war concept in the lyrics of the musical group Sodom. Baltic Humanitarian Journal, no. 4, pp. 74–76, 2018. (In Rus.)
13. Mikhalkina, T. A. The war concept in the novel by L. N. Tolstoy "War and Peace". Conceptosphere of the Russian language. Minsk: BGU, 2006. Pp. 267–269. (In Rus.)
14. Omakaeva, E. U. The *dən*/war concept in the Kalmyk linguoculture (based on the songs of the period of the Great Patriotic War). Oriental Studies, no. 3, pp. 71–73, 2010. (In Rus.)
15. Ostapova, T. A. Verbalization of the concept of war in the novel by A. Tolstoy "Walking through the torments". Problems of semantic interpretation and nomination. Minsk: BGU, 2009. Pp. 221–224. (In Rus.)
16. Podyukov, I. L. A sighted image of war. Astafiev readings. The Modern World and Peasant Russia (Perm, May 19–21, 2005). Perm: Cursive, issue 3, pp. 137–142, 2005. (In Rus.)
17. Podyukov, I. L. Feast after victory. War and Peace of V. Astafiev. Astafiev Readings: Sat. materials. Perm: Publishing House of the Memorial Center for the History of Political Repressions "Perm-3b", 2009. Pp. 152–158. (In Rus.)
18. Podyukov, I.A., Svalova, E. E. The image of war in the popular imagination (based on the dialect and folklore materials of the Kama region of the late XX – early XXI century). Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology, issue. 3, pp. 17–23, 2013. (In Rus.)
19. Potapchuk, M. A. The war concept in the Russian language and culture. Chelyabinsk humanitarian, no. 4, pp. 38–41, 2011. (In Rus.)
20. Rakityanskaya, E. V. Correlation between the concepts WAR and PEACE in the implementation of the discursive technology of war. Young science: materials of the IV International scientific-practical conference. Moscow: Infiniti, 2016. Pp. 19–26. (In Rus.)
21. Rudakova, S.V., Tsurkan V. V. The war concept in the prose of A. Bitov. Humanitarian and pedagogical research, no. 3, pp. 53–58, 2018. (In Rus.)
22. Fomenko, I. B. The war concept in the Russian and Chinese language pictures of the world. Philological Sciences. Questions of theory and practice, vol. 3, pp. 910–917, 2021. (In Rus.)
23. Chailak, H. The Great Patriotic War in the language picture of the world (on the example of the concept WAR). Veles, no. 12, pp. 112–116, 2015. (In Rus.)
24. Schmidt N. S. The war concept in the English language picture of the world. 2014. Web.25.06.2023. <http://www.children-art.org/by/projects-bel/perazo-stagoddzya-1914--2014/mizhnarodnyya-chytanni/materyyaly-chytannya/448-kontsept-vona-v-anglisko-yazykovo-kartine-mira>. (In Rus.)
25. Emer, Yu. A. The war concept in modern song folklore: cognitive-discursive analysis. Tomsk State University Bulletin. Series Philology, no. 4, pp. 58–67, 2012. (In Rus.)

Information about author

Pimenova Marina V., Doctor of Philology, Professor; International Humanitarian University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky; 63/14 Maly pr. VO, Saint Petersburg, Russia, 199406; MVPimenova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>.

For citation

Pimenova M. V. Generic Metaphors Among other Types of Metaphors as Ways of Describing War in Modern Media // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 124–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-124-131.

**Received June 7, 2023; approved after reviewing July 18, 2023;
accepted for publication July 19, 2023.**

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Научная статья

УДК 377.031

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-132-143

Социокультурная динамика медиапортретирования в журналистике о военных действиях

Анастасия Николаевна Гришанина¹, Софья Владиславовна Щебенюкова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹a.grishanina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5782-8584>,

²shchebenkovas@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0328-2449>

Актуальность исследования обусловлена появлением новых форм медиобразов, связанных с осещением специальной военной операции, проводимой Россией на Украине. Изучение портретирования может быть полезным для выявления востребованных читателем критериев изображения человека в период возрождения традиционных ценностей и общечеловеческих факторов духовности. Целью исследования является изучение стратегий и тактик изображения личности в чрезвычайных ситуациях, особенно в зонах ведения военных действий, выявление проблемных зон журналистского портретирования на современном этапе. В ракурсе исследования – медийный образ Евгения Пригожина, заметной и неоднозначной фигуры специальной военной операции. Объектом исследования стали медиатексты о Е. Пригожине, опубликованные в 2020–2023 г. Выявлены средства воспроизведения портрета в СМИ, обозначены роль и задачи медиаобраза, предприняты попытки осмысления подачи информации сквозь призму сохранения культурного наследия и ценностей общества. Лингвокультурологический анализ позволил определить наиболее востребованные формы медиапортретирования, а также роль структуры повествования, категорий пространства и времени, композиции в восприятии портрета. Проведён контент-анализ содержания, ключевых слов и значимых смысловых фрагментов в обширном массиве медиатекстов. Интент-анализ использовался для изучения намерений и мотивов авторов произведений, влияющих на медийный дискурс. Новизна исследования заключается в изучении социально-психологических и морально-нравственных аспектов современного медиапортрета, так как эти характеристики всё чаще нуждаются в осмыслении с позиции «не навреди». Выявлены востребованные формы изображения человека в сложной жизненной ситуации, обозначены проблемные зоны процесса портретирования в тех случаях, когда журналисты прибегают к манипулированию. Дальнейшая перспектива исследования связана с необходимостью типологизации медиапортрета и особенностей позиционирования ценностных стратегий в быстро меняющемся мире.

Ключевые слова: журналистика, конфликт, медиаобраз, медиатекст, портретология в журналистике, специальная военная операция, традиционные ценности

© Гришанина А. Н., Щебенюкова С. В., 2023

Original article

Socio-Cultural Dynamics of Media Portraiture in Journalism on Military Operations

Anastasia N. Grishanina¹, Sofia V. Shchebenkova²^{1,2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia¹a.grishanina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5782-8584>,²shchebenkovas@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0328-2449>

The relevance of the study is due to the emergence of new forms of media images associated with the coverage of a special military operation conducted by Russia in Ukraine. The study of portraiture can be useful for identifying the criteria for the image of a person in demand by the reader during the revival of traditional values and universal factors of spirituality. The purpose of the research is to study strategies and tactics of portraying a person in emergency situations, especially in war zones, to identify problematic areas of journalistic portraiture at the present stage. The depiction of significant or notable figures of military operations helps the reader in understanding moral and spiritual strategies. In the perspective of the study is the media image of Yevgeny Prigozhin, a prominent and ambiguous figure of the special military operation. The object of the study was media texts about E. Prigozhin published in 2020–2023. By the example of the coverage of one of the key figures of the special military operation (SMO), the means of reproducing the portrait in the media are identified, the role and tasks of the media image are outlined, attempts are made to comprehend the presentation of information through the prism of preserving cultural heritage and values of society. The main research methods are determined based on the goals. The linguistic and cultural analysis revealed the most popular forms of media portraiture, as well as the role of narrative structure, categories of space and time, composition in the perception of the portrait. Content analysis made it possible to analyze the content, keywords and significant semantic fragments in a vast array of media texts. Intent analysis was used to study the intentions and motives of the authors of works that influence media discourse. The novelty of the research is in the study of the socio-psychological and moral aspects of the modern media portrait, since these characteristics increasingly need to be understood from the position of “do no harm”. The results of the study revealed the popular forms of depicting a person in a difficult life situation, showed the necessity and timeliness of depicting the spiritual and moral component of the behavioral characteristics of a media personality, identified the problem areas of the portraiture process in cases when journalists resort to manipulation by creating a portrait in the media. The authors also point to further promising areas of research into the process of media portraiture, which include the need to typologize a media portrait, identifying the relationship between portrait and situational personality characteristics, and the features of positioning value strategies in a rapidly changing world.

Keywords: journalism, conflict, media image, media text, portraiture in journalism, special military operation, traditional values, emergency

Введение. Актуальность исследования приёмов медиапортретирования в аспекте освещения военных действий приобретает масштабность и значимость. Исследователи мотивации журналистской деятельности отмечают: среди факторов, побуждающих журналистов писать на острые социально-политические темы, в приоритете – мотив оказания влияния на эмоциональный настрой общества [1, с. 204–205]. Портрет известной личности может стать средством оказания влияния в силу своего функционального назначения, особенностей использования в политической коммуникации, так как объектами отображения могут выступать как социально-политические отношения человека с различными политическими институтами и социальными группами (социологический аспект), так и внутренние психологические процессы, происходящие в жизни отдельного индивида под воздействием меняющегося мира [2, с. 26]. Приём пор-

третирования отличается возможностями отображения внутреннего мира героев публикации, демонстрацией биографической достоверности. Факты из жизни и деятельности известной личности особенно важны, когда обществу необходима консолидация в принятии решений, в расстановке акцентов жизненных ценностей. Читатель реагирует на тексты в различных эмоциональных ключах, и часто мотивация журналиста противоречит «задачам интеграции и консолидации российского социума в условиях гибридной реальности» [3, с. 161].

Журналистское произведение, созданное на тему освещения экстремальной ситуации, способно обеспечить возможность информирования населения о причинах и последствиях военных действий, предоставлять как можно более точную и объективную информацию по поиску решений, демонстрировать лучшие качества человека в ситуации защиты отечества [4; 5]. Та-

ков позитивный потенциал СМИ. Вместе с тем, сообщения в медиа могут способствовать нарастанию степени напряжённости в обществе, недоверию власти, нарастанию межнациональных конфликтов, укреплению в национальном самосознании негативных стереотипов [6; 7].

Психологи отмечают, что довольно большая волна агрессивности, присутствующая в СМИ, формирует чувство страха, безвыходности, препятствует формированию установок понимания ситуации. «По общим морально-этическим журналистским нормам репортеру вменяется в обязанность непредвзятое изложение фактов» [8, с. 117]. Излишняя эмоциональность, стремление дать оценку происходящему без попытки объективного анализа ситуации побуждает журналиста прибегать к формам медийной агрессии, ведущей к искажению событий [9, с. 84–85; 10, с. 9]. Это тем более важно, когда речь идёт об отображении военных действий. «Помимо прагматических соображений, здесь отображается и нравственная позиция журналиста» [9, с. 83], базирующаяся на общих и традиционных ценностях.

При помощи приёма портретирования автор может показать причинно-следственные связи явления либо события, сконцентрировать внимание на решении проблемы, обозначить традиционные ценности на примере одной личности. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹. Портретные характеристики как художественные средства изображения способны показать ценность традиций как части культурного наследия. Поэтому сегодня приобретает актуальность вопрос о формах и способах изображения человека, который может повлиять на жизнь других. Какие формы востребованы и акту-

альны? Как в сознании героя произведения преломляются те или иные события? Что мешает журналисту быть объективным во взаимодействии с социальной средой? Актуальные для журналистики вопросы могут быть осмыслены путем изучения приемов портретирования.

Обзор литературы. Современные журналистские произведения вполне способны дать представление о когерентном понимании социальной реальности, удовлетворить «атрибутивную потребность человека в познании окружающей действительности, происходящих в ней изменений, что, собственно, является условием выживания и ориентации в социуме» [10, с. 8]. Портретные характеристики героя произведения наряду с другими выполняют в медиа познавательную роль. Ответы на вопросы, как и почему меняется человек, изображённый журналистом, помогают читателю ориентироваться в ценностной системе собственной жизни.

В журналистском произведении должны прослеживаться важные для читателя изменения общепринятого и типичного [11, с. 35]. Особенно важно это для ситуации смены парадигм жизненной ориентации (вопросы безопасности, здоровья, базовых ценностей, участие в исторических событиях и др.). Однако многими журналистами эта ситуация не воспринимается как проблема. Для авторов иногда приемлема лишь ситуация, когда «фактов не существует, существуют люди, наблюдающие за ними... именно “здоровая” субъективность составляет саму сущность журналистской профессии как профессии творческой» [12, с. 69]. В портретологии важно, чтобы герой произведения демонстрировал типичное для читателя, помогал определяться в жизни.

Человек всегда присутствует в произведении портретного характера (портретное интервью, репортаж с элементами портрета, психологический портрет, медиапортрет, зарисовка, очерк, фоторепортаж и др.). Эти жанры популярны и востребованы: человеческое мышление антропоцентрично, и людям свойственен интерес к другим, особенно к тем, кто у всех на виду. Принцип медийности деятельности человека способен возбудить интерес к личности и его делам. Разносторонне раскрытый персонаж в таком случае делает медиатекст более интересным для читателя, а следовательно, лучше распространяется и получает боль-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ: [от 9 ноября 2022 г. № 809]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.11.2023). – Текст: электронный.

ше откликов. Характеры, поступки, мотивы поведения персонажей произведений медиакультуры в той или иной степени могут отражать и позиции их авторов [13, с. 43].

В портретологии всегда заметен образ автора, так как журналист исследует и даёт авторскую оценку мотивационной сфере человека, говорит о его поступках, описывает индивидуальные особенности. М. М. Бахтин отмечал: автора «нельзя отделять от образов персонажей, так как он входит в состав этих образов как неотъемлемая часть (образы двуедини, иногда двуголосы). Но образ автора можно отделить от образов персонажей» [14, с. 323]. Сегодня авторы часто вмещиваются в жизнь своего героя, используя агрессивно-деструктивный способ подачи информации. Создавая определённый образ персоны, авторы медиатекстов демонстрируют своё мнение (при помощи эпитетов, метафор), отношение к данному человеку (в оценочных координатах «плохой-хороший» вместо объективной картины его поступков), обозначают важность/второстепенность для общества репутационного капитала известной личности (используют социальные стереотипы – лидер, серый кардинал, преступник и пр.). Портрет в публицистике зачастую выступает в качестве своеобразного аналога характера героя, а не суммы его характеристик [Там же, с. 25–26].

Исследователи отмечают: картина мира, создаваемая средствами массовой информации, никогда не признавалась совершенной, она постоянно уточняется, дополняется, изменяется. Конструируя медийную реальность, СМИ отражают динамику изменения человека в этой картине, меняют и представление о нём, при этом изображают человека с различных позиций, в связи с разными причинами, в разных ипостасях [15, с. 251]. Авторов данного исследования интересует портрет, во-первых, как жанр, приём и метод сбора информации (процесс портретирования); во-вторых, как психолого-лингвистический элемент медиатекста, который можно найти и в новости, и в памфлетном эссе (речь идет о деталях, которые привносит журналист, и их эффективном использовании). В научном сообществе и среди журналистов-практиков ведётся дискуссия: как современный процесс портретирования, его языковые элементы влияют на восприятие медийного образа?

В медиапортрете реальные факты могут быть представлены в авторской интерпретации. Реальная картина мира подменяется неким образом, но ощущается она, как настоящая. В ситуации с известной личностью журналист часто создаёт ощущение читателя близости к герою либо конструирует модель «мы вместе». Например, автор может изменить пространственно-временные рамки, описав действия героя не в прошлом, а в настоящем времени, создавая, так называемый, «эффект присутствия». Формирование образа подразумевает объединение и/или совмещение всех деталей и признаков воспринимаемого объекта или события в единую картину воспринимаемого предмета или явления.

Современные тенденции изображения человека в массмедиа сводятся к следующим позициям: человек как публичная персона, человек как воплощенная сенсация, человек обычный, человек моделируемый (медийный), [Там же, с. 252]. Медиа воспроизводят синкретичную модель человека, который вбирает в себя все качества трех предыдущих типов, – он становится одновременно и обычным человеком, и публичной персоной, и воплощённой сенсацией. Через портрет героя автор-журналист способен формировать отношение читателя к образу, к событиям, его окружающим, к обществу. В последнее время авторы часто прибегают к агрессивному изображению героя с целью привлечения внимания, побуждения к дискуссии, скажем, в соцсетях как реакции на опубликованный материал. Медийная агрессия может выражаться в различных языковых и невербальных формах, включая вульгарные и оскорбительные выражения, коллажи с саркастической коннотацией, искажения фактов и другие формы [16, с. 65].

Медиа-агрессию как «целенаправленное, системное применение СМИ для изменения общественного мнения с помощью публикаций, оскорбляющих политические, национальные, религиозные, нравственные чувства аудитории, в том числе в рамках технологий “промыывания мозгов”» обозначает А. И. Вертешин [17, с. 49]. Нередки случаи такого изображения героя произведения, когда имеется ярко выраженная аффективная и когнитивная агрессия (выражение открытой неприязни, враждебности, целенаправленное воздействие на сознание адресата (целевой аудитории) с целью

её идеологического подчинения) [1, с. 208]. Зачастую имеет место вторжение в когнитивное пространство адресата, когда в ходе агрессивного навязывания негативного отношения к референту высказывания адресант стремится изменить представление адресата о предмете речи в негативную сторону и, как следствие, его место в картине мира адресата [16; 17].

Исследователи отмечают, что медийная агрессия может быть направлена на нанесение идейно-политического и культурно-нравственного ущерба. Она представляет собой и острую фазу борьбы ценностей [18, с. 84], в результате которой общественное сознание вместо прежних общепринятых должно принять новые смыслы бытия. Среди самых распространенных языковых приемов медийной агрессии, распространённой в мировом информационном пространстве – намеренное сокрытие фактов; фабрикация фактов в результате мелких отклонений, используемых при подаче материала, но действующих всегда в одном направлении; ложное оперирование понятиями; бездоказательные или ложные оценки, сформированные в виде утверждений [19, р. 121–123]. В портретировании это всё преподносится под видом описания человека и его характеристик. В результате создаётся ложная стрессогенная реальность, виртуальный трагический мир, который насыщен опасностью, угрозой, агрессией, преподносимый от имени героя произведения.

Исследователи указывают на необходимость выявления деструктивных приёмов портретирования с целью стабилизации общественного настроения, показа путей выхода из сложных ситуаций, описания характеристик личности, которые могут помочь в сложной жизненной ситуации.

Методология и методы исследования. Методология определяется целью, предметом и направленностью исследования. Целью исследования является изучение сущностных и типичных характеристик медийного портретирования, которые актуализируются в рамках освещения журналистами военных действий. За счёт выявления таких характеристик в медиаобразах значительных либо заметных фигур военных операций читатель более объективно ориентируется в сферах принятия решений, морально-нравственных стратегий и позиционирования ценностей общества. Поэто-

му для анализа взят медиаматериал, рассказывающий о Е. Пригожине – заметной и противоречивой фигуре, (по данным Google Trends – один из самых часто упоминаемых в медиа людей, участвующих и причастных к СВО).

Задачи исследования вытекают из цели: 1) исследовать приёмы позиционирования образа в СМИ в ракурсе военной тематики; 2) провести оценку необходимости/исключения медийной агрессии при создании портрета участника военных событий; 3) проанализировать динамику портретирования значимой с точки зрения ведения военных действий личности с позиции социально-психологических и социально-политических аспектов изображения. Гипотеза исследования: портрет медийной личности, осуществляющей военные действия или имеющей влияние на их ход, до ведения военной операции и во время её осуществления имеет определённую эмоциональную динамику в позиционировании. Портрет личности активно влияет на осознание читателем традиционных ценностей.

Были использованы методы: лингвокультурологический анализ, дискурс-анализ, контент-анализ, интент-анализ. Для анализа и интерпретации признаков наличия/отсутствия медиаагрессии в текстах о Е. Пригожине изучалась имиджевая составляющая языковой личности, а также способы репрезентации медийной личности. Было просмотрено около 500 медиаматериалов за 2020–2023 гг. с упоминанием Е. Пригожина, затем отобрано 112 материалов из русскоязычных интернет-изданий, а также тексты онлайн-портала «Невские новости», «АиФ», «Федеральное агентство новостей». Обработка данных производилась с помощью статистического, корреляционного и факторного анализа.

Результаты исследования. Динамика медийного образа Евгения Пригожина прослеживается по двум основным временным отрезкам: до проведения специальной военной операции России на Украине и во время её проведения. Евгений Пригожин до 2022 г. представлялся как успешный предприниматель и одновременно фигура, связанная с геополитическими вопросами. Его участие в различных проектах вызывало интерес общества, к эмоционально-агрессивным медийным характеристикам можно отнести, например, стереотип «повар Путина», кото-

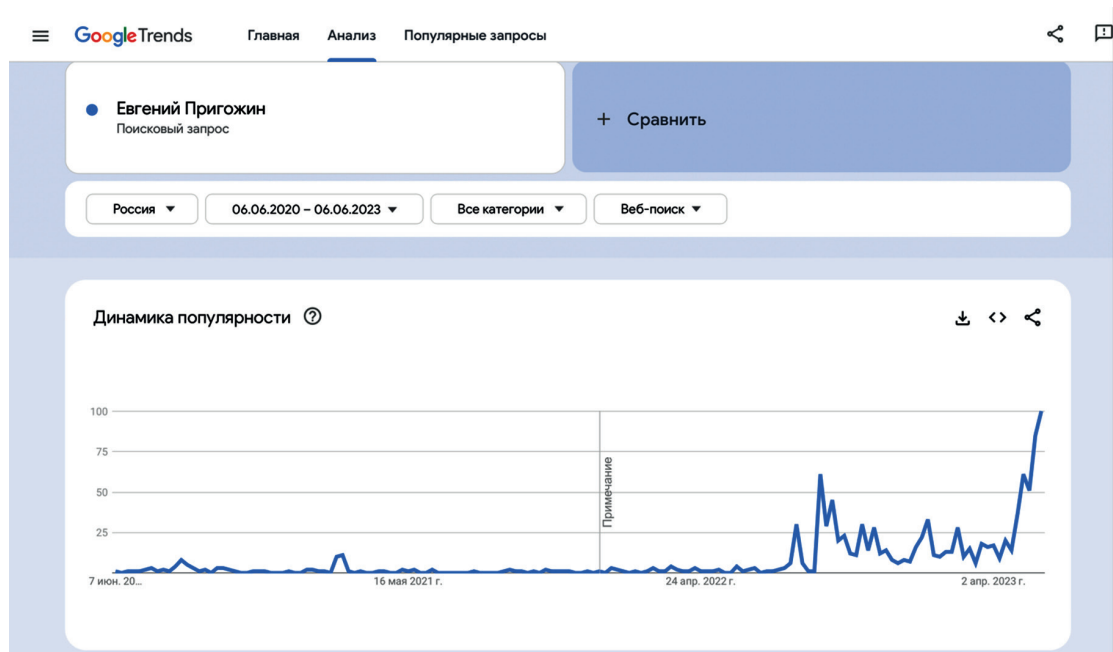
рым наделили Пригожина в медиапространстве вплоть до начала СВО. Имя Пригожина часто упоминалось наряду с информацией о военных кампаниях в Сирии и Ливии (эксперт, иногда ньюсмекер). Тогда бурно обсуждалась его причастность к ЧВК «Вагнер», но до 2022 г. Пригожин часто всё отрицал. Медиапортрет Е. Пригожина содержал в то время следующие ключевые характеристики: бизнесмен, волевой, «свой парень», имеет связи в кругах руководства страны, при этом оценка деятельности давалась нечётко.

С началом СВО в медиа стали больше интересоваться персоной Пригожина (посты, комментарии на публикации в СМИ). Об этом свидетельствуют данные Google Trends.

В отечественном медиапространстве Е. Пригожин становится яркой фигурой: журналисты наделяют его ролью военного, защитника, военного и политического эксперта. Речевой портрет Евгения Пригожина: используются грубые просторечные выражения, оценочная лексика за счёт эпитетов и метафор, употребление обценной лексики в открытом информационном пространстве: «военное ведомство не чешется по поводу укрепления наших границ, откуда может пойти украинская армия»; «совершенно оборзевший губернатор»; «и поскольку

сделано уже очень много, как говорится в поговорке, лучше умереть героем, чем ...» (Федеральное агентство новостей. 2023. 22 мая).

Наряду с новыми характеристиками Пригожина, появившимися в это время, журналисты, как и прежде, подчёркивают его эмоциональную медийную роль – «свой парень» (см. рисунок). Исследования комментариев читателей к высказываниям Пригожина в СМИ показали: он вызывает особый интерес при обсуждении в связи с его открытой критикой власти и своих оппонентов, выраженной в грубой и просторечной форме (некоторые анализируемые источники в период проведения данных исследований признаны в России иноагентами). Высказывания Пригожина формируют манипулятивно-агрессивную среду: создаётся эффект близости к пользователям; он стремится показать свою непосредственность. Журналисты охотно поддерживают в своих произведениях эти составляющие портрета, зачастую провоцируя читателей на агрессивное-деструктивное обсуждение, провокацию. При помощи портретных характеристик Пригожина авторы текстов выражают и своё мнение под видом мнения Пригожина, а приём портретирования используется в манипулятивных целях.

Динамика популярности запроса «Евгений Пригожин» (с июня 2020 по июнь 2023 г.)
Dynamics of popularity of the query “Evgeny Prigozhin” (from June 2020 to June 2023)

¹ Евгений Пригожин. Динамика популярности. – URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=2020-06-06%202023-06-06&geo=RU&q=Евгений%20Пригожин&hl=ru> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.

Фигура Пригожина в интерпретации СМИ приобретает черты виртуальности. Биография Пригожина в СМИ делится на несколько этапов, внешне и хронологически не вполне не связанных друг с другом: «Молодость, образование, родители, За что сидел Пригожин, Ресторатор, бизнес, карьера, Фабрика троллей, ЧВК Вагнер, ЧВК Вагнер на Украине, Призыв к мятежу и уголовное дело, Катастрофа самолета в Тверской области, Личная жизнь, жена, дети»¹. Этапы жизни формируются как ключевые моменты, отображаемые именно в СМИ, на значимость этих жизненных этапов для личности никто не указывает.

Такие приёмы могут лишать читателя объективной информации. Медиа охотно поддерживают позицию Пригожина: «Опять Пригожин в своей хамской манере протроллил уважаемых людей» (Евгений Пригожин о ситуации на Украине: великая страна должна держать соседей рядом. Федеральное агентство новостей. 2023. 14 марта); «Бывает, человек приходит и говорит, что у него кукушка поехала...» («Будут замесы на территории РФ»: под Краснодаром Евгений Пригожин в день своего 62-летия раскрыл тайны ЧВК «Вагнер». Блокнот. Краснодар, 2023.1 июня). Использование сленговых выражений – это один из приёмов портре-

тирования, который журналисты могут применять с целью вызвать больше сопереживания у аудитории; герой становится ближе к читателю.

Выявлена и характеристика образа Пригожина как положительного и сильного героя современности: «Патриот России и основатель ЧВК «Вагнер» Евгений Пригожин прокомментировал исход депутатов из фракции партии «Справедливая Россия – За правду» (СРЗП) в Законодательном собрании Петербурга» (Евгений Пригожин: «Беглов и Бельский вытерли ноги о федеральную власть», Невские новости. 2023. 7 апреля). Журналисты дают косвенную оценку деятельности Евгения Пригожина. Посредством характеристик героя произведений – оценку его деятельности и взаимоотношений с государством, иногда в конечном итоге – оценку государству без характеристик Пригожина с точки зрения взаимодействия с социальной средой (см. таблицу). В текстах – большой процент языковых приёмов, относящихся к аллюзии, намёку, иронии.

Агрессивная подача информации не остается незамеченной читателями. С течением времени и изменением статуса и роли Пригожина в обществе и государстве трансформируется как сам медиаобраз, так и его восприятие.

Трансформация медиаобраза Е. Пригожина в восприятии читателей

Языковые средства	Тематика публикаций	Восприятие аудитории (по комментариям)
Оценочная лексика, в том числе эмоционально-агрессивные слова, характеризующие Е. Пригожина	Карьера, («Повар Путина»), руководитель ЧВК «Вагнер»	Изменение образа Пригожина, от бизнес-характеристик – к элементам политического портрета
Сниженная разговорная лексика	Интервью по поводу действия властей, отношение Пригожина к представителям власти	«Свой парень», коннотация ожидания, что дальше, принятие и сомнение
Сленговые выражения	События СВО, отношение Пригожина к представителям власти	Принятие образа, попытки героизации, недоверие
Язык манипуляции агрессивная речевая среда	События СВО, действия Пригожина как руководителя ЧВК «Вагнер»	Дискуссионное обсуждение публикаций, недоверие отчуждение и сомнение
Реплики диалогов, Ответы Пригожина в интервью	Интервью по различным поводам	Вовлечённость в обсуждаемые вопросы, большая степень доверия по сравнению с другими приемами
Аллюзия, намёк и ирония	Оценка журналистами личности Пригожина, косвенная оценка действий властей	Усиление интереса к Пригожину, критическое отношение к власти

¹ РБК. Биографии. – URL: <https://www.rbc.ru/person/63d280069a79473d6f5e3ce6?ysclid=loemdrpq8j576894874> (дата обращения: 14.08.2023). – Текст: электронный.

Обсуждение результатов исследования. Изучение личности с позиции медиапортретирования позволяет открыть новые возможности в изображении человека. В период сложных общественных ситуаций, военных событий, портрет может демонстрировать доминирующие общественные мотивы за счёт мотивов поведения отдельной личности, соотнесённые с целями общества. «Человек в экстремальной ситуации, когда от него требуется мобилизация всех сил, принятие каких-то ответственных решений, срочные действия в условиях риска», обнаруживает объективные и субъективные возможности, обеспечивающие достижение целей, удовлетворение потребностей [2, с. 30]. Гипотеза исследования подтвердилась: в тех произведениях, где отсутствует изображение человека с позиции его мотивов и поступков в экстремальной ситуации, появляются незначительные характеристики героя. Эти характеристики описываются и подаются с целью оказания влияния на читателя, используется агрессивно-деструктивная модель информирования. Возможности портретирования нивелируются.

Анализ приёмов портретирования и портретных характеристик Евгения Пригожина показал, как медиаобраз приобретает формы агрессивной подачи. Чётко прослеживается манипулятивный характер информации с целью привлечения внимания аудитории: изображение военных действий, комментарии к происходящим событиям становятся поводом для предъявления читателю оценочной позиции самих журналистов. Такой подход лишает возможности читателя проанализировать ситуацию самостоятельно и формировать собственное мнение. Использование эмоционально окрашенных слов, судя по комментариям пользователей, рассматривается как навязывание определенной точки зрения. Картина мира формируется без учёта традиционных ценностей, добра и зла, аспектов решения сложных мировоззренческих вопросов в ходе военных действий. Образ известного человека сам по себе становится инфоповодом, в СМИ за него договаривают, решают, предполагают дальнейшие действия.

С началом специальной военной операции из характеристик Пригожина в медиа во многом исчезают деятельностные составляющие (что предпринял), но появляется большое количество оценочных фраз,

которые характеризуют не действия, а речь (что сказал). Поступки подменяются вербальными действиями (говорением) и становятся частью медиадискурса. Медиаобраз не реализует потенциал патриотизма. Такое положение дел, отмечают исследователи, противоречит освещению проведения военных действий в целом, так как противоречит принципам системы ценностей и исторической памяти [21, с. 185]. Общеизвестным остается тезис о том, что обсуждение проблем и снижение напряженности в обществе может быть гарантировано только при условии сдерживания эмоций и преобладания рационального подхода к освещению событий и их участников [22, с. 190]. Вместе с тем риторика СМИ часто построена на противостоянии идеологических интересов [23, с. 209], в портретных характеристиках проявляется поляризованность не самой личности, а мнений журналистов. Повседневная жизнь человека как жизненный путь и его отношение к происходящему подменяются приёмами манипуляции [24].

Для понимания политических событий важно выявить и описать более или менее сложные исторические типы, придавая центральное значение морально-этическому облику человека [25]. Портрет политического деятеля призван высвечивать духовный мир личности [26, с. 35–37]. Сегодня концепция портретологии нуждается в дополнении аргументов по поводу изображения в том или ином ключе известного человека, расстановки акцентов.

Агрессивная подача информации не может решить данную задачу журналистики. Агрессия в СМИ воздействует на читателя, меняя его частные представления о добре и зле, и в меньшей степени – поведение, мировоззрение [27, с. 8–9; 28]. Потребители СМИ в большинстве считают Пригожина патриотом, смелым, мужественным, влиятельным, хитрым и умным, также отмечают его грубость и заинтересованность в достижении собственных целей. Ассоциации, связанных с изображением данной фигуры в СМИ, содержат и отрицательные коннотации, такие как «зло», «убийства», «уголовник» и «война». В восприятии читателя – догадки и предположения, отражённые в таких концептах, как «серый кардинал», «тёмная лошадка». Люди испытывают затруднения при определении уровня доверия, внушаемого данной фигурой.

Закключение. Динамика образа Е. Пригожина в ракурсе освещения военных событий способствовала выявлению агрессивной подача информации, не всегда необходимой для выполнения журналистской задачи. На динамику медиапортрета Е. Пригожина в меньшей степени оказало влияние ведение им военных действий, в большей – мнение журналистов об СВО и политике государства.

В портрете медийной личности присутствуют противоречивые характеристики, они отражают сложные процессы, происходящие в обществе за последние годы. Средства массовой информации не всегда учитывают запросы аудитории на изображение смелых, мужественных людей, способных принимать решения и действовать в чрезвычайных ситуациях. В угоду рейтингам и дешёвому временному авторитету журналисты неоправданно отказываются от изображения характеристик героя, способных повлиять на мировоззрение человека. Читательское восприятие сложно и

многогранно, его законы не всегда учитываются журналистами [29]. В восприятии читателей агрессия – сложный симптом нарастания социальных, социально-политических, экономических проблем, который влияет на степень тревожности и отношение к традиционным ценностям [30, с. 496], формирует ментальное пространство [31, р. 404].

Для формирования чёткого медийного образа необходимо насыщение информационного поля более подробными, достоверными и объективными материалами о деятельности, роли и взглядах героя. Это позволит сделать его образ менее мифологизированным и более понятным широкой общественности. Тема требует дальнейшего изучения и осмысления в ракурсе поиска типического и индивидуального в медиапортретах ключевых фигур чрезвычайных событий; изучения корреляции портретной и ситуативной характеристик личности, обозначения ценностных стратегий личности в быстро меняющемся мире.

Список литературы

1. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220. DOI:10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220.
2. Ким М. Н. Портретные очерки о государственных деятелях: технология создания // *Управленческое консультирование*. 2012. № 4. С. 25–32.
3. Великая Н. М., Зайцева А. А. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества. *Caucasian Science Bridge*. 2022. № 5. С. 160–172. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16>.
4. Амиров В. М. Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития: дис. ... д-р филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2021. 311 с.
5. Tipton F. B. Modeling National Identities and Cultural Change: The Western European, Japanese, and United States Experiences Compared // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2009. No. 9. P. 145–168.
6. Модестов С. А. Политико-правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2022. № 2. С. 52–59.
7. Ильин В. А., Морев М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 5. С. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1.
8. Толстоколов А. В., Гикис С. Н. Особенности военной журналистики (на примере вооруженных конфликтов XXI века) // *Экономика и социум*. 2014. № 3. С. 117–121.
9. Волковский Н. Л. Журналист в экстремальной ситуации // Гришанина А.Н., Волковский Н. Л. Психология журналистики. СПб.: Роза мира, 2011. 190 с.
10. Семилет Т. А., Фотиева И. В., Витвинчук В. В., Лукашевич Е. В., Кирилин К. А. Искажение реальности в новостной журналистике: детерминирующие факторы и социокультурные следствия // *Вестник Костромского госуниверситета*. 2022. Т. 28, № 1. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-7-14>.
11. Howitt D. *The mass media and social problems*. Oxford; New York: Pergamon Press, 1982. 204 p.
12. Чередниченко В. И. Принцип объективности в журналистике как научный миф // *Вестник КСЭИ*. 2018. № 3. С. 67–69.
13. Чельшева И. В. Анализ персонажей аудиовизуальных медиатекстов на занятиях в студенческой аудитории (на примере фильма Н. С. Михалкова «12») // *Медиаобразование*. 2009. № 3. С. 42–47.
14. Бахтин М. М. Проблема текста: собр. соч.: в 7 томах. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 731 с.

15. Гришанина А. Н. Человек в медийном пространстве: исторические контексты и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 251–257.
16. Чернышова Т. В. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. 19, № 1. С. 61–67.
17. Вертешин А. И. Деструктивность медиаагрессии в журналистском творчестве: к проблеме развития экологии зрительского восприятия // Экология человека. 2006. № 5. С. 48–51.
18. Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник Воронежского государственного университета. 2006. № 1. С. 83–86.
19. Ponton D. Movement and Meaning: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. Russian Journal of Linguistics. 2016. Vol. 20. 201 p.
20. Erofeeva I., Ushnikova O. Media text energy as collective cultural memory reflection // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. Warsaw: De Gruyter Open. 2017. Vol. 2. P. 1–46. DOI: 10.1515/lart-2017-0012.
21. Пекарская И. В., Шпомер Е. А. Речевая агрессия как нарушение лингвоэкологических норм в масс-медийном пространстве современного политического дискурса // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 120–140.
22. Атанесян А. В., Челпанова Д. Д., Аракелян Л. Т. «Журналистика мира» как подход к освещению вооруженных конфликтов в СМИ: проблемы теории и практики // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 184–197. DOI: 10.31429/26190567-20-4-184-197.
23. Оленников С. В. Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 2. С. 208–214.
24. Motivational styles in everyday life: A guide to reversal theory / ed. M. J. Apter. Washington, DC: American Psychological Association. 2001. P. 263–286.
25. Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions // American Psychologist. 2001. No. 56. P. 218–226.
26. Ракитянский Н. М. Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика. М.: Наука, 2004. 264 с.
27. Ракитянский Н. М., Колесниченко Ю. В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. 2014. № 6. С. 7–29.
28. Bock Ph. K. Continuities in Psychological Anthropology. San Francisco: W. H. Freeman, 1980. 230 p.
29. Bushman B., Huesmann L. Short-term and Long-term Effects of Violent Media on Aggression in Children and Adults // Archives of Pediatrics Adolescent Medicine Journal. 2006. No. 160. P. 348–352.
30. Дерябина А. С. Отношение к агрессии журналистов различных средств массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 3. С. 494–507. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(3).494-507.
31. Erofeeva I. V., Melnik G. S., Prostackishina N. V., Grishanina A. N. Mental space of the region in the media discourse of globalism era // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. ISCKMC 2022. Vol. 129. P. 403–410.

Информация об авторах

Гришанина Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия, 26; a.grishanina@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5782-8584>.

Щебенкова Софья Владиславовна, специалист, Управление маркетинга и медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия, 26; shchebenkovas@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-0328-2449>.

Вклад авторов в статью

Гришанина А. Н. – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

Щебенкова С. В. – является соорганизатором и исполнителем исследования, составляет программу исследования, обобщает итоги и результаты, визуально оформляет выводы.

Для цитирования

Гришанина А.Н., Щебенкова С. В. Социокультурная динамика медиапортретирования в журналистике о военных действиях // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 132–143. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-132-143.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 29.10.2023.

References

1. Ozyumenko, V. I. Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 203–220, 2017. (In Rus.)
2. Kim, M. N. Portrait sketches of statesmen: technology of creation. *Management consulting*, no. 4, pp. 025–032, 2012. (In Rus.)
3. Velikaya, N.M., Zaitseva, A. A. Representation of a special military operation in print media in the context of the consolidation of Russian society. *Caucasian Science Bridge*, no. 5, pp. 160–172, 2020. (In Rus.)
4. Amirov, V. M. Russian journalism of armed conflicts: modern practices and development trends. Dr. sci. diss. Yekaterinburg, 2021. (In Rus.)
5. Tipton, F. B. Modeling National Identities and Cultural Change: The Western European, Japanese, and United States Experiences Compared. *International Journal of Cross-Cultural Management*, no. 9, pp. 145–168, 2009. (In Engl.)
6. Modestov, S. A. Political and legal aspects of the fight against terrorism within the framework of a special military operation. *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law*, no. 2, pp. 52–59, 2022. (In Rus.)
7. Il'yin, V.A., Morev, M. V. A special military operation reveals new features of civil society. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 5, pp. 9–32, 2022. (In Rus.)
8. Tolstokorov, A.V., Gikis, S. N. Features of military journalism (on the example of armed conflicts of the 21st century). *Economy and Society*, no. 3, pp. 117–121, 2014. (In Rus.)
9. Volkovsky, N. L. Journalist in an extreme situation. Grishanina, A.N., Volkovsky, N. L. *Psychology of journalism*. St. Petersburg: Rosa mira, 2011. (In Rus.)
10. Semilet, T.A., Fotieva, I.V., Vitvinchuk, V.V., Lukashovich, E.V., Kirilin, K. A. Distortion of reality in news journalism: determining factors and sociocultural consequences. *Bulletin of Kostroma State University*, no. 1, pp. 7–14, 2022. (In Rus.)
11. Howitt, D. *The mass media and social problems*. Oxford; New York: Pergamon Press, 1982. (In Engl.)
12. Cherednichenko, V. I. The principle of objectivity in journalism as a scientific myth. *KSEI Bulletin*, no. 3, pp. 67–69, 2018. (In Rus.)
13. Chelysheva, I. V. Analysis of characters in audiovisual media texts in student classrooms (using the example of N. S. Mikhalkov's film "12"). *Media Education*, no. 3, pp. 42–47, 2009. (In Rus.)
14. Bakhtin, M. M. The problem of the text. *Collected works*. In 7 v. V. 5. M: Russian dictionaries, 1997: 230–267. (In Rus.)
15. Grishanina, A. N. Human in the media space: historical contexts and modernity. *Bulletin of St. Petersburg State University*, Ser. 9, vol. 1, pp. 251–257. 2010. (In Rus.)
16. Chernyshova, T. V. Analytical and expert activity of a philologist and the problem of choosing a method in modern linguistic expert practice. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, v. XII, part 3, pp. 61–67. 2016. (In Rus.)
17. Verteshin, A. I. Destructiveness of media aggression in journalistic creative work: problem of development of ecology of audience's perception. *Human ecology*, no. 5, pp. 48–51. 2006. (In Rus.)
18. Vorontsova, T. A. Speech aggression in the communicative-discursive paradigm. *Vestnik VSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 83–86, 2006. (In Rus.)
19. Ponton, D. Movement and Meaning: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20, pp. 180–185, 2016. (In Engl.)
20. Erofeeva, I. Media text energy as collective cultural memory reflection. Erofeeva, I., Ushnikova, O. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. Warsaw: De Gruyter Open, vol. II (2), pp. 1–46, 2017. (In Engl.)
21. Pekarskaya, I. V. Speech aggression as a violation of linguistic-ecological norms in the mass media space of modern political discourse. Pekarskaya, I.V., Shpomer, E. A. *Ecology of language and communicative practice*, no. 1, pp. 120–140, 2016. (In Rus.)
22. Atanesyan, A. V., Chelpanova, D. D., Arakelyan, L. T. "Peace journalism" as an approach to covering armed conflicts in the media: problems of theory and practice. *South Russian Journal of Social Sciences*, no. 4, pp. 184–197. 2019. (In Rus.)
23. Olennikov, S. V. Peacemaking potential and the language of conflict of modern journalism. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series Language and Literature*, no. 2, pp. 208–214, 2015. (In Rus.)
24. Apter, M. J. (Ed.). *Motivational styles in everyday life: A guide to reversal theory*. Washington, DC: American Psychological Association, 2001: 263–286. (In Rus.)
25. Fredrickson, B. L. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions. *American Psychologist*, no. 56, pp. 218–226, 2001. (In Engl.)
26. Rakityansky, N. M. *Portraitology of governance: Theory and methodology of psychological portraiture of a politician's personality*. M: Nauka, 2004. (In Rus.)
27. Rakityansky, N.M., Kolesnichenko, Yu. V. The potential of the Russian philosophical and psychological school and the methodology of portraiture of a politician. *Bulletin of Moscow State University. Series 12. Political sciences*, no. 6, pp. 7–29. 2014. (In Rus.)

28. Bock, Ph. K. Continuities in Psychological Anthropology. San Francisco: W. H. Free-man, 1980. (In Engl.)
29. Bushman, B. Short-term and Long-term Effects of Violent Media on Aggression in Children and Adults. B. Bushman, L. Huesmann. Archives of Pediatrics Adolescent Medicine Journal, no. 160, pp. 348–352, 2006. (In Engl.)
30. Deryabina, A. S. Attitude to aggression of journalists of various mass media. Questions of theory and practice of journalism, no. 3, pp. 494–507, 2016. (In Rus.)
31. Erofeeva, I. V., Mel'nik, G. S., Prostakishina, N. V., Grishanina, A. N. Mental space of the region in the media discourse of globalism era. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. ISCKMC. 2022. International Scientific Congress "KNOWLEDGE, MAN AND CIVILIZATION", vol. 129, pp. 403–410, 2022. (In Engl.)

Information about the authors

Grishanina Anastasia N., Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University; 26 1st. line, Saint Petersburg, 199004, Russia; a.grishanina@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5782-8584>.

Shchebenkova Sofia V., Specialist, Marketing and Media Communications Department, Saint Petersburg State University; 26 1st Line, Saint Petersburg, 199004, Russia; shchebenkovas@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-0328-2449>.

Contribution of the authors to the article

Grishanina A. N. – the main author, the organizer of the study who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Shchebenkova S. V. – co-organizer and executor of the study, draws up a research program, summarizes the results and results, and visually draws up conclusions.

For citation

Grishanina A. N., Shchebenkova S. V. Socio-Cultural Dynamics of Media Portraiture in Journalism on Military Operations // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 132–143. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-132-143.

**Received September 19, 2023; approved after reviewing October 28, 2023;
accepted for publication October 29, 2023.**

Научная статья

УДК 81'42 81'22 141.319.8 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-144-154

**Война нарративов в украинских медийных практиках
(на примере соблюдения календаря праздничных дат)**

Ольга Викторовна Дегтярева

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Россия
olgaspb2008@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3404-879X>*

Медийные практики способствовали формированию инклюзивного сообщества, которое объединяло в себе украинскую и российскую культуру, но при этом не учитывало этнические чувства и традиции. Через СМИ политические силы выступали источником формирования идеологических установок граждан и представлений о социокультурной нормальности, отличной от политики памяти СССР. Традиционным для украинских СМИ стало деление на «своих» и «чужих». В результате, сформировалось сообщество, основанное не на общем для россиян и украинцев советском прошлом, а на общем для восточных и западных украинцев настоящем. Таким образом, в украинском официальном дискурсе появился нарратив о «вмешательстве России в проблему гражданского примирения украинцев», что привело к радикальному отходу от унаследованной в советское время оценки украинской истории в свете тезиса о единстве двух народов. Как и прочие идеологические расхождения в обществе, отношение к событиям прошлого стало предметом публичного обсуждения. Так, СМИ стали для украинских граждан основным источником исторического знания, привлекли внимание ко многим темам и одновременно популяризовали определённые эпизоды и соответствующие им ценности и идентичности в ущерб другим, что и является предметом изучения данного исследования. Проведён контент-анализ ряда идеологически полярных украинских медиа (украиноцентричных «Украина молода», «Газета по-украински» и пророссийских «Сегодня», «Факты и комментарии») и выявлены медиапрактики, которые используются для медиапрезентации наиболее значимых исторических дат, событий и лиц, оказавших ключевое воздействие на формирование идентичности «своей» и «чужой» аудитории. Анализ медийной практики позволил обнаружить наличие двух основных противоречий, которые касаются, с одной стороны, светских и религиозных праздников, а с другой – советского и националистического нарративов истории. Социологический опрос, проведённый нами среди студентов, позволил продемонстрировать, какое социокультурное воздействие оказывают эти медийные дискурсы. Выяснилось, что одним из важнейших способов медийного влияния на формирование исторической памяти аудитории стало соблюдение праздничных и памятных дней, которые устанавливают иерархию важности. Это выделение является главной составляющей медийного вклада в создание календаря, который сопровождает деятельность общества как целостной системы, одновременно поддерживая законность устоявшихся таксономий.

Ключевые слова: медийный дискурс, историческая память, календарь, памятные даты, советский нарратив, Украина, медийные практики

Original article

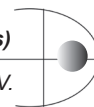
**The War of Narratives in Ukrainian Media Practices
(the Case of Observing the Calendar of Holidays)**

Olga V. Degtyareva

*North-West Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russia
olgaspb2008@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3404-879X>*

Media practices contributed to the formation of an inclusive community that brought together Ukrainian and Russian culture, but did not take into account ethnic feelings and traditions. Through the mass media, political forces were the source of the formation of ideological attitudes of citizens and ideas about socio-cultural normality, different from the policy of memory of the USSR. The traditional division of the Ukrainian media has become

© Дегтярева О. В., 2023

“own” and “alien”. As a result, a community was formed based not on a common Soviet past for Russians and Ukrainians, but on a common present for Eastern and Western Ukrainians. Thus, in the Ukrainian official discourse appeared a narrative about “Russia’s intervention in the problem of civil reconciliation of Ukrainians”, which led to a radical departure from the Soviet-inherited assessment of Ukrainian history in the light of the thesis on the unity of two peoples. Like other ideological differences in society, attitudes to past events became the subject of public debate. Thus, the mass media became the main source of historical knowledge for Ukrainian citizens, attracted attention to many topics and, at the same time, popularized certain episodes and corresponding values and identities to the detriment of others. They are the subject of this study. We managed to conduct content analysis of a number of ideologically polar Ukrainian media (Ukrainian-centric “Ukraine is young”, “Newspaper in Ukrainian” and pro-Russian “Segodnya”, “Fakny I komentarii”) and to trace what media tools were used by them for media retrieval of the most significant historical dates, events and persons who had a key impact on the formation of identity of “their” and “foreign” audience. The analysis of media practice revealed two main contradictions, on the one hand, between secular and religious holidays and, on the other hand, between Soviet and nationalist narratives of history. We conducted the sociological survey among the students of the RANEPa and Kherson State Pedagogical University which demonstrated the socio-cultural impact of these media discourses. It turned out that one of the most important ways of media influence on the formation of the historical memory of the audience was observance of holidays and commemorative days, which establish a hierarchy of importance. This allocation is the main component of the media contribution to the calendar, which accompanies the activities of society as a holistic system, while maintaining the legitimacy of established taxonomies.

Keywords: media discourse, historical memory studies, calendar, memorable dates, soviet narrative, Ukraine, media practices

Введение. Медийный дискурс в значительной степени влияет на представление людей о своей идентичности, понимание того, что означает быть носителем национальной культуры или ощущать принадлежность к определённой нации. Одним из аспектов, формирующих политику идентичности, выступает асимметрия частоты и способа репрезентации других стран/наций в материалах СМИ. Однако не меньшую роль, чем география, в формировании взглядов и представлений играет история: выделение в медийных материалах определённых периодов и значимых для национальной идентичности фигур одновременно с нивелированием или замалчиванием других. Именно этот аспект остаётся недооценённым исследователями украинских медиа. Утверждение ценности «своей» общности обычно противопоставляется «чужой», которую наполняют иным ценностным содержанием.

Среди ведущих западных исследователей встречаются расхождения. Например, исследователь Арел характеризует Украину как «нерешительное национализирующееся государство с проницаемыми языковыми границами» из-за политического контекста, который выступает ведущим фактором формирования этнических и языковых категорий [1]. Изначально, термин «национализирующееся государство» (“nationalizing state”) ввёл в научный оборот Роджерс Брубейкер [2] для обозначения стран, которые считают себя национальными, проводят политику, направленную на достижение этого поло-

жения, то есть предоставляют преференции титульной этнокультурной нации и дискриминируют и/или ассимилируют членов меньшинств. Арел же использовал этот термин в ранних работах, где определял Украину как национализирующееся государство, которое дискриминирует не этническую, а языковую группу: русскоговорящее население. Отмечая присущую украинскому официальному дискурсу неопределённость, исследователь задаётся вопросом: «Какая нация лежит в основе «нациотворческого проекта» – «культурная» или «политическая»? Арел пришёл к выводу об «отклонении в сторону культурной нации» [1, с. 217].

Такая фундаментальная двузначность или даже амбивалентность процесса создания нации особенно усилилась в Украине в последние годы. Это происходило благодаря тому, что государство (особенно при президенте Л. Кучме и В. Януковиче) проводило политику «проницаемости границ» между сферами употребления украинского и русского языков, а следовательно, нечёткости или двойственности идентификации граждан. Если попытаться оценить совокупное влияние разнонаправленных практик, используемых в этнической политике, то она также создавала инклюзивное сообщество, которое объединяло в себе украинскую и российскую культуру и не придавала большого значения этническим чувствам и традициям. Разнообразие трактовок языковых и этнических категорий и соответствующих им толкований идеологических наставлений,

которые использовались в публичных дискурсах, способствовали амбивалентному отношению украинских граждан к этнокультурным ценностям. Таким образом, даже умеренная политика Л. Кучмы и В. Януковича сочеталась с сохранением советского статус-кво, соблюдением международных требований относительно прав меньшинств и уступками в двусторонних отношениях с Россией. Такой подход способствовал сохранению представлений, которые украинское население унаследовало от советского периода развития [3; 4]

Уместно вспомнить, что именно «национальность» утвердилась в Украине как общее название классификационной категории, которая охватывала «нации» (титовые группы союзных республик) и «народности» (титовые группы автономных образований и группы, которые не имели собственных территорий). Эту категорию вносили в паспорта и личные документы и поэтому она быстро стала одной из наиболее важных идентификационных характеристик советских граждан. Официальный дискурс рассматривал эти сообщества как «социалистические» или «советские» «нации», чаще «народы», отношения между ними именовал – «дружбой народов», а всю совокупность граждан СССР – «советским народом», хотя и очерчивал её не как «нацию», а как «новое историческое сообщество людей, состоящее из разных наций и народностей» [5, с. 172–173, с. 183–189].

Часто именно предвыборные политические агитации и заявления выступали источником формирования идеологических установок граждан и их неартикулированных представлений о социокультурной нормальности отличной от советской. Всё чаще в материалах газет, например, «Україна молода», происходило деление общества на «своих» и «чужих», основанное не на общем для россиян и украинцев советском прошлом, а на общем для восточных и западных украинцев настоящем. Таким образом, в украинском официальном дискурсе появился нарратив о «вмешательстве России в проблему гражданского примирения украинцев», что привело к радикальному отходу от унаследованной в советское время оценки украинской истории в свете тезиса о единстве двух народов.

Одним из первых таких актов ревизии укорененного исторического представле-

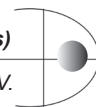
ния, которое носило пророссийскую ориентацию, была реакция СМИ на указ Л. Кучмы о праздновании юбилея Переяславского соглашения 1654 г. На первую страницу газет был вынесен анонс статьи «Переяславська зРАДА-2», который сообщал: «Згідно з указом Президента, Україна відзначатиме 350-річний ювілей своєї національної поразки»¹. Цифра «2» в заголовке дискредитировала не только само празднование, а и само давнее соглашение, которое трактовалось как первый шаг на пути полной зависимости Украины от России и считалось самой большой политической ошибкой в истории Украины. Кроме того, в материале приводился комментарий польского информагентства, согласно которому празднование приравнивалось к ментальной патологии с использованием метафоры «вхождение в рабство» («входження в невілляництво»). Размещение данного комментария польской стороны подтверждало важность партнёрских отношений Украины с «европейской семьей народов» и их противопоставление с российской. Согласно этой логике были выбраны другие памятные даты, например, юбилей Устима Кармелюка и Николая Лысенко, годовщина со дня рождения «Великого Кобзаря», годовщины Центральной Рады и провозглашения Карпатской Украины и др.²

И если героями одних украинских СМИ выступали, например, Михаил Горбачев и Валентина Терешкова³, то Т. Г. Шевченко украиноцентричный дискурс представлял не только как официальную и популярную «икону», а и как символ протеста против несправедливой власти. Об этом свидетельствует, например, использование лозунга «Не ховайте, а вставайте...», который утверждал центральное место Т. Г. Шевченко не только в культуре, а и в жизни украинского народа,

¹ Шиманський О. Переяславська зРАДА-2. – Текст: электронный // «Україна молода». – С. 2. – URL: <https://history.wikireading.ru/392829> (дата обращения: 28.11.2023).

² Галух А. Леонид Кучма присвоил Августину Волошину, президенту Карпатской Украины, звание Героя Украины (посмертно) // Факты и комментарии. – 4 марта – С. 4; Музиченко Я. Безгрішний розбійник // Україна молода. – 6 марта. – С. 11.

³ Лисниченко И. «На обеде в честь приезда Михаила Горбачева из напитков подали только сок и компот. Не было даже нашего традиционного вина «Оксамит України» // Факты и комментарии. – 2 марта. – С. 8; Лисниченко И. Только благодаря разрешению Леонида Ильича Брежнева состоялся развод Валентины Терешковой и Андрияна Николаева // Факты и комментарии. – 27 марта. – С. 7.

который выполняет его заветы. Следствием данного подхода стал проект переноса памятных дат: вместо 8 марта установили новый государственный праздник – День украинской женщины, отмечать который украинские власти предложили 25 февраля – (день рождения Леси Украинки). Выходным днём сделали 9 марта – день рождения Тараса Шевченко. Вместо празднования Дня труда, 1 мая и Дня победы 9 мая предписали отмечать только День памяти и примирения 8 мая.

Не менее важной чертой является маргинализация и навязывание чувства вины [6] той части украинского населения, которая соблюдает традиционные советские праздники, такие как День космонавтики и День Победы. Таких граждан и тех, кто, например, предпочитает использовать русский язык, украинский историк и депутат «Европейской солидарности» В. Вятрович назвал «сиротами империи»¹. Несомненно, можно согласиться с выводами отечественных исследователей о том, что публичные дебаты «не являются универсальным механизмом солидаризации – напротив, они могут приводить и к дивергенции» [7; 8]. Поэтому целью данной статьи является выявление наиболее эффективных медиапрактик, способствующих утверждению конкурирующих в обществе нарративов.

Методология и методы исследования. Как и прочие идеологические расхождения в обществе, отношения к событиям прошлого являются предметом обсуждения в определённых медийных практиках: в проблемных статьях и интервью – в газетах; документальных фильмах и ток-шоу – на телевидении; телеграмм-каналах и видеохостингах – в интернете. Они-то и стали предметом изучения данного исследования. Нам удалось провести контент-анализ ряда идеологически полярных украинских медиа (украиноцентричных «Украина молодая», «Газета по-украински» и пророссийских «Сегодня», «Факты и комментарии») и проследить какие медиапрактики использует каждое из них для медиапрезентации наиболее значимых исторических дат, событий и лиц, оказывающих ключевое воздействие на формирование идентичности своей ауди-

¹ На Украине назвали отмечающих День космонавтики сиротами империи. – URL: <https://iz.ru/1150779/2021-04-13/na-ukraine-nazvali-otmechaiushchikh-den-kosmonavтики-sirotami-imperii> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст: электронный.

тории. Так, СМИ и социальные сети стали для украинских граждан основным источником исторического знания, привлекли внимание ко многим темам и одновременно используя свойство селективного внимания аудитории, популяризовали определённые эпизоды и соответствующие им ценности и идентичности в ущерб другим. Исследователь В. А. Сидоров не случайно приходит к выводу о том, что такое положение ставит вопрос об истинности преломления того или иного исторического события в современности [9].

Хронологически с первых лет получения независимости легитимность правящих сил выстраивалась на осуждении советского режима, хотя в дискурсе постноменклатурной власти эта тенденция не была выражена так решительно. Поэтому так важно было проследить как менялся украинский медиадискурс в течение времени, особенно в период прихода к власти оппозиции.

Интересно, что даже так называемая «Оранжевая революция» 2004 г. не стала препятствием на пути распространения пророссийских представлений и идентичностей. Учитывая современную напряжённую внешнеполитическую ситуацию и полярность мнений, важно проанализировать наиболее эффективные медийные практики и спрогнозировать их возможное идеологическое влияние на молодое поколение граждан. Для этого нами был проведён социологический опрос студентов факультетов социальных наук, кафедр журналистики и медиакоммуникаций Херсонского государственного педагогического университета и СЗИУ РАНХиГС². Перечень материалов, посвящённых празднованию основных советских, современных российских и украинских, а также религиозных праздников, выступил объектом исследования студентами-участниками фокус-группы с целью выявления противоречий в трактовке истории и рассмотрения наиболее эффективных медийных практик разнонаправленных СМИ.

Результаты исследования. Одним из важнейших способов медийного влияния на историческую память аудитории выступает

² Херсонский государственный педагогический университет: [официальный сайт]. – URL: <https://hgpurf.ru> (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный; Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: <https://spb.ranepa.ru> (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный.

соблюдение праздничных и памятных дней, которые устанавливают перечень и иерархию важности таких дней, и, соответственно, идеологий, которые эти дни наглядно демонстрируют. Это выделение является главной составляющей медийного вклада в создание календаря, который сопровождает деятельность общества как целостной системы, одновременно поддерживая законность устоявшихся таксономий, которые делят его на определённые части (пол, возраст, профессия и т. п.).

Социологический опрос, проведенный среди студентов показал, что из 546 респондентов большинство составили женщины (72 %), а доля мужчин была значительно меньше (28 %). Часть студентов пришла к выводу, что данный показатель свидетельствует о том, что «женщины вовлечены в подобного рода дискуссии и размышления о проблеме истории намного больше, чем мужчины» (Алекстандра, студентка 1 курс ХГПУ). Следующей причиной, по мнению студентов, служит нестабильная политическая ситуация, в связи с которой на мужчин, как на социальную группу, производится большое давление, следствием которого является эскапизм, выражающийся в нежелании касаться военной темы во всех возможных аспектах¹. Возрастная группа с наибольшим количеством респондентов составила 18–22 года (362 чел.), за ней следуют 23–26 лет (80 чел.), 27–30 лет (60 чел.) и 31–35 лет (44 чел.). Это свидетельствует о том, что наиболее всего в данную тематику вовлечены молодые люди, в то время как с возрастом процент вовлечения снижается.

Результаты социологического опроса раскрывают феномен праздника как актуальной части социокультурной реальности. Респонденты дали ответы на вопросы «Как вы относитесь к празднованию военных дат?» и «Считаете ли вы их трагедией или праздником?».

Мнения респондентов разделились. Результаты опроса показали, что почти 50 % (203 чел.) всех опрошенных считают празднование памятных военных дат трагедией. Треть участников опроса (174 чел.) воспринимают эти дни как праздник и отдают дань уважения людям, которые сражались за Родину. Среди ответов преобладает комментарий – «это праздник со слезами на глазах».

¹ Расшифровка материалов видеозаписи по итогу проведения фокус-группы среди студентов СЗИУ РАНХиГС.

Однако были респонденты, которые выразили желание «не отмечать эти даты, как это у нас принято сейчас, так как это не помогает осознать все те потери, к которым приводит война и не является подтверждением того, что это нужно избегать и решать вопросы мирным путем» (Илья, студент СЗИУ РАНХиГС). Часть опрошенных, наоборот, высказала мнение о том, что «праздники должны быть более скромными и по-семейному тёплыми, а не формальными» (Варвара, студентка 2 курса ХГПУ).

Ответы на вопрос «Должны ли наши граждане отдавать «долг Родине?» показали следующую динамику: 50,7 % опрошенных ответили положительно («долг Родине существует, граждане должны его отдавать» (Сергей)); 49,3 % ответили отрицательно («долг Родине устаревшее понятие» (Марина)).

Один из наиболее интересных для исследования вопрос «Если Родина зовет, то нужно ли идти её защищать?» показал: 386 человек ответили положительно (70,6 %), 84 респондента – отрицательно (15,4 %); 17 полагали, что «все зависит от ситуации, масштаба и охвата»; 14 респондентов ответили, что «воевать – работа профессиональной армии» (Владимир); 7 указали, что «никто, никому, ничего не должен» (Алексей); 6 человек не знали, как ответить на данный вопрос; один человек указал, что «выбор зависит от ситуации» (Александра). Проанализировав результаты по данному вопросу, можно сделать вывод, что большинство опрошенных «согласны исполнить долг перед Родиной». Около 20–25 % считают иначе.

Примечательна тональность слова «война», которое чаще всего упоминали респонденты в своих ответах, отмечая значение таких советских праздников, как «23 февраля» и «День Победы». При опросе у большинства появились негативные эмоции. Среди 546 респондентов только 1 % ответили, что война не вызывает у них никаких чувств/эмоций. У большинства респондентов было представление о войне, которое было сформировано благодаря рассказам родственников, участвовавших в реальных боевых действиях.

Большинство опрошенных испытывало растерянность, когда речь заходила об оказании помощи близким. «Война вызывает самые негативные эмоции, это одно из самых ужасных чувств, особенно сейчас, когда

молодой человек находится в армии, а мы не знаем, куда его отправят после окончания учебки» (Анастасия, студентка СЗИУ РАНХиГС). «Ощущение что жизнь стоит на паузе на неопределённый, но большой срок. Параллельно с этим чувствуется постоянная

усталость и тревога» (Александра, студентка ХГПУ) (рис. 1). Среди чаще всего упоминаемых респондентами слов были: смерть – 271 раз, голод – 70, кровь – 63, страх – 55, беспокойство и горе – 27 раз, разрушение – 19 раз (рис. 2).

9. Как вы считаете, существует ли «долг Родине»? Должны ли наши граждане его отдавать?

546 ответов

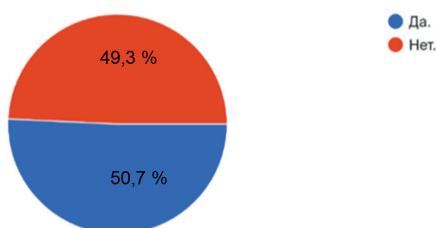

Рис. 1. Результаты социологического опроса среди студентов СЗИУ РАНХиГС и ХГПУ

Fig. 1. Results of the sociological survey among the students of RANEPА and Kherson State Pedagogical University

5. Как вы считаете, культурные, политические, религиозные разногласия всегда будут камнем преткновения между двумя народами?

546 ответов

Рис. 2. Результаты социологического опроса среди студентов СЗИУ РАНХиГС и Херсонского Государственного Педагогического Университета

Fig. 2. Results of the sociological survey among the students of RANEPА and Kherson State Pedagogical University

Обсуждение результатов исследования. Разнообразные практики медийного соблюдения праздников и дней скорби можно свести к двум категориям. Во-первых, в такие дни появляются посвящённые им специальные медийные продукты: от новостных сюжетов до художественных фильмов на телевидении; от обширных интервью, воспоминаний до упоминания в регулярных календарях и периодических изданиях. Во-вторых, в честь особо важных дат СМИ готовы изменять общую структуру своего дискурса. Например, часто над логотипами размещают дополнительные лозунги или тосты, газеты увеличивают размер выпуска, а телеканалы особым образом украшают студии или заполняют эфир необычными заставками. Кроме того, оба типа медиа могут наполнить колонки или эфир специальными продуктами, радикально изменив тем самым долю других, или вообще отказаться от некоторых из них как несоответствующих отмечаемому дню. В частности, в дни скорби СМИ иногда отказываются от развлекательных программ/текстов и т. п. Таким обра-

зом, объединение этих элементов наделяет выпуск или эфир чертами, не похожими на обычные, что способствует восприятию аудитории именно этих дней как особенных. Настолько, что особенными становятся и СМИ, особенно, если действуют сообща и единым фронтом. В таком случае их общей солидарностью поддерживается идентичность, а несогласие – маргинализируется.

Если говорить о календаре, то мы обнаружили наличие двух основных противоречий, которые касаются, с одной стороны, светских и религиозных праздников, а с другой – советского и националистического нарративов истории. В первом случае медиа стремятся объединить прежний атеистический подход с религиозным (прежде всего, православным) новым, то есть отмечать и светские, и церковные праздники. Бывает, что такое объединение выглядит непаритетным: религиозные праздники не являются для СМИ поводом требовать существенных изменений в структуре дискурса, в частности, изъятие несоответствующих элементов, обусловленных статусом этого дня в

альтернативном календаре как обычного дня или праздника. Именно поэтому журналисты стремятся свести празднование даже крупных христианских дат к публикации или показу специальных материалов, не отказываясь, при этом, от прочих, в частности, развлекательных медиапродуктов. Следуя этому принципу, практически все телеканалы вводят в новостные выпуски праздничные сюжеты или студийные тексты, некоторые демонстрируют один-два документальных или художественных фильма. Только телеканал «Первый» национальный должен был исполнять указания власти и транслировал основные православные богослужения, сокращая другие телепрограммы и выделяя эти дни как необычные.

Важные светские праздники, например, Новый год или День Победы, украинское телевидение отмечало наполнением многочисленными праздничными программами, что радикальным образом изменяло структуру вещания. Хорошим примером служит эфир первых дней января, в котором журналисты видят не рождественские праздники, а новогодние каникулы (долгие выходные дни). Это же касается календарных выходных дней, на которые часто выпадают и главные христианские праздники, не совместимые с развлекательной структурой телевизионного дискурса и требующие совсем иного поведения.

Объединяя в эфире рождественские и новогодние (или другие религиозные и светские) элементы, телевидение отражает состояние общества. Например, часть украинских исследователей придерживается формулы, согласно которой «украинец ещё не совсем родился, а советский человек – не совсем еще умер» и утверждают, что желания части аудитории, для которой 6 и 7 января – не просто выходные дни, игнорируются [10]. Таким образом, это даёт основания для формирования преимущества одной традиции перед другой, например, «советского человека» над «религиозным украинцем» (или, по крайней мере, внимательным к национальной традиции и верованиям соотечественников). Это касается телевидения газет, однако последние в меньшей степени. Это связано с отсутствием выпусков в выходные дни, традиции, унаследованной от советского периода, когда переносили праздничный газетный выпуск на предыду-

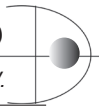
щие дни, тем самым усиливая зависимость аудитории от телевидения.

Следующей тенденцией можно считать преимущество, которое СМИ предоставляют советским праздникам в ущерб антисоветским, соответствующим националистическому нарративу украинской истории. В этом случае украинские СМИ демонстрируют иной подход относительно религиозного и светского календарей, согласно которому две исторические модели и их главные праздничные даты представляют как несовместимые. Следуя данному подходу, некоторые украинские издания, например, отмечают только одни и игнорируют или упоминают в противоположном идеологическом значении, другие. Например, 23 февраля 2008 г. «Газета по-украински» даже не упомянула о Дне защитника Отечества. Эту дату Л. Кучма учредил в конце 1990-х гг. вместо упразднённого после провозглашения независимости Дня советской армии.

Обратной позиции придерживалось издание «Сегодня», которое посвятило этому дню обширный материал на второй странице, дополнительно отметив значимость рубрикой «Новость дня» и анонсом на первой странице. Данное свидетельство является следствием не количества населения, а скорее готовности совмещать религиозные празднования со светскими/советскими. Примечательно, что это же издание игнорировало День памяти жертв Голодомора и политических репрессии¹, празднование которого приобрело политическое значение при президентстве В. Ющенко. Стремление В. Ющенко достичь решительного осуждения Голодомора как преступления советского режима, редакция «Сегодня» квалифицировала как разъединяющий шаг, «войну» против советской власти и ее украинских сторонников внутри украинского общества, что привело к дискурсивному взрыву по линии «мы-они» [11]. Помещая антисоветскую память в контекст политики, СМИ трактует её как часть истории [12; 13]. В таком случае применяют медийную практику, основой которой выступают воспоминания очевидцев, «личные истории», например, материал о главе КГБ Крючкове, который «не дал победить путчу»².

¹ Сегодня. – № 268. – 26 ноября. – URL: www.segodnya.ua (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный.

² Виктор Ющенко пошел войной на советскую власть // Сегодня. – № 268. – С. 2.

Следует отметить, что материалы, которые раскрывают не столько сами исторические события, сколько судьбы простых людей на фоне этих событий, формируют определённый образ прошлого. Именно передача рассказов как части личной или коллективной памяти, а не официального знания, можно считать критерием, согласно которому следует различать тексты «о людях» и «об истории».

Иной подход демонстрирует «Газета по-украински», которая отметила этот день сразу несколькими исторически ориентированными материалами в рубрике «История», например: «Людей не хоронили – сил не было»; «Сидит человек и ест кота. Прямо с шерстью»; «На выставке о Великом Голоде люди говорят шепотом» и пр.¹ Хотя, безоценочность «историй судеб» героев публикаций, занимающих разные позиции, способствует также нормализации, как соответствующих им идеологий и общественных практик, так и одинаково воспринятых частей истории, не требующих нормативного оценивания. Следствием этого может быть дезориентация или аномия. В отличие от материалов о событиях и деятелях давних эпох, тексты, касающиеся современных людских судеб, предстают не столько как история, сколько как память.

Заключение. Характерно, что некоторые советские по происхождению праздники, как, например, 8 марта и 9 мая, антисоветски настроенные издания не обходят своим вниманием, что свидетельствует о значении этих дат для большей части аудитории медиа. Та же «Газета по-украински» посвятила «8 марта» серию материалов, которые рассказывают об истории возникновения праздника, выборе подарков для разных групп женщин и пр.² От газеты «Сегодня» подборка материалов «Газеты по-украински» отличается только отсутствием специального поздравления от лица редакции³.

¹ Чебанюк О. Людей не ховали – сил не було // Газета по-українськи. – 24 ноября. – С. 13; Павленко Н. Сидить чоловік і їсть кота. Прямо з шерстю // Газета по-українськи. – 24 ноября. – С. 14; Перевозина О. На виставці про Великий Голод люди говорять пошепки // Газета по-українськи. – 24 ноября. – С. 3.

² Цалик С. У Російській імперії Жіночий день відзначали 23 лютого // Газета по-українськи. – 7 марта. – С. 25; Олеся Поп. Ліцеїсткам на 8 Березня дарують золото і косметику // Газета по-українськи. – 7 марта. – С. 6; О. П. Прем'єрка полетіла до Брюсселя з донькою // Газета по-українськи. – 7 марта. – С. 4.

³ Каждый день для тебя // Сегодня. – 7 марта. – С. 8.

Важным фактором создания национальной идентичности и поддержания ностальгии по советскому прошлому служит перечень факторов. Среди них существенным условием выступили идеологические приоритеты российских производителей и телеменеджеров, продукты которых украинские телеканалы активно демонстрировали. Естественно, в них отражались достижения советской эпохи, а не украиноцентричные инициативы. Эти приоритеты существенно влияли и определяли темы и подходы к медиапродуктам. На первых порах основной тенденцией развития украинских медиа была рыночная непаритетность, а именно совместимость или несовместимость медиапродуктов с доминирующим в России историческим нарративом [14] (при отсутствии государственных механизмов регулирования), что способствовало маргинализации попыток некоторых телеканалов, например «1+1», создавать привлекательные документальные фильмы на тему украинской истории отличной от советской. Именно документальные и художественные фильмы стали часто используемыми телевизионными жанрами для создания исторического сознания аудитории.

Государственные и частные телекомпании в первые годы независимости переняли советскую традицию производства документальных фильмов пропагандистско-просветительской направленности. Позже им на смену пришли более сенсационные, драматичные и зрелищные ленты производства самих украинских телеканалов или новых продакшн-компаний. Тематика и стилистика первых делала их менее интересными для массовой аудитории. Независимые телеканалы в большей степени ориентировались на прибыль в отличие от, например, финансируемого из государственного бюджета Первого Национального. Однако и они были вынуждены выполнять требования лицензии, которые предусматривали определенную долю культурологических программ, поэтому новые ленты чаще появлялись в эфире, правда, в ночное время. Фильмы же первого типа на тему советской и постсоветской эпох чаще заполняли дневной или даже праймовый эфир, особенно на СТБ и «Интер», в результате чего был сломан распространённый среди украинских журналистов стереотип о документальном кино как нерейтинговом жанре [15; 16].

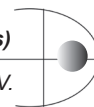
Хронологическая и психологическая близость советской эпохи делала демонстрацию более доступной и легкой для восприятия, благодаря, во-первых, доступу к участникам/свидетелям событий, документам и видеоматериалам [17], а во-вторых, привлекательным для большей части аудитории [18; 19]. Смена же стилистики сопровождалась сменой тематических приоритетов. В укор журналистам ставили отсутствие картин на тему борьбы с репрессиями в СССР, которые должны были «открывать зрителям малоизвестные периоды истории Украины, которые замалчивались и/или фальсифицировались со стороны большевистского режима» [10].

Таким образом, как переходное общество, Украина находилась в процессе переосмысления календаря праздничных дат, через который происходило утверждение националистического нарратива украин-

ской истории как главенствующего. При этом, видим, что распространение и усиление роли несоветских праздничных дат в дискурсе медиа и власти после Оранжевой революции не привело к ликвидации советских дней скорби и празднования, что, напротив, свидетельствует об идеологически нейтральном и общем для всего общества понимании истории. Легитимация советского строя через стимулирование памяти об известных деятелях часто сосуществует с критической подачей материала. Это в конечном счете служит соединению в одном СМИ и, соответственно, в подсознании аудитории, двух нарративов прошлого – советского и националистического («Зеркало недели»). Такое взаимодействие даёт надежду полагать, что поиск компромисной трактовки, на котором бы основывалась идентичность большей части общества, возможен.

Список литературы

1. Arel D. Interpreting «nationality» and «language» in the 2001 Ukrainian census // *Post-Soviet Affairs*. 2002. No. 18. P. 213–249.
2. Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an institutionalist account. *Theory and society*. 1994. No. 23. P. 47–78.
3. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.*
4. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2019. № 3. С. 87–102.
5. Nahaylo B., Swoboda V. V. *Soviet disunion: a history of the nationalities problem in the U.S.S. R.* London: Hamish Hamilton. Council on Foreign Relations. 1990. Vol. 69, no. 5. 201 p.
6. Данилова Е.А., Суляк С. Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине. *Русин*. 2021. № 65. С. 296–315.
7. Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В. Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2020. С. 40–60.*
8. Севастьянова Я.В., Ефременко Д. В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 66–86
9. Сидоров В. А. Прошлое и настоящее в медийной среде: ценностный резонанс // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 171–180.
10. Вежлівий В. Глядачі СТБ очікують розумного продукту // *Телекритика*. 20 октября.
11. Байша, О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.
12. Бойцов В. Н. Проблема сохранения исторической памяти: история и современность // *Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения*. 2021. № 4. С. 18–23.
13. Костина Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // *Ученые записки Казанского университета*. 2011. Т. 153, № 1. С. 63, 65.
14. Цветова Н. С. Медиапрезентация современной коммуникативной личности: ценностное содержание // *Медиалингвистика: материалы VI Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г. / науч. ред. Л. Р. Дускаева; отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2022. 779 с.*
15. Анкерсмит Ф. Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Европа, 2007. 436 с.
16. Кокотюха А. Анна Безлюдная: «Наш новый проект может стать рождением нового тележанра» // *Телекритика*. 4 ноября.

17. Voronovici A. Internationalist separatism and the political use of “historical statehood” in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass // Problems of PostCommunism. 2019. Vol. 65, no. 4. P. 1–15.

18. Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security // Security dialogue. 2015. Vol. 46, no. 3. P. 221–237.

19. Fedorov A. V., Chelysheva I. V., Muriukina E. V., Gorbatkova O. I., Kovaleva M. E., Knyazev A. A. Mass media education in the USSR and Russia: the mainstages. M.: Information for All, 2014. 267 p.

Информация об авторе

Десятарева Ольга Викторовна, кандидат политических наук, доцент; Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС); 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43; Херсонский государственный педагогический университет; 273003, Россия, г. Херсон, ул. Университетская, 27; olgaspb2008@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-3404-879X>.

Для цитирования

Десятарева О. С. Война нарративов в украинских медийных практиках (на примере соблюдения календаря праздничных дат) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 144–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-144-154.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 29.10.2023.

References

1. Arel, D. Interpreting “nationality” and “language” in the 2001 Ukrainian census. Post-Soviet Affairs, no. 18, pp. 213–249, 2002. (In Engl.)
2. Brubaker, R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an institutionalist account. Theory and society, no. 23, pp. 47–78, 1994. (In Engl.)
3. Malinova, O. Y. Memory Policy as a Symbolic Policy Area. Methodological Issues of Memory Policy Study. M: Nestor History, 2018. (In Rus.)
4. Miller, A. I. The increasing importance of the institutional factor in the policy of memory – causes and consequences Politics: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics), no. 3, pp. 87–102, 2019. (In Rus.)
5. Nahaylo, B. Victor Swoboda V. Soviet disunion: a history of the nationalities problem in the U.S.S. R. London: Hamish Hamilton. Council on Foreign Relations, no. 5, pp. 201, 1990. (In Engl.)
6. Danilova, E.A., Sulyak, S. G. Feast in tears: about the attitude to the Victory Day in Ukraine. Rusin, no. 65, pp. 296–315, 2021. (In Rus.)
7. Sevastyanova, Y.V., Efremenko, D. V. Past and future in the Soviet meta-narrative: the relationship of the national and supranational. Memory policy in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutes, narratives: collective monograph. Sankt-Peterburg: EUSP, 2020: 40–60. (In Rus.)
8. Sevastyanova, Y.V., Efremenko, D. V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. Political science, no. 2, pp. 66–86, 2020. (In Rus.)
9. Sidorov, B. A. Past and Present in Media Environment: Value Resonance. Humanitarian Vector, no. 2, pp. 171–180, 2022. (In Rus.)
10. Vyzhlyiviy, V. Vyachichi STB pozykuyut rose product. Telekritika. 20 Oct. 2006. (In Ukr.)
11. Baisha, O. Discursive rift of the social field: Lessons of Euromaidan. M: Izd. House of the Higher School of Economics, 2021. (In Rus.)
12. Fighters, V. N. The problem of historical memory preservation: history and modernity. Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces, no. 4, pp. 18–23, 2021. (In Rus.)
13. Kostina, E. N. Memory, oblivion, identity: dialectics of phenomena. Humanitarian Vector, no. 1, pp. 63–65, 2011. (In Rus.)
14. Tsvetova, N. S. Media presentation of the modern communicative personality: value content. Media linguistics. Proceedings of the 6 International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg: 30 June 2022: 779. (In Rus.)
15. Ankersmith, F. R. Sublime historical experience. M: Europe, 2007. (In Engl.)
16. Kokotuhukha, A. Anna Unmanned: “Our new project can become the birth of a new TV genre”. Teleritika. 04 Nov. 2006. (In Engl.)
17. Voronovici, A. Internationalist separatism and the political use of “historical statehood” in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass. Problems of Post Communism, no. 4, pp. 1–15, 2019. (In Engl.)
18. Mälksoo, M. “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security. Security dialogue, no. 3, pp. 221–237, 2015. (In Engl.)

19. Fedorov, A.V., Chelysheva, I.V., Muriukina, E.V., Gorbatkova, O.I., Kovaleva, M.E., Knyazev, A. A. Stages of media education in the USSR and Russia: the mainstages. M: Information for All, 2014. (In Rus.)

Information about the author

Degtyareva Olga V., Candidate of Political Science, Associate Professor; North-Western Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation; 57/43 Sredny prospect V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia; Kherson State Pedagogical University; 27 Universitetskaya st., Kherson, 273003, Russia; olgaspb2008@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-3404-879X>.

For citation

Degtyareva O. V. The War of Narratives in Ukrainian Media Practices (the Case of Observing the Calendar of Holidays) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 144–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-144-154.

**Received September 19, 2023; approved after reviewing October 28, 2023;
accepted for publication October 29, 2023.**

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-155-163

Визуализация «военного» контента: принцип эстетической приближительности

Сергей Николаевич Ильченко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
 tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>

В статье рассматривается практика визуального отражения в телевизионном контенте событий, которые происходят на Украине, в районе линий соприкосновения. В этом заключается новизна анализа богатого телевизионного контента, которым наполняется эфир за конкретный период времени, начиная с конца февраля 2022 г. Автор предпринимает попытку анализа и обобщения стилистики соответствующих репортажей, выходящих в эфир отечественных медиа, определяет их формат и типологию. В статье обозначается генетическая связь материалов военных корреспондентов с общими тенденциями мировой визуальной культуры в рамках функционирующей модели шоу-цивилизации. Затрагиваются вопросы адекватности презентации информационных «военных» материалов реальности противостояния отечественных вооруженных сил и ВСУ. Автор подвергает критическому анализу ряд приёмов визуализации событий с точки зрения их информационного содержания, наглядности предлагаемого отечественными средствами массовой информации визуального ряда, а также географической идентификации событий, связанных с проведением СВО на территории Украины. Анализируется общая генеральная линия российских медиа на постоянное освещение происходящего в соответствующих точках действия Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе оперативность и скорость получения новостей и фактов из районов боевых столкновений. Практика нынешних информационных действий журналистов и тех СМИ, которые транслируют их материалы, сопоставляется в статье с историческим опытом информационно-пропагандистской работы советских медиа в период Великой Отечественной войны. Автор выдвигает ряд предложений, с помощью которых возможно выстроить более чёткую систему распространения информации из зоны СВО при условии их своевременной реализации.

Ключевые слова: шоу-цивилизация, контент, репортажи, визуализация, стилистика, формат, военная журналистика

Original article

Visualization of "Military" Content: The Principle of Aesthetic Approximation

Sergey N. Ilchenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 tv_and_radio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>

The article discusses the practice of visual reflection in the television content of the events that occur in Ukraine in the area of the contact lines. This is the novelty of analyzing the rich television content that fills the air for a specific period of time, starting from the end of February 2022. The author attempts to analyze and generalize the stylistics of the relevant reports going on the air by domestic media, determines their format and typology. The article outlines the genetic relationship of war correspondents' materials with the general trends of world visual culture within the framework of the functioning model of show civilization. The issues of the adequacy of the presentation of informational "military" materials of the reality of the confrontation between the domestic armed forces and the Armed Forces of Ukraine are touched upon. The author critically analyzes a number of techniques for visualizing events from the point of view of their informational content, the visibility of the visual series offered by the domestic mass media, as well as the geographical identification of events related to the conduct of the Special Military Operation (SMO) on the territory of Ukraine. The general line of the Russian media on the constant coverage of what is happening in the relevant points of action of the Armed Forces of the Russian Federation, including the efficiency and speed of receiving news and facts from the areas of military clashes, is also analyzed. The practice of the current information actions of journalists and those media outlets that broadcast their materials is compared in the article with the historical experience of the information and propaganda work of the Soviet media during the Great Patriotic War. The author puts forward a number of proposals that could, if implemented, build a clearer system for the dissemination of information from the SMO zone.

Keywords: show civilization, content, reports, visualization, style, format, military journalism

© Ильченко С. Н., 2023

Введение. Для телевидения как одного из самых востребованных видов массовой коммуникации и средства доставки информации вопрос об адекватности отражения эмпирической реальности в современных условиях военно-политической конфронтации и осуществления парадигмы «гибридной войны» не теряет своей актуальности. Более того, по нашему мнению, он обретает всё большую остроту, ибо противоборствующие стороны цивилизационного противостояния не скрывают желания постоянно усиливать собственное воздействие друг на друга. Не менее существенной является и проблема результативности и эффективности информационной политики, которая направлена не на внешний контур противостояния, а на отечественную массовую аудиторию.

В подобном контексте важность приобретает комплекс приёмов и методов подобного влияния с учётом коммуникативных, технологических и эстетических факторов функционирования нынешних классических медиа. К ним мы относим: печатные СМИ, радио и телевидение. Каждое из них заслуживает отдельного исследования в части изменения современных условий функционирования. Однако, как нам кажется, телевидение в этой классической триаде по-прежнему занимает доминирующее место.

Этому вопросу автор этой статьи посвятил не только собственное диссертационное исследование [1], но и ряд последующих публикаций [2–6]. Теория шоу-цивилизации в них рассматривается как фундаментальное обстоятельство, структурирующее всю систему распространения и форматной организации информации в комплексной мировой медиасистеме. Автор находит теоретическое обоснование подобных взглядов в работах не только классиков теории кино [7–9], но и философов [10]. Проблематика, связанная с визуализацией информации в практике медиа, постоянно находится в поле зрения современных исследователей [11; 12]. Они продолжают традиции западной теоретической мысли, направленной на раскрытие двойственной природы современного телевидения [13; 14].

Отметим также, что в ряде зарубежных трудов и справочных изданий уже сложилась научная традиция типологизации существующего эфирного контента [15–17]. Обратим внимание и на то, что некоторые

зарубежные исследователи более чем критично оценивают существующую практику влияния СМИ на массовое сознание аудитории [18; 19].

Из трудов отечественных исследователей мы выделим фундаментальный труд Е. В. Сальниковой [20], в котором большинство существующих эстетических визуальных девиаций экранной культуры (в том числе, и ТВ) получили глубокую и взвешенную научную оценку, включая критику части форматов, жанров и приёмов, практикуемых в работе соответствующих отечественных вещателей.

В целом, мы можем признать достаточную степень разработанности и изученности интересующей нас проблематики. Однако существенная корректировка повестки дня мировых медиа за последние несколько лет требует некоторых уточнений и пояснений. Хотя бы на уровне заявки направления изучения парадокса визуальной составляющей так называемой «гибридной войны», в том числе и с точки зрения шоу-цивилизации, которую мы видим как более широкое понятие, в основе которого доминирующий характер визуального канала распространения информации по всем возможным сегментам и сферам информационной деятельности. Здесь первым пунктом в повестке дня значится телевидение и его информационный контент, напрямую коррелируемый с событиями военного характера.

Методология и методы исследования. Для нас ключевым моментом исследования проблемы визуальной идентификации современного телевизионного контента является введенное нами в докторской диссертации понятие «шоу-цивилизации». Под шоу-цивилизацией мы понимаем современную систему информационных связей в социуме, которые характеризуются противоречивыми отношениями между экранной реальностью и эмпирической действительностью вследствие того, что в электронных СМИ происходит однонаправленное формирование виртуальной реальности в масштабах общей человеческой цивилизации, независимо от географического или иного фактора [1, с. 55]. Применительно к нынешнему анализу журналистской практики по освещению военных действий данное теоретическое положение имеет непосредственное отношение именно в силу того, что для презентации информации по телевиде-

нию как раз и используются методы и приёмы, характерные для процесса визуализации эмпирической реальности.

В этом аспекте явную методическую поддержку предпринятому нами мониторингу контента и попыткам его типологизации оказывают взгляды Сьюзен Сонтаг, получившие распространение ещё в XX в. очевидно актуальные и в настоящий момент. Предметом её «теоретических штудий» являлась, прежде всего, фотография. Но отметим также и то обстоятельство, что подход исследовательницы достаточно безболезненно экстраполируется и на телевидение, прямого наследника в семье визуальных каналов фиксации и распространения информации.

В одной из своих последних работ Сьюзен Сонтаг, напрямую указывала на две идеи, объясняющие амбивалентность воздействующего влияния визуального канала распространения информации. Она имела в виду фотографию, но эти тезисы могут быть применимы и в отношении телевидения.

Исследователь рассуждает о двух идеях, касающихся воздействия фотографии: «Первая идея – что вниманием публики управляет внимание средств массовой информации, то есть, прежде всего – изображения. Когда есть фотографии, война становится “реальностью”... Вторая идея (она может показаться обратной тому, о чём сказано выше): мир перенасыщен изображениями, и те, что должны много значить, действуют все слабее – мы черствеем. В результате такие изображения делают нас менее чувствительными. Слабее бередят нашу совесть» [19, с. 78].

Вывод, который следует сделать из присутствия подобных обстоятельств в практике современных медиа, носит более чем радикальный характер: аудитория нуждается в более современных адаптированных вариантах воздействия на неё, с одной стороны. При этом невозможно не учитывать фактор подсознательного (или сознательного) ожидания появления привычных по иным сегментам мировой визуальной культуры форматам и моделям презентации экранного контента. С другой стороны, не следует строить иллюзии относительно радикализации демонстрируемых эпизодов, кадров, сцен, где визуальная доминанта «картинок» насилия и жестокости и, прежде всего, последствия их проявления, составляет генеральный тренд. О критическом восприятии подобных приёмов воздействия в той же

работе «Смотрим на чужие страдания» рассуждала уже цитировавшая нами Сьюзен Сонтаг, пытаясь объяснить: почему телеконтент с увеличением повторяемости схожих кадров, теряет собственную привлекательность: «Этот вопрос обращает нас к главному средству передачи новостей – телевидению. Изображение теряет силу из-за того, как его используют, где и как часто мы его видим. Телевизионные картинки – это, по определению, картинки, от которых рано или поздно устаёшь. То, что кажется чёрствостью, объясняется неустойчивостью внимания, которое телевизор привлекает и притупляет благодаря избытку изображений. Их избыток делает внимание поверхностным, переменчивым, более или менее безразличным к содержанию... Потребитель никнет. Его надо стимулировать снова и снова... Содержание вымывается, и это больше всего притупляет чувства» [21, с. 79]. Данный феномен уже стал предметом изучения в работах ряда исследователей [22; 23].

На наш взгляд, визуализация нынешней военно-политической ситуации и в отдельных регионах, и в мире, целом, становится очевидным процессом, суть и влияние которого достаточно точно определила Ханна Арендт. Она писала: «Поскольку люди живут мире видимостей, и в своем взаимодействии с ним зависят от того что явлено (manifestation), то на хитрости лицемерия (в отличие от прагматических уловок, которые в долгое время выходят на свет) невозможно отвечать, так называемым, рациональным поведением. На слова можно полагаться лишь тогда, когда мы уверены, что их функция – не сокрытие, а раскрытие» [24, с. 77]

Наука ещё в начале долгого пути, потому что сама реальность меняется со стремительностью, порою неподвластной возможностям сиюминутного, ситуативного анализа. Однако данное обстоятельство никоим образом не должно провоцировать отказ от исследования. Соответственно, текст данной статьи и есть ещё одна попытка понять некоторые закономерности, которые стали очевидными в изменяющемся телеконтенте. Отметим, что мы выбираем в качестве эмпирической базы те явления журналистского творчества, которые могут быть увидены в эфире отечественных федеральных телеканалов. Здесь тематическая направленность данных субъектов телевидения предопределяет контент.

Условно мы разделяем общедоступные телеканалы на два неравномерных сегмента. Первый и самый главный, куда входят те вещатели, в программной сетке которых наличествуют информационные программы, освещающие в том числе и военную проблематику, коррелированную с СВО и соответствующей событийностью (Первый канал, каналы холдинга ВГТРК, НТВ «Звезда», 78 канал и т. д.). Второй сегмент включает в себя те телеканалы, которые входят в состав соответствующих двух мультиплексов и не содержат в своей структуре информационных и новостных выпусков (СТС, ТНТ, «Ю», «Пятница», «Че»). Мы оставляем их эфирный контент за пределами нашего анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Что же касается первого сегмента, то в информационных выпусках (особенно в тех репортажах и сюжетах, где рассказывается о событиях неподалеку от линии соприкосновения), мы можем зафиксировать использование определённой визуальной эстетики, вольно или невольно вызывающей ассоциацию с миром компьютерных видеоигр. Наши оппоненты не однажды занимались подтасовкой видеоиллюстраций, используя соответствующие динамичные эпизоды из милитаризованных «стрелялок», получивших в классификации видеоигр определение «шутеры». Что ещё раз указывает на откровенно манипулятивный характер направленного на российскую сторону информационного воздействия. В данном случае для наших оппонентов важны были никак не точность и адекватность в используемых иллюстрациях, а нарочитая приблизительность, воздействующая на подсознательном уровне. То есть, на повестке дня мы имеем вопрос о приёмах «постправды» и фейковизации медийного контента. О чём уже составляются научные сборники [25].

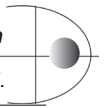
Исследователям ещё предстоит систематизировать и анализировать всю «гигантскую машину» изготовления фейков. Некоторые попытки активно предпринимаются в практике ряда федеральных телевещателей (Первый канал, НТВ, «Звезда»), но сложность адекватной и убедительной реакции на ложь и неправду заключается в том, что в условиях СВО понятие секретности и военной тайны частично ограничивает возможности визуальной иллюстрации происходя-

щего на поле боя. Отметим, например, не до конца очевидный принцип сокрытия (или несокрытия) лиц участников СВО, которые попадают в кадр, или которые комментируют определённые боевые действия. При этом в информационных выпусках в ходе кратких презентаций героических поступков наших солдат и офицеров в эфире воспроизводятся их фотографии с указанием воинского звания, фамилии и имени.

Очевидным становится обстоятельство, что видеоизображения, получаемые для журналистов с помощью БПЛА, не всегда обладают (что понятно с точки зрения техники и технологии) чётким изображением того, что «видят» их камеры. Между тем стремительное освоение подобной аппаратуры, без которой невозможны успешные боевые действия, важно и для доставки адекватной и ясной видеoinформации о происходящем в зоне соприкосновения. В зарубежной медиологии уже предприняты попытки систематизации дронов [26]. Но они связаны с тактико-техническими характеристиками. Тогда ясно, что для отечественных военных журналистов важны их коммуникационные способности и возможности. Иначе мы не сможем получить чёткой картины происходящего. На помощь в подобных ситуациях приходит закадровое озвучивание, которое, как правило, есть воспроизведение аудиозаписи переговоров военных, участников происходящих в кадре событий. Либо закадровый комментарий озвучивает сам журналист или диктор.

При подобном аудиовизуальном воздействии экспрессия журналистского рассказа усиливается, так как телезрители могут наблюдать не только характерную смазанную наглядную «картинку», но и подвергаются дополнительному лингвистическому воздействию. Один из самых ярких примеров из практики отечественных аудиовизуальных СМИ последнего времени – новелла о подвиге членов экипажа танка «Алеша», который были удостоены высших боевых наград.

Принцип персонификации конкретного подвига определённого гражданина нашего Отечества есть один из важнейших принципов работы военных журналистов. Хорошо известный тезис о том, что «страна должна знать своих героев», в нынешних условиях как никогда актуален. Он блестяще оправдал себя во время Великой Отечественной

войны, но, к сожалению, по ряду политических, идеологических и цензурных причин мало востребован в период локальных конфликтов периода позднего Советского Союза, а также во время военного противостояния в Чечне на рубеже прошлого и нынешнего столетий, и в период локализации боевых столкновений по периметру границ Российской Федерации в первой четверти XXI в.

Необходима смена парадигмы привычного информационного освещения таких ситуаций в период стремления со стороны наших противников к их развертыванию в более масштабное противостояние (что и происходит отчасти в сфере идеологии и информации). Что и продуцирует в работе российских СМИ желание руководителей и журналистов если не мгновенную, то скорую реакцию на любые проявления информационного давления и откровенных провокаций. Достаточно вспомнить уже ставшую фейковой классикой информационную новеллу по обвинению России и её руководства рядом западных медиа в организации диверсии на трубопроводах «Северного потока» в Балтийском море осенью 2022 г.

Из данного обстоятельства проистекает ещё одна тематическая особенность военного телеконтента в практике отечественных вещателей. Здесь мы констатируем очевидную и вполне понятную причину к оперативному отражению в информационной повестке дня российских медиа фактов побед, одержанных российскими военными на поле боя. Однако уже отмеченные нами в некотором смысле ограниченные визуальные возможности формирования видеоконтента, относящегося непосредственно к категории репортажей из зоны боевых действий, находятся, на наш взгляд, в некоторой зоне риска, когда оперативность рассказа становится доминирующей характеристикой подобных журналистских материалов, оставляя на втором плане вопрос об визуальной адекватности раскрываемого в телеэфире событийного нарратива.

В этом аспекте мог бы пригодиться и опыт Великой Отечественной войны, когда визуальная составляющая информации о ходе военных действий, включая подробности, отстояла от момента совершения события на некотором временном расстоянии, что позволяло тщательно выстраивать линию визуального рассказа о происходящем.

Первенство в тот период было за радио и печатными СМИ. Сегодня ситуация прямо противоположная. Желание актуализировать информационную повестку дня свежими новостями, включая подробности, приводит к использованию оперативных кадров видеосъёмки теми же дронами. А она в свою очередь не выглядит наглядной иллюстрацией к тому, о чём, как правило, рассказывает журналист за кадром. В перспективе ясно, что трансляция дронами «картинки» в целях информирования соответствующих структур, а далее – и аудитории, становится (если уже не стала) одним из основных направлений деятельности СМИ всех видов и типов в медийном пространстве. И повлечёт за собой дальнейшую трансформацию журналистских жанров и форматов, которые мы сегодня наблюдаем на телевизионном экране.

И в то же время мы можем зафиксировать складывающийся канон формата репортажа «с линии фронта». Схема выглядит следующим образом: стенд-ап корреспондента, кадры работы наших военных. Далее – комментарий кого-либо из участников и завершающий спич о смысле увиденного. Как вариант включения журналиста в происходящее используется съёмка либо рядом с местом работы определённой военной техники (как правило, артиллерии или наводчиков БПЛА), либо приём тревелинга: журналист перемещается вместе с оператором в кадре в составе группы военных. Изредка используется съёмка в движении: камера фиксирует корреспондента находящегося (используем здесь принятый термин представителей сухопутных войск) на броне какого-либо военного транспортного или боевого средства (чаще всего, БМП).

Некоторую абстрактность подобного рода репортажам придают и упоминаемые географические объекты и топонимы. Названия звучат в эфире, но не иллюстрируются на карте в кадре. Наглядность происходящего могла бы быть усилена за счёт показа реальной карты с изображением линии соприкосновения, чтобы зрители более чётко понимали, где, например, находится краснолиманское направление. В этом аспекте традиционной стала рубрика, которую можно условно именовать «по официальному сообщению Министерства обороны Российской Федерации». Спикер данной и главной военной структуры генерал-лейтенант Игорь Конашенков постоянно появляется в

телеэфире с конкретными данными о потерях противника в живой силе и технике.

Стоит также отметить, что аудиальное воспроизведение этой статистики сопровождается, во-первых, соответствующей инфографикой. Во-вторых, спикер МО РФ указывает определённые географические участки на территории либо самой Украины, либо районы на линии соприкосновения наших войск с ВСУ.

Если же сравнивать то, каким образом официальные сведения распространяются далее по соответствующим СМИ, то можно зафиксировать тенденцию к их идентичной интерпретации и подаче. Однако мы можем наблюдать и определённые нюансы по хронологии выдачи в эфир, а также выборочность в том, как интерпретируются официальные данные (если они комментируются) приглашёнными экспертами и участниками различных политических ток-шоу.

Обсуждение результатов исследования. Если снова обращаться к опыту информационной политики нашего государства в период Великой Отечественной войны, то неоднократно в публичном дискурсе возникала и обсуждалась идея организации некой единой, уполномоченной властями медийной структуры, главной обязанностью которой стал бы отбор и распространение информации о ходе СВО со всеми вытекающими от этого последствиями. Иначе говоря, реинкарнации Совинформбюро, доказавшего эффективность и результативность принципов своей работы в ходе войны в 1941–1945 гг.

Если же учесть, что в течение полутора лет телеконтент отечественных эфирных каналов демонстрирует уже выработанную и продуманную систему информирования аудитории о происходящем, то важно быть уверенным в адекватности реакции этой аудитории на увиденное. Здесь не может быть место приблизительности и шаблонам, потому что журналистика есть информационная деятельность, тесно связанная с конкретикой событий и судьбами их участников.

Мы можем констатировать: отечественная военная журналистика находится нынче на новом, совершенно непохожем на прежние периоды, этапе своего развития. Сегодня визуализация всего спектра происходящего в военно-политической сфере – основное направление деятельности медиа всех видов и типов, не говоря уже об

их национальной и государственной принадлежности. И в подобных условиях обострившегося медийного противостояния, за которым стоит политический и идеологический конфликт, адекватность «картинки» военной жизни наших соотечественников едва ли не главная задача действий СМИ на практике. А в теории это связано с осмыслением рисков приблизительности и неточности информационного поведения журналистов и медиа.

Заключение. Как мы стремились продемонстрировать в данном исследовании, предпосылки для решения обозначенных нами проблемных позиций, существуют. И они связаны не только с необходимым прогрессом в совершенствовании всей системы производства беспилотных летательных аппаратов, увеличению разнообразия их возможностей и функций. Здесь важна трансформация уже освоенных рубежей в развитии российской военной журналистики с точки зрения креативных возможностей, предопределяемых техникой и технологией.

Весь исторический опыт развития СМИ, включая саму журналистику, доказывает очевидное: новшества рано или поздно становятся привычными инструментами, которые журналисты используют в работе. И все эти материально-технические выгоды приобретения служат расширению коммуникационных возможностей информирования аудитории. В этом нам видится залог продуктивной деятельности всех медиа по визуализации «военного» контента. Здесь на помощь должна прийти та самая «шоу-цивилизация», которая до недавнего исторического момента чаще всего возникала в теоретической полемике в критической коннотации по отношению к работе СМИ.

Пока же на настоящем этапе очевидно происходит осмысление как возможностей деятельности медиа и журналистов на «направлении главного информационного удара», так и выявление конкретных запросов их потенциальной аудитории. Роль адекватного информирования и создание в массовом сознании идеологически корректной картины мира и основных содержательных моментов повестки дня в нынешней усложненной военно-политической ситуации возрастает кратно. Это очевидно, как по сравнению с предыдущим историческим опытом, имея ввиду советский и постсоветский периоды развития отечественной медиасистемы,

так и в связи с недавним (начиная с 2014 по февраль 2022 г.) периодом. Намечающиеся контуры и направления трансформации российского медиапространства становят-

ся, по нашему мнению, всё более зримыми, приобретают смысловую и креативную чёткость, которая есть онтологическое свойство любой военной информации.

Список литературы

1. Ильченко С. Н. Трансформация жанровой структуры отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М.: Академия медиаиндустрии, 2012. 591 с.
2. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 3. С. 14–18.
3. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: политизация российского телеэфира в 2014–2015 гг. // Социальные аспекты современного вещания в России / сост. О. В. Тихонова; под ред. Л. Ю. Мальковой, О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 11–16.
4. Ильченко С. Н. Эстетика обмана в медийном масскульте // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 57 Междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.): в 2 т. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2018. Т. 2. С. 81–83.
5. Ильченко С. Н. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб.: Питер, 2019. 320 с.
6. Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. Ростов н/Д.: Феникс, 2021. 188 с.
7. Искусство и визуальное восприятие / пер. с англ. Р. Арнхейм. М.: Архитектура-С, 2012. 392 с.
8. Вулф Вирджиния. Кинематограф. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 80 с.
9. Леклезю Ж.М. Г. Смотреть кино / предисл. Ж. Жакоба; пер. с фр. И послесл. Д. Савосина. М.: Текст, 2012. 173 с.
10. Барт Ролан. Третий смысл. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 104 с.
11. Грей Гордон. Кино: Визуальная антропология / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 208 с.
12. Трэски Андреас. Теория видео. Онлайн-видео: эстетика или деградация видео / пер. с англ. Е. А. Кривошея, О. В. Гритчина М.: Гуманитарный центр, 2017. 252 с.
13. Hausman Carl. Lies We Live By. Defeating Double-Talk and Deception in Advertising, Politics, and the Media. New York: Routledge, 2000. 229 p.
14. Reality TV. Remaking Television Culture. Edited by Susan Murray and Laurie Oullette. New York: New York University, 2004. 358 p.
15. Todd G. Watching TV. A Panteon Guide to Popular Culture. New York: Panteon Books, 1987. 248 p.
16. Ron Lackmann, The Encyclopedia of 20th-century American Television. New York: Checkmark Books, 2003. 528 p.
17. Joe G. We Interrupt This Broadcast. New York: Sourcebooks, 1998. 154 p.
18. Джиа Толентино. Кривое зеркало. Как на нас влияет интернет реалити-шоу и феминизм. М.: Эксмо, 2020. 352 с.
19. Оливер Бойд-Барретт. Медиаимпериализм. М.: Гуманитарный Центр: Е. Н. Кочергина, 2018. 292 с.
20. Сальникова Е. В. Визуальная культура в медиасреде. Современные тенденции и исторические экскурсы. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 552 с.
21. Сонтаг Сьюзен. Смотрим на чужие страдания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 96 с.
22. Харрис С. Приглашение в социологию эмоций. Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 224 с.
23. Хэднеги К. Искусство обмана: Социальная инженерия в мошеннических схемах. М.: Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
24. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
25. Золян С. Т., Пробст Н. А., Сладкевич Ж. Р., Тульчинский Г. Л. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность; под ред. Г. Л. Тульчинского: монография. СПб.: Алетейя, 2021. 288 с.
26. Догерти М. Дроны: первый иллюстрированный путеводитель по БПЛА / пер. с англ. В. Бычковой, Д. Евтушенко. М.: Эксмо, 2018. 224 с.

Информация об авторе

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук; Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26; tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

Для цитирования

Ильченко С. Н. Визуализация «военного» контента: принцип эстетической приближительности // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 155–163. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-155-163.

Статья поступила в редакцию 03.09.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 18.10.2023.

References

1. Ilchenko, S. N. Transformation of the genre structure of domestic TV content: actualization of the game nature of television. Dr. sci. diss. Moscow: Academy of Media Industry, 2012. (In Rus.)
2. Ilchenko, S. N. Fake journalism as an element of modern show civilization. Izvestiya Ural Federal University, no. 3, pp. 14–18, 2016. (In Rus.)
3. Ilchenko, S. N. Show-civilization: politicization of Russian television in 2014–2015. Social aspects of modern broadcasting in Russia. Issue II. Comp. by O. V. Tikhonova, edited by L. Yu. Malkova, O. V. Tikhonova. M: Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, 2017. (In Rus.)
4. Ilchenko, S. N. Aesthetics of deception in the media mass culture. Information Age. Media in the modern world. Petersburg readings. Materials of the 57th International Forum. April 19–20, 2018. In 2 vols. Vol. 2. Pp. 81–83. (In Rus.)
5. Ilchenko, S. N. How the media deceive us. Manipulation of information. St. Petersburg: Peter, 2019. (In Rus.)
6. Ilchenko, S. N. Fake control, or News that you don't need to believe: how the media fool us. Rostov n/A: Phoenix, 2021. (In Rus.)
7. Arnheim, R. Art and visual perception. Arnheim R. Translated from English. M: Architecture-With, 2012. (In Rus.)
8. Wolf Virginia. Cinematograph. M: Ad Marginem Press, 2014. (In Rus.)
9. Lekleziy, M. G. Watch the movie. M. G. Lekleziy; Introduction G. Jacob; transl. by D. Savosin. M: Text, 2012. (In Rus.)
10. Bart Roland. The third sense. M: Ad Marginem Press, 2015. (In Rus.)
11. Gray Gordon. Cinema: Visual Anthropology. Gordon Gray; translated from the English by M. S. Neklyudova. M: New Literary Review, 2014. (In Rus.)
12. Andreas, Cod. Video theory. Online video: Aesthetics or degradation of video. Translated from English by Krivoshey E.A., Gritchin O. V. H: Humanitarian Center, 2017. (In Rus.)
13. Hausman, Carl. Lies We Live By. Defeating Double-Talk and Deception in Advertising, Politics, and the Media. N. Y., Routledge, 2000. (In Engl.)
14. Reality, TV. Remaking Television Culture. Edited by Susan Murray and Laurie Oullette. N. Y. and London: New York University, 2004. (In Engl.)
15. Todd, Gitlin. Watching TV: a Pantheon Guide to Popular Culture. New York, Pantheon Books, 1987. (In Engl.)
16. Ron, Lackmann. The Encyclopedia of 20th-century American Television. New York, Checkmark Books, 2003. (In Engl.)
17. Joe Garner. We Interrupt This Broadcast. New York, Sourcebooks, 1998. (In Engl.)
18. Gia Tolentino. A crooked mirror. How the Internet reality shows and feminism affect us. Gia Tolentino; translated from English. M: Eksmo, 2020. (In Rus.)
19. Oliver Boyd-Barrett. Media imperialism. Translated from English: publishing house "Humanitarian Center", E. N. Kochergina, 2018. (In Rus.)
20. Sal'nikova, E. V. Visual culture in the media environment. Modern trends and historical excursions. M: Progress-Tradition, 2017. (In Rus.)
21. Susan Sontag. We look at the suffering of others. M: LLC "Ad Marginem Press", 2014. (In Rus.)
22. Harris S. Invitation to the sociology of emotions. Textbook. Translated from English by O. A. Simonova; Nat. Research. Un-t "Higher School of Economics". M: Ed. House of the Higher School of Economics, 2020. (In Rus.)
23. Hadnegi, K. The art of deception: Social engineering in fraudulent schemes. Christopher Hadnegi; translated from English. M: Alpina Publisher, 2020. (In Rus.)
24. Arendt, H. On violence. Translated from the English by G. M. Dashevsky. M: New Publishing House, 2014. (In Rus.)
25. Zolyan S. T., Probst N. A., Sladkevich J. R., Tulchinsky G. L.; edited by G. L. Tulchinsky. Fakes: communication, meanings, responsibility. Collective monograph. St. Petersburg: Aleteya, 2021. (In Rus.)
26. Dougherty Martin. Drones: the first illustrated guide to UAVs. Martin Dougherty; translated from English by V. Bychkova, D. Yevtushenko. M: Eksmo, 2018. (In Rus.)

Information about the author

Ilchenko Sergey N., Doctor of Philology; Saint Petersburg State University; 26 1st line V.O, Saint Petersburg, 199004, Russia; tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

For citation

Ilchenko S. N. Visualization of "Military" Content: The Principle of Aesthetic Approximation // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 155–163. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-155-164.

***Received September 3, 2023; approved after reviewing October 17, 2023;
accepted for publication October 18, 2023.***

Научная статья

УДК 81.42 УДК 81'22 141.319.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172

Постправа и концепт «война» в провокативном медиадискурсе

Галина Сергеевна Мельник¹, Борис Яковлевич Мисонжников²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>,

²[b.misonzhnikov@spbu.ru](mailto:misonzhnikov@spbu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

Актуальность темы объясняется возрастающей опасностью засорения глобального информационного пространства недостоверными новостями, дезориентирующими аудиторию и подрывающими её доверие, как к средствам массовой информации, так и к политическим институтам, ухудшающими деятельность оппозиционных сил, усиливающими поляризацию общества и деструктивно влияющими на духовно-нравственные ценности социума. Особенно велики риски дезинформации и распространения заведомо ложных сведений в период военных противостояний и в условиях развернутой против нашей страны широкомасштабной информационно-психологической войны. Цель исследования – всестороннее изучение репрезентации в российских и зарубежных сетевых медиа концепта «война», представляющего собой сложное ментальное образование, которое отличается национальной спецификой. Доминирующей в концепции «война» является её аксиологическая составляющая. В качестве методов исследования применялись концептуальный, контекстуальный и структурный анализ медиатекстов, а также семантический анализ, предполагающий декодировку набора маркеров (концептов), соотносящихся с эмоциональным состоянием субъекта речи. Характеристика основных понятий «война» и «дезинформация» даётся в рамках психолингвистического подхода. Концепт «война» экзистенциально значим для каждого человека, поскольку наполнен семантикой смерти и жизни. Когнитивный подход позволил рассмотреть вербализованные ключевые концепты информационного пространства, языковые средства как инструмент политического управления аудиторией. Сформулированные результаты исследования опираются на анализ практики современных социальных медиа. Основным вывод – в условиях информационно-психологического противостояния Запада и России большинство новостей в медиaprостранстве не отвечает критерию достоверности, хотя они вызывают общественный резонанс. Фактчекинг-ресурсы во многом могли бы упростить работу журналистов, но на сегодняшний день они недостаточны. Анализ сетевых материалов свидетельствует о необходимости более тщательной проверки работы журналистов над фактами.

Ключевые слова: массмедиа, постправа, концепт, война, ложь, дезинформация, провокативный дискурс

Original article

Post-truth and the Concept of “War” in Provocative Media Discourse

Galina S. Melnik¹, Boris Ya. Misonzhnikov²

^{1, 2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>

²[b.misonzhnikov@spbu.ru](mailto:misonzhnikov@spbu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

The relevance of the topic is explained by the increasing danger of clogging the global information space with unreliable news, disorienting the audience and undermining its trust in both the media and political institutions, worsening the activities of opposition forces, increasing the polarization of society and destructively influencing the spiritual and moral values of society. The risks of disinformation and the dissemination of deliberately false information are especially high during military confrontations and in the context of a large-scale information and psychological war launched against our country. The purpose of the study is a comprehensive study of the representation in Russian and foreign network media of the concept of “war”, which is a complex mental formation that is characterized by national specifics. The dominant concept in the concept of “war” is its axiological component. The research methods used were: conceptual, contextual and structural analysis of media texts, also semantic analysis, involving the decoding of a set of markers (concepts) related to the emotional state of the subject of speech. Characteristics of the basic concepts of “war” and “disinformation” are given within the frame-

© Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я., 2023

work of the psycholinguistic approach. The concept of “war” is existentially significant for every person, since it is filled with the semantics of death and life. The cognitive approach made it possible to consider verbalized key concepts of the information space, linguistic means as a tool for political management of the audience. The conclusions are based on an analysis of the practice of modern social media. The main conclusion: in the conditions of informational and psychological confrontation between the West and Russia, most news in the media space does not fulfil the criterion of reliability, although the publications cause public resonance. Fact-checking resources could greatly simplify the work of journalists, but today they are insufficient. Analysis of online materials indicates the need for more careful verification of journalists’ work on facts.

Keywords: mass media, post-truth, concept, war, falsehood, disinformation, provocative discourse

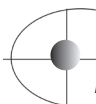
Введение. В современном мире происходят трансформации, которые не могут не вызывать тревоги и указывают на изменение сущностных архетипических и гуманитарных кодов, которые складывались в общественном ментальном континууме в течение многих столетий. Институт массмедиа, на который люди возлагали надежды – да и сейчас ещё возлагают, – явно не справляется со своей социально-политической миссией и зачастую становится средством искажения действительности, распространения недостоверной информации, действующей разрушительно на общественное сознание. Внедрение IT-систем, призванных, казалось бы, освободить человека от решения рутинных проблем, создать условия для более творческого использования им ресурсов, внесли, вне всякого сомнения, новые алгоритмы в отношения между субъектами органов государственно-политического управления и медийными комплексами. Но это отнюдь не свидетельствует об улучшении гуманитарной ситуации и оптимизации этих отношений.

Сегодня лингвокультурная парадигма постмодернистского толка, несмотря на многие позитивные максимы модерна – достаточно упомянуть значительные достижения в областях индустриализации и секуляризации, развития научного знания – всё же стала реальностью, утверждая свои ценности и приоритеты. Они во многом повлияли на медийные тренды. Как подчёркивает В. П. Черкасова, «информация подаётся в нейтральном и безразличном стиле с тем, чтобы размышления автора не возмутили слушателя... Ещё одной особенностью подачи информации в современном мире является драматизация новостей. Имеется в виду, что вся информация, которую мы получаем (политическая, историческая, экономическая или культурная) подается нам в форме своего рода происшествия...» [1, с. 116–117]. То есть, факт, семантически строгий, не подвластный воздействию той или иной исходной концептуальной схемы,

заранее подготовленной парадигмы, практически удаляется из медийной сферы.

Особое внимание О. Е. Брун обращает на то, что «возникает невиданная ранее “рефлексивная реальность”, подвижного и пластичного типа, способная к самотворению и самоорганизации. Некоторые СМИ принципиально отказались от разграничения “отечественной” и “зарубежной” аудиторий, делая ставку на глобальность теле- и радиовещания» [2], и далее автор этого высказывания обращается к концепции Э. Гидденса, который среди постмодернистских интенций особо выделил ту, которая декларирует, что «истина обретает контекстуальный характер» [Там же, с. 238]. Говоря другими словами, истина, т. е. гносеологическая категория – положение, объективно подтверждённое научной теорией и практикой, коррелирует реального предмета, зависит от контекста, общего смысла политико-социальной и культурологической ситуации. Это стало основой концептуального оформления категории «постправда».

Медийные и социальные процессы Э. Гидденс соотносит с рефлексивной практикой современного социума и приходит к важным выводам, проясняющим его констатацию в отношении контекстуального характера истины. М. Гитонга, анализируя концепции Гидденса, отмечает: он говорит о появлении «саморефлексивного человека», который «начинает осознавать, что то, что он рассматривает как своё собственное решение, может быть социальной конструкцией» [3] и «вопрос о том, насколько внешние силы формируют нас, занимает центральное место в этом взгляде на современность» [Там же]. То есть, «независимое» решение индивида оказывается лишь «социальной конструкцией», разработанной кем-то другим. Не об этом ли говорил в свое время Ж. Бодрийяр, когда отмечал «кризис функциональности» и указывал на излишнюю самонадеянность субъекта, приводящего к определенному выводу: «утверждают, что контролируют процесс посредством

овладения означаемыми ("объективная" оценка функций), но на самом деле преобладает игра означающих» [4, с. 247].

В постмодернистской социальной парадигме, в условиях рефлексивной реальности – как бы и реальности, но особо пластичной, податливой, а потому и не лишенной некоторой прагматической «изысканности», – остаётся существовать категория лжи (неправды), часто заменяемая в последнее время лексической единицей «фейк», некоторым эвфемизмом, более мягким и толерантным, но означаемым практически то же самое. Фрейд «неправда» в политико-социальном отношении всегда имел негативную коннотацию, но в условиях глобального кризиса, возникновения горячих точек с большим числом жертв, включая и мирное население, неправда становится часто инструментом преднамеренного искажения реальности, разжигает чувства ненависти, жестокости и напрямую инспирирует ведение кровопролитных боевых действий. Один из теоретиков информационной войны Либски характеризовал её основные составляющие – защиту, манипулирование, искажение (введение в заблуждение) и опровержение [5]. Категория «информационной войны» требует внимательного исследования её онтологической сути и выявления механизмов применения как составляющего элемента дискурсного оружия.

Методология и методы исследования. Использовался комплексный метод изучения семантической структуры лингвокультурного концепта «война», а также метод анализа словарных дефиниций. Применялись методы концептуального и контекстуального анализа; сравнительно-сопоставительный метод, направленный на выявление особенностей концептов, связанных с национальными, культурными и языковыми традициями.

Задействован также психолингвистический подход, предполагающий при анализе медиатекстов семантическую декодировку набора маркеров (концептов), соотносящимся с эмоциональным состоянием субъекта речи. Сравнительный анализ медиатекстов способствовал выявлению идеологически противоположных, конфликтных авторских позиций в освещении военных событий. Сравнительно-генетический метод позволил проследить связь современности с прошлой традицией.

Результаты исследования и обсуждение. Слово «война», славянское по своему

происхождению (wojъna), впервые встречается в письменных памятниках XI в. Производными от слова являются: военный, воин, воинственный, вояка, воинский, воинство¹.

Как в историческом прошлом, так и в наши дни, понятие характеризуется многозначностью. В наше время под словом «война», которое в манипулятивном плане часто коррелирует с понятием постправды, понимают вооруженную борьбу как между государствами, так и внутри государств, а также действия, направленные на уничтожение друг друга.

Концепт «война» трактуется по-разному в каждой области знания (лингвистика, история, литературоведение, филология, коммуникология). Филологами изучаются военные мемуары, фольклорные новостные, аналитические и публицистические тексты, пословицы и поговорки, в которых находит выражение специфика ассоциативно-семантического восприятия этого концепта в различных языковых национальных картинах.

Ряд научных статей посвящен изучению уникальной ситуации, сложившейся в коммуникативно-публичном пространстве в момент начала специальной военной операции (СВО). Так, в статье филолога Н. С. Цветовой делается акцент на таких характеристиках пространства, как «квази-коммуникативное взаимодействие, разрушение национальных риторических приоритетов, увлечённость коммуникативными играми» [6].

В научном дискурсе используется выражение «информационная война», под которой понимают «противоборство между двумя государствами или группами государств в информационном пространстве в целях нанесения ущерба государственным информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим объектам; подрыва политической, экономической и социальной систем; массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны»². Такая война направлена на до-

¹ Семенова А. В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/v/война> (дата обращения: 01.11.2023). – Текст: электронный.

² Мушта А. А., Баранов А. В. Информационная война. – Текст: электронный // Большая российская энциклопедия. – URL: bigenc.ru (дата обращения: 29.11.2023).

стижение превосходства в информационном противостоянии и предусматривает, на что обращает внимание *академик военных наук, эксперт Лиги военных дипломатов* А. А. Бартош, проникновение в стратегически важные информационные системы другой страны. В такой войне ставится цель «скомпрометировать конфиденциальные данные, распространить злонамеренную дезинформацию, посеять сомнения и страх среди населения» [7].

В современных научных текстах используется понятие «информационно-психологическая война», с одной стороны как «противоборство в СМИ различных политических сил для достижения различных политических целей» [Там же], а с другой – как «военное противоборство в информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя, снижения эффективности соответствующих действий противника» [Там же, с. 95].

В когнитивной лингвистике информационная война рассматривается как семантическое воздействие на ментальные структуры аудитории и имеющее целью их изменение с помощью вербализованных и невербализованных знаний [8, с. 93]. В статье В. В. Волкова анализируются, с одной стороны, ключевые семантические компоненты концепта «война», значимые для «наивного» сознания, с другой стороны, прецедентные словосочетания, бытующие в различных видах военно-политического дискурса, фиксирующие различные стороны современного геополитического противоборства. Так, объекты интерпретируются на основе ряда семантических оппозиций: «жизнь – смерть», «государство – население» [9].

Авторы отдельных исследований, посвящённых проблеме «гибридной (синоним информационной) войны», оценивая пропагандистский потенциал в ней отечественных СМИ в начальный период СВО, указывали на их неэффективность, что свидетельствовало о проигрышах информационным противникам. Последние, по свидетельству медиаэксперта С. Н. Ильченко, «в буквальном смысле “бросили в бой” заранее подготовленную и настроенную на различные слои российского общества систему манипулятивного перманентного влияния в выгодном для себя дискурсе» [10, с. 158].

Предметом научных дискуссий особенно часто становятся проблемы изучения понятий «манипуляция», «ложь», «дезинформация», «фейк» применительно к дефиниции «война» [11]. В когнитивной сфере статус общего и широко интерпретируемого фрейма приобрела категория неправды.

В провокативном дискурсе понятие неправды имеет множество семантических и оценочных оттенков: это и лукавство как почти безобидная неискренность, некая уловка, не причиняющая серьёзного вреда, это и вранье, более грубая и разговорная форма понятия, подразумевающая, однако, и детские фантазии, обман просто как шалость, за которую наказывать не будут. Это и ложь – искажение истины, по выражению А. С. Чахоян, сложное переплетение «интенциональных (преднамеренных) аспектов когнитивной и нравственной сферы личности» [12, с. 74]. Понятие лжи, хотя она и бывает «во благо», имеет отрицательную коннотацию, которая может достигать высочайшего накала в тех случаях, когда ложь инспирирует катастрофические события, приводит к неисчислимым жертвам и страданиям невинных людей. Она становится как бы самостоятельным звеном между субъектом, её продуцирующим, и самим преступным деянием. Её роль – инспирация злонамеренного события, причем в нарративной цепи инспираторами являются и субъект лжи, и она сама.

Ложь реализуется всегда как семиотический феномен, в конкретных текстах, у которых есть авторы. По совету Конрада Аденауэра, «никогда не лги, потому что ты ведь никогда не сможешь сохранить в памяти то, что сказал». Но самого канцлера уличил во лжи Манфред Петрич, политический деятель, журналист и легендарный блогер из Швейцарии, выступающий под псевдонимом Freeman-Fortsetzung. Конечно, Аденауэр, будучи канцлером ФРГ, в свое время сделал много полезного для немцев. Но он, лживо ссылаясь на «русскую угрозу», выступил за абсолютное подчинение страны американской политико-правовой и экономической доктрине, приложил много сил для становления бундесвера в системе НАТО, что обусловило существование ФРГ в крайне зависимом от США положении, её полную несамостоятельность. Это негативно сказывается в течение многих десятилетий и может иметь поистине губительные последствия в будущем. Аденауэр инспирировал

«разделение Германии и ее оккупацию (со стороны США. – Г. М., Б. М.), которая продолжается и сегодня»¹. Так политика, изначально построенная на лжи, привела правительство ФРГ к участию в военно-террористической авантюре украинского режима.

Невозможно отрицать то, что субъекты инспирации – а это часто влиятельные политические лидеры – обладают не только высоким уровнем профессионализма, но и «эффективно привлекают к себе внимание средств массовой информации и завладевают эмоциями публики... Они обладают зарядом обаяния... Лидер-инспириатор чаще всего прирожденный актер»². Но распространяемая ими ложь часто оказывается инспириатором военного терроризма. Представители западного истеблишмента лгут и позже сами же признаются в этой лжи, о чём свидетельствуют, в частности, признания Меркель и Олланда о фиктивности их обещаний выполнять Минские соглашения. Следствием стали масштабные военные действия с большими жертвами, включая мирное население.

Ложь, распространяемая через мощную медийную систему Запада, становится сильнейшим инспириатором терроризма, осуществляемого украинским режимом. Так, она буквально пронизывает современные массмедиа Германии. М. Новрот, корреспондент сетевого издания WiWo Online, которое входит в крупную медиагруппу Handelsblatt, высказался совершенно определенно: «В Германии дело дошло до того, что представители некоторых групп говорят о “лживой прессе”...»³.

Ложь, фейковые новости, включенные в государственную пропаганду западных

стран и распространяемые от создателей к потребителям через сложную экосистему веб-сайтов, ботов и социальных сетей [13], направлены на дезинформацию аудитории. Каждый пользователь, согласно эффекту «эхо-камеры», искажающей картину действительности [13, с. 248], подвергается многократному воздействию одной и той же новости о военных действиях из нескольких источников. СМИ в этой системе представляют собой не просто передаточное звено, но стимулятор действий, в том числе протестных, военных и даже террористических. Это, в частности, со всей очевидностью проявилось в случае с подрывом газопроводов «Северный поток».

Ложь используется для борьбы с чуждой идеологией и в дискредитации персон, компаний, стран и при этом идеологические заказы нередко оказываются хорошо оплаченными. Бесчисленное количество фейков публикуется в украинских телеграмм-каналах (*Труха.Украина, Всевидящее ОКО. Украина, Pravda Gerashchenko*), а также на новых информационных платформах, например, FREEDOM: DOC. Распространяются ложные сведения о массовых изнасилованиях женщин, детей и стариков; пытках и убийствах мирных жителей; насилии над животными; использовании крематориев и фильтрационных лагерей; постановочных сюжетах и об обстрелах Донбасса. Масштаб охвата аудитории впечатляет. Так, абсурдную видеoinформацию, сгенерированную большим воображением украинских пропагандистов, о том, что российским солдатам раздают виагру для того, чтобы они насиловали украинцев, увидели 22 миллиона человек. Цель – дискредитация российских Вооруженных сил, расчеловечивание и деморализация российского общества, деморализация России и ее действующего президента, стимуляция русофобских настроений и продолжения военных действий.

Всё это создаёт мощное пространство провокативного дискурса, но простые и прямолинейные категории не очень хорошо укладываются в прокрустово ложе постмодернистской идеологии, они создают дискомфорт и могут быть отторгнуты. В условиях рефлексивной реальности апробируются технологии более тонкого когнитивного воздействия на субъекта, манипулирования им без прямого информационно-психологического насилия и шантажа. По мнению В. П. Черкасовой, «постмодернисты отме-

¹ Касамара В. А., Урнов М. Ю., Шаблинский И. Г. Инспириаторы, технологи, объединители: учеб.-метод. комплекс по дисциплине «Введение в политологию». М.: Высшая школа экономики, 2008. – 33 с. – URL: <https://psihdocs.ru/uchebno-metodicheskij-kompleks-po-discipline-vvedenie-v-polito.html?page=32> (дата обращения: 26.10.2023). – Текст: электронный.

² Касамара В. А., Урнов М. Ю., Шаблинский И. Г. Инспириаторы, технологи, объединители: учеб.-метод. комплекс по дисциплине «Введение в политологию». М.: Высшая школа экономики, 2008. – 33 с. – URL: <https://psihdocs.ru/uchebno-metodicheskij-kompleks-po-discipline-vvedenie-v-polito.html?page=32> (дата обращения: 26.10.2023). – Текст: электронный.

³ Nowroth M. Ulrich Wickert: Medien haben ein falsches Verständnis von Toleranz. Die russische Propaganda richtet sich gegen deutsche Medien. – Текст: электронный // WiWo Online. – URL: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/ulrich-wickert-die-russische-propaganda-richtet-sich-gegen-deutsche-medien/12890660-2.html> (дата обращения: 28.10.2023).

чали ещё одну особенность современных СМИ. Последние вместо выполнения функции посредника становятся инструментом, исключая реакцию и обратный ответ от реципиента, попросту "усыпляя" его своими "универсальными" и "катастрофическими" посланиями. Следствием чего становятся общественная индифферентность и апатия. Одновременно, по мнению теоретиков постмодернизма, именно массы требуют от СМИ все новых образов и "спектаклей" (чем объясняется высокий рейтинг развлекательных ток-шоу) [1, с. 117].

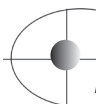
В этом есть эффект, отвлечения от реальности, усыпления. Таким усыпляющим «посланием» вполне может стать категория «брехня» (bullshit), которая рассматривается по-научному дотошно и с привлечением полного арсенала аналитической и когнитивной методологии. Г. Г. Франкфурт указывает: «Сколько бы усердия и самоотдачи брехун ни вкладывал в свою брехню, все равно он "работает нечисто", недобросовестно и хочет, чтобы в итоге это сошло ему с рук. В его деятельности, как и в работе кустаря-халтурщика, присутствует некий элемент расхлябанности, состоящий в стремлении уклониться от правил, уйти от соблюдения строгой и бескорыстной дисциплины» [14, с. 44]. Но «брехня» оказалась очень востребованной постмодернистской категорией: представленная в ней ложь как бы и не ложь, а просто элемент игры, а то, что реципиент посчитает ее правдой, – это его проблема, ведь ему никто и не обещал никакой правды. В брехне вообще не может быть никакой серьезной констатации правды. А. В. Морозов поясняет: «Итак, если позиция брехуна подразумевает безразличие к истине, а позиция лжеца – искажение или же отрицание истины, то постправда характеризуется иной установкой – отвержением не конкретной правды, а истины самой по себе в качестве критерия или стандарта оценки нас и наших суждений [15, с. 96]. При этом брехня может мимикрировать под правду, субъект её использования даже может утверждать, что ее существование, мол, несомненно, является ассерторическим фактом. И на этом основании возникнет ситуация в парадигме постправды.

Подобная ситуация возникает в области медийных практик не так редко. Впечатляющий факт – деятельность израильского шоумена, который прославился как «эксперт». Григорий Тамар распространяет информа-

цию, которая искажает действительность, содержит клевету на Россию и её Вооруженные силы и провоцирует на разжигание войны. Он наводнил Сеть своими подкастами, в которых с первых же дней проведения специальной военной операции активно комментирует события на Украине и крайне негативно высказывается о российских военнослужащих. Надо отдать ему должное: речь довольно бойкая, правильная, ведь родом Тамар из России.

Умеет, когда нужно, говорить с пафосом, а иной раз – проникновенно, доверительно, уважительно по отношению к ведущему и аудитории. Он рассуждает о проблемах тактики военных действий, на темы морали, о гуманизме. Он очень популярен как «независимый эксперт и писатель» и начинает свои выступления неизменно со слов: позвольте, мол, отрекомендоваться – «офицер армии обороны Израиля – ЦАХАЛ». Когда началась СВО, Тамар выступил с речью, содержащей оскорбления по адресу Президента Российской Федерации, который якобы во второй раз лишил его, «эксперта, писателя и офицера», Родины. Под первым разом подразумевается выезд Тамара из России, когда КГБ «вынудил» его покинуть пределы страны. Второй раз – начало СВО, что не позволяет Тамару «по моральным соображениям» признавать свою связь со страной, в которой он родился. Во время трагических событий в Израиле октября 2023 г. этого человека, который комментировал преступления террористов, представили как «офицера израильской спецслужбы», и он кивнул в знак согласия.

Поведенческий паттерн Тамара нуждается в уточнении. Он выработал определённый шаблон речевых действий, который без проникновения в их суть может приниматься за правду и рассматриваться как праведная реакция на несправедливости окружающего мира. Но это только кажется правдой, а на самом деле это случай продуманной воздействующей речи, за мнимой простотой и искренностью которой кроются изощренные риторические приемы, продуманные достаточно тонкие метафоры и методы суггестии как средства управления сознанием людей. Тамар выступает, безусловно, как активный актер формирования политического медиадискурса и решает задачи специальной пропаганды: он внедряется в процессы идеологического обеспечения ведения войны на стороне наиболее агрессивных

западных сил, расчётливо действует в направлении дискредитации противостоящих им участников боевых операций, прежде всего СВО, провоцирует появление наиболее радикальных форм противостояния Запада и России.

Речевое поведение Тамара отличается эмоциональностью, апеллированием к общеизвестным фактам, их жесткой интерпретацией, самоуверенностью и в то же время загадочной недосказанностью. В связи с этим обратим внимание на замечание Ю. В. Шатина: «Наконец, самым важным элементом нарратива постправды оказывается незавершенность финала. Весь риторический эффект данного феномена мгновенно бы испарился, если бы событие однозначно всеми было воспринято как правда или как ложь» [16, с. 254]. Впрочем, недосказанность Тамара имеет и объективные причины: он, действительно, окончив Омское медучилище, служил в израильской армии, но медиком. И не более того. То есть он не может разбираться в тактике, а тем более в стратегии, боевых действий, не может давать компетентных заключений о проведении специальных операций.

Содержание всех «экспертных» заключений Тамара – фантазии брутального шоумена, который призывает к войне, к убийству людей. Да и родины его никто не лишал: когда Тамир эмигрировал, а именно в начале 90-х гг. XX в., никакой КГБ помешать его выезду уже не мог. Его обращение «как офицера» к российским военнослужащим вызвало отклики тех, кто посмотрел подкаст, и большая часть их отрицательно оценивает позицию «эксперта». Так, Арик Кам замечает: «Григорий Тамир – человек, который живёт в параллельной реальности, созданной пропагандой западного мира о России и Путине». Людмила: «Только сейчас прочитала. Так вот, этот Григорий не представляет Израиль. Он блогер, который зарабатывает в Интернете. И вообще, он не тот, за кого себя выдает. Так что не принимайте его слова близко к сердцу»¹.

Обзор материалов информационного ресурса ИНО. СМИ показывает, что многие ведущие западные и американские медиа наполнены русофобскими статьями, дискур-

¹ Григорий Тамир: Я, офицер ЦАХАЛа, обращаюсь к офицерам российской армии. – Текст: электронный // ITON TV. – 2022. – 5 дек. – URL: <http://www.iton.tv/skazano-na-iton-tv/19174-grigori-tamar-ya-ofitser-tzahala-obrashayus-k-ofitseram-rossiiskoi-armii.htm> (дата обращения: 31.10. 2023).

сивные технологии направлены на изменение когнитивных структур аудитории, зачастую построены на дезинформации («The New York Times», «Financial Times», «The Wall Street Journal», «The Guardian», «The Times», «The Observer», «The Mirror» и др.).

Трудно не согласиться с выводом исследователей Забайкальского госуниверситета, считающих, что «отсутствие иммунитета к ложной информации, массово распространяемой в период инфовойны, представляет реальную угрозу для традиционных ценностей, являющихся базовыми и основой сохранения идентичности и государственности» [17].

Заключение. В российском научном дискурсе концепт «война» остаётся значимым элементом культуры. В большинстве источников информационная война рассматривается как вербальная или дискурсивная. Концепт связан с культурно-семантическими единицами, как «горе», «зло», «жестокость», «разрушение», «смерть», «бедствие», «слезы», «раны», «страдания», «ужас». Мониторинг сетевых медиатекстов (случайная выборка) позволил выявить определенные направления взаимосвязи концепта «война» с близкими по смыслу концептами, выделены типичные характеристики определения «война» в разных провокативных дискурсах. Семантическая структура концепта «война» имеет свои национально-специфические компоненты.

Недостоверные сведения распространяются через сложную экосистему веб-сайтов, ботов и социальных сетей. Их цель – дезинформация аудитории, борьба с чужой идеологией и дискредитация персон, компаний, целых стран.

Исследовательское внимание в последнее время к феномену «война» только растёт. Представители разных направлений гуманитарной науки предлагают свои подходы к трактовке понятия, что делает очевидным необходимость его изучения в научном сообществе в дальнейшем. Тема остается перспективной и актуальной. Перед научным сообществом стоит задача разработки единых методик проверки (фактчекинг) данных, разоблачения технологий создания и распространения фейков, фильтрации деструктивных информационных потоков, создание базы «вредоносных» информационных ресурсов и применение фактчекинга как основы медиаобразовательных проектов.

Список литературы

1. Черкасова В. П. Постмодернистская парадигма в политической теории: проблема СМИ // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 114–122.
2. Брун О. Е. Развитие теории социальной сети // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 236–241.
3. Gitonga M. Anthony Giddens-Theory of Modernity & Sociological Views. 2021. URL: <https://www.tutorspoint.com/sociology/anthony-giddens-theory-of-modernity-sociological-views> (дата обращения: 03.09.2023). Текст: электронный.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.
5. Libicki, What is Information Warfare? Washington: National defense university, 1995. P. 77–78.
6. Цветова Н. С. Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 101–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111.
7. Бартош А. А. Гибридная, скрытная, непредсказуемая – Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности (nic-pnb.ru). С. 95. URL: <https://nic-pnb.ru/informacionnoe-protivoborstvo/gibridnaya-skraytnaya-nepredskazuemaya/?ysclid=loeoq6n1ql276950081> (дата обращения: 03.09.23). Текст: электронный.
8. Коцюбинская Л. В. Понятие «Информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 93–96.
9. Волков В. В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 103–113.
10. Ильченко С. Н. Газлайтинг: трансформация манипуляции от частного к общему в практике современных медиа // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 153–163.
11. Хромов А. А., Томилов И. С. Манипулятивные технологии отечественных и зарубежных средств массовой информации в военно-политическом дискурсе. Текст: электронный // Актуальные исследования. 2023. № 39. URL: <https://apni.ru/article/7056-manipulyativnie-tekhnologii-otechestvennikh> (дата обращения: 29.11.2023).
12. Чахоян А. С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 2. С. 74–79.
13. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникативных практик // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 52. С. 245–256. DOI: 10.17223/19986645/52/15.
14. Франкфурт Г. Г. К вопросу о брехне: логико-философское исследование / пер. с англ. М. Ослона. М.: Европа, 2008. 120 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ф/frankfurt-garri-gordon/o-brehne-logiko-filosofskoe-issledovanie/2?ysclid=lohka772h> (дата обращения: 03.09.2023). Текст: электронный.
15. Морозов А. В. Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 93–105.
16. Шатин Ю. В. Постправда как риторический феномен в современном медиaprостранстве // Вестник Новосибирского государственного университета. 2020. Т. 19, № 6. С. 250–257.
17. Мясникова Ц. Ц., Сафронова О. В., Толстоулакова Ю. В. Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума // Гуманитарный вектор. 2023. № 18, № 3. С. 164–174. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174.

Информация об авторах

Мельник Галина Сергеевна, доктор политических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Вклад авторов в статью

Мельник Г. С. – систематизировала и анализировала материал исследования.
 Мисонжников Б. Я. – является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

Для цитирования

Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Постправда и концепт «война» в провокативном медиадискурсе // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 164–172. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 20.10.2023.

References

1. Cherkasova, V. P. Postmodern paradigm in political theory: the problem of the media. *World Economy and International Relations*, no. 3, p. 114–122, 2015. (In Rus.)
2. Brun, O. E. Development of the theory of social network. *Bulletin of MGIMO–University*, no. 1, pp. 236–241, 2011. (In Rus.)
3. Gitonga, M. Anthony Giddens–Theory of Modernity & Sociological Views. 2021. Web. 03.09.2023. <https://www.tutorspoint.com/sociology/anthony-giddens-theory-of-modernity-sociological-views> (In Rus.)
4. Bodriyyar, Z. H. Consumption Society. Its myths and structures. Trans. from French by E. A. Samarskaya. M: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. (In Rus.)
5. Libicki, Martin C. What is Information Warfare? Washington: National defense university, 1995. 1995: 77–78. (In Engl.)
6. Tsvetova, N. S. Wartime journalism: communicative position of the author of a media text. *Humanitarian Vector*, no. 3, pp. 101–111, 2023. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111. (In Rus.)
7. Bartosh, A. A. Hybrid, secretive, unpredictable. *Research Center for National Security Problems*. P. 95. (In Rus.)
8. Kotsyubinskaya, L. V. The concept of “Information war” in modern linguistics: new approaches. *Political linguistics*, no. 4, pp. 93–96, 2015. (In Rus.)
9. Volkov, V. V. Linguocultural concept “War”: semantic core, aspects of hermeneutic research. *Bulletin of the Tver State University. Series. Philology*, no. 1, pp. 103–113, 2017. (In Rus.)
10. Il'chenko, S. N. Gaslighting: transformation of manipulation from the particular to the general in the practice of modern media. *Humanitarian vector*, no. 3, pp. 153–163, 2023. (In Rus.)
11. Khromov, A.A., Tomilov, I. S. Manipulative technologies of domestic and foreign media in military-political discourse. *APNI. Scientific journal “Current research”*, October, no. 39 (169), 2023. (In Rus.)
12. Chakhoyan, A. S. The concept of lying: differential diagnosis. *Theoretical and experimental psychology*, no. 2, pp. 74–79, 2015. (In Rus.)
13. Ershov, Yu. M. The phenomenon of fake in the context of communicative practices. *Vestnik of Tomsk State University. Philology*, no. 52, pp. 245–256, 2018. DOI: 10.17223/19986645/52/11 (In Rus.)
14. Frankfurt, G. G. On the issue of nonsense: a logical and philosophical study / trans. from English by M. Oslen. M: Europe, 2008. M: Evropa, 2008. (In Rus.)
15. Morozov, A. V. Answer to the question: what is post-truth? Perspective of problematology. *Horizons of humanitarian knowledge*, no. 3, pp. 93–105, 2019. (In Rus.)
16. Shatin, Yu. V. Post-truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space. *Vestn. NSU. Ser. Story. Philology*, no. 6, pp. 250–257, 2020. (In Rus.)
17. Myasnikova, Ts. Ts., Safronova, O. V., Tolstokulakova, Yu. V. Fakes in social media of the Trans-Baikal Territory: war against the axiology of society. *Humanitarian vector*, no. 18, issue. 3, pp. 164–174, 2023. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174. (In Rus.)

Information about the authors

Melnik Galina S., Doctor of Political Science, Professor; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb. Saint Petersburg, 199034, Russia; g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Misonzhnikov Boris Ya., Doctor of Philology, Professor; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb. Saint Petersburg, 199034, Russia; b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Contribution of authors to the article

Melnik G. S. – systematized and analyzed the research material.

Misonzhnikov B. Ya. – the organizer of the research, who formulates conclusions and summarizes the results of is the implementation of the collective project.

For citation

Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Post-truth and the Concept of “War” in Provocative Media Discourse // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 164–172. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172.

**Received September 10, 2023; approved after reviewing October 18, 2023;
accepted for publication October 20, 2023.**

Научная статья

УДК 654.19:94(571.54)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-173-183

Радиовещание Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Баярма Батороевна Шагдарова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
bayarma70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8081-938X>

В статье рассматривается деятельность бурятского радиокomiteeта, являвшегося в годы Великой Отечественной войны центром агитационно-политической и массово-оборонной работы. Вещание в этот период не сократилось, а, наоборот, расширилось. Также серьезно укрепились связи бурятского радио со своими слушателями. Изучение этих вопросов крайне важно для разработки проблематики местного радиовещания, пережившего в военные годы серьезное становление и развитие. В преддверии грядущего 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне тема исследования особенно актуальна. Целью является изучение опыта политического радиовещания в годы войны. Автор в работе опирался на принципы научной объективности и историзма, универсальные научные методы и специальные методы исторического исследования: проблемно-хронологический метод, системный и статистический методы. Источниковую базу работы составили архивные документы партийного фонда Ф 1П (Обком партии) и фонда Р1051 Бурятской государственной телерадиокомпании (БГТРК). К ним относятся постановления пленумов и протоколы заседаний Бюро ОК ВКП(б), иные организационные и директивно-распорядительные документы, производственные планы вещания, планы по радиофикации, материалы переписки с Всесоюзным радиокomiteeтом и др. В ходе работы было выявлено, что в процессе коренной перестройки радиовещания решительно покончено с недооценённостью его роли в мобилизации сил народа на защиту отечества. Передачи местной тематики, в которых использовалась практика «живых эфиров» и выступлений у микрофона, серьезно обогатили опыт низового радиовещания. Ярким явлением республиканского радиовещания военной поры стали передачи в эпистолярном жанре «Письма на фронт» и «Письма с фронта», ставшие символом неразрывного единства фронта и тыла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Бурятия, радиокomiteeт, низовое вещание, агитация, политическое вещание

Original article

Radio Broadcasting in Buryatia During the Great Patriotic War (1941–1945)

Bayarma B. Shagdarova

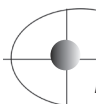
Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
bayarma70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8081-938X>

The article examines the activities of the Buryat radio committee during the Great Patriotic War. During this period, radio broadcasting in Buryatia became the center of political agitation and mass defense work, calling on everyone to defend the Soviet homeland. Radio broadcasting during the war did not decrease, on the contrary, it expanded from year to year. The connections between Buryat radio and its listeners was also seriously strengthened. The study of these issues is extremely important for developing the problems of local radio broadcasting, which experienced serious formation and development during the war years. On the eve of the upcoming 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War, the topic of research is especially relevant. The purpose of the study is to study the experience of political broadcasting during the war. The author relied on the principles of scientific objectivity and historicism, as well as universal and specifically scientific methods. This is a problem-chronological approach, systematic and statistical methods. The source base is archival documents from the two funds of the State Archive of the Republic of Buryatia. Namely: resolutions of plenums, minutes of meetings of the Regional Committee of the Party, other organizational and administrative documents. Also, clerical documentation of the fund R1051, monthly transmission plans, materials of correspondence with the All-Union Radio Committee, etc. During the radical restructuring of radio broadcasting, political broadcasting took a special place. Radio revealed its powerful social and technical potential in mobilizing the people to fight the enemy.

Keywords: Great Patriotic War, Buryatia, radio committee, rural broadcasting, agitation, political broadcasting

© Шагдарова Б. Б., 2023

Введение. Главной темой статьи является радиовещание в годы Великой Отечественной войны. В преддверии 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной она особо актуальна. Роль радио в деле оперативного информирования о событиях на фронте и в тылу, международной и внутренней политике СССР была неопределимо высока: передвижные агитпункты, кинопередвижки, книжные киоски, «Окна ТАСС», радиостанции проводного вещания проникали во многие отдаленные районы, на заводы, промышленные предприятия, животноводческие фермы и полевые станы. Местными радиоузлами проводилась серьезная агитационно-массовая работа по популяризации опыта тружеников тыла, напряженной работы колхозников в помощь фронту. В тех условиях, когда радиовещание стало основным средством информирования населения большой страны, фронтовики и труженики тыла по-новому оценили роль радио. «Оно было для людей чем-то незримо большим – великой моральной силой, счастливым вестником, надеждой и опорой в трудную минуту. Голос Москвы слышали и на фронте, и в партизанских краях, и далеко за рубежами нашей страны» [1, с. 37]. Радио первым сообщило гражданам о начале войны. С 22 июня 1941 г., с момента, когда прозвучало первое правительственное заявление о вероломном нападении на страну немецко-фашистских войск, советские люди уже не могли обходиться без радио [2, с. 178].

Общественный и технический потенциал проводного радиовещания (по цензурным соображениям эфирные радиоприемники перед войной были изъяты у населения) был наделен таким преимуществом, как независимость от наличия света и способность бесперебойно обеспечивать слушателей новостями. Радиопередачи транслировались, как в записи, так и в прямом эфире, причём качество звука в прямом эфире было лучше [5, с. 24]. Репродукторы проводного вещания устанавливались в красных уголках, общежитиях, столовых, в цехах заводов и промышленных предприятий, машинно-тракторных станциях, сельских клубах. Работе по созданию сети радиоточек коллективного слушания придавалось первостепенное значение, о чём свидетельствуют директивы партийного руководства страны и Всесоюзного радиокомитета от 13 и 25 но-

ября 1941 г., обязывающие райкомы партии и райисполкомы совместно с радиоузлами и отделениями «Союзтехрадио» Министерства связи СССР оказывать максимальное содействие этой работе на местах¹. Городские, районные и сельские радиоузлы могли открывать эфир в строго установленное время после согласования с партийными комитетами. Намеченные в начале войны производственные планы по установке радиоточек коллективного слушания перевыполнялись в разы [6, с. 55].

В ходе скорейшего перевода деятельности Всесоюзного радио, краевых, республиканских и областных радиокомитетов на рельсы военного времени оперативно решались вопросы по разворачиванию масштабной хозяйственно-политической и массово-агитационной пропаганды посредством радиоэфира [7, с. 157]. В структуре вещания военной поры ведущая роль отводилась отделу политической агитации, которое появилось в результате объединения отделов радиопропаганды и «Последних известий». В ходе укрепления политического вещания особое значение придавалось постановке информации на родном языке, правильному и оперативному переводу директив партии и правительства, сводок Совинформбюро, вопросов внутренней и внешней политики. В Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) основные задачи партийно-политической и агитационной работы в военное время были утверждены в октябре и декабре 1941 г. на пленумах Обкома ВКП(б). В соответствии с требованиями военного времени бурятское радио в ходе коренной перестройки своей деятельности становилось центром агитационно-политической и оборонно-массовой работы [8, с. 117].

Методология и методы исследования. Теоретической базой исследования стали труды М. С. Глейзера [1], П. С. Гуревича и В. Н. Ружникова [2], посвященные изучению истории отечественного радиовещания, эволюции его жанров и форм. Также наше внимание привлекли труды ряда авторов, в которых рассмотрены роли, задачи и специфика радиопропаганды в годы Второй Мировой войны [3; 4]. Серьёзным вкладом в разработку истории отечественного радиовещания является труд коллектива авторов – ученых и преподавателей факультета

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф П-1. – Оп. 1. – Д. 3863. – Л. 38.

журналистики МГУ «Радио в годы Великой Отечественной войны», приуроченный к 70-летию Великой Победы [9]. В этом сборнике впервые изучены дела творческих и технических работников Всесоюзного и местного радио, раскрыта специфика отечественной радиожурналистики и радиовещания, характер и содержание радиопередач военной поры.

В изучении истории Бурятского радиовещания в годы Великой Отечественной войны автор работы «Боевой рупор партии» Е. А. Голубев приложил серьезные усилия к изучению архивных документов и публикаций республиканских газет военной поры о радио [8]. Ещё одной работой по этой теме является научная монография Б. Б. Шагдаровой «Журналистика Бурятии в первой половине XX в.» [10], посвящённая изучению республиканской печати и радиовещания в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки данного исследования охватывают Бурят-Монгольскую АССР. Хронологические – период Великой Отечественной войны. Объектом изучения является опыт Бурят-Монгольского радиокomiteта в области агитационно-политической и массово-оборонной работы в военное время, предметом – становление политического вещания в республике. Цель исследования заключается в изучении содержания политического вещания радиокomiteта БМАССР, сельских и фабрично-заводских радиоредакций в указанный период. **Методологической базой** работы являются принципы историзма и объективности, позволяющие рассмотреть деятельность радио в конкретно-исторических условиях и выявить её специфику в контексте задач, продиктованных военной обстановкой. Проблемно-хронологический подход даёт возможность проследить становление и развитие радиовещания в процессе оперативного разворачивания агитационно-политической и массово-оборонной работы среди населения.

В качестве источниковой базы исследования использовались архивные документы партийного фонда ОК ВКП(б) БМАССР Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). В фонде Ф 1П количественный массив дел за период 1941–1945 гг. насчитывает чуть более тысячи. Из них 14 архивных дел имеют отношение к радиофикации и ра-

диовещанию (№38, 3537, 3554, 3691, 3775, 3776, 3778, 3781, 3862, 3863, 4209, 4210, 4218, 4500) [5, с.161]. В фонде Р 1051 Бурятской государственной телерадиокомпании насчитывается всего 4 446 архивных дел с 1944 по 1997 г. Из них три дела относятся в исследуемому периоду и представляют собой организационно-распорядительные документы, ежемесячные планы передач. Отсутствие текстов радиопередач по всей видимости можно объяснить практикой прямых эфиров в годы войны и мерами цензурного характера, приведшими к уничтожению микрофонных звукозаписей.

В архивных фондах советских учреждений и организаций республики хранятся отдельные крупницы сведений общей управленческой документации, в том числе о темпах радиофикации БМАССР в 1930-е гг. и в военный период. Ряд архивных дел ГАРБ по исследуемой тематике (Ф 1П. Оп. 1. Д. 4212, 4215) до сих пор не рассекречены.

Результаты исследования и их обсуждение. Каждая передача советского радио в годы войны – «своеобразная летопись беспримерного мужества, стойкости и патриотизма» [11, с. 89]. Особую страницу в этой летописи составляет многогранная деятельность творческих и технических работников радиовещания Бурятии, которые внесли серьёзный вклад в мобилизацию сил народа на защиту страны. С началом войны в восточных районах СССР, в том числе в БМАССР проводилась напряжённая работа по переводу промышленных предприятий на военный лад и налаживанию военного производства. В короткие сроки в республике было создано сорок четыре предприятия, работавших на местном сырьё. Серьёзное развитие получило сельскохозяйственное производство, расширялись площади зерновых, внедрялись новые технические культуры¹. В соответствии с требованиями военного времени перестраивалась работа школ и учреждений культуры, науки и здравоохранения, средств массовой информации, в том числе радио. С первых дней войны было усилено партийное руководство радиовещанием: в постановлениях пленумов Обкома ВКП(б) от 25 октября и 17 декабря 1941 г. подчёркивалось, что в соответствии с требованиями военного времени радиокomiteт БМАССР должен срочно перестроить

¹ Великая Отечественная война на страницах печати Бурятии. – URL : <https://old.buryatika.ru/vov/index.htm> (дата обращения: 20.10.2023). – Текст: электронный.

свою деятельность, стать центром агитационно-политической и оборонно-массовой работы [10, с. 122].

Начало политическому вещанию было положено осенью 1941 г. когда по радио с обращением к землякам выступил первый секретарь Бурбкома ВКП(б) С. Д. Игнатьев. В те ноябрьские дни он говорил, что в республике нет ни одного предприятия, рабочие которого не поднялись бы на борьбу за увеличение продукции во имя победы над врагом. В заключение он обратился к жителям с такими словами: «Каждый из нас должен проверить, всё ли он сделал для фронта. Трудящиеся Бурят-Монголии! Отдадим все наши силы, всё наше умение и возможности на усиление помощи фронту и нашей героической Красной Армии!» [Там же]. Первый секретарь также сказал о формировании фонда обороны и призвал тружеников Бурятии оказать помощь фронту.

К этому времени по направлению ЦК партии приехали в республику теоретически хорошо подготовленные пропагандисты и журналисты: «профессор Д. А. Введенский, И. А. Цидилин, А. П. Тимофеев, Б. А. Заславский и др.» [12, с. 53]. Разворачивание идеологического фронта началось с докладов и лекций перед партийным активом, по радио передавали лекции о текущем моменте, о международном положении, по проблемам Великой Отечественной войны.

Во Всесоюзном радиокомитете в 1941 г., в краевых, республиканских и областных радиокомитетах вся структура вещания была подчинена политическому радиовещанию, созданному приказом № 275 Всесоюзного радиокомитета «О реорганизации отделов радиокомитета». Этим распоряжением были объединены отделы пропаганды и общественно-политических передач в отдел политической агитации [7, с. 162].

К началу войны уровень радиофицированности республики был невысок. Всего насчитывалось 16 тыс. трансляционных точек, из них 5,5 в сельской местности. Ощущалась острая нехватка кадровых радиистов, прежние работники были призваны на фронт. Постепенно их заменили 14–15-летние подростки, окончившие кратковременные курсы обучения [13, с. 67]. Несмотря на объективные трудности в самом начале войны были приняты меры по дальнейшему развитию радиофикации и радиовещания. Специальным постановлением ОК ВКП(б)

«О состоянии радиофикации республики» (1941) определена программа неотложных мер по укреплению материально-технической, кадровой базы республиканского радиовещания, обращалось особое внимание на полное выполнение плана капитального строительства радиоузлов и радиоточек коллективного слушания.

Планом предусматривалось приобретение республикой 500 радиоприёмников и полная радиофикация клубов, изб-читален. Было признано нецелесообразным существование при наличии мощного городского радиоузла ведомственных радиоузлов (ПВРЗ, мехстеклозавода, мясокомбината, железнодорожного), которые находились в «положении беспризорного», без всякого контроля со стороны надзорных органов [14, с. 171]. В оперативном порядке было решено передать их городу, предварительно приведя в нормальное техническое состояние [8, с. 128]. Этим же постановлением айкомы и райкомы партии обязывали усилить темпы радиофикации колхозов, машинно-тракторных станций, клубов и полевых станов за счет средств местного бюджета и культфондов колхозов.

В Бурятии лишь в 1944 г. были построены силами дирекции радиостанционной сети управления Наркомата связи и отделения «Союзтехрадио» 19 новых радиоузлов и установлены 42 эфирных приемника. Соответственно с ростом радиоприемной сети возросло количество радиоточек. Если на 1 января 1944 г. в республике насчитывалось 23 114 радиоточек, то на 1 января 1945 г. их общее количество достигло 25 544. Из них 11 620 приходилось на города, 12 924 – в сельской местности [Там же].

Одновременно работало 93 радиоузла, 180 эфирных приемников. Они обеспечивали работу сети радиоточек коллективного слушания в городах, аймачных центрах, на Улан-Удэнском ПВРЗ, мясокомбинате, мехстеклозаводе, гусиноозерских шахтах, на основных железнодорожных станциях, предприятиях лесной и рыбной промышленности, в колхозах, совхозах. Нередко использовались передвижные радиостанции, которые в составе агитпунктов ОК ВКП(б) работали в самых отдаленных районах, на полевых станах и животноводческих фермах. Вся работа агитаторов и пропагандистов была подчинена требованию покончить с отрывом массово-политической работы

от сферы производства [12, с. 58]. Особую роль в агитационно-политической работе сыграли сельские радиоредакции, дополнявшие аймачные газеты, объём и тираж которых в годы войны значительно сократился. В 1943 г. ЦК партии специальным постановлением обязал трансляционные радиоузлы продолжать работу районных и многотиражных газет [8, с. 129].

Низовое вещание во время войны велось 15 радиоредакциями, которые были созданы в 1930-е г. Они находились в структуре аймачных газет, по вопросам же технического снабжения – Наркомата связи. Для их работы при аймачных радиоузлах были оборудованы студии, хотя в практике местного вещания хорошо прижились выездные трансляции [15, с. 67]. В материалах низового вещания, кроме регулярных передач сводок Совинформбюро, отражался ход хозяйственно-политических кампаний, вопросы помощи фронту, опыт работы лучших колхозов и мтс, предприятий, бригад и звеньев. Широкий размах получило патриотическое движение по сбору средств на помощь фронту. По данным Госбанка от 9 февраля 1943 г. дополнительно к ранее собранным 23 миллионам рублей поступило в госбанк денег 13 млн, 8 пудов серебра, 10 фунтов золота на строительство танковой колонны им. 25-летия Красной Армии и 23 пуда продовольствия для фронтовиков и рабочих оборонных предприятий [12, с. 64]. Перед новым 1942 г. труженики Бурятии отправили защитникам Москвы новогодние подарки, в том числе 43 т рыбы, 33 т колбасных изделий и копченостей, 9 т мяса, свыше 27 т сухарей и пряников, 5 вагонов индивидуальных подарков, теплых вещей. Об этом регулярно рассказывали своим слушателям бурятский радиокомитет, сельские и фабрично-заводские радиоредакции. К передачам политического вещания, посвященных вопросам помощи фронту активно привлекались партийные, советские и комсомольские работники, передовики производства, представители науки и культуры. Так, например, в 1944 г. в передачах местного вещания приняли участие 548 партийных, советских и комсомольских работников, 319 колхозников, 113 рабочих и служащих предприятий [8, с. 129].

В оперативные сроки сумели развернуть агитационно-политическую работу по радио редакции Бичурского, Еравнинского, Кижингинского, Северо-Байкальского, Джидинского, Заиграевского и Кабанского ай-

маков. Их передачи отличались широким охватом жизни тружеников, доходчивостью, обилием «живых» голосов у микрофона. Так, например, Еравнинская радиоредакция активно освещала работу одного из крупных предприятий рыбной промышленности – Еравнинского рыбзавода, самого отстающего в отрасли. В рыбоприёмных пунктах были созданы красные уголки и установлены радиоприёмники коллективного слушания, по местному радиоузлу регулярно передавались данные о ходе социалистического соревнования среди рыболовецких бригад. В каждую бригаду были посланы представители партийного и советского актива для оказания помощи.

Еравнинский рыбзавод к 1942 г. сумел вывести предприятие из отстающих, повысил поставки своей продукции на фронт. Успехи рыболовов Еравны были удостоены специальной премии Наркомата обороны. Серьёзная агитационно-политическая работа проводилась местными радиоредакциями среди животноводов по сохранению молодняка, воспроизводства общественного стада, преодолению отставания животноводства – важнейшей отрасли сельского хозяйства. Например, активно использовалось радио в работе с животноводами в колхозе им. Тельмана Селенгинского аймака Бурятии. Колхоз располагал оборудованным красным уголком и радиопередвижкой. На животноводческих фермах, в гуртах, чабанских бригадах регулярно проводились читки сводок Совинформбюро, радиопередвижку использовали в проведении лекций и бесед о ратных подвигах фронтовиков, о текущем моменте и международном положении. Разъяснялось, что каждый центнер зерна, мяса, молока, шерсти – это удар по фашистам, что голодная армия никогда не воевала, и отсюда снабжение фронтовиков продовольствием приобрело военно-оборонное значение.

Бичурская радиоредакция активно привлекала к передачам у микрофона широкий авторский актив, доходивший до 200 чел. В одном только 1944 г. редакцией было организовано 93 «живых» выступления у микрофона, посвящённых пропаганде агрономических знаний. Не отставала радиоредакция ПВРЗ, регулярно проводившая беседы у микрофона по самым различным вопросам. Часто приглашались для выступлений в радиостудии с последующей трансляцией

участники художественной самодеятельности Дворца культуры ПВРЗ и училищ¹.

Бурятский республиканский радиокomitee возглавил политическую работу по мобилизации сельскохозяйственных ресурсов. Радиокomitee совместно с Наркоматом земледелия БМАССР, отделом агитации и пропаганды Обкома партии утверждались месячные планы сельскохозяйственных передач². Эта работа вошла в прочную практику радиовещания с 1943 г. В приведённой ниже таблице содержится план сельскохозяйственных передач бурятского радиокomitee, посвященных подготовке и проведению весеннего сева в апреле-мае 1944 г.

В целом, передачи республиканского радиокomitee начинались и заканчивались сводками Совинформбюро. Передавались по радио и другие официальные материалы – информации ТАСС, приказы Верховного Главнокомандующего, обзоры республиканских газет, статьи из центральной прессы. Если до войны программы Всесоюзного радио занимали в республиканском эфире не менее 12 часов в сутки, передавались разнообразные общественно-политические, музыкальные, литературные передачи, то с началом войны «центральное вещание перешло от трех программ к одной, сосре-

доточившей все виды вещания, а главное – информационное и общественно-политическое... Главным направлением в работе стали оперативная информация о событиях в выпусках «Последних известий», сообщения от «Совинформбюро», выпуски «В последний час», передовая статья «Правды» [16, с. 13].

В выпусках «Последних известий» Всесоюзного радио в самые трудные дни выступали общественные деятели, ученые, писатели, было передано до семи тысяч корреспонденций из действующей армии [Там же, с. 14]. Все радиопередачи проходили тщательную предварительную цензуру. Партийные комитеты ... «главные передачи просматривали или прослушивали. Это давало возможность не только контроля, но и вполне реальной помощи [17, с. 28].

Во время войны не только не ослабли, а ещё более укрепились и обогатились связи бурятского радиокomitee и сельских радиоредакций со своими слушателями. Это ярко проявилось в передачах по радио «Писем на фронт» и «Писем с фронта». Уже в первые дни войны в адрес бурятского радиокomitee стали поступать письма от рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, обращенные к воинам, близким и знакомым,

План передач Бурят-Монгольского радиокomitee по подготовке и проведению весеннего сева в 1944 г. (апрель-май)

<i>Темы, жанры, формы передач</i>	<i>Авторы</i>	<i>Всего передач</i>
Передачи о состоянии и работе машинно-тракторных станций накануне и в ходе весеннего сева («живые» выступления у микрофона, трансляции с мест, «радиоперекличка»)	Директор Селенгинской МТС т. Найданов, начальник отдела механизации Наркомзема т. Антонов, механик Наркомзема т. Баженов и др	6
Передачи по вопросам агрономии («живые» выступления у микрофона, научно-популярная лекция, беседа, лекция по материалам статьи, трансляции с мест)	Научный сотрудник Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им Ленина т. Кралин, Нарком земледелия т. Дубровский, председатели колхозов, главные агрономы Наркомзема т. Лесик, Вахруков, зам. Наркомзема т. Белоусова, зам. заведующего сельскохозяйственным отделом ОК ВКП(б) т. Дулганов, начальник управления овощеводства Наркомзема т. Круподеров и др.	12
Агитационные радиопередачи с призывом провести весенний сев по-боевому («живые» выступления у микрофона, редакционная статья, очерковая статья, радиоперекличка)	Выступление Наркома земледелия республики т. Дубровского, секретаря ОК ВКп(б) т. Барабанова, начальника колхозного отдела Наркомзема т. Баирбиликуева, зам. заведующего отделом агитации и пропаганды ОК ВКП(б) т. Шулушкина, зам. заведующего организационно-инструкторским отделом ОК ВКП(б) т. Николаева	16
Передачи по вопросам социальной сферы («живое» выступление у микрофона)	Заместитель Наркомзема т. Белоусова	1

¹ ГАРБ. – Ф. Р1051. – Оп. 16. – Д. 1. – Л. 6.

² Там же. – Оп. 1. – Д. 1. – ЛЛ. 13, 14, 15.

находившимся на фронте. После их передачи по радио поток писем увеличился. Вскоре стали приходиться письма, адресованные не только на фронт, но и от фронтовиков к своим родным, близким, землякам. Передачи политического вещания, созданные в эпистолярном жанре, прочно связывали тыл с фронтом. В своем письме фронтовикам – выходцам из Селенгинского аймака Бурятии труженики колхоза, делясь трудовыми достижениями, призывали воинов-земляков: «Каждый раз, когда поднимается солнце над полями сражений, взгляните на солнце и вспомните свое родное Забайкалье. Вспомните его высокое и чистое небо, привольные степи, прозрачные воды Селенги. Вспомните дым своих очагов, могилы предков и поклянитесь победить, победить во что бы то ни стало! Опасность могут преодолеть только сильные. Будьте сильными, достойными сынами своих эпических предков – баторов. Бейте врага, как наш земляк, Герой Советского Союза Жамбыл Тулаев!» [8, с. 120].

В преддверии 20-летия республики была проделана большая работа местным партийным и писательским активом по подготовке «Письма бурят-монгольского народа фронтовикам бурят-монголам». В ней принимали участие руководитель отдела агитации и пропаганды ОК ВКП(б) Б. С. Санжиев, профессор Д. Введенский, заместитель директора Бурят-Монгольского научно-исследовательского института языка, литературы и истории М. Шулукин, редактор газеты «Бурят-Монголой унэн» Ц. Галсанов и др. Письмо за подписью 327 трудящихся было передано по республиканскому радио, опубликовано в газете «Бурят-Монгольская правда»¹. Оно представляет определенный интерес для историографии радиовещания – проблемы, связанной с изучением уникального опыта радиовещания, и приводим отрывок из текста письма.

«Храбрые мэргэны! Родные наши сыны и братья, отцы и мужья, примите наш поклон и лучшие пожелания! К вам, кому мы вверили свою судьбу, к вам, светлосточнику надежд и чаяний наших, к вам, прославляющему народ, обращаем мы свое сокровенное слово... В этой Великой освободительной войне лучшие из нас взлетели на орлиных крыльях славы, высоко подняв достоинство своего народа...»

¹ Письмо бурят-монгольского народа фронтовикам – бурят-монголам // Бурят-Монгольская правда. – 1943. – 5 июля.

*около 300 фашистов истребил Цырендаши Доржиев и Герой Советского Союза Жамбыл Тулаев уничтожил более 300 немцев...»!*²

В этом народном письме умело переданы патриотическое чувство народа, присущие ему особенности традиции и истории, языка и образа мысли. Мудро, просто, чеканно и сурово звучит обращение к своим воинам, содержащее пламенный призыв неотступно отстаивать и очищать каждую пядь земли, отдать все силы во имя разгрома врага и полной победы.

Письмо содержит более 700 слов. Используются литературно-книжные изобразительные средства: храбрые, родные, хрустально чистые воды, светлый источник, грозная опасность, черная змея фашизма, кровавые бои, героическая армия, доблестные сыны, адская техника, разбойничья голова, богатырские удары, воинственный дух, животворящий луч свободы, безысходное горе, смертельная опасность, изумрудные воды Байкала, алчные немцы, священная земля, коварнейший и злейший враг, легендарный Гэсэр, священная война. Также используются эпитеты со сниженной разговорной лексикой: поганные арийцы, вшивые завоеватели, поганое фашистское отродье и др. Образы Байкала и Мунко-Саридаг используются в роли символов родного отечества, оберегающего своих сынов и дочерей в грозный час. В целом письмо представляет собой прочный сплав публицистического обращения и пропагандистского воззвания.

В эфире радиокomiteта ежедневно звучали «Письма на фронт» и «Письма с фронта». Только в 1944 г. в адрес бурятского радиокomiteта пришли 1470 писем с фронта, в которых бойцы и командиры действующей армии, в основном уроженцы Бурятии, призывали тружеников тыла усилить помощь фронту, обращались к девушкам с просьбой о переписке, разыскивали родных и близких. Все письма, поступившие в радиокomiteт, использованы и переданы по радио³. В одном из таких писем солдат Цырен Цыденов писал: «Воюю на передовой, сражаюсь без усталости, бью со всей силы ненавистных гадов. Как увижу их, так и беру под мушки "Максима". Лично истребил несколько фрицев. Счет увеличивается. Не раз добьем врага и одержим победу» [12, с. 93]. В дру-

² ГАРБ. – Ф. Р 2198. – Оп. 1. – Д. 392. – Лл. 1-3.

³ Там же. – Ф. Р 1051. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 10.

гом письме воин Намсарай Бадмаев писал: «Овладеваю новейшей техникой. В ближайшее время буду сражаться с фашистскими людоедами. Я имею искреннее желание идти на защиту Советской родины коммунистом» [12, с. 94]. Автор письма Дашинама (Маня) Очиров писал родным с Брянского фронта: «Ведем жестокие бои с фашистами. Зима снежная, январские морозы достигают 30 градусов... Прошу сообщить о здоровье беременной жены Хандацоу, оказывать ей помощь». Дашинама Очиров не вернулся с фронта, погиб в смертельной схватке с врагом.

Писатель Жамсо Тумунов в одном из «Писем с фронта» писал: «Работы много... Давно попрощался с Пруссией. Проехал всю Польшу. Проезжал через Одер. Нахожусь не так далеко от Берлина. Слышны иногда страшные взрывы, особенно ночью. По-видимому, немцев бьют союзная и наша авиация. Видел и испытал много. Воевал неплохо. Выполнял ряд заданий командования» [Там же, с. 94]. Много таких писем, переданных по радио, за некоторым исключением, не охватывают масштабно драматические и героические события на фронтах. Но в них – бесценные сведения о неизвестных деталях сражений, о мужестве солдат и командиров, об успехах и поражениях на поле брани. «Письма на фронт» и «Письма с фронта» обогатили арсенал художественно-изобразительных средств радиопублицистики военной поры.

Скупы архивные данные о радио военных лет. Но даже по заметкам республиканской печати можно судить о высоком авторитете бурятского радио в годы войны. По следам радиопередач проходили многолюдные митинги на предприятиях и учреждениях. Подобных публикаций много. В заметке газеты «Бурят-Монгольская правда» «С небывалым подъемом» сообщалось о том, что во всех селах Иволгинского аймака состоялось коллективное слушание постановления Совнаркома СССР о выпуске нового займа, доклада Наркома финансов Зверева. Затем состоялся многолюдный митинг рабочих и колхозников, выступивший на митинге промартелю «Кожевник» стахановец Ведерников сказал: «Заём 1942 года – особый заём. Он поможет разгромить фашистских гадов и очистить от них нашу священную землю»¹.

¹ С небывалым подъемом // Бурят-Монгольская правда. – 1942. – 14 апреля.

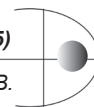
Сразу же после митинга прошла подписка на облигации: «Особенно многолюдные митинги состоялись в колхозах имени Кирова и имени Ленина. Председатель колхоза имени Ленина т. Ступалков подписался на 600 руб., бригадир Шумков – на 400 руб.»².

В целях усиления авторитета радиовещания и повышения роли политического вещания в оборонно-массовой работе использовались помимо бесед и выступлений у микрофона радиомитинги, внестудийные передачи – трансляции с мест событий, радиопереклички. В самом начале войны радиовещание велось с помощью Иркутской магистральной радиостанции, превосходившей по мощности местную радиопередаточную станцию РВ-63. Также в передачах производственной тематики бурятское радио использовало новую для того времени форму вещания – обменные передачи с Иркутским и Читинским радиокомитетом, которые вызывали большой интерес у слушателей. Политическое вещание радиокомитета также широко использовало потенциал литературно-музыкальных передач. Ежедневно передавались концерты по заявкам, музыкальные и литературные спектакли, в исполнении лучших дикторов и артистов звучали отрывки из художественных произведений, стихи классиков русской литературы. Разнообразием отличались музыкальные и литературные передачи на бурятском языке «Театр у микрофона», «Фронт смеется» и др.

Оригинальным передачам республиканского радио на русском и бурятском языках отводилось более 5 часов в сутки³. В планах по дальнейшему развитию радиовещания советским правительством предусматривались неотложные меры по укреплению материально-технической базы радиосети. В январе 1945 г. в специальном постановлении ЦК ВКП(б) указал основные направления в перестройке местного вещания в условиях перехода к мирной жизни. В самом конце Великой Отечественной войны СНК СССР принял постановление «Об ознаменовании 50-летия со дня изобретения радио А. С. Поповым». В нем говорилось об учреждении профессионального праздника радистов, работников радио: «Учитывая важнейшую роль радио в культурной и политической жизни населения и для обороны страны, в целях популяризации достижений

² Там же.

³ ГАРБ. – Ф. Р1051. – Оп. 16. – Д. 1. – Л. 7.

отечественной науки и техники в области радио и поощрения радиолобительства среди широких слоев населения, установить 7 мая ежегодный День радио» [18, с. 105]. Тогда же в учебных заведениях и культурно-просветительных учреждениях страны были организованы выставки, лекции о А. С. Попове и его изобретении¹.

В победном 1945 г. бурятский радиокomitee намечил расширение штата на 12,5 единиц, в том числе подменных дикторов, редактора – инструктора сети низового радиовещания, технических работников. В планы также входила организация театра у микрофона, приглашение большого состава исполнителей для музыкальных и литературных монтажей, приглашение хора, ансамбля бурят-монгольской песни и пляски. В структуре вещания намечился поворот в сторону увеличения музыкально-драматического и литературно-художественного вещания и сокращения политического. Вместе с тем происходило усиление централизации руководства радиовещанием на местах в свете новых идеологических задач [18, с. 105]. Правительством страны также было намечено серьезное увеличение радиоприемной сети, в целом, по стране на 75 % [20, с. 192].

Заключение. В передовой статье газеты «Бурят-Монгольская правда» (1946), приуроченной к Дню радио, говорилось: «Для нашей родины, с её необъятными просторами, радио имеет огромное значение как наилучший вид связи, как могучее средство политического воспитания масс и культурного подъема всей страны»². О роли радио в агитации и пропаганде ярко свидетельствует опыт деятельности бурятского радиокomitee и сети местного низового ра-

диовещания. С первых дней войны радиовещание в Бурятии, несмотря на серьезные объективные трудности, в том числе низкий уровень радиофикации, нехватку кадров, было перестроено на военный лад и стало центром агитационно-политической и массово-оборонной работы с населением. Радиовещание Бурят-Монгольской АССР, призванное дополнять центральное вещание материалами, освещающими местную жизнь заняло свое прочное место в системе средств информации и пропаганды. В обществе утвердилось четкое понимание его роли как самостоятельного средства массовой информации [4, с. 63].

Общественный и технический потенциал радио раскрылся в его мощной организующей силе, доступности для широких масс. Получило серьезное развитие радиовещание на родном языке, расширялся национальный музыкальный и литературный радиорепертуар, жанровое становление также затронуло общественно-политические передачи на бурят-монгольском языке, лекции и выступления у микрофона. Многократно возросло значение труда переводчиков, были преодолены стихийность и любительство в переводе важнейших документов партии и правительства с русского на бурят-монгольский язык, особое внимание придавалось профессиональной подготовке переводческих кадров. В дальнейшем в свете решений правительства СССР о значительном увеличении вещания региональных радиокomitee эти вопросы не утратили своей актуальности. Их изучение в контексте новых исторических реалий и событий поможет в более глубоком понимании роли и места радиовещания страны и ее регионов в системе СМВП СССР и, в целом, жизни страны.

Список литературы

1. Радио в дни войны / ред.-сост. М. С. Глейзер, Н. М. Потапов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Искусство, 1982. 303 с.
2. Гуревич П. С., Ружников В. Н. Советское радиовещание: страницы истории. М.: Искусство, 1976. 382 с.
3. Winek Mark D. Radio as a Tool of the State: Radio Moscow and the Early Cold War. Текст: электронный // Comparative Humanities Review. 2009. Vol. 3, Article 9. URL: <http://digitalcommons.bucknell.edu/chr/vol3/iss1/9> (дата обращения: 10.08.2023). Текст: электронный.
4. Shulman H. The voice of victory : the development of American propaganda and the Voice of America, 1920–1942: Thesis (Ph. D.)--University of Maryland, 1984. Vita. Includes bibliographical references (leaves 483–512).
5. Мишенков С. Л. Вещание СССР в период войны 1941–1945 гг. // Радио в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. В честь 70-летия Победы / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ, 2015. С. 19–25.

¹ Об ознаменовании 50-летия со изобретения радио А. С. Поповым // Бурят-Монгольская правда. – 1945. – 6 мая.

² Сегодня – День радио // Бурят-Монгольская правда. – 1946. – 7 мая.

6. Тихонова О. В. Отечественное местное радиовещание: военная ретроспектива // Радио в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. В честь 70-летия Победы / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ, 2015. С. 53–64.
7. Шагдарова Б. Б., Тихонова О. В. Партийное руководство радиовещанием Бурят-Монгольской АССР в годы войны // Вестник Московского университета. 2021. № 2. С. 156–180. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.156180.
8. Голубев Е. А. Боевой рупор партии // И в тылу ковалась победа : сб. статей к 40-летию Победы в ВОВ. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 1985. С. 117–131.
9. Радио в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / Факультет журналистики Московского гос. ун-та; под ред. О. В. Тихоновой. М.: МГУ, 2015. 120 с.
10. Шагдарова Б. Б. Журналистика Бурятии в первой половине XX в. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2013. 160 с.
11. Ковтун В. Г. Программы Ленинградского РВ для молодежи в годы блокады // Радио в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей. В честь 70-летия Победы / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ, 2015. С. 79–89.
12. Санжиев Б. С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: люди и события). Иркутск: Сибирь, 1995. 180 с.
13. Зяблицева С. В. Радиовещание в информационном пространстве Западной Сибири периода Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3. С. 66–70.
14. Степанова Н. Ю. Развитие радиовещания и радиофикации в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны. Текст: электронный // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. С. 170–179. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32711618_94709756.pdf (дата обращения: 10.08.2023). DOI: 10.32516/2303-9922.2018.25.16.
15. Петрова В. Д. Якутское радио в годы Великой Отечественной войны: редакция политического вещания // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 65–70.
16. Болотова Л. Д. Радиовещание в годы Великой Отечественной войны // Радио в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ, 2015. 11–19.
17. Романов А. С. Радиотрансляционная сеть Ленинграда в годы блокады // Радио в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ, 2015. С. 25–34.
18. Кочегарова Г. В. День радио 7 мая 1945 г. в истории // Радио в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак-т жур. МГУ, 2015. С. 105–107.
19. Кан В. С. Вклад прессы и радио Тувинской Народной республики в достижение победы в Великой Отечественной войне // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 104–108. DOI: 10.17223/15617793/16.
20. Хисамутдинова Н. В. Радио слушали все: Приморское радио в годы Великой Отечественной войны // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2018. № 4. С. 186–194. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2018-2/186-194.

Информация об авторе

Шагдарова Баярма Баторовна, кандидат исторических наук; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24-а; bayarma70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8081-938X>.

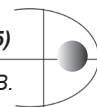
Для цитирования

Шагдарова Б. Б. Радиовещание Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 173–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-173-183.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 18.10.2023.

References

1. Radio during the war. Radio during the war. M: Iskusstvo, 1982. (In Rus.)
2. Gurevich, P. S., Ruzhnikov, V. N. Soviet radio broadcasting: pages of history. M: Iskusstvo, 1977. (In Rus.)
3. Winek, Mark D. Radio as a Tool of the State: Radio Moscow and the Early Cold War, Comparative Humanities Review: Vol. 3, Article 9, 2009. URL:<http://digitalcommons.bucknell.edu/chr/vol3/iss1/9> (In Engl.)

4. Shulman, Holly. The voice of victory: the development of American propaganda and the Voice of America, 1920–1942. Thesis (Ph. D.), University of Maryland, 1984. Vita. Includes bibliographical references (leaves 483–512). (In Engl.)
5. Mishenkov, S. L. Broadcasting of the USSR during the war of 1941–1945. Ed. by Tikhonova, O. N. Radio during the Great Patriotic War. Moskva. MGU, 2015: 19–25. (In Rus.)
6. Tikhonova, O. V. Domestic local radio broadcasting: a military retrospective. Ed. by Tikhonova, O. N. Radio during the Great Patriotic War. Moskva. MGU, 2015: 53–64. (In Rus.)
7. Shagdarova, B. B., Tikhonova, O. V. Party leadership of radio broadcasting in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic during the war. Bulletin of Moscow State University. Journalism Series, no 2, pp. 156–180, 2015. (In Rus.)
8. Golubev, E. A. The party's fighting voice. And victory was forged in the rear. Ulan-Ude, 1985. (In Rus.)
9. Radio during the Great Patriotic War. Collection of scientific articles. In honor of 70 years of Victory. Moskva: MGU, 2015. (In Rus.)
10. Shagdarova, B. B. Journalism of Buryatia in the first half of the 20th century. Ulan-Ude: BGU, 2013. (In Rus.)
11. Kovtun, V. G. Programs of the Leningrad RV for youth during the siege. Ed. by Tikhonova, O. N. Radio during the Great Patriotic War. Moskva. MGU, 2015: 79–89. (In Rus.)
12. Sanzhiev, B. S. Social and political life and national and cultural construction of Soviet Buryatia on the eve and years of the Great Patriotic War (Pages of memories: people and events). Irkutsk, 1995. (In Rus.)
13. Zyablitseva, S. V. Radio broadcasting in the information space of Western Siberia during the Great Patriotic War. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 3, pp. 66–70m 2011. (In Rus.)
14. Stepanova, N. Yu. Development of radio broadcasting and radio communications in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Web. 02. 08. 2023. https://elibrary.ru/download/elibrary_32711618_94709756.pdf. (In Rus.)
15. Petrova, V. D. Yakut radio during the Great Patriotic War: editorial office of political broadcasting. *Ecumene. Regional studies*, no. 4, pp. 65–70, 2020. (In Rus.)
16. Bolotova, L. D. Radio broadcasting during the Great Patriotic War. Ed. by Tikhonova, O. N. Radio during the Great Patriotic War. M: MGU, 2015: 11–19. (In Rus.)
17. Romanov, A. S. Radio broadcast network of Leningrad during the siege. Ed. by Tikhonova, O. N. Radio during the Great Patriotic War. Moskva. MGU, 2015: 25–34. (In Rus.)
18. Kochegarova, G. V. Radio Day May 7, 1945 in history. Ed. by Tikhonova, O. N. Radio during the Great Patriotic War. M: MGU, 2015: 105–107 (In Rus.)
19. Kan, V. S. The contribution of the press and radio of the Tuvan People's Republic to achieving victory in the Great Patriotic War. *TSU Bulletin*, no. 398, pp. 104–108, 2015. DOI: 10.17223/15617793/16 (In Rus.)
20. Khisamutdinova, N. V. Everyone listened to the radio: Primorsky Radio during the Great Patriotic War. Territory of new opportunities. *VSUES Bulletin*, no. 4, pp. 186–194, DOI: 10.24866/VVSU/2073–3984/2018–2/186–194 (In Rus.)

Information about the author

Shagdarova Bayarma B., Candidate of History; Buryat State University; 24-a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; bayarma70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8081-938X>.

For citation

Shagdarova B. B. Radio Broadcasting in Buryatia During the Great Patriotic War (1941–1945) // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 173–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-173-183.

**Received September 13, 2023; approved after reviewing October 17, 2023;
accepted for publication October 18, 2023.**

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом не превышающие 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подписные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Тел. +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The editors accept previously **unpublished materials** not exceeding 1 paper in volume. I. = 40 thousand characters (with spaces and taking into account all footnotes), including illustrations (1 illustration with a format of 190 × 270 mm is 1/6 of the author's sheet, or 6.7 thousand characters) in Russian, English, Chinese, made in the genre research article, scientific review, scientific communication, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80 %.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that*, etc.) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e. g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e. g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e. g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e. g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e. g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35-24-79